

У 4073

С. П. Никоновъ.

(Профессоръ Харьковскаго Университета).

КРАТКІЙ УЧЕБНИКЪ

Исторіи Римскаго права.

ХАРЬКОВЪ

Типографія „Печатникъ“, Петровскій пер., № 9.
1907.

кав. м.м. м.м. м.м.

С. П. Никольский

КРАТКІЙ ІСТОРІЯ

На основаніи ст. 41 § 1 п. 4 и ст. 138. Утв. Уст. печатать и вы-
пустить изъ типографіи разрѣшается. Ноября, 22 дня 1906 года.

Ректоръ университета *Д. Воицкий.*

Служба

Л и т е р а т у р а .

- На русско́мъ языкѣ: Хвостовъ.*—Исторія римскаго права 1906 г.
Боюльиновъ.—Учебникъ исторіи римскаго права 1900 г.
Ефимовъ.—Лекціи по исторіи римскаго права 1898 г.
Муромцевъ.—Гражданское право древняго Рима 1883 г.
Канустинъ.—Исторія римскаго права 1880 г.
Энциклопедич. словарь изд. «Брокгаузъ и Эфронъ» т. 52; статья «Римъ».
Переводы:—Майницъ.—Историч. введеніе въ курсъ римскаго права.
Шулинъ.—Учебн. исторіи римскаго права 1894 г.
Виллемъ.—Римское публичное право 1888—90 г.
Пухта.—Исторія римскаго права.
Чидаржъ.—Учебн. институтіи римскаго права 1901 г.
На французскомъ языкѣ:—Сюг.—Les institutions juridiques des romains 1891—1902 г. (исторія источниковъ права и гражд. право).
Girard.—Manuel élémentaire de droit romain 3 изд. 1901 г.
Ortolan.—Legislation romaine 12-е изд. Labbé 1883 г.
На немецкомъ языкѣ:—Брунс.—Geschichte und Quellen des römischen Rechts Holtzendorff's Encyclopädie B. I. 5-е изд. 1880 (обработано профессоромъ *Pernice*: въ 6 изданіи 1903 г. обработано *Ленелемъ*).
Voigt.—Römische Rechtsgeschichte 3 тома 1891—1903.
Karlowa.—Römische Rechtsgeschichte 1885—1901 (неокончено).
Kuntze.—Institutionen und Geschichte des röm. Rechts 2-е изд. 1879—80.
Sohm.—Institutionen des röm. Rechts 7-е изд. 1898 г. (истор. источ. гражд. права и процесса).
Mommsen.—Abriss des römischen Staatsrechts 1893.
Keller.—Der römische Civilprocess 6-е изд. Wach'a 1883 г.
На итальянскомъ языкѣ:—Бонфанте.—Storia del diritto romano 1900.
Costa.—Corso di storia del diritto romano 1901—1903 (истор. источ. гражд. права и гражд. право).
Padeletti.—Cogliolo.—Storia del diritto romano 1887.
Для практич. занятій:—Брунс—Fontes juris antiqui.
Gai.—Institutionum Commentarii libri quattuor ed. Studemundt.
Corpus juris civilis—recognov. Krüger et Mommsen
Словари къ источникамъ: Дыдинскій.—Латино-русскій словарь къ источникамъ римскаго права 1890 г.
Неуманъ.—Handlexicon zu den Quellen des Römischen Rechts.
-

Періодъ царей.

Римъ, его происхождение и исторія.

Римъ и его право представляютъ удивительный и пожалуй единственный въ исторіи случай, когда намъ является въ точности извѣстнымъ постепенный ходъ развитія всего юридическаго быта у одного и того же народа въ теченіе болѣе 1000 лѣтъ. Извѣстенъ онъ намъ, начиная со времени появленія народа этого въ его первоначальной протоформѣ земледѣльческаго клана проживающаго подъ защитой «города» Рима, въ смыслѣ огороженнаго холма или двухъ, гдѣ можно было прятать семью, домашній инвентарь и отсиживаться отъ нападений сосѣднихъ разбойничьихъ плекъ (*veg sacrum*)—и до той поры, когда необъятный по размѣрамъ *Roma aeterna, augea*—Римъ, подчинилъ подъ свою власть и волю весь древній культурный міръ, пока самъ не распался подъ ударами варваровъ.

Та территорія, на которой впервые передъ историкомъ развертывается картина государственной жизни Рима—Апеннинскій полуостровъ, издревле по своему географическому положенію представляла собою картину борьбы разнообразнѣйшихъ племенъ, различнаго по тому же происхожденія. Кельты и Греки, Готы и Византіицы, Лангобарды и Арабы, Германцы, Норманны, Французы и Испанцы—и съ сѣвера и съ юга—все они стремились сюда,—благо, Апеннинскій полуостровъ не представлялъ на поверхности своей какихъ-либо серьезныхъ естественныхъ препятствій для передвиженія на него и по нему.

То же явленіе наблюдаемъ мы и въ еще болѣе раннія времена. Коренное населеніе Италіи отличалось тогда крайнимъ разнообразіемъ племенъ и группъ, различнаго происхожденія или утратившихъ уже представленіе о нѣкогда существовавшей общности происхожденія. Большую часть населенія составляли племена индо-германскаго происхожденія. Таковы—Венето-Иллиры на сѣверо-востокѣ, въ центрѣ и на сѣверѣ (откуда были позже вытѣснены Галлами и Кельтами)—Иллирійцы. Рядомъ съ ними жили слабо извѣстные пле-

мена Мессаповъ, Япиговъ: на югѣ Сиканы, Сикулы (два разныхъ племени) Сарды (на островѣ). По всему побережью Италіи были разбросаны колоніи Грековъ, Финикійцевъ и Карфагенянъ. Наконецъ два племени—Лигуры, одно время жившіе отъ р. По до Тосканы и Этруски—не были ни арійцами, ни пришедшими въ Италію съ сѣвера, а скорѣе племенами *восточнаго* происхожденія. Въ пользу такого предположенія (Padeletti) говоритъ какъ самый характеръ этихъ племенъ, особенно Этрусковъ, (свѣдѣнія о которыхъ имѣются до 4 и 5 ab. urbe condita), самая приземистая фигура ихъ, жестокая и фантастическая религія, странныя ихъ суевѣрія, наконецъ, остатки ихъ построекъ, водопроводовъ, шоссе. Нѣются указанія у историковъ (*Cato origin. fr.* 62, 64. *Strabo*, V 4.3; V, 3,8. *Vellejus* 1,7), что въ IV и V вѣкахъ этотъ народъ приобрѣлъ даже господство надъ Лациумомъ, въ томъ числѣ и надъ Римомъ. Но въ историческую эпоху рѣка Тибръ во всемъ своемъ теченіи постоянно служила границей между Этрусками и Умбро-Сабелами.¹⁾

Въ средней Италіи жили такъ называемые *Halici*—группа племенъ двухъ вѣтвей—Умбро-Сабельской и Латинской. Первые (Сабинны, Самниты)—пастушескія племена, промышлявшія сверхъ того «барантой», жили по Апеннинамъ, а въ V и IV вв. занимали еще и Кампанію, Бруціумъ и Луканію.

Узкая равнина нижняго теченія р. Тибра была занята «жителями равнинъ» Латинянами, сыгравшими такую крупную роль въ исторіи Рима. Проживая въ мѣстности, сравнительно легко доступной набѣгамъ горцевъ сосѣдей, промышлявшихъ барантой, Латиняне, занимавшіеся главнымъ образомъ земледѣіемъ, въ патриархальномъ строю отношеній, высылками, «починками» издавна вынуждены были (подобно нашимъ Полянцамъ) устраивать себѣ «за-сѣки», «города», на холмахъ и другихъ подходящихъ мѣстахъ для обороны и отсиживания при набѣгахъ сосѣдей-враговъ. Общей политической организаціи какой либо для всѣхъ Латинянъ не существовало; но уже издавна въ цѣляхъ самозащиты, группы жителей отдѣльныхъ поселковъ (м. б. *gentes*?) объединялись въ союзы самозащиты, чтобы *vigibus unis* съ большимъ усѣхомъ отражать неприятелей. Этимъ однако не создавалось еще государства или федеративной организаціи, —попрежнему жители отдѣльныхъ общинъ жили самостоятельной жизнью, не завися отъ другихъ *gentes*, тянувшихъ защитой къ иному «городу». По преданію въ Лациумѣ было 30 такихъ городовъ, стоявшихъ въ союзѣ самозащиты, во главѣ которыхъ считалась *Alba Longa*, разрушенная позднѣе Римомъ при спорѣ изъ-за гегемоніи.

¹⁾ Замѣтимъ здѣсь кетати, что Италіей первоначально называли только небольшой участокъ на югѣ Апеннинскаго полуострова—нынѣ Калабрія; „*Italioi*“ греки звали своихъ колонистовъ въ Италіи; послѣднюю же они звали „*Enotria Ausonia*“; *Halici* назывались римлянами ихъ союзники Умбро-Сабелы, Оски, Этруски, Греки. Только въ концѣ имперіи терминъ Италія сталъ географическимъ наименованіемъ для Апеннинскаго полуострова.

Здѣсь то на берегу главной водной жилы Лаціума—судоходнаго Тибра, недалеко отъ впаденія въ него Аніо, гдѣ на болотистой низинѣ сразу круто поднимается рядъ холмовъ, на послѣднихъ съ незапамятныхъ временъ существовали укрѣпленные мѣстечки, снабженные колодцами и водопроводами на случай осады (слѣды этихъ сооружений, напримѣръ, открыты недавно на Капитоліи и Палатинѣ) и другими постройками чисто этрускаго типа (урны, некрополи etc.). Только около средины V в. до Р. Хр. Латинянамъ, въ ихъ движеніи съ центра полуострова на равнину, удалось вытѣснить отсюда Этрусковъ и на ихъ городищахъ выстроить свои собственные укрѣпленія. Лишь къ этой эпохѣ, а не къ VIII в. до Р. Хр., какъ обычно дѣлается, и можно отнести время созданія Рима—(Pais).

Отвергая всѣ легенды о возникновеніи Рима, слѣдуетъ признать, что колыбелью этого города была Палатинъ. На это указываютъ всѣ преданія и новѣйшія открытія. Здѣсь открыта Casa Romuli, гдѣ висѣлъ священный щитъ Марса, здѣсь-же находились Iugercal—жилище жреца Юпитера, curiae veteres, curiae saliorum. Ворота и стѣны Палатинскаго укрѣпленія (позднѣ носившія наименованіе Roma Quadrata) были видны еще въ императорскій вѣкъ, и Тацитъ описываетъ ихъ по личному впечатлѣнію. Здѣсь жили первые обитатели Рима. Быть можетъ, (какъ думаетъ Punschard) это были Iuri—изгон, разбойники изъ разныхъ родовъ. Отсюда съ теченіемъ времени развился союзъ самозащиты окрестныхъ поселковъ, имѣвшихъ свои «города» на соседнихъ холмахъ—septimontium. Такимъ образомъ объединились здѣсь въ союзы самозащиты три рода (Ramnes, Tities и Luceres), позднѣ для лучшей охраны построившіе одну общину для iugis collegium стѣны.

Составъ организациіи Рима изъ трехъ общинъ (родовъ?) отразился на его учрежденіяхъ. Отсюда, напр. исходили самыя наименованія трибами вошедшихъ въ союзъ трехъ общинъ, ихъ наименованія носили центуриіи всадниковъ (Ramnes, Tities, Luceres, Ramnes primi et secundi etc.), въ культѣ то же указанія не это (salii palatini et collini), въ тройномъ числѣ жреческихъ коллегій, въ праздникахъ, въ дѣленіи города на участки; но нѣтъ никакихъ слѣдовъ или намековъ на корпоративное устройство.

Внутренняя организациія населенія: gens, кліентела, семья.

Отъ доисторической поры Рима имѣемъ мы впрочемъ указанія на одну сохранившуюся надолго позднѣ общественную организацию, болѣе раннюю по времени, чѣмъ самая civitas, именно gens. Союзъ этотъ, который является типичнымъ союзомъ родственной защиты, отвѣчаетъ такой организациіи vicus'a германцевъ (по Тациту), что то же въ туземномъ наименованіи clan, dorf, mark, (родъ, мѣръ—у славянъ). Въ составъ рода входили лица, сознававшія общность своего происхожденія отъ одного далекаго лица—родоначальника, чаще всего мнѣческаго. Членами рода дѣлались или по рожденію или путемъ пе-

куственнымъ —принятіемъ въ родъ (*cooptatio*) по согласію всѣхъ домохозяевъ рода, или наконецъ, введеніемъ въ отдельную семью (*familia*) —единицу подчиненную роду. Выходъ изъ рода былъ очень затруднителенъ. Еще въ 180 г. до Р. Хр. *gentis scriptio* т. е. выходъ замужъ за перодича разрешалась въ видѣ особой привилегіи.

Въ содержаніи своемъ *gens* имѣлъ всѣ характерныя черты политическаго организма. Въ пользу этого говорятъ и самыя условія вступленія лица въ *gens*. Во главѣ *gens* стоялъ *pater* или *magister*; каждый *gens* имѣлъ свои обычаи и статуты (*mores, statuta gentis*), свои собранія (*conciones*), издавалъ обязательныя для родичей постановленія (*lex gentis*), обладалъ юрисдикціей (*potestas gentilicia*) надъ *gentiles*, имѣлъ свою территорію (въроютно *pagus*). Мало того, подобно всякой древней политической общинѣ, *gens* являлся и религіозной организаціей, имѣлъ свой культъ, особыхъ божествъ покровителей, особые имъ алтари, праздники и церемоніи. (*Sacrificia stata, feriae gentilium*).

Въ составъ *gens* входили полноправные члены —*gentiles* и неполноправные *gentilicii, clientes* —*клиенты*. Это лица, зависяція отъ *gens* и отъ его главы, ихъ вассалы, —классъ лицъ, возникшіи (*Voluntate*) съ одной стороны путемъ захвата лицъ, сдавшихся въ плѣнъ на милость побѣдителей (*deditioni*), съ другой стороны, посредствомъ добровольнаго подчиненія лицъ изъ другихъ общинъ «подъ высокую руку» *gens'a* (*applicati, jus applicatiōis*) ибо лишь подъ охраной рода могли они проживать и промышлять въ Римѣ. *Pater gentis* въ отношеніи къ клиентамъ получалъ наименованіе *patronus*. По образцу отношеній между *gens* и его клиентамъ установили позднѣе отношенія между вольноотпущеннымъ и семьей его бывшаго господина. Въ основѣ клиентства всегда лежалъ договоръ сакральнаго права. Клиенты получали помен *gentilicium*, участвовали въ *sacra gentilicia* въ культѣ *gens'a*. Будучи *persona libera*, клиентъ обрабатывалъ землю своего патрона, причемъ послѣдній по обычаю предоставлялъ участки земли въ личное пользованіе клиентамъ *in praesidio*, т. е. на срокъ, пока не потребуетъ, по личному усмотрѣнію, обратно. 1)

Патронъ защищалъ интересы своихъ клиентовъ на судѣ (позднѣе давалъ юридическіе совѣты), вообще защищалъ ихъ отъ произвола и насилій. Съ своей стороны, клиенты обязаны были оказывать знаки почтенія патрону —*officium, honores praestare*, не могли свидѣтельствовать противъ него на судѣ, обязаны были военной службы въ защиту *gens'a*, помогали своими *opes officiales* и *fabriles* бесплатно (т. е. своей профессіей каждый); создавали «наводку», сопровождали патрона по городу, словомъ, всячески должны были помогать ему въ общественной и политической дѣятельности, а равно помогать

1) По крайней мѣрѣ преданіе про сабинскій *gens Claudia*, принятый въ римское гражданство, рассказываетъ, что *pater gentis Atta* (т. е. *pater*) *Claudius* надѣлялъ на каждого клиента по два югера изъ *ager publicus*.

деньгами при выкупѣ патрона изъ плѣна и давать dos его дочерямъ. Отношеніе клиентелы было непрерывнымъ и наследственнымъ съ обѣихъ сторонъ; сверхъ того оно имѣло сакральный характеръ и какъ таковое влекло суровыя кары для виновнаго въ нарушеніи взаимныхъ обязанностей: онъ становился homo sacer:—«Patronus si clienti fraudem fecerit, sacer esto».

Семья. Въ древнемъ Римѣ при господствѣ родового быта среди исключительно земледѣльческаго (въ теченіе V вѣковъ ab urbe cond.) населенія наблюдаемъ мы патриархальный укладъ сложныхъ семействъ, со старшими домохозяевами (paterfamilias) во главѣ каждой. Государство еще не вмѣшивается во внутреннія отношенія семьи; оно еще не знаетъ отдѣльныхъ лицъ и имѣть дѣло только съ paterfamilias, который закрываетъ собою всю семью, являясь замѣстителемъ послѣдней во всѣхъ внѣшнихъ сношеніяхъ. Старшій домохозяинъ отвѣчаетъ за всю семью; но зато и внутри семьи является неограниченнымъ владыкой и повелителемъ. Подъ его безконтрольную власть находятся всѣ лица, входящія въ составъ семьи и все общее всѣхъ имущество (то, что въ совокупности означалось именемъ familia). Въ составъ familia входили такимъ образомъ, состоя въ полной зависимости отъ paterfamilias,—жена послѣдняго (въ случаѣ заключенія брака путемъ confarreatio, coemptio, или usus), которая, по выраженію источниковъ, filiae loco habetur, далѣе ихъ дѣти и потомство дѣтей, не вышедшихъ въ другую семью и не выдѣленныхъ домовладкой при его жизни, а равно лица, искусственно введенныя въ семью узаконеніемъ или усыновленіемъ. Затѣмъ въ составъ familia входили рабы, земельные участки и хозяйственный инвентарь (res mancipi)—въ совокупности всѣхъ тѣхъ предметовъ, безъ которыхъ невозможно веденіе сельскаго хозяйства, какъ надъ лицами, такъ и надъ имуществомъ, входящими въ составъ familia, paterfamilias имѣлъ полную свободу распоряженія по своему усмотрѣнію, до jus vitae ac pecis включительно, сдерживаемый здѣсь лишь обычаями и постановленіями своего рода (lex gentis). Свободные лично члены сложной семьи (filii filiaefamilias) не имѣли юридическихъ частныхъ сношеній съ внѣшнимъ міромъ; они не могли отъ себя вступать въ договоры и выступать стороною въ процессѣ; во всемъ они признавались только орудіями paterfamilias; своего имущества у нихъ буквально ничего не было: все принадлежало ихъ старшему домохозяину-владыкѣ, какъ управителю семейнымъ имуществомъ. Послѣ смерти paterfamilias въ историческій періодъ семья дробилась на столько новыхъ, сколько было въ ней filiifamilias. Впрочемъ (Bonfante) первоначально въ старину, при стремленіи къ возможно тѣсной группировкѣ для взаимной защиты, такое распадѣніе семей не всегда наблюдалось. По крайней мѣрѣ мы имѣемъ указанія, что въ старину agnati, т. е. всѣ тѣ, которые были бы sub patria potestate одного лица, если бы оно не умерло,—не дробились въ отдѣльныя семьи. Въ пользу этого говоритъ lex, приписываемый Нумѣ, что въ

случаѣ непредумышленного убійства виновный долженъ былъ приносить въ кекупительную жертву ягненка въ присутствіи *аматовъ*. Равно по закону XII таблицъ за *теврѣмъ гаріум* и *ос фрактум* шелъ галіонъ въ пользу агнатовъ. Наконецъ на это же указываетъ и существованіе опеки агнатовъ.

Политическое устройство Рима.

Совокупность семействъ аборигеновъ, членовъ союзныхъ родовъ, объединившихся въ *Septimontium*ъ, и принятыхъ извнѣ по взаимному всеѣхъ согласію, составляла *populus romanus Quiritium*. Помимо древняго дѣленія на три трибы народъ римскій дѣлился на куріи—по 10 въ каждой изъ трехъ трибъ. Дѣленіе это совершенно искусственное. Каждая курія представляетъ собою организованную корпорацію для сакральныхъ цѣлей; во главѣ каждой куріи стоялъ куріонъ, во главѣ всеѣхъ курій *сигіо шахинус*. Курія же служила единицей голосованія въ народныхъ собраніяхъ. *Сага* курій были *сага publica* и поддерживались на казенный счетъ (*сигіоним аес*), отъ курій происходитъ и самое наименованіе римскихъ гражданъ *quirites*, въ смыслѣ «горожанъ», жителей Рима. Въ составъ курій входили не только *patresfamilias*, но все свободные римляне—*cives*,—способные носить оружіе и слѣдовательно защищать себя и *respublicam*. У всего народа (союза 3-хъ обществъ) была здѣсь связь въ общемъ культѣ (идея одной семьи); имѣлся общій *focus publicus*, (государственный жертвенникъ)—въ храмѣ Весты, гдѣ горѣлъ неугасимый огонь—и въ *domus regia Numa*, гдѣ помѣщался общій квиритекій богъ—*Quirinus*.

Плебеи. Рядомъ съ квиритами въ Римѣ издавна проживали лица, не пользовавшіяся ни правами, ни обязанностями гражданъ и только *терпимыя* послѣдними на римской территоріи,—это жившіе болѣе *extra pomerium* (и на Авентинѣ) плебеи, т. е. въ переводѣ—толпа, безформенная масса (отъ *pleo plenus*). Кто они, вопросъ объ ихъ происхожденіи въ литературѣ споренъ. Имѣется нѣсколько господствующихъ мнѣній—одно (Нибура), что это побѣжденные аборигены—туземцы, которымъ побѣдители—*patres* оставили изъ милости клочокъ *ager publicus* для пропитанія. Иные отождествляютъ *plebs* съ кліентами; третьи (Lange) считаютъ ихъ побѣжденными и вселенными въ Римъ иностранцами и т. д. Вѣрнѣе признавать (Pernice) *plebs* за *mixtum compositum*—это все, кто жилъ въ Римѣ безъ родовой связи съ *patresfamilias*. Это могли быть и отдѣльные пришельцы въ Римъ изъ другихъ общинъ съ мирными цѣлями—торговли и мелкой промышленности, могли быть побѣжденные и вселенные въ Римъ иностранцы, наконецъ, и цѣлыя общины (трибы)—соѣдки, которыя не воевали съ Римомъ, а пассивно его слушали и ему уступали (начало терпимости); въ государственныя дѣла онѣ не вмѣшивались, а жили себѣ своимъ хозяйствомъ. Къ такому фактическому отношенію и привыкли обѣ стороны. Плебеи

были по преимуществу латиняне. Охрану своего существованія они получали сперва по *hospitium* со стороны отдѣльных *gentes*, слѣдовательно наследственно, или же отъ царя. Въ послѣднемъ случаѣ возникала полная аналогія отношеній *gentes* къ кліентамъ. Но въ культъ общій съ своими покровителями плебеи не допускались. Въ этомъ отношеніи была разница въ положеніи плебеевъ сравнительно съ кліентами. Какъ глава *gens* раздавалъ участки изъ *ager gentilicis* въ пользованіе (прекарное) кліентамъ, такъ царь раздавалъ плебсу мелкіе надѣлы изъ *ager publicus* тоже въ прекарій.

Политическихъ правъ плебеи не имѣли до такъ называемой реформы Сервія Туллія. Въ оборотѣ гражданскомъ за то они были равноправны, имѣя *commercium* не только между собою, но и съ гражданами; они вели свое хозяйство. Писатели древности всегда изображаютъ ихъ сельскими хозяевами. Но браки съ *patres* имъ не были дозволены до *lex Canuleja* (454 г. до Р. Хр.). Среди плебеевъ было не мало богатыхъ и могущественныхъ *gentes*. Взаимоотношенія плебеевъ были долго не регулированы; лишь со временемъ они стали имѣть свои *conspices*, культъ и обычаи, когда образовалось среди нихъ плотное ядро. Временами отдѣльные плебейскія *gentes* вводились въ составъ *populus*. (*Rampnes, Titius novi*).

Управленіе. Первоначально во главѣ царь (*rex*),—не наследственное званіе. Царь былъ носителемъ власти народа. Цѣль избранія имѣть полеводца для трибъ.

Есть рядъ указаній (*Вонфанте*), что въ Римѣ долго была діархія (Ромуль и Ремъ, Ромуль и Татій, два претендента—сыновья Анка Марція-Арунть и Тарквиній), т. е. то начало правленія, которое такъ широко развилось въ республиканскомъ Римѣ. Это согласуется съ первичнымъ слитіемъ Рима изъ двухъ трибъ, во главѣ каждой изъ которыхъ стоялъ свой вождь, и лишь со временемъ могло наступить объединеніе въ одномъ лицѣ.

Власть царя не была ни наследственной, ни возникавшей въ силу избранія народомъ. Обыкновенно царь назначалъ (*creavit*) себѣ преемника. Въ пользу этого говорить пережитокъ въ позднѣйшее время; именно несомнѣнными остатками царской власти въ республиканскую эпоху были: *dictator* въ области свѣтскаго управленія и *rex sacrorum* въ области культа: диктаторъ назначался консуломъ, а *rex sacrorum* верховнымъ понтифомъ; ни тотъ ни другой не избирались въ народныхъ собраніяхъ. Только когда царю не удавалось назначить себѣ преемника, выборъ царя переходилъ въ руки сената; но и здѣсь царя выбиралъ *interrex*. Назначенный тѣмъ или инымъ порядкомъ царь являлся сперва передъ сенатомъ, потомъ передъ народомъ для принятія отъ нихъ обѣщанія повиноваться ему (*lex curiata de imperio*) и сверхъ того получалъ религіозное посвященіе въ должность. Въ этомъ и состояло значеніе упоминаемыхъ въ источникахъ актовъ—*anactoritas palrum, lex curiata de impe-*

rio, inaugurationis regis. Что народъ избиралъ самъ царя—это выдумка римскихъ писателей позднѣйшаго времени.

Власть царя, ея объемъ зависѣлъ отъ личности; границъ не было. Являлся онъ какъ бы paterfamilias большой семьи—Рима. Онъ былъ прежде всего полководцемъ и судьей, законодательной власти не имѣлъ, ибо все жило тогда еще обычаями. Онъ располагалъ казенной землею, вѣдалъ вопросы войны и мира, созывалъ сенатъ и народныя собранія. Insignia царя были—особое сѣдалище, пурпурная тога, casa regia на форумѣ, 12 ликторовъ съ сѣкирами и fasces (шпицрутены)—символы jus vitas ac necis надъ гражданами.

Помощниками царя въ управленіи были: tribunus celerum начальникъ конницы; praefectus urbi—вѣдалъ Римъ, когда царь былъ въ отлучкѣ (Duoviri perduellionis iurisdictione вѣдали дѣла по государственнымъ преступленіямъ quaestores parricidii—по убійствамъ и по религіознымъ преступленіямъ, гдѣ послѣдствіемъ была смертная казнь. Girard оспариваетъ возможность ихъ существованія при царяхъ, ибо тогда едва-ли было provocatio ad populum).

Сенатъ. Это собраніе старѣйшихъ представителей патриціанскихъ родовъ (patres majorum, minorum gentium). Число ихъ съ разрастаніемъ Рима дошло отъ 100 до 300. Вѣроятно, сенаторами первоначально были главы gentes. Но-сили они особую togam laticlavam—съ широкой пурпурной полосой и всѣ были interreges при vacatio regis.

Сенатъ былъ совѣтомъ при царѣ. По обычаю царь д. б. совѣтоваться съ сенатомъ по всякому серьезному вопросу. Сверхъ того у сената была спеціальная функція—ратификація рѣшеній народныхъ собраній, которыя безъ этой auctoritas patrum не имѣли силы. Моммзенъ въ этомъ отношеніи приравниваетъ роль сената къ попечительству надъ лупиномъ.

Третьимъ элементомъ государственнаго устройства Рима является *собраніе народа*. Въ царскій періодъ народъ не правилъ. Это вѣдалъ царь и сенатъ. Не слѣдуетъ забывать, что царь былъ неограниченнымъ полководцемъ, а дисциплина была въ Римѣ строгая. Обязанность созывать comitia (Rubino) возникла для магистратовъ лишь съ возникновенія comitia centuriata. Законовъ народъ не издавалъ, ибо жмлъ обычнымъ правомъ. Санкція народомъ leges regiae—легенда и выдумка.

Собранія народа были двухъ родовъ—*conciones* и *comitia*. Concio это простыя неформальныя сходки для *говоренія* (митинги). Comitia, напротивъ, созывались не въ видѣ безформенной толпы, а организованнымъ *войскомъ*, по куріямъ *com. curiata*. Куріи дѣлились на центуріи съ куріонами и центуріонами во главѣ. Созывалъ собранія по волѣ царя praeso—глашатай изъ ликторовъ (30, по одному отъ курій). Мѣстомъ собранія было *comitium*, *рядомъ съ форумомъ* (около, подъ Капитолійскимъ холмомъ). Созывать могли только царь или верховный жрецъ (pontifex maximus). Различаютъ: 1) *comitia calata*

съ сакральными цѣлями, созывавшіяся верховнымъ понтифомъ; здѣсь народъ являлся свидѣтелемъ, напр., при избраніи жрецовъ, фламиновъ, приѣмѣ новыхъ боговъ въ патроны Рима и т. д. 2) *Comitia in quibus cum populo agebatur*, гдѣ народъ рѣшалъ вопросъ своимъ мнѣніемъ. Созывавшій народъ царь предлагалъ тему въ формальныхъ выраженіяхъ, въ такой формѣ, что достаточно было сказать въ отвѣтъ—да или нѣтъ. Послѣ предложенія, безъ обсуждения темы, голосованіе по куріямъ. Большинство голосовъ въ куріи признавалось голосамъ куріи, большинство голосовъ куріи давало рѣшеніе куріатныхъ комицій. Сперва подача голосовъ открытая позднѣе закрытая: давались навоценыя таблочки, на одной сторонѣ коихъ написано—*uti rogas* (да), на другой—*Antiquo* (нѣтъ)—одно стирали, другое оставляли. Передъ началомъ комицій всегда *auspicia*.

Компетенція куріатскихъ комицій въ царскій періодъ очень спорная. При абсолютной власти царя созывавшаго народъ, когда ему было желательно комиціи эти не рѣшали вопросовъ о войнѣ и мирѣ, о союзахъ, не выбирали царя, не издавали законовъ, сомнительна и возможность *provocatio ad populum*.

Фактически, конечно, во всѣхъ важныхъ случаяхъ царь могъ искать опоры какъ въ сенатѣ, такъ въ народномъ собраніи, юридически же его воля была ничѣмъ не связана. Несомнѣнно, царь могъ, уже какъ полководецъ, издавать и единолично свои распоряженія (безъ *rogatio* въ народномъ собраніи), обязательныя къ соблюденію всѣмъ гражданамъ. Отличіе такихъ единоличныхъ распоряженій отъ постановленій *comitia curiata* лишь въ томъ, что они, эти *jussus regis* были обязательны для народа не *in perpetuum*, какъ *jussus populi*, а лишь на время жизни царя. Во всякомъ случаѣ здѣсь комиціи могли имѣть совѣщательный голосъ, (какъ и сенатъ) при царѣ. Вѣдали они вопросы о перемѣнѣ въ личномъ составѣ народа и куріи, вопросы о принятіи новыхъ членовъ *gentes* въ составъ народа (*cooptatio*), о переходѣ въ другую семью (*agrogatio*) и т. п.

Такъ называемая реформа Сервія Туллія.

На ней видно, какъ иногда законъ превосходитъ содержаніемъ мысли законодателя. Сервіева реформа имѣла первоначальною цѣлью своей просто лишь новую организацію войска и податной системы.

Плебен не признавались способными участвовать въ войнахъ и издержкахъ на государство, ибо они въ составѣ гражданъ не значились. Это дѣло патриціевъ. Но частыя войны разоряли гражданъ, роды, *gentes*, выбивались. Грозилъ опасность гибели отъ враговъ. Поэтому патриціи сами потребовали, чтобы плебеивъ обложили податями, и ввели въ римское войско. Основой нова-

го податного обложенія явилось не гражданство, а владѣніе участками земли, пропорціонально размѣрамъ послѣдней у семьи.

По реформѣ этой вся территория государства была раздѣлена на 21 часть (tribus), изъ которыхъ четыре (IV tribus urbanae: Suburana, Esquilina, Collina, Palatina) были въ городѣ, и 17 сельскихъ (extra pomerium)—tribus rusticae, имена которыхъ были даны отъ наименованій римскихъ gentes. Позднѣе число трибъ возросло до 35 (въ 241 г. до Р. Хр.). По этимъ мѣстнымъ обществамъ разложена была на жителей обязанность военной службы и уплаты окладныхъ сборовъ. Жители трибъ собирались въ каждой подъ руководствомъ *sigator'a* (позднѣе *tribunus aegrarius*) для обсужденія общихъ вещей трибъ дѣль. Триба была въ тоже время земельной единицей, образованной для производства кадастра (*census*); съ этими цѣлями черезъ каждые 4 года на пятый (*lustrum*), всѣ жившіе въ извѣстной трибѣ, должны были записаться у своего *tribunus aegrarius* въ особый списокъ, съ обозначеніемъ ихъ семейнаго состава и указаній размѣра недвижимаго собственности, рабовъ и сельскохозяйственнаго инвентаря (*familia*). Каждый долженъ былъ дать точныя свѣдѣнія о своемъ имущественномъ положеніи; виновный въ утайкѣ (*incensus*) отдавался въ рабство.

По размѣру и стоимости земельныхъ участковъ (*Mommsen*) записанные по трибамъ раздѣлялись на пять классовъ; кто былъ богаче, тотъ долженъ былъ идти на войну лучше вооруженнымъ. Для каждаго изъ этихъ классовъ былъ установленъ опредѣленный имущественный цензъ, а именно (первоначально) послѣдній выражался въ требованіи наличности въ собственности у гражданина опредѣленнаго количества югеровъ земли. При этомъ всѣ, кто имѣлъ земли свыше 20 югеровъ, вносился въ первый классъ по цензу. (югеръ, мѣра равная почти $\frac{1}{4}$ десятины); во второй классъ вносились лица, у которыхъ было отъ 15—20 югеровъ; въ III классъ отъ 10—15; въ IV—отъ 5—10 и въ V классъ всѣ, у кого имѣлось земли менѣе 5 югеровъ. Съ теченіемъ времени, вѣроятно реформой Аннія Клаудія, въ 312 и до Р. Хр., т. е. уже въ республиканскомъ Римѣ, въ оцѣнку при цензѣ стали принимать не только землю, но всю *familia*, *respublicae*, т. е. все движимое и недвижимое имущество гражданъ, въ чемъ бы оно не состояло; вмѣстѣ съ тѣмъ оцѣнка прожиточности стала производиться въ ассахъ, и высота ценза была увеличена вѣдтеро. Историки времени принципата (Ливій, Діонисій) приводятъ высоту этого денежнаго ценза въ слѣдующемъ размѣрѣ: къ первому классу стали причислять всѣхъ, имѣвшихъ *familia* *respublicae* на сумму свыше 100,000 ассовъ; ко второму—имѣвшихъ до 75,000 ассовъ; къ III-му 50,000 ассовъ; къ IV—25,000; къ пятому—11 тысячъ (по Ливію) или 12,500 ассовъ (по Діонисію). Такимъ образомъ здѣсь наличность одного югера (четверть десятины) была приравнена къ обладанію имуществомъ въ 5,000 ассовъ. Въ литературѣ спорно, какіе именно ассы имѣютъ здѣсь въ виду историки времени принципата. Скорѣе можно думать, что здѣсь историки говорятъ о раздѣнкѣ по болѣе

нозднему *as pncarius*, равному по стоимости нашимъ 4,8 копейки.

На основаніи дѣленія всѣхъ жителей на классы была организована и воинская повинность. Каждый классъ гражданъ по прожиточности долженъ былъ выставить въ войско определенное число центурій или отрядовъ воиновъ, вооруженныхъ извѣстнымъ образомъ; именно первый классъ долженъ былъ выставить въ войска 80 центурій тяжело вооруженныхъ, II, III и IV классы выставляли по 20 центурій воиновъ, каждый въ болѣе легкомъ сравнительно вооруженіи, чѣмъ предшествующій; V классъ выставлялъ 30 центурій. Кроме того богачи изъ I-го класса еще выставляли 18 центурій всадниковъ (къ шести старымъ, чисто патриціанскимъ—*sex suffragia*, теперь было добавлено 12); затѣмъ имѣлось еще пять дополнительныхъ центурій, а именно по двѣ центуріи мастеровъ (саперъ)—*fabri tignarii* (плотники) и *fabri ferrarii* (кузнецы), и наконецъ одна центурія для лицъ, не имѣвшихъ недвижимости и не вошедшихъ ни въ одинъ классъ по цензу (*proletarii, capite censi*, т. е. вносившіеся въ цензъ лишь по именамъ).

Такимъ образомъ всѣхъ центурій насчитывалось 193. Въ каждомъ классѣ центуріи дѣлились на двѣ половины—*centuriae juniorum* и *centuriae seniorum*; въ первые римляне записывались по возрасту отъ 17—45 лѣтъ; они составляли собою дѣйствующую армію; въ *centuria seniorum* записывались лица въ возрастѣ отъ 45—60 лѣтъ, которые несли лишь гарнизонную службу, составляя резервъ. Очевидно, центуріи были неравной величины по численности: въ центуріяхъ *seniorum* было меньше лицъ, чѣмъ въ *juniorum*.

Сама по себѣ реформа такая не имѣла политической цѣли. Политическое значеніе ея возникло б. м. и безъ воли на то законодателя. Дѣло въ томъ, что всѣ *cives classici*, т. е. всѣ вписанные въ трибы и вошедшіе въ центуріи, стали, какъ вооруженный народъ, собираться и подавать голоса по центуріямъ, рѣшая прежде всего вопросы о войнѣ и мирѣ (*lex de bello indicendo*). Отсюда развилась постепенно прерогатива собраній такихъ (*comitia centuriata*) давать дозволеніе на совершеніе какихъ-либо измѣненій въ государственномъ строѣ, издавать законы и принимать апелляціи на судебные приговоры съ роена *capitalis* (*provocatio ad populum*). Постановленія центуріатныхъ комицій нуждались въ подтвержденіи ихъ со стороны сената (*auctoritas patrum*). Полное развитіе свое эти комиціи получили уже въ императорскій періодъ.

Сервиева реформа дала гражданство плебеймъ—землевладельцамъ.—Оставался еще большой классъ безземельнаго плебса; борьба послѣдняго за права начинается уже въ республиканскій періодъ Римской исторіи.

Соотвѣтственно своему происхожденію, эти комиціи и по внѣшности представляли собою войско, собравшееся во вооруженіи; поэтому и мѣсто для собраній назначалось внѣ предѣловъ освященной городской территоріи (*extra pomerium*), обыкновенно на Марсовомъ полѣ, ибо недозволено было въ городѣ командовать войскомъ. Подача голосовъ въ *comitia centuriata* происходила по цен-

туріямъ, причѣмъ было гарантировано полное преобладаніе при голосованіи для богатыхъ землевладѣльцевъ—плебеевъ и патриціевъ—безразлично: 80 голосовъ центурій перваго класса и 18 голосовъ всадниковъ уже одни составляли всегда относительное большинство изъ 193 голосовъ всѣхъ центурій. Они и рѣшали дѣла въ собраніи: при согласіи центурій I-го класса со всадниками далѣе въ собраніи не производили и голосованія. Постановленія центуріатскихъ комицій нуждались въ утвержденіи сената—*auctoritas patrum*.

Установленіе *com. centuriata* рѣшительнымъ образомъ повліяло на утрату *gentes* изъ области государственной въ область лишь отношеній частнаго права. Теперь для того, чтобы стать *civis romanus*, не было необходимости непременно входить въ какой-либо *gens* полноправнымъ его членомъ или кліентомъ. Достаточно было непосредственно получить отъ царя *civitas* и земельный надѣлъ, или стать кліентомъ государства (не отдѣльнаго *gens*), чтобы тѣмъ самымъ получить *jus suffragii*, стать *miles*’омъ и принимать участіе въ государственныхъ дѣлахъ, наравнѣ со старшими домохозяевами, (*patresfamilias*). Послѣ этой реформы Римъ становится правовымъ государствомъ. утрачиваетъ свои патриархальныя формы.

Территорія. Имѣются несомнѣнныя указанія въ пользу того, что издавна существовала въ Римѣ земля, принадлежавшая отдѣльнымъ *gentes*, а не государству. Такъ, когда *gens Claudia* была принята въ составъ гражданъ, ему была дана земля—*ager trans Anienem*, гдѣ помѣстили и *tribus Claudia*; наконецъ и древнія трибы носили наименованія по имени *gentes*, въ нихъ проживавшихъ. Была и семейная собственность—*hereditium*—размѣромъ въ 2 югера (*hortus* закона XII таблицъ); это—усадебная земля римскаго крестьянина. Рядомъ съ этимъ *ager privatus* издавна существовалъ *ager publicus*, возникшій изъ отвоеванной Римомъ у сосѣдей ихъ территоріи. По обычаю при покореніи какого-либо народа или сосѣдней общины, римляне оставляли обыкновенно въ пользованіи побѣжденнымъ не болѣе $\frac{1}{3}$ ихъ земли, остальные же $\frac{2}{3}$ послѣдней отбирали у нихъ въ казну, отчасти раздавая по участкамъ въ частную собственность отличившимся въ войнахъ римлянамъ (*agri assignati*), въ большемъ же размѣрѣ сдавали ихъ во временное пользованіе за плату (*vectigal*), иногда (въ республиканскій уже періодъ) и продавая участками, пригодными для веденія на нихъ сельскаго хозяйства (*agri quaestorii*). Кромѣ того гражданамъ не запрещалось дѣлать на свободной казенной землѣ, заимки (*agri occupatorii*); захватчикъ такой, приложившій свой трудъ на сельскохозяйственную разработку земли, получалъ даже судебную защиту своего пользованія отъ его нарушеній. Въ собственность (*dominium ex jure quiritium*) эти заимки нельзя было приобрести; фактически однако уже въ старину Рима ихъ давали въ приданое, передавали *mortis causa*, etc.

Финансы. Доходы царя (вѣрнѣе—Рима) получались отъ платы за пользованіе *ager publicus*, посредствомъ налога съ гражданъ для военныхъ из-

держекъ (tributum). Первоначально tributum собирався подушно (viritim) и по мѣрѣ надобности государства въ средствахъ, со всѣхъ, при томъ въ равномъ размѣрѣ—и съ богатыхъ, и съ бѣдныхъ. Pubutum этотъ шелъ на уплату воинамъ ихъ издержекъ на войнѣ. Если война была удачна и добычей покрывались издержки предпріятія, тогда tributum выдавали народу обратно. Реформой Сервія Туллія tributum сталъ подоходнымъ налогомъ, ибо съ этихъ поръ стали взыскивать съ народа tributum въ размѣрѣ 2 ассовъ съ югера земли, не возвращая уже полученное гражданамъ обратно.

Денегъ долго не было. Rescus замѣняли ихъ какъ мѣновая единица. Съ теченіемъ времени лишь возникла aes rude—слитки мѣди съ римской тамгой. Чеканить монету стали лишь со времени введенія республики, не ранѣе.

Религія; ея роль въ правѣ.

Религія въ Римѣ имѣла прямое практическое значеніе въ жизни. Она служила государству. Было стремленіе поставить въ тѣснѣйшую связь съ божествомъ всѣ проявленія общественной и частной жизни, и добыть его покровительства и помощи всюду. Поэтому заботились, чтобы боги не были обижены небрежностью къ нимъ и не повредили бы Риму. Разъ къ нимъ хорошо относились, чтли ихъ надлежащимъ образомъ, и боги слѣдили за Римомъ и указывали ему хорошій государственный путь; допускали сноситься съ собой и объявляли свою волю и будущее,—по все знаменіямъ, кои нужно было умѣть понимать. Нужны для этого свѣдующіе люди. Царь, конечно могъ быть знатокомъ божеской воли и понимающимъ языкъ боговъ; но съ его смертью могли эти свѣдѣнія утратиться. Поэтому *salus rei publicae* требовалъ постоянной организаціи, гдѣ эти знанія не прерывались бы, а совершенствовались. Такой организаціей и были жреческія коллегіи, съ коллегіей понтифовъ во главѣ, затѣмъ (изъ имѣвшихъ отношеніе къ праву) коллегіи авгуровъ и феціаловъ. Эти коллегіи, въ составѣ ихъ членовъ, избиравшихся *in perpetuum* (а не срочно, какъ позднѣе римскіе магистраты), изучали религію, ея обряды и формы. Они хранили знанія свои въ тайнѣ, сперва просто для того, чтобы прогнати чего не напутали бы, сносясь съ богами, и тѣмъ не разгнѣвали бы ихъ на бѣду для Рима; позднѣе эта привилегія въ знаніи *ars aena deorum* дала въ руки жреческимъ коллегіямъ божественную власть надъ народомъ въ государственной жизни (изданіе напр. закона, созывъ *comitia*, рѣшеніе дѣла въ судѣ и т. п.), заявивъ, что боги противъ этого. Каждая жреческая коллегія занялась специальнымъ изученіемъ особаго сакрального отдѣла, косвенно вліяя здѣсь на извѣстныя области общественныхъ отношеній. Такъ авгуры—на область права публичнаго. Они должны были слѣдить за волей боговъ на совер-

шеніе римлянами всѣхъ актовъ государственной жизни, и предупреждать цари и магистратовъ, когда *signa* (знаменія) боговъ были неблагоприятны. И позднѣе, въ республиканскій періодъ Рима, магистраты, избранные народомъ въ *comitia* при неблагоприятныхъ *auspicia*, по заявленію о томъ со стороны коллегіи авгуровъ, должны были отказаться отъ своего избранія (*abdicare se a magistratu*). Наконецъ, и законы, изданные въ такихъ условіяхъ, почитались ничтожными, о чемъ сенатъ своимъ указомъ (*senatus consultum*) и оповѣщаль, заявляя, что «*quae lex lata esse dicatur, ea non videri populum teneri*». Противъ возможныхъ здѣсь злоупотребленій со стороны авгуровъ выходъ былъ одинъ: магистратъ, заинтересованный въ успѣшномъ проведеніи извѣстнаго государственнаго акта, самъ передъ его осуществленіемъ совершалъ *auspicia* для освѣдомленія о волѣ боговъ.

Коллегія понтифовъ, такъ много повліявшая на развитіе частнаго права и процесса, прочно организовалась уже во времена республики, съ *pontifex maximus* во главѣ. Этотъ послѣдній имѣлъ *jus cum populo agendi* (въ *comitia calata*). Около него былъ *consilium*—совѣтъ изъ 6 *pontifices*, сперва имѣвшихъ лишь совѣщательный голосъ; позднѣе рѣшенія ихъ стали обязательными для *pontifex maximus*. Пополнялась эта жреческая коллегія (какъ и всѣ остальные) посредствомъ *cooptatio*, выборомъ новыхъ членовъ по волѣ всей коллегіи. Основной ихъ дѣятельностью было—наблюденіе за исправнымъ выполненіемъ священныхъ обрядовъ, въ охраненіи и признаніи таковыми *loci sacra* и *religiosa*, и вообще за всѣмъ культомъ. Изъ признанія римлянами существованія загробной жизни возникло у нихъ убѣжденіе, что для спокойной загробной жизни необходима забота потомковъ объ умершихъ, иначе души предковъ обратятся изъ добрыхъ въ злыхъ геніевъ. Заботы такія о предкахъ повлекли за собою созданіе цѣлаго института *sacra*, выражавшагося въ періодическихъ жертвоприношеніяхъ и служеніи предкамъ другими обрядовыми дѣйствіями (молитвы, возліянія). Разъ спокойная загробная жизнь зависѣла отъ надлежащаго погребенія и правильнаго совершенія *sacra*, то необходимо было имѣть потомковъ для культа предковъ. Поэтому и бракъ у римлянъ являлся, прежде всего, союзомъ съ цѣлью полученія дѣтей для поддержки культа предковъ, чтобы было кому заботиться о душахъ послѣднихъ. Если не было въ семьѣ законныхъ нисходящихъ, необходимо было приобрѣтать ихъ искусственнымъ путемъ, посредствомъ усыновленія. Вообще семья, наследованіе, были тѣсно связаны съ институтами *sacra*, и непрерываемость послѣднихъ требовала непрерываемости семьи. Вопросъ же о непрерываемости *sacra* требовалъ часто сложныхъ юридическихъ познаній, и эти познанія концентрировались мало по-малу у понтифовъ. Завѣдуя *sacra*, понтифы вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшали вопросы о семейномъ правѣ и наследованіи. Равнымъ образомъ очень крупнымъ было вліяніе этой коллегіи въ области и другихъ гражданскихъ правоотношеній, а въ особенности въ дѣлѣ судебной защиты правъ. Понтифы наблюдали за соблю-

дением *tempora sacra*, т. е. за охраной спокойствія боговъ, когда они отдыхают и когда нельзя их ничѣмъ тревожить, подъ опасностью совершить обидный для боговъ поступокъ—грѣхъ, *nefas*. Знаніе исключительно ими этихъ *dies nefasti*, когда нельзя было беспокоить божествъ произнесеніемъ обрядовыхъ словъ (*verba solemnia*)—*do, dico, addico*, давало понтифамъ въ руки сильную власть. По возрѣнію древнихъ, ни сдѣлки, ни процессы не могли проходить въ *dies nefasti*. Для каждаго, у кого былъ тотъ или другой процессъ, было важно знать, когда, въ какой день онъ можетъ вести дѣло на судъ, какъ въ *dies fastus*; свѣдѣнія объ этомъ можно было получить только отъ понтифовъ. Наконецъ, и самый процессъ римскій стоялъ въ тѣсной связи, съ одной стороны, съ религіей, съ другой же, долженъ былъ двигаться въ извѣстныхъ опредѣленныхъ формахъ, отступленія изъ которыхъ не допускалось, опять изъ бѣзпани оскорбить боговъ покровителей Рима и его гражданъ, а равно и запутать судъ новшествами. Знаніе же формъ процесса было очень сложно и доступно опять лишь понтифамъ, занимавшимся спеціально ихъ составленіемъ и разработкой. Имѣя въ рукахъ списки *dies fasti* и *nefasti*, понтифы составляли римскій календарь и знакомили съ нимъ населеніе. Съ этою цѣлью *pontifex maximus* въ началѣ каждаго мѣсяца въ опредѣленный день созывалъ народъ къ Капитолію (день такой назывался *calendae*) и сообщалъ ему, въ какой день должно быть новолуніе, и когда полнолуніе (*Idus*). Они же слѣдили за *mensis intercalaris* въ високосномъ году. По древнему календарю годъ считался въ 355 дней, а черезъ годъ послѣ 23 февраля вставляли мѣсяць изъ 22 или 23 дней, который весь считался за 23 февраля.

Въ области культа *pontifex maximus* имѣлъ право надзора за порядкомъ и исправнымъ отправленіемъ обязанностей всеми жрецами; на виновныхъ могъ наложить пеню (*multae dictio*) и совершить *ignoris capio*. У понтифовъ была своя касса (*arca*), куда шли доходы: подарки храмамъ, арендная плата за церковную землю, *summa sacramenti*, плата за входъ въ храмъ при служеніи, за совершеніе жертвъ и гаданій, за продажу животныхъ для жертвъ и т. д.

Феціалы. Вопросъ о нихъ тѣсно связанъ съ международными отношеніями римлянъ. Римъ охранялъ тѣхъ лишь, кто чтилъ его боговъ. Боги Рима имѣли силу на римской землѣ. Но римляне признавали и у peregrinorum божествъ, которыя были сильны на землѣ своего народа. Если римлянинъ или его имущество попадали на землю другого народа, съ коимъ враждовали, онъ лишался свободы; его имущество становилось *res nullius*—равно и для иностранца въ Римѣ то же положеніе. Условія жизни, ея потребности заставляютъ смягчать отношенія народовъ, именно путемъ—договоровъ, союзовъ, на кои смотрѣли какъ на союзъ боговъ Рима и того народа, т. е. какъ на дѣло священное. Войны можно было возбуждать лишь по законнымъ причинамъ, когда обижали Римъ, его гражданъ и тѣмъ самымъ божества: за послѣднихъ вступались. Самая война была, по возрѣніямъ римлянъ, процессомъ: защитой или преслѣдованіемъ

правъ Рима противъ иной народности. При этомъ римляне въ ритуальныхъ обрядахъ, оправдывая себя, старались снискать милость и вражескихъ боговъ, что было необходимо при вступленіи на чужую территорію, подвластную инымъ богамъ. Понятно такимъ образомъ, что эти дѣла могли вѣдать лишь знатоки сакрального права, умѣющіе бесѣдовать съ богами. Ими были въ Римѣ специальные жрецы—*fetiales*, (20 человекъ). Феціалы прежде всего вѣдали все сношенія Рима съ окружающими свободными народами и племенами, которые чтили своихъ божествъ, не римскихъ. Изъ феціаловъ назначались послы для переговоровъ; они давали формулы для объявленія войны, заключенія мира, составляли тексты мирныхъ договоровъ, и скрѣпляли миръ особыми клятвами и жертвами, объявляли сосѣдямъ Рима ультиматумы, словомъ, ни одно международное событіе не совершалось безъ участія феціаловъ; 1)

Кромѣ этихъ коллегій были и другія (весталки, *haruspices*, *Salii* etc.) но онѣ не имѣютъ особаго значенія въ исторіи развитія права.

¹⁾ Цицеронъ (самъ былъ *pontifex*) такъ характеризуетъ дѣятельность феціаловъ; „*Foederum pacis, belli, indutiarum oratorum fetiales iudices pontifex sunt, bella disceptant*“.

Римъ—республика.

До насъ не дошло свѣдѣній относительно того, когда, и какимъ образомъ произошелъ переворотъ въ государственномъ строѣ Рима, благодаря которому царь (rex) былъ низведенъ въ своемъ положеніи до званія простаго жреца, подчиненнаго верховному понтифу и послѣднимъ избиравшася для совершенія тѣхъ религиозныхъ церемоній, отъ лица всего римскаго народа, какія ранѣ могъ совершать одинъ лишь царь (rex sacrorum или rex sacrificulus).

Какъ доказалъ Pais (*Storia di Roma* I, 1 p. 359 sq.), какъ дата этого собранія, (510 до Р. Хр.), такъ и самая легенда о послѣднемъ, не заслуживаютъ никакой вѣры, и являются выдумкой позднѣйшаго времени. Поэтому намъ приходится установить лишь тотъ фактъ, что патриціанскіе рода, быть можетъ, опасаясь усиленія царской власти, которая стала (по такъ называемой реформѣ Сервія Туллія) усиливать значеніе и власть въ государствѣ плебеевъ и, опираясь на послѣднихъ, поднимать свой авторитетъ,—сумѣли захватить въ своей руки всю власть и управу въ государствѣ установленіемъ такого строя правленія, при которомъ все вѣдалъ патриціатъ черезъ посредство сената и двухъ магистратовъ (consules, praetores, iudices)—по объему власти тѣхъ же reges, но ограниченныхъ въ срокъ своей службы однимъ лишь годомъ и отвѣтственныхъ по окончаніи магистратуры передъ народомъ за свои дѣйствія на службѣ.

Территорія.—Римская республика была въ сущности господствующимъ городомъ, у котораго въ послушаніи были другія общины. Съ теченіемъ времени сперва на Апеннинскомъ лишь полуостровѣ цѣлый рядъ отдѣльныхъ городовъ и общинъ получаютъ полную или частичную правоспособность, признанную Римомъ, пользуясь и внутреннимъ самоуправленіемъ, безъ права лишь вступать въ международные трактаты съ независимыми отъ Рима государствами.

Господствующая въ Италіи община—Римъ стала юридическимъ лицомъ, съ вѣчнымъ существованіемъ (*Roma aeterna, augea*), что происходило отъ корпоративнаго ея характера: перемѣна людей не мѣшала существованію самой корпораціи. Воля этой общины проявлялась въ народныхъ собраніяхъ (comitia).

Политически римская община признавалась верховной властью: преступления противъ нея были *laesio majestatis populi romani*; преступления противъ магистратовъ, считавшихся носителями интересовъ республики, признавались

равнымъ образомъ за грѣшен противъ *majestas populi romani*. За такой грѣшен почиталось и самовольное совершеніе такихъ дѣйствій, кои могъ совершать лишь весь народъ (напр., объявленіе войны). Юридически Римъ, съ изгнанія царей, становится способнымъ какъ казна (*aerarium*) вступать въ сдѣлки съ отдѣльными гражданами (зайчтели, художники, публиканы и проч.).

Топографически республиканскій Римъ остается въ предѣлахъ пространства, обведеннаго такъ называемой Сервіевою страной (преданіе, относящее ея возведеніе къ VII в. до Р. Хр., несомнѣнно ошибочно; стѣна возведена много позднѣе, и несомнѣнно реставрирована, а б. м. и расширена послѣ Галльскаго нашествія). Это пространство, носившее наименованіе *Septimontium*, по свидѣтельству юриста временъ Августа (*Marcus Antistius Labeo*), обнимало собою двѣ вершины Палатинскаго холма (Палатинъ и Цермалъ), Велію (холмъ между Палатиномъ и Эсквилиномъ), Фавуталь (гдѣ теперь стоитъ *S. Pietro in Vincoli*), двѣ вершины Эсквилина—(Циспій и Опцій) и западный склонъ послѣдняго—*Subura*. Въ предѣлахъ Сервіевои стѣны отдѣльные холмы имѣли свои спеціальныя укрѣпленія (напр. Палатинъ, Капитолій; на послѣднемъ былъ еще особый кремль—*арх*) При созданіи укрѣпленій городъ не былъ густо заселенъ, окраины его были покрыты лѣсомъ, да и внутри было не мало садовъ, въ которыхъ по холмамъ высились жилища-крѣпости знатныхъ родовъ. Внутри Сервіевои стѣны и развивается республиканскій Римъ. Центромъ его является долина между Квириналомъ и Палатиномъ—площадь *forum* и рядомъ съ нею *comitium*. Отъ форума расходились главныя улицы: *via sacra*, поднимавшаяся къ главной святынь Рима—храму Юпитера Капитолійскаго, параллельно ей у подножья Палатина—*via nova* и др. По хребту стараго города на Квириналѣ шли параллельно другъ другу двѣ старыя улицы—длинная (*vicus longus*) и патриціева (*vicus patricius*). На Авентинѣ главной и самой старою улицей былъ *clivus publicus*, который шелъ отъ Тибра вверхъ къ храму Діаны. На Тибрѣ, съ развитіемъ города, возникаютъ каменные мосты *pons Aemilius* и черезъ островъ два моста—*Fabricius* и *Cestius*. Общественныя постройки республиканскаго Рима, почти исключительно религіознаго характера (храмы, портики) были очень скромнаго типа—съ глиняными раскрашенными украшениями. Только когда городъ выросъ, когда у казны появились крупныя средства (съ Македонской приблизительно войны), начались въ Римѣ крупныя строительныя предпріятія. Начало имъ положили Аппій Клавдій, который въ 312 г. провелъ черезъ Авентинъ водопроводъ въ торговую часть города (*aqua Appia*). Первое постоянное зданіе для зрѣлищ—*circus Flaminius*—было выстроено только въ 222 г.; первые крупныя рынки и мѣста для собранія дѣловыхъ людей и тяжущихся (*basilica*) появляются въ началѣ втораго вѣка (*basilica Porcia, Sempronia*). Первый постоянный театръ построенъ только Помпеемъ.

Перемяна въ вѣднности Рима—лишь съ середины республики. Съ развитіемъ демократіи, Римъ получаетъ болѣе заселенный видъ. Главныя улицы

застраиваются домами и лавками, жилища, особенно у Тибра, быстро переходят за городскую черту, создаются предместья. Нобили строят себѣ обширные и роскошные зданія, съ садами и термами; въ густо населенныхъ кварталахъ дома тянутся вверхъ на 4-5 этажей. Возникаетъ типъ домовъ, состоящихъ изъ отдѣльныхъ сдаваемыхъ въ наймы квартироекъ (*insulae*); улицы все болѣе и болѣе суживаются пристройками, главнымъ образомъ лавокъ. Часты обвалы плохо построенныхъ домовъ, часты и пожары; санитарное состояніе города крайне плохое; постоянно грабежи и убійства на улицахъ, даже среди дня.

Отношеніе къ другимъ общинамъ.

Въ Италіи рядомъ съ Римомъ существуетъ цѣлый рядъ городовъ и общинъ, союзныхъ Риму и политически тѣсно съ ними связанныхъ. Это именно прежде всего союзъ латинскихъ городовъ—*Nomen latinum*. Первоначально Римъ—только членъ союза латинскихъ городовъ, гегемонію въ которомъ онъ пріобрѣлъ лишь съ теченіемъ времени (*foedus Cassianum* 493 г., послѣ возстанія латинянъ противъ Рима). Послѣ 493 года *civitates*, входившія въ составъ латинскаго союза, не потеряли своей самостоятельности; не подчинялись римскимъ законамъ, они могли издавать свои собственные. Они имѣли съ Римомъ *ius commercii*, могли пріобрѣтать въ Римѣ недвижимости, словомъ пользовались гражданской равноправностью. Они не могли лишъ безъ вѣдома Рима вести международныя сношенія: они безъ воли Рима не могли заключать миръ съ посторонними государствами, ни вести съ ними войны. Войска этихъ общинъ должны были всегда помогать Риму и состоять подъ командой римскихъ полководцевъ. Такъ какъ римляне въ ту пору непрерывно вели войны, то фактически войска латинянъ всегда были въ распоряженіи Рима. Въ то же время латиняне пользуются внутреннимъ самоуправленіемъ не только по административнымъ, но и по судебнымъ дѣламъ; римскимъ законамъ они подчинялись, если сами того захотятъ, не иначе. Кто изъ латинянъ занималъ годъ магистратуру у себя въ городѣ или оставлялъ тамъ *stirpem ex sese* (потомство свое) и переселялся въ Римъ, тотъ получалъ римское гражданство. Въ *comitia tributa* латиняне принимали участіе, но всѣ записаны были въ одну трибу. Положеніе латинянъ было тяжелое подъ гнетомъ Рима, и когда послѣдній, взамѣнъ прежней гегемоніи своей, сталъ налагать свою руку на автономію латинянъ, послѣдніе довели свой протестъ до общаго возстанія латинянъ (340—338). Возставшіе были побѣждены Манліемъ Торкватомъ, союзъ латинянъ былъ тогда разрушенъ, и взамѣнъ того большинства обособленныхъ общинъ поставлено было въ положеніе *civitates foederatae* (см. ниже). Время отъ времени Римъ предоставлялъ отдѣльнымъ латинскимъ городамъ полное право гражданства. Съ II в. до Р. Хр. повидимому всѣ общины

Latium'а получили *civitas*, и съ этой поры *jus latii* предоставлялся какъ привилегія отдѣльнымъ провинціальнымъ общинамъ. Часто Римъ, и еще чаще латинскія общины, высылали гарнизоны изъ своихъ гражданъ въ другія городскія общины, или прямо создавали особые выселки на землѣ покоренныхъ народовъ, какъ въ Италіи, такъ и за ея предѣлы (*Coloniae*). Эти колоніи, составляя группы гражданъ Рима или извѣстной латинской общины, не утрачивали этихъ своихъ правъ; управлялись онѣ своими собраниями народа и магистратами.

Всѣ, кто жилъ за предѣлами Лаціума, являлись съ точки зрѣнія Римлян *hostes*; по отношеніи къ которымъ нормальнымъ состояніемъ была война, и дѣйствительно римляне въ этомъ періодѣ ведутъ безпрерывныя войны съ сосѣдями, распространяя свое владычество далеко за предѣлы Лаціума. Результатомъ войнъ этихъ является установленіе новыхъ болѣе нормальныхъ и мирныхъ отношеній Рима къ окружающимъ народностямъ, основанныхъ на признаніи послѣдними силы и авторитета Рима. При этомъ: 1) нѣкоторыя изъ покоренныхъ общинъ и государствъ въ Италіи были включены въ составъ римскаго государства со всеми правами римскаго гражданства. Жители этихъ общинъ становятся полноправными гражданами Рима — *cives romani cum suffragio*—съ записью въ римскія трибы, 2) чаще однако жители покоренныхъ Римомъ общинъ, хотя и признавались римскими гражданами, *sine suffragio*, т. е. безъ права участвовать въ римскихъ *comitia*. Общины такія, утративъ политическую самостоятельность, пользовались однако полностью правъ въ дѣлахъ самоуправленія: имѣли свои *comitia*, своихъ магистратовъ, свои *leges*. Въ отношеніи къ Риму онѣ долго платили подати (*munus*), отсюда пошло и самое наименованіе ихъ *municipia*, 3) третью категорію составляли общины, жившія автономно, и лишь вступившія съ Римомъ въ международный договоръ о взаимной и совмѣстной охранѣ отъ непріятелей (*foedus*), о товариществѣ по оружію и взаимномъ вѣчномъ мирѣ. Было два типа такихъ договоровъ—а) *foedus aequum*, по которому союзники признавали себя взаимно обязанными отражать нападеніе враговъ, на любую изъ союзныхъ общинъ, и в) *foedus iniquum*, когда одна изъ сторонъ обязана была, совмѣстно вести и наступательную войну по волѣ и указаніямъ союзника, сама не имѣя права воевать безъ разрѣшенія на то со стороны послѣдняго. Римъ обыкновенно заключалъ именно такія *foedera iniqua*, главнымъ условіемъ коихъ для союзниковъ Рима было «*Majestatem populi romani comiter conservare*. Такія *civitates foederatae* не приобретали правъ гражданства въ Римѣ; жители ихъ считались за *socii* лишь, а въ отношеніи гражданскаго права были *peregrini*. Какъ таковые, хотя и чужестранцы, они защищались римскими магистратами отъ обидъ и притѣсненій, и могли даже судиться съ римлянами по сдѣлкамъ частнаго права; причѣмъ отношенія ихъ нормировались по *jus gentium*. Ихъ взаимныя тяжбы, равно какъ дѣла съ римскими гражданами вѣдалъ въ Римѣ специальный ма-

гистратъ— *praefor peregrinus*. 4) Наконецъ, Римъ вполне ставилъ «подъ свою высокую руку» общины, сдавшіяся послѣ войны по *deditio*, договору, по которому побѣжденные капитулировали передъ Римомъ, на произволь побѣдителя. По такимъ соглашеніямъ Римъ оставлялъ побѣжденнымъ лишь свободу и жизнь. Жители такихъ побѣжденныхъ общинъ (*peregrini dediticii*) теряли свою территорію, изъ которой лишь часть, обыкновенно около $\frac{1}{3}$, сдавалась Римомъ имъ въ возмездное пользованіе; ихъ органы самоуправленія уничтожались и для завѣдыванія мѣстными дѣлами посылались изъ Рима магистраты (*praefecti iudicando*).

Провинціи. Отношенія Рима къ народамъ, жившимъ внѣ предѣловъ Италіи были иные. Въ то время какъ въ Италіи громадное большинство *civitates* не утратило своей автономіи, внѣ-итальянскія общины, разъ подчинялись Риму, становились въ положеніе провинцій и разсматривались какъ завоеванныя земли; управленіе ими носило характеръ длящейся военной оккупации. Жители становились на положеніи переегриновъ; правила провинціями магистраты, посылавшіеся изъ Рима. Въ силу основного правила, по которому завоеванная земля становилась римскою, провинціалы лишались собственности на землю; послѣдняя сдавалась участками имъ въ пользованіе (*possessio*) за плату, и въ собственность не могла быть приобретаема, даже римскими гражданами (*solum provinciale*), что допускалось въ отношеніи *solum Italicum*. Какъ имѣнія римскаго народа, провинціи подлежали общему завѣдыванію сената. Устройство каждой провинціи опредѣлялось тотчасъ по ея присоединеніи особымъ уставомъ отъ сената—*lex provinciale*, ближайшій же порядокъ управленія опредѣлялся самими правителями въ ихъ *edicta provincialia*. Создавая провинцію, всегда держались принципа—*divide et impera*: прежнія государства дробили, два соединяли въ одно, давали разныя права и льготы однимъ передъ другими, даже подчиняли однихъ другимъ (на окраинахъ республики).

По внутренней организаціи можно въ провинціяхъ различать: 1) *populi vestigales*—это провинціи изъ общинъ, покоренныхъ силой оружія и сдавшихъ по *deditio*. Они обложены крупнымъ оброкомъ, правились изъ Рима; ихъ грабили правители и публиканы; положеніе ихъ было крайне тяжелое. 2) Сравнительно легче жилось въ *civitates stipendiariae*; они подати (*vestigal*) собирали и платили сами, этымъ избѣгая грабежа римскихъ правителей и публикановъ. 3) Рядомъ стояли *civitates foederatae*, какъ въ Италіи, съ самостоятельнымъ общиннымъ устройствомъ и самоуправленіемъ, но подъ контролем римскаго магистрата. *Foedus* былъ всегда *iniquum*—въ пользу Рима; платили Риму, *vestigal*, свобода отъ котораго жаловалась особо, и тогда такія общины назывались *civitates foederatae et immunes*.

Плебеи и борьба за права.

Замѣна царей двумя срочными «царями» магистратами (*consules*) была совершена въ интересахъ патриціевъ, захватившихъ въ свои руки всю пол-

ноту власти. Они стремились возможно болѣе стѣснить плебеевъ экономически и закабалить себѣ. Это все повело къ продолжительной и упорной борьбѣ плебеевъ за права. Точной исторіи ея не знаемъ, имѣются лишь легенды, очень сомнительныя. По преданію главнѣйшія стадіи этой борьбы слѣдующія: Въ 494 г. до Р. Хр., послѣ счастливо веденной войны, плебемъ черезъ диктатора М. Валерія просили сенатъ объ облегченіи участи задолжавшихся (патриціямъ). Сенатъ отвергъ эту просьбу. Тогда доведенные бѣдственнымъ положеніемъ до крайняго раздраженія плебемъ, подъ предводительствомъ военныхъ трибуновъ, въ воинскомъ строѣ ушли изъ Рима за р. Анію на священную гору (*mons sacer*), около Крустумеріи, и хотѣли обосновать тамъ новое государство (городъ). Патриціи, боясь лишиться большей части войска, пошли на уступки и заключили черезъ феціаловъ съ плебеями договоръ, какъ съ *особымъ народомъ*—(*lex sacrala*). Въ силу этого договора предоставлено было плебеямъ право избирать изъ своей среды двухъ *tribuni plebis*. Они защищали народъ отъ злоупотребленій патриціанскихъ магистратовъ, имѣя право налагать свое *veto* на все ихъ распоряженія, равно какъ на постановленія коммцій и сената. Эти трибуны созвали плебеевъ въ народныя собранія, сперва по куріямъ, а потомъ со времени изданія *lex Publilia Voleronis* (471 г.) по трибамъ (*comitia tributa*). Въ помощь трибунамъ избирались плебейскіе эдилы. Всякій, посягнувшій на личность трибуновъ или *aediles plebis*, почитался за *homo sacer* (*diis inferis*).

Добившись такимъ образомъ обособленной отъ патриціевъ организаціи, плебемъ стали требовать изданія законовъ для опредѣленія своихъ правъ и правъ патриціевъ и упорядоченія процесса. Издаются *leges XII tabularum*; но одновременно патриціи при помощи учрежденія децемвировъ (*decemviri legibus scribundis*) снова захватываютъ въ свои руки всю власть въ республикѣ. Борясь за свою самостоятельность, плебемъ снова уходятъ изъ Рима (на Авентинъ), укрѣпляются тамъ и явно хотѣютъ обособиться отъ патриціевъ. Послѣдніе снова уступаютъ, и по тремъ *leges Valeriae Horatae* (449 г.) возстановляютъ все плебейскія магистратуры, введенныя послѣ первой *secessio*.

Эти *leges* гласили (по Ливію)—первый—«*Ne quis ullum magistratum sine provocacione crearet: qui creasset, cum jus fasque esset occidi, neve ea caedes capitalis poxae haberetur*», т. е. въ цѣляхъ запретить на будущее время установленіе децемвирата. 2-й законъ гласитъ: «*Ut qui tribunis plebis, aedilibus, iudicibus decemviris nocuisset ejus caput Jovi sacrum esset, familia ad aedem cereris, liberi liberaeque (божества плебеа) venum iret*» т. е. устанавливалъ неприкосновенность плебейскихъ магистратовъ. Наконецъ, 3-й законъ гласилъ: «*ut quod tributim plebs jussisset, populus teneretur*».

Получивъ по означеннымъ *leges* охрану своихъ общественныхъ правъ, плебемъ стали позднѣе стремиться къ пріобрѣтенію и *jus honorum*. Въ 445 г. плебемъ потребовали, чтобы одинъ изъ консуловъ избирался изъ плебеевъ. Сперва

патриции обошли прямое рѣшеніе, дозволивъ избирать *promiscue* изъ патриціевъ и изъ плебеевъ новыхъ магистратовъ—*tribuni militum consulari potestate*, кои хотѣли замѣнить консуловъ. (444 годъ). Но дѣлая такую уступку, патриции выдѣлили изъ консульской власти новую магистратуру—цензора, коего выбирали изъ патриціевъ, Въѣхъ съ тѣмъ противъ настойчивыхъ стремленій плебеевъ пробраться въ магистраты, патриции указывали, что лица плебейскаго происхожденія не могли совершать *auspicia*. Въ отвѣтъ на это плебеи стали добиваться разрѣшенія заключенія смѣшанныхъ браковъ, чтобы потомство ихъ не было лишено права на *auspicia*. Въ 445 году трибунъ Канулей провелъ законъ (*lex Canuleja*), которымъ былъ признанъ за плебеями *jus conubii*. Наконецъ, въ 367 г. законами Лицинія и Секетія была восстановлена консульская власть съ тѣмъ, чтобы одинъ изъ консуловъ былъ непременно плебей, (оба консула изъ плебеевъ были избраны впервые лишь въ 172 году до Р. Хр.). Вынужденные и въ этомъ уступить, патриции однако постарались ослабить консульскую власть, выдѣливъ изъ нея рядъ правомочій отдѣльнымъ магистратамъ. Съ этой цѣлью создана была претура, для преимущественнаго завѣдыванія судопроизводствомъ; затѣмъ были введены курульные эдилы, въ помощь консуламъ (какъ плебейскіе при трибунахъ). Но и это не помогло патриціямъ, и плебеи скоро добиваются полного уравненія въ правахъ. Въ 339 г. по *lex Publilia Philonis* одинъ изъ цензоровъ непременно д. б. избираться изъ плебеевъ; по *lex Ogulnia* (300 г.) число понтифовъ и авгуровъ было удвоено, и половина избирается изъ плебеевъ. Наконецъ, въ 286 г. до Р. Хр. послѣ третьей *secessio* изданъ былъ *lex Hortensia*, которымъ было постановлено «*ut eo jure, quod plebs jussisset omnes Quirites tenerentur*». Съ этого времени борьба прекращается, и плебеи становятся равноправными съ патриціями, получивъ *de jure* всѣ права римскихъ гражданъ, до *jus honorum* включительно, т. е. до права быть избираемыми въ народныхъ собраніяхъ въ республиканскіе магистраты.

Если въ этой традиціонной легендѣ о ходѣ борьбы плебеевъ за права откинуть массу выдумокъ, то истинное зерно преданія можетъ быть представлено въ слѣдующемъ видѣ:

Съ переменной правленія изъ царскаго на республиканское плебеи скорѣе проиграли. По реформѣ Сервія Туллія они получили массу обязанностей (*tributum ex censu*, служба въ войскахъ), а правъ—мало, ибо *jus honorum* имъ не было дано. Въ *comitia centuriata* участвовали лишь плебеи—землевладельцы,—въ массѣ къ тому же бѣдные (съ малымъ надѣломъ), а большинство голосовъ въ *com. centuriata* принадлежало богатымъ (1-му классу—съ надѣломъ не менѣе 20 десятинъ на семью), т. е. прежнимъ *paires* и богачамъ изъ плебеевъ. Между тѣмъ плескъ численно разрастался, благодаря включенію жителей покоренныхъ общинъ; войны, неурожай, сборъ *tributum* разоряли плескъ; онъ должалъ богачамъ; а размѣръ $\%$ былъ чрезвычайно великъ. Должники

по пехим подвергались строгой карѣ за несправность (кабала). Это все вмѣстѣ повело къ ожесточенной борьбѣ за права. Первоначально плебсъ рѣшилъ *объединиться*, сознавъ, что сила его какъ пролетаріата—въ единеніи. Но въ то же время сознавая себя *обособленнымъ* отъ народа римскаго—*patres*, плебсъ рѣшилъ *оттѣнить* свою политическую независимость. Изъ *tribuni militum*. Онъ создалъ себѣ вождей—народныхъ трибуновъ, ввелъ свои собранія по трибамъ, свое управленіе и даже особый культъ. Какъ *народъ* плебсъ примирился съ *patres* (по *foedus* съ феціалами) и вступилъ съ римлянами въ тѣсный союзъ въ общихъ городскихъ стѣнахъ, но безъ объединенія во внутренней политикѣ.

Съ первой половины III вѣка по Р. Хр. послѣ нашествія Галловъ, число плебеевъ быстро умножается, на что показываетъ умноженіе числа самихъ трибъ. Въ 387 г. создаются 4 новыхъ трибы на территоріи, отнятой у Этрусковъ; въ 358—332 гг. создано еще 4 трибы на территоріи Вольсковъ. Въ связи съ увеличеніемъ числа плебса, послѣдній, сознавая свои права и силу, какъ *обособленный народъ*, выражаетъ стремленіе слиться съ *patres* окончательно и получить одинаковыя съ ними политическія права, составивъ вмѣстѣ *одинъ общій populus romanus*. Борьба идетъ съ успѣхомъ. Въ дѣлахъ демократизаціи скоро проводится крупная реформа народныхъ собраній и всей организаціи римскаго народа. Около 310 или 312 г. до Р. Хр. цензоръ Аппій Клавдій 1) включилъ въ классы и центуріи не только землевладѣльцевъ, но и всѣхъ вообще состоятельныхъ, взявъ для оцѣнки прожиточности *familia pecuniariae*, и введя такимъ образомъ цензъ въ ассахъ. При этомъ въ трибы записывались всеюду и плебеи прожиточные. (Поздѣе, 304 г. до Р. Хр., съ цензора Кн. Флавія, стали вписывать въ городскія трибы лишь вольноотпущенныхъ). 2) Аппіевъ секретарь, сынъ вольноотпущенника Кн. Флавій (вѣроятно, не безъ вѣдома А. Клавдія) опубликовалъ календарь и исковыя формулы, чѣмъ вырвалъ плебсъ изъ подъ гнета понтифовъ (патриціевъ).

Къ этой порѣ въ Римѣ на ряду съ чисто землевладѣльческимъ классомъ начинаютъ развиваться классы промышленниковъ и купцовъ, которые стали домогаться правъ государственныхъ, наравнѣ съ пролетаріатомъ. Постепенно подъ дружнымъ напоромъ ихъ *viribus unitis* достигаютъ они не только *jus honorum*, но и *suffragii* и *connubii* съ *patres*, пока не добились уравниенія въ правахъ по *lex Hortensia*, 286 г., полного уравниенія въ правахъ путемъ признанія за рѣшеніями *comit. tributa* силы закона для всѣхъ гражданъ объединеннаго отпунѣ политически Рима. 3-я сессія указываетъ при этомъ на прежнюю угрозу Риму: или дать права, или раздѣлиться на два самостоятельныхъ народа.

Новые классы общества.

Уравниеніе въ правахъ не уравнило положенія всѣхъ лицъ въ обществѣ. Возникаютъ новые классы населенія въ силу одинаковости общественныхъ и социальныхъ интересовъ въ каждомъ. Это были:

1) *Nobiles*. Со времени lex Hortensia патриціатъ утратилъ значеніе въ смыслѣ политически важнаго института. Однако и послѣ этого не все граждане были уравнены въ социальномъ положеніи, хотя все внесенные въ трибы, de jure получившіе jus honorum, однако de facto получать курульные должности рядомъ съ патриціями стали лишь сильнѣйшія плебейскія фамиліи. Эти послѣднія перешли къ патриціямъ своими интересами и стали дѣлать съ ними и ager publicus и jus honorum, въ смыслѣ избранія въ магистраты. вмѣстѣ съ патриціями они образовали новую аристократію въ Римѣ—nobilitas, стоявшую выше остального народа. Эта патриціанско-плебейская аристократія возникла на новыхъ началахъ. Въ то время какъ ранѣе аристократія основывалась на происхожденіи отъ древнихъ патриціанскихъ родовъ (сословность), теперь она основана была на фактѣ служенія личности курульнымъ магистратомъ и происхожденія отъ такого курульнаго магистрата. Чѣмъ болѣе кто имѣлъ въ своемъ роду такихъ магистратовъ, тѣмъ болѣе nobilis почитался самъ (начало служилаго дворянства). Такой nobilis имѣлъ отъ рожденія (in sinu matris) право рассчитывать быть преимущественно избраннымъ въ магистраты, тогда какъ homo novus только за выдающіяся заслуги могъ проскочить въ магистратуру. Охраняя свои прерогативы, nobiles создали для себя jus imaginum—для подтвержденія своей nobilitas—происхожденія отъ курульныхъ магистратовъ (маски—соединялись гирляндами: stemmata cognationum въ agrumъ). По смерти нобиля актеры брали imagines его предковъ и шли за гробомъ; причеиъ за каждымъ курульнымъ предкомъ шли ликторы. На форумѣ—laudatio funebris—право ближайшаго родственника умершаго говорить съ народомъ и тѣмъ выдвигаться. Вышнее отличие нобилей—toga laticlava. Изъ нобилей постепенно обособились сенаторы.

2) *Equites*. Они и въ республикѣ образовывали, какъ въ царскій періодъ, конницу, войско, которое отъ Iustrum и до Iustrum пополнялось и измѣнялось консулами, позднѣе цензорами. Всадники дѣлились на 18 центурій, въ каждой по 100 человекъ. Избраніе обуславливалось родовитостью и прожиточностью. Патриціи имѣли безспорное право на избраніе въ всадники, если хватало имущества; plebs же поступала лишь по уемотрѣнію цензора (должѣе всего эта должность въ рукахъ однихъ patres). Каждому всаднику казна давала лошадь и прокормъ (позднѣе 10,000 ассовъ на лошадь и 2,000 ассовъ на кормъ—Титъ-Ливій).

Въ 403 г. до Р. Хр. возлѣ 18 центурій equites equo publico организована новая (послѣ битвы при Вейи) конница: equites equo privato. Стали въ составъ ея вводить всехъ тѣхъ, кто изъ гражданъ платилъ census equester (наиболѣе богатыхъ). Имъ не давался equus publicus. Эти equites equo privato проявляли свою дѣятельность лишь въ военное время (въ концѣ республики собирались изъ провинцій): между тѣмъ equites equo publico и въ мирное время образовывали особую корпорацію, отдѣльно голосуя въ народномъ собраніи. По-

степенно эта корпорація перестала принимать участіе въ войнѣ, какъ конница, уступивъ это *eques equo privato*, а позднѣе наемнымъ войскамъ; всадники служили въ свитѣ военачальниковъ, какъ адъютанты и штабные. Усиленію всадническаго сословія помогло еще запрещеніе сенаторамъ, дѣтямъ ихъ и магистратамъ (*nobiles*) торговать и заниматься промыслами, а равно брать на откупъ *vectigalia* и *ultrotributa* по *lex Claudia*, 218 г. до Р. Хр.).

Всадники сдѣлались такимъ образомъ классомъ денежной аристократіи. Они играли крупную роль въ экономической исторіи римскаго государства. Въ ихъ рукахъ сосредоточились все важныя денежные и торговыя операціи. Они же создавали изъ своей среды товарищества откупщиковъ государственныхъ налоговъ. Составляя вмѣстѣ съ *nobiles* одну общую группу—римской буржуазіи, всадники въ самомъ Римѣ энергично поддерживали нобилей во всехъ ихъ общественныхъ начинаніяхъ, будучи тѣсно связаны съ ними общностью интересовъ и часто родственными узами. Однако въ провинціяхъ, гдѣ всадники выступали въ качествѣ публикановъ, имъ нерѣдко приходилось враждовать съ нобилиями—магистратами Рима; и тѣ и другіе «кормились» съ провинціаловъ, и на этой то почвѣ возникали постоянно ссоры и столкновенія между ними. *Insignia* всадниковъ были *toga angusticlava* и *anulus aureus*.

3) *Plebs*.—Въ первой половинѣ III вѣка до Р. Хр. продолжаетъ увеличиваться классъ мелкихъ землевладѣльцевъ—плебсевъ. Этому способствуютъ успешныя войны Рима съ сосѣдями, когда по обычаю $\frac{2}{3}$ завоеванной земли дѣлилось между безземельными *cives*. Мелкое крестьянство заполняетъ ряды римскихъ легионовъ; оно же составляетъ главную массу гражданъ въ народныхъ собраніяхъ. Время 1-й пунической войны, время расцвѣта комицій, кои оказываютъ громадное вліяніе на все государственныя дѣла (демократическій строй республики).

Однако уже реформа Аппія Клавдія (внесеніе въ цензъ не только *familia*, но и *rescilia*) 310 г. до Р. Хр. показываетъ раннее развитіе въ Римѣ, рядомъ съ земледѣльческимъ классомъ, чистого городскаго классовъ ремесленниковъ и купцовъ—при томъ мелкаго типа. Позднѣе однако капиталисты захватили въ свои руки, примѣняя рабскій трудъ, почти всю городскую промышленность, что было одной изъ причинъ развитія пролетаріата, ибо мелкіе промышленники не умѣли *viribus unitis* бороться противъ капиталистовъ и гибли по одиночкѣ, поступая въ ряды лаццарони, жившихъ на счетъ казны богачей—ихъ подачками.

Скоро стало колебаться и мелкое землевладѣніе. Войны, особенно пуническія, погубили массу крестьянъ и разорили ихъ семьи. Оставшіеся въ живыхъ—по уши въ долгахъ, и были вынуждены за долги продавать свои наѣблы богачамъ, а сами брали у нихъ же земли въ аренду или чаще всего ереселялись въ Римъ на казенные хлѣба. Скоро стали образовываться *lati-*

fundia—изъ *ager occupatorius*, который захватывался нобилиями за ничтожную плату въ казну. Эти послѣдніе вели свое сельское хозяйство при помощи рабовъ, коихъ тогда была уже масса въ Римѣ и стоили они дешево. Несравненно дешевле обходился и рабскій трудъ ихъ хозяевамъ сравнительно съ трудомъ наемныхъ рабочихъ. Крайне вредно на мелкомъ сельскомъ хозяйствѣ отразилось и колоссальное удешевленіе хлѣба и предметовъ первой необходимости, посабдовавшее съ завоеваніемъ Сициліи и Африки. Привозный оттуда хлѣбъ былъ такъ дешевъ, что съ нимъ невозможно было конкурировать сельскимъ хозяевамъ въ самой Италіи. Въ послѣдней пришлось мѣнять систему сельскаго хозяйства на болѣе интенсивную (виноградъ, оливы, скотоводство—на латифундіяхъ). Это однако требовало запаснаго и оборотнаго капиталовъ; таковыхъ не было у мелкихъ землевладѣльцевъ, и имъ оставался одинъ выходъ—бросать земли или продавать за безцѣвокъ богачамъ, и стремиться на жительство въ итальянскіе города, особенно въ Римъ, и тамъ пополнять кадры пролетаріата.

Еще болѣе послѣдній увеличивается въ Римѣ посредствомъ отпущенія рабовъ на волю.

4) *Вольноотпущенники*. Рабы, отпущенные на волю согласно предписаннымъ въ законѣ формальностямъ (*vindicta, censu, testamento*), становились римскими гражданами. Однако въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ *de jure* положеніе ихъ было низшимъ; прежде всего, они продолжали оставаться на положеніи кліентовъ въ отношеніи ихъ бывшихъ господъ, отпустившихъ ихъ на волю (но не ихъ нисходящихъ). Въ общественномъ положеніи вольноотпущенные, дѣти ихъ и внуки не считались за *cives optimo jure*. Хотя для *ingenii* не было установлено формальнаго запрещенія браковъ съ вольноотпущенными (до времени императорскаго періода; *contra Mommsen*), но *de facto* на это давно уже смотрѣли неодобрительно въ обществѣ. Цензоръ могъ вычеркнуть вольноотпущеннаго изъ кандидатовъ на магистратуру; однако разъ онъ этого не сдѣлалъ, либертинъ имѣлъ *jus honorum*. Начиная съ 304 г. до Р. Хр., по предложенію цензора Кв. Фабія Руллиана стали записывать всѣхъ либертиновъ исключительно въ 4 городскія трибы, чтобы этимъ путемъ ограничить ихъ вліяніе на ходъ общественныхъ дѣлъ, ибо они могли подавать голосъ лишь въ 4 трибахъ—не болѣе, имѣя послѣ реформы всего 4 голоса въ трибутныхъ комиціяхъ. Такъ какъ въ трибы записывались потомственно, то это ограниченіе *libertinorum* въ *jus suffragii* осталось и на будущее время. Выѣтъ съ тѣмъ, начиная съ III вѣка до Р. Хр., всѣ римляне, не происходящіе отъ вольноотпущенныхъ, стали записываться исключительно въ сельскія трибы.

Экономическое положеніе *libertinorum* плачевно, большинство жило подачками отъ казны и отъ богачей, какъ кліенты послѣднихъ; торговали своими голосами въ народныхъ собраніяхъ. Какъ публика самаго разнообразнаго происхожденія (и негры, и арабы, и галлы, и славяне) *libertini* не знали, что

такое родина, *salus rei publicae*: они были самым сомнительным по нравственности классом римского общества.

Управление.

Народныя собранія. Въ республиканскомъ Римѣ весь *populus romanus* *Quiritium* какъ цѣлое сталъ носителемъ политическихъ правъ государственной власти. Воля народа проявлялась путемъ постановленій народныхъ собраній, извѣстнымъ образомъ организованныхъ.

Въ этомъ отношеніи различали два вида народныхъ собраній—*conciones* и *comitia*. *Concio* это сходка части гражданъ, созванная магистратомъ (какъ бы митингъ) для какого-либо сообщенія. При этомъ послѣ изложенія составшимъ митингъ лицомъ темы, подлежащей обсужденію, позволяли споръ и пререканія, которые могъ на тему дня вести всякій гражданинъ, съ разрѣшенія на то предсѣдателя собранія. На такихъ митингахъ обыкновенно подготавливали законопроекты и подвергали ихъ предварительному обсужденію, сообщали народу эдикты магистратовъ, свѣдѣнія съ войны, депеши консуловъ и т. д. Голосованія на *conciones* не производилось.

Comitia—это собранія всего народа, гдѣ присутствовавшіе *cives* должны были именно голосовать лишь предложеніе составшаго комиціи магистрата причемъ дебаты воспрещались.

Различали три вида комиціи; 1) *comitia curiata*. Съ уравниемъ въ правахъ патриціевъ и плебеевъ роль этого вида народныхъ собраній значительно измѣнилась: прежде всего они стали собраніями плебейско-патриціанскими. Главными предметами ихъ вѣдомства является теперь изданіе *lex curiata de imperio*, въ силу котораго высшіе римскіе магистраты, избранные въ кмиціяхъ центуріатныхъ или трибутныхъ, утверждались въ своей должности и получали право совершать *auspicia*. Кромѣ того здѣсь же совершались по прежнему усыновленія (*arrogationes* и *adoptiones*). Въ среднѣй республики на *comitia curiata* стали ходить лишь одни 30 ликторовъ.

2) *Comitia centuriata*. Составъ ихъ теперь измѣнился. По реформѣ Аннія Клавдія подавать голоса въ собраніяхъ этихъ стали не только землевладельцы, но все вообще прожиточные граждане; причемъ около 241 года до Р. X. былъ внятеро увеличенъ размѣръ ценза для каждаго класса. Послѣ этихъ реформъ, въ цѣляхъ ослабленія прежняго значенія въ комиціяхъ центурій перваго класса, т. е. богачей-патрициевъ (преимущественно), установлена была тѣсная связь центурій съ трибами. Подробности такого новшества неизвѣстны. Въ общемъ, вѣроятно, каждому изъ 5 классовъ населенія дали организацію изъ 70 центурій—35 центурій *juniorem* и 35 центурій *seniorem*, расписавъ по 2 центуріи каждаго изъ 5 классовъ (одна *seniorem*, другая центурія *juniorem*) на каждую изъ 35 трибъ, на которыя была раздѣлена вся терри-

торія римской республики. Такимъ образомъ всѣ трибы выставляли 350 центурій. Сюда не вошли 18 центурій всадниковъ и 4 центуріи *fabri*. Послѣ этой реформы каждый классъ имѣлъ въ *comitia centuriata* одинаковое съ остальными число голосовъ (70); относительнаго же большинства голосовъ (изъ $350 + 18 + 4 = 372$) въ 187 голосовъ можно было достичь лишь тремъ классамъ вмѣстѣ, и старая привиллегія богачей 1 класса по Сервіевой реформѣ была теперь утрачена.

3) *Comitia tributa*. До *lex Hortensia* это были специально плебейскія собранія, созывавшіяся народными трибунами (до 286 года). Позднѣе же на нихъ собирались всѣ граждане, голосуя по трибамъ. Постановленія плебейскихъ комицій называли *plebiscita* а смѣшанныхъ—*populiscita*, но никогда не *leges*.

Порядокъ созыва комицій. Созывались *comitia* магистратами *sum imperio*; трибунъ (послѣ *lex Hortensia*) могъ созывать *com. centuriata* лишь черезъ консула или претора, если обвинялъ кого въ *reus capitalis* передъ народомъ. День и предметъ обсужденія должно было объявлять заранее, чтобы народъ могъ своевременно обсудить вопросы, подлежащіе его разрѣшенію. При этомъ если желали провести новый законъ, то должно было его проектъ вывѣшивать на форумѣ за три базарныхъ дня (*trinundinum*) до собранія: равнымъ образомъ заранее же вывѣшивались на форумѣ и списки кандидатовъ при выборѣ того или другого магистрата. Начиналось народное собраніе съ *auspicia*, при неблагоприятномъ исходѣ которыхъ *comitia* распускались. Созывались комиціи магистратами, причѣмъ *comitia centuriata* (позднѣе, послѣ объединенія центурій и трибъ, и *com. tributa*) на Марсовомъ полѣ, гдѣ было обнесено оградой мѣсто для подачи гражданами голоса (*ovile*—загонъ). Еще ночью передъ собраніемъ магистратъ, созывающій комиціи, выходилъ на *camp. Martius*, extra *romaeum*, вѣкъ стѣнъ города. Утромъ созванный глашатаями, звуками трубъ со стѣнъ, народъ собирался передъ храмомъ, гдѣ стоялъ магистратъ. Здѣсь сперва приносились жертвы и совершались *auspicia*. Затѣмъ созывалась тѣмъ же магистратомъ *concio*, на которой еще разъ обсуждался вопросъ, и только послѣ этого устанавливались *comitia*; граждане становились по трибамъ или центуріямъ, и тогда начиналось чтеніе законопроекта, если дѣло шло объ изданіи закона, если же дѣло шло о выборахъ, тогда предсѣдатель объявлялъ имя кандидата. Никакихъ дебатовъ болѣе не дозволялось, и народъ по трибамъ или по центуріямъ подавалъ голоса за или противъ предложенія. Первоначально голосованіе было устное, но во второй половинѣ республики издаются *leges tabellariae*, по которымъ была установлена тайная подача голосовъ и письменно: съ этой цѣлью каждому на собраніи давалось двѣ дощечки, на одной буква *A.* (*antiquo*, т. е. желаю по прежнему,—говорю нѣтъ, противъ предложенія) и на другой—*Ū. R.* (т. е. *uti rogas*—голосую въ пользу предложенія). Затѣмъ одна изъ табличекъ опускалась въ ящикъ, находившійся въ каждой центуріи

или трибъ, а другая бросалась рядомъ съ ящикомъ; затѣмъ таблички изъ ящика считались и давали большинство голосовъ трибы или центуріи. Большинство поданныхъ такимъ образомъ голосовъ трибъ или центурій составляли голосъ большинства народнаго собранія. Продолжались *comitia* лишь отъ восхода и до захода солнца.

Что касается компетенціи народныхъ собраній, то здѣсь прежде всего слѣдуетъ отмѣтить 1) изданіе законовъ. Все, что постановляли комиціи, имѣло силу законовъ и могло быть отмѣнено только спеціальнымъ о томъ постановленіемъ народнаго же собранія; 2) вопросы о войнѣ и мирѣ, рѣшеніе которыхъ подлежало спеціально центуріатскимъ собраніямъ, какъ войску Рима; 3) выборы магистратовъ. Большинство ихъ, (консулъ, цензоръ, преторъ) а равно всѣ жрецы, избирались въ *comitia centuriata*; другіе же (безъ *imperium*) магистраты (трибуны, эдилы, квесторы) избирались въ *com. tributa*. 4) Наконецъ, народныя же собранія вѣдали высшій уголовный судъ; причемъ по преступленіямъ, влекущимъ за собою смертную казнь, разборъ дѣлъ подлежалъ исключительно вѣдомству центуріатскихъ собраній. Только въ концѣ республики созданы были для разбора дѣлъ уголовныхъ *quaestiones perpetuae*, и эта обязанность была снята съ комицій.

Сенатъ. Сенатъ по прежнему какъ и при царяхъ—совѣщательное учрежденіе при магистратахъ *sine imperio* (см. ниже). Организация и составъ сената намъ извѣстны послѣ *lex (plebiscitum) Ovinia*, изданнаго около 312 г. до Р. Хр., по которому цензорамъ было предписано избирать въ составъ сенаторовъ бывшихъ курульныхъ магистратовъ и «*optimum quemque ex omni ordine*», т. е. и плебеевъ. Въ силу этого закона *lectio senatus* передано было въ руки цензоровъ, которые при *lustrum* составляли списки сенаторовъ до новаго *lustrum*, т. е. на срокъ въ пять лѣтъ. При этомъ кромѣ бывшихъ курульныхъ магистратовъ, если въ списки оставались вакантныя мѣста, въ составъ сената вносились лица изъ *optimum quisque*, т. е. тѣ доблестные *cives, qui spolia ex hostie fixa domi haberent, aut civicam coronam acceperissent* (Liv. XXII, 24,4). Назывались теперь сенаторы—*patres conscripti*; причемъ въ составъ сенаторовъ различали *senatores pedarii* (*qui pedibus in alienam sententiam irent*, по опредѣленію Геллія). Вѣроятно, (Mommson) это сенаторы, не имѣвшіе права обсуждать вопросы, а лишь дававшіе свой голосъ; быть можетъ (Виллемсъ) эти *senatores pedarii* суть лица, избранныя въ составъ сената не изъ курульныхъ магистратовъ (плебеи). Несомнѣнно лишь то, что среди сенаторовъ были лица, имѣвшія одинъ совѣщательный голосъ, это именно *flamen Dialis* (Жрецъ Юпитера), квесторы и лица, сложившія съ себя въ теченіи *lustrum*'а должность претора или консула. Число сенаторовъ долгое время по прежнему 300 челов. Лишь при Сулѣ 600 и при Цезарѣ до 900.

Сенатъ имѣлъ двѣ функціи своей дѣятельности, *consilium consulis* и *auctoritas interponendi*:

1) *Consilium consulis* (а равно другихъ высшихъ магистратовъ—диктатора, претора, городского префекта). Это основная дѣятельность сената по прежнему, какъ и при царяхъ. Лишь позднѣе обычаемъ (не закономъ) установленъ былъ за сенатомъ рѣшающій голосъ, и его совѣтъ сталъ обязательнымъ тому, кто его спрашивалъ, какъ стало обязательнымъ для магистратовъ совѣщаться съ сенатомъ по извѣстнымъ вопросамъ; наконецъ, на послѣдніе и сенатъ обязанъ былъ давать отвѣтъ свой.

Въ силу такой своей дѣятельности—отвѣчать на вопросы, сенатъ собирався лишь по призыву магистрата *sui iuris*, сперва каждый разъ черезъ глашатаевъ. У сенаторовъ была привычка собираться на *senaculum*, на особомъ мѣстѣ на *comitium*ѣ, гдѣ ихъ и находили, или же шли звать по домамъ. Позднѣе эдиктами (консуловъ) впередъ назначались дни засѣданій, и *arrangitores* посылались по домамъ лишь въ случаѣ экстреннаго собранія. Если сенаторы не шли на призывъ, магистратъ штрафовалъ неявившагося безъ уважительныхъ причинъ (*multae dictio, pignoris capio*). Заранѣ содержанія дѣлъ засѣданія сенаторы не знали. Собраніе м. б. лишь въ храмѣ, вообще въ закрытомъ мѣстѣ, обыкновенно въ ближайшей къ форуму *curia Hostilia*. Чаще всего (съ конца республики) созывались въ календы, иды и ноны; *dies fasti* и *nefasti* вліянія не имѣли; старались лишь не созывать сенатъ въ дни народныхъ собраній, во избѣжаніе конкуренціи. Время для собраній—отъ восхода до заката солнца.

Собраніе магистратъ открывалъ молитвой—затѣмъ дѣлалось *relatio*, т. е. сообщеніе предмета обсужденія. Далѣе созвавшій сенатъ магистратъ устанавливалъ порядокъ совѣщанія. Трибуны до *lex Hortensia* стояли передъ открытыми дверьми и слѣдили, не *quid detrimenti plebi capiat*, чтобы своевременно дать свое *velo*. Позднѣе, съ уравниемъ въ правахъ, и трибуны пріобрѣли право созывать сенатъ и слѣдовательно засѣдать въ послѣднемъ. Засѣданія сената м. б. и тайными (при закрытыхъ дверяхъ).

Магистратъ, созвавшій сенатъ и доложившій вопросъ на обсужденіе, самъ долженъ былъ при этомъ указать, требуетъ ли онъ немедленнаго голосованія вопроса или же хочетъ, чтобы сенаторы предварительно подвергли его обсужденію. Въ послѣднемъ случаѣ предѣлательствующій магистратъ (который и созвалъ сенатъ) могъ по именамъ назвать сенаторовъ, отъ которыхъ ждалъ отвѣта; кого спрашивалъ, тотъ долженъ былъ высказать свой взглядъ на вопросъ. Запрещалось въ то же самое время уклоняться отъ темы *relationis*. При этомъ однако сенаторы могли требовать раздѣленія предложеній сложнаго содержанія для отдѣльнаго голосованія по такимъ частямъ (*sententia per satum dicta*), чтобы избѣгнуть возможности проведенія случайно, рядомъ съ безспорно полезными положеніями, положенія нежелательнаго для сенаторовъ содержанія. Мнѣнія высказывались сенаторами въ порядкѣ старшинства—сперва *princeps senatus*, затѣмъ *senatores consulares, praetorii, etc.* Когда воп-

рость оказывался достаточно убежденным, по предложению председателя приступали къ подачѣ голосовъ. Подача такая совершалась переходомъ направо отъ председателя тѣхъ, кто говоритъ—да на его предложеніе, и лѣвѣ тѣхъ, кто не соглашался съ предложеніемъ.

Сенатъ давалъ лишь *senatus consulta* (senatusconsulta). Эти *senatusconsulta* писались послѣ совѣщанія въ томъ же зданіи, гдѣ собраніе сената; за правильностью этого протокола наблюдали магистратъ-председатель и группа сенаторовъ, *qui scribendo adfuerunt* (отъ 2—12 человекъ) для засвидѣтельствованія правильности протокола; протоколы хранились въ аегаіишѣ. *Вѣдомству* сената какъ собранію «лучшихъ изъ гражданъ» былъ представленъ очень обширный кругъ дѣлъ. Такъ ему подвѣдомственны были а) высшіе религіозные вопросы: назначеніе дня всеобщаго покаянія, введеніе новыхъ божествъ—покровителей всего государства, раскрытіе сивиллиныхъ книгъ. в) сенатъ вѣдалъ международныя сношенія: заключалъ (редактировалъ) договоры съ сосѣдними странами, принималъ пословъ, вырабатывать планъ войны. с) Сенатъ вѣдалъ всѣ доходы и расходы Рима, утверждалъ государственный бюджетъ, управлялъ провинціями и завѣдывалъ податнымъ обложеніемъ послѣднихъ.

Участія сената въ законодательствѣ республики не было; это возникло уже въ въ императорскій періодъ, когда *senatus consulta* получили силу закона. *Leges provinciae*, дававшіяся сенатомъ, собственно были простымъ подтвержденіемъ эдиктовъ провинціальныхъ магистратовъ. Въ случаяхъ государственной опасности, сенатъ по *senatus consulto* поручалъ консуламъ выбрать диктатора, облакая его неограниченной властью.

2) Другая функція сената—*auctoritas interponendi*, т. е. право подтверждать всѣ постановленія народныхъ собраній, безъ чего оны не имѣли силы закона. Эта прерогатива сената, контролировавшаго здѣсь волю народа, скоро была ограничена, именно закономъ *Publilia Philonis* (385 г. до Р. Хр.), въ силу котораго такую *auctoritas senatus* стали испрашивать *ранѣе* проведенія вопроса въ народномъ собраніи: по *lex Hortensia* эта *auctoritas senatus* была совершенно отмѣнена.

Магистратура.

Съ появленіемъ дробленія магистратуръ въ Римѣ вся полнота царской власти, сосредоточенная первоначально въ рукахъ двухъ консуловъ, распределяется на большее число лицъ. Однако всѣ магистраты вообще и каждый въ отдѣльности въ Римѣ не были чиновниками, служителями государству въ нашемъ современномъ смыслѣ; напротивъ, магистраты вмѣстѣ съ римскимъ народомъ являлись носителями государственнаго суверенитета; оскорбленіе магистрата являлось преступленіемъ оскорбленія величія римскаго народа (*crimen laesae majestatis*).

Всѣ магистратуры были выбранными и почетными: служили не изъ за жалованья, а ради чести и тѣхъ выгодъ, которыя лицо получало послѣ срока своей службы. Въ сущности власть магистратовъ содержала въ себѣ всѣ полномочія царя. Отличительныя особенности республиканской магистратуры заключались въ слѣдующемъ: 1) множественность магистратуръ. Постепенно все болѣе увеличивающееся число магистратовъ неизбѣжно повлекло за собою дробленіе между ними прерогативъ власти и фактически ослабленіе полномочій каждаго изъ нихъ. 2) Срочность службы: даръ служилъ in perpetuum, до своей смерти. Между тѣмъ магистраты избирались сравнительно на очень краткій срокъ, именно большинство на 1 годъ. 3) Коллегіальность: Въ Римѣ было всюду 2—4 магистратовъ одного наименованія; причемъ de jure каждый изъ нихъ былъ облеченъ одинаковыми правами и обязанностями какъ и его спеціальныя коллеги того же наименованія, и могъ совершенно самостоятельно, не испрашивая воли и мнѣнія послѣднихъ, отправлять всѣ акты, на какіе управомоченъ по роду своей службы. Но при этомъ его коллеги имѣли jus intercessionis, могли на каждое его распоряженіе положить свое veto. Въ случаѣ нежеланія такъ рѣзко выступать противъ воли магистрата съ своимъ veto, коллеги его могли достигнуть того же результата, уведомивъ, что произведенныя имъ гаданья показали неблагоприятныя предзнаменованія для даннаго распоряженія коллеги (obnuntiatio). 4) Не было юридически разграниченной области компетенціи отдѣльныхъ магистратовъ; каждый магистратъ какъ представитель государственной власти, могъ быть полководцемъ, судьей, финансистомъ, администраторомъ и т. д. Въ общемъ здѣсь все зависѣло отъ политическаго такта магистратовъ, которые сами часто сознательно ограничивали свои правомочія, давая болѣе простора опредѣленной дѣятельности другихъ магистратовъ. Такъ консулы старались не пользоваться своимъ правомъ jus dicere, и стремились предоставить вѣдомство суда, и расправы своимъ коллегамъ преторамъ. Мало того, de facto часто бывало, что коллеги при обычной дѣятельности чередовались (консулы—по мѣсячно); перѣдко, въ случаяхъ частыхъ споровъ между коллегами, сенатъ опредѣлялъ каждому изъ коллегъ его особую provincia, т. е. родъ дѣлъ. 5) Отвѣтственность магистратовъ за преступленія и проступки по должности возникала лишь послѣ окончанія срока ихъ службы. Ранѣе этого времени привлеченіе магистратовъ къ отвѣтственности передъ народнымъ собраніемъ не допускалось.

Постепенно однако, не смотря на всѣ старанія уравнивать между собою по власти всѣхъ магистратовъ, начинаетъ возникать различіе въ правахъ и преимуществахъ отдѣльныхъ магистратскихъ коллегій. Въ этомъ отношеніи особенно существеннымъ являлось отличіе *magistratus cum imperio et mag. cum potestate*. Imperium—это высшая власть на войнѣ и мирѣ, высшая судебная власть, право созывать сенатъ и comitia, совершать auspicia publica. Potestas—это высшая административная власть, т. е. забота о сохра-

нені общественного спокойствія: ея прерогативами является право налагать штрафъ (*multae dictio*), привлекать къ суду за проступки (*in jus vocatio*), брать вещи въ закладъ до выполненія ослушникомъ приказанія магистрата (*pignoris capio*), *prensio* т. е. право личного ареста, даже сенаторовъ. За *magistratus cum imperio* (имѣвшихъ вмѣстѣ и *potestas*) причислялись, кромѣ *magistratus extraordinarii* (диктаторъ, трибунъ *militum consulari potestate*, *magister equitum* и др.), консулы и преторы. Существовали еще дѣленія магистратовъ на *курульныхъ и не-курульныхъ* (последніе—плебейскаго происхожденія: трибуны, адилы *plebis*), на *majores u minores* (смотря по тому, могли ли они совершать *auspicia majora vel minora*) и др., которыя имѣють слабое отношеніе къ юриспруденціи.

Выборы магистратовъ происходили въ народныхъ собраніяхъ, главнымъ образомъ въ *comitia centuriata*. Собственно *de jure* въ магистраты могъ быть выбранъ всякій *civis romanus*, никакихъ особыхъ условій при этомъ не требовалось, ни особаго образованія или какой-либо спеціальной подготовки. Только начиная съ *lex Villia annalis* (180 г. до Р. Хр.), требовался извѣстный минимальный возрастъ отъ кандидата, именно состояніе въ войскѣ не менѣе 10 лѣтъ, т. е. возрастъ не менѣе 28 лѣтъ (службу въ войскѣ всѣ римляне несли съ 18 лѣтъ); затѣмъ этотъ законъ опредѣлялъ промежутокъ времени минимумъ 2 года прежде послѣдовательнаго назначенія лица вновь магистратомъ. Позднѣе по *lex Cornelia* (Суллы 81 г. до Р. Хр.) былъ установленъ минимальный возрастъ для кандидатовъ на каждую отдѣльную магистратуру: для квестуры не менѣе 30 лѣтъ, для претора—40 лѣтъ, для консула 42 года. Службу начинали обыкновенно съ квестуры, каковая магистратура считалась низшей.

Во избѣжаніе *interregnum* съ средины республики стали выбирать кандидатовъ въ магистраты еще до истеченія срока службы послѣднихъ.

Отдѣльные магистраты. Консулы. Во главѣ республики стояли два консула, бывшіе первоначально по объему власти какъ бы царями, но лишь на срокъ (1 годъ), послѣ котораго замѣнялись другими лицами. Они имѣли *supremam potestatem* и *majus imperium*; лишь постепенно власть ихъ стала ослабляться, во 1-хъ, выдѣленіемъ тождественныхъ полномочій, въ извѣстномъ объемѣ, въ вѣдомство особыхъ магистратовъ (преторы, цензоры), а затѣмъ усиленіемъ власти сената. Преимущественное значеніе ихъ было въ военное время, когда они являлись главнокомандующими войскомъ Рима. Консулы же были высшими судьями въ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлахъ, каковая дѣятельность впрочемъ вскорѣ была фактически предоставлена ими преторамъ. Именами консуловъ въ римской хронологіи отмѣчаются года.

Каждый консулъ имѣлъ при себѣ спеціальнаго помощника—*квестора*, котораго первоначально избиралъ самъ; позднѣе (съ уравненіемъ въ правахъ патриціевъ и плебеевъ) избраніе квесторовъ стало производиться въ *comitia*

tribuna. Предметы вѣдомства квесторовъ были первоначально довольно неопредѣленны; можно сказать лишь, что съ вѣдома консула онѣ могъ отправлять тѣ же функціи, какъ и послѣдній, поскольку онѣ не истекали изъ imperium'a консула. Число квесторовъ постепенно увеличивается съ 2 до 4, 8, 20 и даже (при Цезарѣ) до 40 человекъ. Съ середины республики преимущественной обязанностью квесторовъ является завѣдываніе государственной казной, веденіе прихода-расходныхъ книгъ, выдача денегъ на общественныя нужды, по указаніямъ сената; наконецъ, на квесторахъ же лежала обязанность взыскивать недоимки по tributum. Съ увеличеніемъ числа квесторовъ, лишь нѣкоторые изъ нихъ завѣдывали финансовой частью въ Римѣ (quaestores urbani), остальные же прикомандировывались сенатомъ къ отдѣльнымъ магистратамъ, особенно въ провинціи, для контроля за ихъ расходами, а равно въ приморскіе города для надзора за правильнымъ поступленіемъ таможенныхъ пошлинъ.

Трибуны. Первоначально чисто плебейская магистратура, созданная съ цѣлью защиты (путемъ veto) плебса отъ злоупотребленій со стороны патриціевъ и ихъ магистратовъ, трибуны со времени lex Hortensia превращаются въ защитниковъ римскаго народа противъ злоупотребленій со стороны магистратовъ. Въ силу своего jus intercessionis трибуны имѣли право оспорить всякій государственный актъ, даже рѣшеніе комицій. Они могли отмѣнить всякое распоряженіе любого магистрата; если же послѣдній не слушался veto трибуна, трибуны могъ наложить на ослушника штрафъ, до конфискаціи всего имущества включительно; проведеніе же въ жизнь actus vitiosus могло повлечь за собою для виновнаго магистрата обвиненіе его трибуномъ въ государственной измѣнѣ. При этомъ дѣло доходило до народнаго собранія, а поздѣе до претора, который разрѣшалъ вопросъ, имѣлъ ли трибуны достаточно основаній для представленія такого обвиненія.

Вмѣстѣ съ помощниками своими—эдилами трибуны вѣдали административныя дѣла среди плебса. Въ сенатѣ первоначально они не могли присутствовать; однако послѣ закона Гортензія имъ было предоставлено это право на равнѣ съ прочими высшими магистратами Рима.

Преторъ.—Магистратура эта была учреждена въ 367 году послѣ законовъ Licinia Sextia. Это былъ первоначально какъ бы третій консулъ по характеру своихъ полномочій. Преторъ имѣлъ *potestas imperium* съ консулами; только не имѣлъ *jus intercessionis* въ отношеніи къ распоряженіямъ послѣднихъ; тогда какъ консулы имѣли право на veto въ отношеніи распоряженій претора. Съ 241 года, рядомъ съ прежнимъ городскимъ преторомъ, былъ избранъ второй преторъ для разбора дѣлъ гражданъ съ иностранцами (*praetor peregrinus*). Послѣ покоренія Сардиніи и Сициліи число преторовъ было увеличено до 4, при Суллѣ до 8, а при Цезарѣ даже до 16 человекъ. Послѣ завоеванія Сициліи и Сардиніи преторовъ стали посылать для управленія провинціями, гдѣ они имѣли высшую судебную и административную власть. Въ Римѣ же преимущест-

венно преторы занимались судопроизводствомъ, гражданскимъ и уголовнымъ. Подобно консуламъ преторы могли созывать народные собранія и сенатъ, что чаще всего именно ими и совершалось, въ виду постоянныхъ отлучекъ консуловъ изъ Рима съ военными цѣлями. Подобно консуламъ же преторы издавали обязательные эдикты, которые позднѣе приобрѣли такое громадное значеніе, явившись средствомъ проведенія преторами крупныхъ реформъ въ римскомъ частномъ правѣ.

Специализовавшись въ области юриспруденціи, преторъ приобрѣлъ особенное значеніе въ области гражданской юриспруденціи: дѣла уголовныя разбирались въ народныхъ собраніяхъ, а со 2-й половины республики въ особыхъ чрезвычайныхъ комиссіяхъ (*quaestiones extraordinariae*), позднѣе—въ постоянныхъ комиссіяхъ (*quaestiones perpetuae*), каждая для опредѣленнаго рода дѣлъ (такъ напр., съ 149 г. по *lex Calpurnia—quaestio de repetundis*—по дѣламъ о взяткахъ). Въ дѣлахъ же гражданскихъ, при дѣленіи всего процесса на двѣ стадіи—на процессъ *in iure* и *in iudicio*, (см. ниже) всѣ дѣла въ первой ихъ стадіи проходили черезъ руки претора, который устанавливалъ здѣсь претензіи сторонъ, содержаніе иска и способъ его разбора *in iudicio*. Кромѣ того претору принадлежала обширная административная власть—*imperium meum*, гдѣ онъ являлся устройтеlemъ общественного порядка посредствомъ штрафовъ и другихъ взысканій, а равно путемъ *imperium mixtum* (*cum jurisdictione*) путемъ экстренныхъ мѣръ судопроизводства, основанныхъ на его *imperium*ѣ, (*interdicta, in integrum restitutio* и др., см. ниже).

Эдилы.—Магистраты, вѣдавшіе по преимуществу дѣла административнаго характера. Созданы были—плебейскіе эдилы въ помощь трибунамъ, а курульные эдилы—въ помощь консуламъ. Послѣ *lex Hortensia* эдилы того и другого рода составили одну коллегію изъ 4 лицъ, причемъ однако по прежнему лишь за курульными эдилами признавался *jus edicendi*. Сосредоточивъ въ своихъ рукахъ по преимуществу полицейскую власть, эдилы имѣли слѣдующую компетенцію: 1) *cura annonae*; они были обязаны заботиться о снабженіи Рима продовольствіемъ, т. е. предметами потребленія первой необходимости; въ силу этой своей обязанности эдилы должны были бороться противъ стачекъ продавцовъ съѣстныхъ припасовъ и вообще противъ всякаго рода повышеній цѣнъ на провіантъ. 2) *Cura ludorum*, т. е. заботы объ устройствѣ общественныхъ игръ и другихъ развлеченій и наблюденіе за порядкомъ на нихъ, равно какъ при всякаго рода зрѣлищахъ и процессіяхъ; 3) *Custodia urbis*—охрана городской безопасности, наблюденіе за порядкомъ въ городѣ и на рынкахъ. Съ этой цѣлью эдилы слѣдили за правильностью торговли, провѣряли мѣры и вѣсы,—вообще въ ихъ рукахъ была сосредоточена торговая полиція. Въ связи съ этимъ къ нимъ же перешла и юрисдикція по торговымъ дѣламъ, регулированію которой и были посвящены *edicta aediticia*. Эдилы же вѣдали уличную полицію, слѣдили за тишиной, порядкомъ и чистотой на ули-

цахъ, наблюдали за исправнымъ дѣйствиємъ водопроводовъ и клозакъ, за чистотой бань, боролись съ заразными болѣзнями. Подъ ихъ же надзоромъ были лупанары и meretrices Рима.

Цензоры. Магистратура эта была отдѣлена отъ консульской въ 444 году. Въ силу особеннаго характера дѣятельности эта должность (цензоровъ было два) почиталась наиболѣе почетной въ республикѣ, не смотря даже на то, что imperium цензорамъ не было предоставлено, цензорами выбирали обыкновенно бывшихъ консуловъ послѣ срока же службы. Избраніе цензоровъ совершалось всегда въ центуриатныхъ собраніяхъ, притомъ сразу всегда намѣчалось два кандидата, и избраніе лишь одного изъ нихъ не допускалось; коллега забаллотированнаго кандидата долженъ былъ отказаться отъ цензorstва. Избраніе такое производилось черезъ четыре года на пятый (quinque abno). Со времени изданія lex Aemilia цензоровъ стали избирать на 1½ года, пока длился lustrum, т. е. періодической переписи римскаго населенія. Главной обязанностью цензора именно и былъ надзоръ за производствомъ такого lustrum, т. е. составленіе списковъ населенія, распредѣленіе гражданъ по трибамъ, классамъ, центуриямъ, составленіе списковъ сенаторовъ и всадниковъ. Фактически эти обязанности сосредоточили въ рукахъ цензоровъ громадные права, тѣмъ болѣе, что на его дѣйствія при lustrum не допускалась апелляція.

Счисленіе народа производилось цензорами сообразно семейному и имущественному положенію каждаго, по трибамъ; причемъ каждый гражданинъ долженъ былъ къ этому времени изъ провинцій вернуться въ свою трибу, гдѣ кто былъ приписанъ, и тамъ добровольно показать свое семейное положеніе и прожиточность; за дачу неточныхъ свѣдѣній виновный карался отдаленіемъ въ рабство. Составляемые на основаніи такихъ показаній, подъ наблюденіемъ цензоровъ, посемейные списки являлись основой для военной службы, для податнаго обложенія и для раздѣленія трибъ. Census populi такой простирался на все имущество лица (familia pecuniaque), но лишь на тѣ объекты, которые были въ собственности ex jure quiritium; оцѣнку имъ окончательную давалъ цензоръ. Въсѣтъ съ составленіемъ такихъ списковъ цензора слѣдили за тѣмъ, чтобы въ составѣ римскихъ гражданъ, внесенныхъ по трибамъ, входили лишь лица безупречной нравственности (regimen morum); причемъ за дурное поведеніе, за безнравственные поступки и за завѣдомо порочную жизнь они были вправѣ виновнаго или внести въ списки по городскимъ трибамъ, т. е. приравнять къ вольноотпущеннымъ, или вовсе tribu movere, т. е. внести въ разрядъ эраріевъ. Совершая такой актъ, цензоръ лишь обязанъ былъ въ спискахъ отмѣтить причину своего поступка (nota, adscriptio censoria). Подобное умаленіе въ правахъ гражданина продолжалось для него до слѣдующаго lustrum или до смерти цензора; впрочемъ другой цензоръ—коллега перваго могъ возстановить потерпѣвшаго гражданина въ его прежнемъ состояніи.

Получивъ по *lex Ovinia* право составлять списки сенаторовъ и всадниковъ, и здѣсь цензоръ могъ равнымъ образомъ вычеркивать подозрительныхъ по нравственности лицъ изъ такихъ списковъ, (у всадника отнять казенную лошадь), тѣмъ лишая ихъ прежняго званія. Здѣсь однако вычеркиваніе такое допускалось лишь по взаимному о томъ соглашенію обоихъ цензоровъ—коллегъ. Кромѣ указанныхъ функций цензоры принимали дѣятельное участіе въ финансовомъ управленіи. Въ этомъ отношеніи именно черезъ цензоровъ вступалъ сенатъ въ соглашенія съ публиканами на счетъ отдачи на откупъ отдѣльныхъ казенныхъ статей дохода (пользованіе клоаками, мостами, разработка руды, соли, дѣса, таможенные сборы, *vestigalia* съ провинцій и т. п.); при этомъ нерѣдко цензора, сами организуя товарищества публикановъ, заключали съ ними контракты и опредѣляли взаимныя условія—все лишь подъ контролемъ сената. Въ связи съ финансами цензора имѣли судебную власть по дѣламъ межевымъ (*terminatio*), именно по размежеванію казенныхъ земель отъ частныхъ, а равно разрѣшали споры и тяжбы, возникающіе въ этой области отношеній. Эти дѣла цензоръ рѣшалъ непосредственно самъ отъ начала до конца, безъ передачи на разрѣшеніе судѣ фактической стороны дѣла.

Viginti sex viri. Кромѣ указанныхъ магистратовъ были еще другіе, игравшіе менѣе значительную роль въ государственной жизни Рима. Всѣ они въ совокупности носили одно общее наименованіе—*viginti sex viri* и распались на нѣсколько коллегій. Укажемъ изъ послѣднихъ здѣсь лишь нѣкоторыя. Таковы напр. а) *tres viri capitales*—на ихъ обязанности лежало производство предварительнаго дознанія въ уголовныхъ дѣлахъ; въ области административной они были помощниками эдильовъ, завѣдывали пожарной частью, имѣли надзоръ за тюрьмами, преслѣдовали азартныя игры и шулеровъ и т. п. б) *Decemviri stlitibus judicandis*—вѣдали процессы о свободѣ; в) *Quattuor viri viis in urbe purgandis*—вѣдали чистоту улицъ и порядокъ на нихъ вообще; д) *Tres viri auro argento aere flando feriundo (III viri —monetales)* вѣдали чеканку монеты,—и другіе.

Промомагистратура.—Обязательная срочность службы республиканскихъ магистратовъ и къ тому же кратковременность ея иногда доставляла затрудненія въ жизни. Такъ, напр., въ военное время новый консулъ не могъ своевременно придти и смѣнить стараго, и войску грозила опасность остаться безъ начальника; нерѣдко въ данный моментъ такая необходимая смѣна могла повлечь гибельныя послѣдствія, лишитъ армию идеальнаго вождя, наиболѣе подходящаго къ мѣсту и времени. Римская государственная жизнь на эти и имъ подобныя случаи нашла выходъ, не измѣняя основныхъ началъ магистратуры. Именно при этомъ допускалось, съ разрѣшенія сената, срокомъ не долѣе года, оставленіе въ должности прежняго магистрата, но уже *pro-magistratu*, лишь для фактическаго осуществленія функций его власти. Затѣмъ и сами магистраты *sunt imperio vni Roma* могли, въ минуты крайней необходимости,

предоставлять свои правомочія другимъ лицамъ на время своего отсутствія. Такой *promagistratus*, назначенный самимъ магистратомъ, находился въ подчиненномъ послѣднему положеніи и утрачивалъ свои прерогативы по волѣ его. Наконецъ, и сенатъ иногда облакалъ временно въ самомъ Римѣ одного магистрата властью другого болѣе высшаго по авторитету; такимъ образомъ могъ быть установленъ временно *praetor pro consule*, *quaestor pro praetore* и т. д. Сенатъ же иногда поручалъ особому лицу опредѣленную дѣятельность на пользу государства, какъ въ Римѣ, такъ и внѣ его стѣнъ; такія лица назывались обыкновенно *curatores*.

Обычный недостатокъ выборныхъ должностей—неподготовленность кандидатовъ къ тому роду дѣлъ, какія имъ приходится вести по избраніи въ должность. Этотъ недостатокъ въ своей магистратурѣ римляне сознавали и старались его исправить установленіемъ при каждомъ магистратѣ *consilia*—совѣщательныхъ учреждений. Эти *consilia* при магистратахъ создавались изъ друзей каждаго и опытныхъ въ дѣлахъ знатоковъ—юристовъ. Быть такимъ совѣтникомъ считалось въ Римѣ почетнымъ дѣломъ. Эти совѣтники магистратовъ присутствовали при отправленіи службы послѣдними, окружая его трибуналъ. Магистратъ, совершая государственные акты, на мѣстѣ же и совѣщался со своимъ *consilium*омъ, когда встрѣчалъ въ томъ необходимость.

Для помощи магистратамъ, при отправленіи и выполненіи дѣлъ, давали имъ *adparitores*—канцелярскіе служители. Эти адпариторы получали жалованье отъ казны, почему въ отличіе отъ магистратовъ назывались *mercennarii*; ими могли быть лишь свободные римскіе граждане; но *de facto* масса ихъ состояла изъ вольвоотпущенниковъ. Эти *adparitores* дѣлились на 4 категории: *scribae* (секретари, бухгалтеры), *lictors*, *viatores* (разсыльные, судебн. пристава), *praecones* (низшіе служители при магистратахъ). Большинство ихъ имѣло корпоративную организацію.

Финансы. Финансовое хозяйство Рима велось на началахъ обычнаго веденія хозяйства частными лицами; доходы опредѣляли размѣры расхода, а не наоборотъ. *Расходы* Рима въ этотъ періодъ не были значительными. Главнѣйшія статьи его составляли: а) *культъ*: издержки на организацію, празднествъ божествамъ и въ память крупныхъ общественныхъ событій, на игры и т. п. в) *Забота объ общественныхъ постройкахъ*: постройка и поддержаніе храмовъ, базиликъ, дорогъ (*via Appia*), водопроводовъ, канализаціи. Особеннымъ предметомъ заботъ казны являлись улучшенія путей сообщенія (стратегическая дѣль). с) *Военные расходы*: на содержаніе войска и флота, на постройку судовъ, крѣпостей, военныхъ машинъ и т. д. д) *Расходы по управленію*: плата за издержки по службѣ магистратамъ въ Римѣ и жалованье *adparitores*, жалованье римскимъ чиновникамъ и ихъ свитѣ въ провинціяхъ. е) Особенно крупной статьёй расхода къ концу республики явилось *народное продовольствіе*: раздача голодающей чернѣ хлѣба и другихъ продуктовъ первой необхо-

димости даромъ или за ничтожную плату. Расходы Риму было легко покрывать, благодаря очень крупнымъ поступлениямъ въ казну доходовъ по разнымъ статьямъ.

Изъ статьи *доходовъ* исчезаетъ древне-римскій *tributum* (налогъ съ *cives*) около времени покоренія Греціи (III в.), благодаря колоссальному обогащенію *agerium*'а награбленнымъ съ покоренныхъ провинцій добромъ. Послѣ отмены *tributum* римскіе граждане были вообще освобождены отъ платежа податей, каковыя послѣ того стали взиматься лишь съ провинціаловъ (*stipendium*).

Кажется, Каракалла, даровавъ *civitas* всемъ провинціаламъ, не отменилъ съ поелѣднихъ подати; поэтому позднѣй стали возможны случаи платежа податей римскими гражданами.

Кромѣ *stipendium*'а,—подати, назначавшейся сенатомъ на всю провинцію, въ видѣ какъ бы контрибуціи, въ провинціяхъ же собиралась еще *decuma*, т. е. десятая часть стоимости продуктовъ съ провинціальной земли; это—какъ бы арендная плата провинціаловъ казнѣ за оставленную въ ихъ пользованіи землю.

Рядомъ съ этими прямыми налогами въ республиканскомъ Римѣ были введены обязательные для *всѣхъ косвенные налоги*, изъ числа которыхъ упомянемъ: а) *portoria* таможенный налогъ на товары, привозимые изъ за границы; обыкновенный размѣръ ихъ былъ 2,5% (*quadragesima*); б) налогъ съ отпускаемыхъ на волю рабовъ (по *lex Manlia vicesimaria*) (5% стоимости раба).

Довольно крупный доходъ казнѣ давали ея *домены*, главнымъ образомъ *ager publicus* въ Италиі; управляли этою землею различно, а именно а) обработанные участки ея вымежевывались (*agri assignati*) и продавались или даромъ отдавались отдѣльнымъ гражданамъ въ собственность; б) участки необработанной земли сдавались въ наследственное пользованіе за плату (*vectigal*, отсюда ихъ наименованіе *agri vectigales*). в) Наконецъ римскимъ гражданамъ эдиктами предоставлялась устраивать «займки» (*agri occupatorii*), причемъ захватчикъ обязывался въ ближайшей *lustrum* уплатить за все время пользованія стоимость $\frac{1}{10}$ плодовъ съ земли и $\frac{1}{5}$ плодовъ съ деревьевъ на его займкѣ. Займки такія по наследству переходили; но въ собственность по давности ихъ приобрѣтать не дозволялось. Постепенно въ Италиі домены стали казною раздаваться и продаваться въ собственность частнымъ лицамъ, пока при Домиціанѣ ихъ все не разобрали по рукамъ.

Какъ самый сборъ податей, такъ и производство расходовъ на государственныя нужды въ Римѣ обыкновенно сдавались съ торговъ на откупъ публиканамъ. При всѣхъ этихъ сдачахъ на откупъ представителями казны въ сношеніяхъ съ публиканами былъ, какъ мы уже говорили выше, цензоръ, который именно и заключалъ договоры объ откупахъ съ публиканами.

Монетная система. Употребленіе монеты въ Римѣ восходитъ только къ половинѣ V вѣка до Р. Хр. Ранѣе мѣдь какъ счетный металлъ обращалась

на вѣсъ, въ безформенныхъ кускахъ. Древнѣйшей монетою былъ мѣдный *ass*, монета въ римскій фунтъ вѣсомъ (327 гр.), равный по стоимости 28,8 коп. Первоначально *ассъ* былъ продолговатой четырехугольной формы. Круглую монету стали чеканить лишь съ 338 г. *Ассъ* дѣлился на 12 унцій (унція = 2,4 коп.). Съ первой пунической войны (съ 268 г.) стали чеканить серебряную монету *денарій* (*denar*), равный по вѣсу $\frac{1}{24}$ фунта серебра (= около 25 коп.). *Денаръ* дѣлился на два *quinar'a*, и на четыре *сестерции* (*sestertius* = 6,31 коп.). Стоимость денара по закону была приравнена къ 10 мѣднымъ *ассамъ* и введена серебряная валюта (на денары) (отсюда названіе денаръ = *decem aere*). Въ началѣ 2-й пунической войны въ цѣляхъ девальвации по закону Фламминіа стали чеканить денаръ равнымъ 16 *ассамъ*. Въ то же время *ассъ* былъ уменьшенъ въ вѣсъ до одной прежней унціи (*ass uncialis*). Около 217 г. была введена новая серебряная монета—*аусторіатъ* равная $\frac{3}{4}$ денара, т. е. 19 $\frac{1}{2}$ коп. Въ то же время была введена ненадолго золотая монета въ 60, 40 и 20 сестерцій, но обычно въ республиканское время золотой монеты не чеканили въ Римѣ (до Цезаря). Причиной выпуска кредитной монеты во времена республики были финасовыя затрудненія, зависѣвшія отъ пуническихъ войнъ. Кроме того въ Римѣ массаи обращалась иностранная (съ Востока) золотая монета. Право выпуска государственной монеты во времена республики принадлежало сенату, уполномоченные котораго (*triumviri monetales* или *III viri auro, argento, aere flando feriundo*) наблюдали за чеканкой монеты. Въ военное время главнокомандующій равнымъ образомъ могъ чеканить монету. Юлій Цезарь первый поставилъ на государственной монетѣ свое изображеніе; съ этого времени на монетѣ вѣхъ металловъ изображался царствовавшій императоръ.

Народное хозяйство; аграрный вопросъ.

И въ этотъ періодъ главнѣйшимъ основаніемъ экономическаго быта римлянъ являются земледѣліе и землевладѣніе, главнымъ образомъ мелкое. Последнее однако скоро гибнетъ и замѣняется латифундіями. Главными причинами этого были а) *всеобщая воишская повинность*, которая, при почти непрерывныхъ войнахъ, крайне гибельно отражалась на мелкихъ собственникахъ. Последніе вынуждены были бросать свое хозяйство и земли на произволь судьбы и дѣлать займы для прокорма семей. Займы дѣлались на крайне тяжелыхъ условіяхъ и еще болѣе запугывали должниковъ. Въ результатъ—продажа имущества неисправныхъ должниковъ съ молотка и поступленіе послѣднихъ съ семьями въ кадры пролетаріата. У богатыхъ же отсутствіе ихъ на войнѣ не вредило хозяйству, которое велось руками рабовъ и управляющихъ, да къ тому же былъ и запасный капиталъ.

в) Загубила мелкое сельское хозяйство окончательно *конкуренція* иностраннаго рынка, откуда, особенно изъ Африки и Сициліи, стали массаи

привозить зерно и продавать его въ Римѣ за безцѣнокъ; такъ что за ту же цѣну нельзя было продавать итальянскій хлѣбъ: одни издержки на производство его стоили болѣе. Приходилось вводить въ Италіи интенсивную культуру, что не было подъ силу мелкимъ хозяевамъ, и они продавали массы свои земли богачамъ за безцѣнокъ, а сами брели въ Римъ, чтобы не умереть въ деревнѣ съ голоду.

Римское правительство хорошо видѣло этотъ процессъ обезземеленія мелкихъ хозяйствъ и стремилось бороться съ этимъ зломъ. Только оно избрало неудачныя средства борьбы съ послѣднимъ. Въмѣсто созданія общественныхъ работъ и подъема промышленности, оно стало усердно поддерживать существованіе пролетаріата подачками хлѣба и др. продуктовъ первой необходимости (*frumentatio*), этимъ еще болѣе отучая чернь отъ труда. Наконецъ, уже издавна видѣли мы попытки введенія земельного передѣла, и если не уничтоженія, то по крайней мѣрѣ ослабленія значенія латифундій. Въ этихъ цѣляхъ уже въ первой половинѣ II вѣка до Р. Хр. былъ изданъ законъ о передѣлѣ замковъ (*ager occupatorius*) въ размѣрѣ не болѣе 500 югеровъ на cadaго, чтобы такимъ образомъ остатокъ отъ передѣла обратить въ надѣлъ безземельнымъ гражданамъ. Законъ этотъ (который былъ извѣстенъ Катону Старшему, т. е. около 160 года до Р. Хр.), однако на практикѣ не осуществился, и оказался лишь прототипомъ для позднѣйшаго *lex Sempronia* (Гракха).

Въ защиту экономически угнетеннаго пролетаріата выступили во II вѣкѣ два великихъ брата—Тиберій и Каій Гракхи.

Тиберій Гракхъ (изъ *gens* Семпроніевъ) родился въ 163 году до Р. Хр. и едва достигши 16 лѣтъ, сопровождалъ уже своего шурина Сципіона Эмилиана въ его походѣ, приведшемъ къ разрушенію Карфагена, и впоследствии, въ Испанскую войну, отличался храбростью и замѣчательнымъ благоразуміемъ. Въ свою поѣздку въ Этрурію (нынѣ Тоскана) онъ, при взглядѣ на опустѣвшія, обрабатываемыя одними рабами, поля, впервые понялъ гибельное состояніе своего отечества; война съ рабами въ Сициліи, въ теченіе многихъ лѣтъ поглощавшая лучшихъ полководцевъ и лучшіе легіоны и стоившая жизни сотнямъ тысячъ съ обѣихъ сторонъ, могла содѣйствовать тому, чтобы его идеи созрѣли. Въ возрастѣ 29 лѣтъ онъ добился званія народнаго трибуна. Въ 133 году по вступленіи на должность, Тиберій предложилъ народу *новый* аграрный законъ, по которому одинокимъ запрещалось имѣть болѣе 500, а семьямъ болѣе 1000 югеровъ государственной земли, состоявшей не въ *dominium*, а въ *possessio* (*agri occupatorii*); за улучшенія, введенныя на земляхъ, подлежащихъ возврату, устанавливалось вознагражденіе; освободившіяся земли должны были раздѣлены на участки въ 30 югеровъ каждый, и по жребію распределены между лишенными всякаго имущества римскими гражданами и итальянскими союзниками, съ обязательствомъ заниматься исключительно земледѣліемъ. Отдавались эти участки не въ собственность, а въ *наследствен-*

ную *аренду* съ обязательствомъ уплаты извѣстной ренты (*vectigal*) въ государственную кассу. Несмотря на яростную оппозицію, находящагося въ рукахъ аристократовъ сената энергичному и чрезвычайно краснорѣчивому Гракху удалось найти многочисленныхъ сторонниковъ закона, и въ Римъ стали стекаться изъ Италіи и даже изъ колоній безчисленныя массы гражданъ для поддержки Гракха.

Долго шла жестокая борьба изъ за закона. Наконецъ, сенатской партіи удалось побудить другого трибуна—*Марка Октавія*, чтобы онъ наложилъ на этотъ законъ свое *вето*. Гракхъ, видя что вся его реформа въ опасности, рѣшился на неслыханный до тѣхъ поръ революціонный шагъ: онъ предложилъ народу смѣнить до срока противорѣчащаго товарища. Аграрный законъ былъ принятъ (133 году); и была назначена коммиссія для его осуществленія (*tres viri agris dandis assignandis*), въ составъ коей вошли: Тиверій, его братъ Кай и тесть Анній Клавдій. Къ ярости оптиматовъ, работы коммиссіи быстро пошли впередъ; но вскорѣ оказалось, что одной землей новымъ землевладельцамъ нельзя помочь. Въ это время Агталъ, послѣдній царь Пергамы, оставилъ свою страну въ наслѣдство римскому народу. Тиверій воспользовался этимъ обстоятельствомъ и побудилъ народъ принять рѣшеніе, что исполненіе воли завѣщателя д. б. выполнено буквально, т. е. что народъ самъ, подъ руководствомъ сената, долженъ управлять доставшеюся страной, а сокровища умершаго царя д. б. употреблены на то, чтобы снабдить новыхъ землевладельцевъ необходимымъ инвентаремъ. Это рѣшеніе довело ярость противной партіи до крайности, и когда Тиверій послѣ окончанія срока своей службы, въ которой онъ успѣлъ внести нѣсколько новыхъ благоприятныхъ народу предложеній (облегченіе условій военной службы, реформа судопроизводства и т. д.), былъ вновь избранъ трибуномъ, и съ 300 своихъ сторонниковъ явился въ Капитолій, разъяренные сенаторы, вооружившись стульями, скамейками и обломками дерева, бросились на нихъ и всѣхъ ихъ перебили.

Опасный трибуна былъ устраненъ, но дѣло его не могло быть уничтожено (*lex Sempronія*); на основаніи его за нѣсколько лѣтъ число способныхъ носить оружіе гражданъ землевладельцевъ увеличилось почти на 80,000.

Кай Гракхъ былъ моложе своего брата на 9 лѣтъ и, далеко превосходя его талантомъ, силой характера и страсти, былъ въ сравненіи съ спокойнымъ почти мечтательнымъ реформаторомъ Тиверіемъ дальновиднымъ и смѣло-революционнымъ государственнымъ дѣителемъ. Тиверій удовлетворялся *одной* только великой реформой. Кай же, избранный въ народные трибуны почти черезъ 10 лѣтъ послѣ смерти брата, выступилъ съ обширной системой реформъ, долженствующей произвести глубокое измѣненіе во всемъ общественномъ складѣ Рима. Судебныя функціи сената должны были потерпѣть значительныя ограниченія въ пользу народа, съ передачей *alium iudicium* всадникамъ; главная финансовая реформа сводилась къ тому, что въ будущемъ должна была проше-

ходить ежемѣсячно раздача хлѣба изъ общественныхъ магазиновъ нуждающимся гражданамъ, отчасти даромъ, а отчасти за низкія цѣны. Чтобы дать работу безработнымъ, проектировались великолѣпныя общественныя сооруженія. Проведеннымъ Каемъ Гракхомъ lex viagia намѣчена была цѣлая сѣть новыхъ шоссе, чѣмъ сосредоточена была масса казенныхъ денегъ въ его рукахъ; вмѣстѣ съ тѣмъ явилась возможность расселять по надѣламъ вдоль новыхъ дорогъ лицъ безземельныхъ и создавать поселенія римскихъ гражданъ въ Италиі. Новыя колоніи д. б. поглощать излишекъ населенія Рима и Италиі. Наконецъ, рѣшено было усилить основу государства предоставленіемъ правъ римскихъ гражданъ всѣмъ жителямъ Италиі. Какъ настоящій государственный дѣятель, Кай Гракъ понималъ, что раздачей хлѣба онъ пріобрѣтетъ расположеніе римской черни, надеждой на права гражданства онъ привлечетъ къ себѣ все населеніе Италиі, а реформой суда присяжныхъ получить союзниками капиталистическое сословіе всадниковъ. Такъ надѣялся онъ положить основу сильной демократической партіи, которая подъ его руководствомъ должна была совершенно сломить могущество знати. Борьба съ такимъ противникомъ была не легка.

Когда всѣ его предложенія, включая и основаніе колоніи Юноніи на мѣстѣ Карфагена, были приняты, сенатъ въ нуждѣ самъ обратился къ помощи демагоговъ и побудилъ преданнаго сенату трибуна. *Ливія Друза*, предложить проэктъ, еще болѣе выгодный народу чѣмъ проэктъ Гракха: отмѣну *vestigalia* за землю; вмѣстѣ немногихъ прежнихъ колоній за моремъ, народу были тотчасъ же предложены 12 колоній, съ 3000 гражданъ въ каждой, въ самой Италиі. Жрецы пугали бѣдствіями, если заселять вновь Карфагенъ. Хитрость удалась; Кай потерялъ расположеніе народа, и послѣ двухлѣтней дѣятельности въ должности народнаго трибуна, онъ не былъ избранъ вновь и векорѣ послѣ этого, въ возрастѣ не болѣе 32 лѣтъ, онъ былъ убитъ (121 г. до Р. Хр.) не менѣ предательскимъ образомъ, чѣмъ его братъ Тиверій.

Однако дѣло Гракховъ не заглохло совсѣмъ; остались слѣды дѣятельности аграрной комиссіи; затѣмъ 3 года спустя смерти Кая была основана первая римская колонія въ Италиі—пынѣшній Нарбоннъ въ южной Франціи.

Скоро однако заботы о пролетаріатѣ стали проявляться не въ цѣляхъ народнаго блага, какъ это дѣлали Гракхи, а для того, чтобы честолюбцамъ, добившись favor populi, пройти ко власти. Такъ въ 100 г. трибунъ Апулей Сатурнинъ возобновляетъ политику Гракховъ, въ цѣляхъ однако личнаго своего честолюбія: онъ проводитъ законъ—аграрный—о надѣленіи землею ветерановъ, законъ фрументарный по которому модій хлѣба стали продавать за $\frac{5}{6}$ асса, т. е. почти даромъ и мн. другихъ.

Около этого же времени времени *Римъ переживаетъ великую борьбу съ союзниками (latini foederati) за права*, живо напоминающую по характеру своему и цѣлямъ старую борьбу плебеевъ съ патриціями.

Посредствомъ договоръ (*foedera iniqua*), отводившихъ каждому изъ союзниковъ особое мѣсто, республиканскій Римъ связалъ съ собою 135 свободныхъ городовъ Италіи въ качествѣ союзниковъ (*socii*), съ территоріей вдвое большей противъ римской. При этомъ Италія представляла собою федерацію городовъ, подъ верховнымъ владычествомъ одного царствующаго города; это—единое государство по сплоченности своихъ частей и по подчиненію единой власти, но по своему строенію оно имѣетъ муниципальный характеръ, т. е. состоитъ исключительно изъ городовъ, не только самоуправляющихся, но и обладающихъ управляемой территоріей. Ранѣе союзники не ронгали на Римъ за его гегемонію, пока боролись на поляхъ Италіи за свои же права и землю съ врагами. Дѣло однако измѣнилось, когда имъ пришлось, съ римскими легіонами, въ борьбѣ за предѣлами Апеннинскаго полуострова, завоевывать въ пользу Рима цвѣтущія и отдаленныя страны. Здѣсь Римъ бралъ себѣ и землю и всю добычу, оставляя на долю союзникамъ труды, кровь и плату войскамъ денегъ за походы. вмѣстѣ съ тѣмъ Римъ начинаетъ вмѣшиваться въ общественное управленіе *civitates foederatae*, нарушая автономію и законы ихъ своими *procuratoribus* и приказами магистратовъ; мало того, латиняне—союзники, издавна имѣвшие *ius migrandi*, время отъ времени массами выселяются принудительно изъ Рима, а земли ихъ захватываются нобиліями и всадниками (нарушеніе неприкосновенности личности и имущества). Лучшие римляне сознавали несправедливость Рима къ союзникамъ, какъ, напр., Гракхи, и стремились улучшить ихъ политическое положеніе. Этимъ между прочимъ занялся (91 г. до Р. Хр.) 30 лѣтъ спустя смерти Кая Гракха и новый защитникъ, интересовъ пролетаріата, сынъ противника Кая Гракха.—*Ливій Друзъ*. Ставъ какъ трибунъ во главѣ римской демократической партіи, онъ проэктировалъ снова аграрные законы съ установленіемъ большаго числа колоній въ самой Италіи; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ еще обширнѣе провелъ *leges frumentariae*, и стремился измѣнить судейскую реформу Гракха въ смыслѣ установленія *album iudicum* на половину изъ сенаторовъ, на половину изъ всадниковъ. Наконецъ, Друзъ внесъ законопроектъ о дарованіи *римскаго гражданства союзникамъ*. Результатъ послѣдняго проекта былъ тотъ, что масса латинявъ хлынула въ Римъ и окружила собою Друза. Враги реформы воспользовались этимъ и обвинили демагога въ желаніи предать Римъ союзникамъ; предупрежденный о заговорѣ Друзъ не выходилъ изъ дому;—но однажды вечеромъ ножъ наемнаго убійцы зарѣзалъ его въ собственномъ домѣ, на пріемѣ многочисленныхъ посѣтителей.

Въ концѣ концовъ чаша терпѣнія союзниковъ переполнилась; они возстали противъ Рима, желая независимости. Римъ оказался не въ силахъ бороться, и поспѣшилъ уступить. Въ 89 и 90 г.г.; были проведены законы (*Julia et Plautia Papiria*) о дарованіи римскаго гражданства большей части союзниковъ въ Италіи; остальныхъ же, напр. Самнитявъ, Риму удалось усмирить. Новые

cives были занесены въ трибы, переставшія быть территоріальными единицами. Однако новые граждане продолжали оставаться гражданами и въ своемъ городѣ.

Паденіе республики.

Опытъ Гракховъ, и Друза съ очевидностью показали лицамъ, стремившимся къ измѣненію въ государственномъ строѣ Рима, что на народъ опираться нельзя. Пролетаріатъ былъ ужь слишкомъ развращенъ нобиліями, ихъ подачками, постоянными подкупами при подачѣ голосовъ. Римъ былъ переполненъ вольноотпущенниками, въ общемъ лицами безнравственными, разныхъ племенъ и народовъ. *Salus populi*, его идея, исчезаетъ; взамѣнъ господствуетъ теперь одно эгоистическое стремленіе къ благамъ жизни и къ власти (кто въ силахъ). Союзническая война показала, что для достиженія власти и значенія въ государствѣ одинъ путь—черезъ войско. Въ лицѣ Марія, освободившаго Римъ отъ Кимвровъ и Тевтоновъ, полководецъ и наемное б. ч. теперь войско выступаютъ въ Римской исторіи въ новой роли—рѣшителей судьбы государства, и организацией, отчужденной отъ народа, повелѣвающей послѣднимъ. Особенно рѣзко и энергично провелъ эту новую идею Сулла, который въ борьбѣ за власть со своими противниками (Марій, Сульпицій Руфъ) ввелъ войско (впервые въ исторіи Рима) въ Римъ и занялъ его какъ побѣжденный городъ, отказавшись повиноваться волѣ сената и народа.

Побѣдивъ враговъ, Сулла во главѣ войска получаетъ *imperium* и надъ республикой. Принадлежа къ партіи нобилей, онъ стремится провести рядъ положеній въ пользу сената и нобилей. Онъ назначается диктаторомъ *legibus scribundis et rei publicae constituendae*, безъ срока, съ правомъ *leges dare*, высшаго безконтрольнаго *jus vitae ac necis*. Онъ самъ назначаетъ магистратовъ. Онъ же отмѣняетъ всѣ реформы Гракховъ, признавъ однако гражданство за всѣми латинянами; усиливаетъ сенатъ, наполняя его всадниками, не назначаетъ цензоровъ, а предоставляетъ *ipso jure* вступать въ сенатъ всѣмъ магистратамъ послѣ срока ихъ службъ. Трибуны ставятся въ зависимость отъ сената, имѣя теперь свое *jus intercessionis* лишь съ разрѣшенія послѣдняго. Затѣмъ Сулла ввелъ правиломъ не держать войска въ Италіи, и чтобы консулы и преторы послѣ года своей службы управляли провинціями.

Сулла еще не стремился къ императорской власти: онъ былъ лидеромъ нобилей, и проведя свои реформы, устранился отъ власти.

Послѣ его смерти монархическія идеи все болѣе и болѣе проявляются среди честолюбцевъ, и олигархія нобилей скоро гибнетъ. Помпей, Цезарь и Крассъ, раздѣливъ власть свою по отдѣльнымъ частямъ республики, стали автократами, опираясь на солдатъ. Крассъ палъ въ Парфянской войнѣ. Помпей скоро вступилъ въ конфликтъ съ Цезаремъ, и не смотря на поддержку со

стороны сената, потерпѣлъ отъ Цезаря полное пораженіе при Фарсаль и Тапсѣ. Цезарь сталъ единоличнымъ вершителемъ судебъ республики. Въ 46 г. до Р. Хр. онъ назначается диктаторомъ на 10 лѣтъ, а не задолго до смерти своей—диктаторомъ безъ срока (*in perpetuum*). Въ своей политикѣ Цезарь открыто сталъ сторонникомъ демократическихъ тенденцій Гракховъ. Онъ возобновилъ вопросъ о переселеніи черни въ колоніи, куда и переселилъ болѣе 80000 римлянъ. Къ сенату, онъ относился пренебрежительно и переполнилъ его чужестранцами (галлами, испанцами), доведя число сенаторовъ въ то же время до 900 человѣкъ. Правилъ Цезарь совершенно безконтрольно; бывало, что онъ издавалъ *scia*, не спрашивая даже для формы воли на то сената.

Возстаніе сторонниковъ стараго аристократическаго режима и убійство Цезаря не повели къ измѣненіямъ въ новомъ режимѣ. Солдаты побѣдили республиканцевъ, при Филиппи. Октавіанъ, Антоній и Леонидъ снова раздѣлили между собою безконтрольную власть надъ республикой (*res vigi rei publicae constituendae consulari imperio*) Послѣ распадѣнія триумvirата и битвы при Акціумѣ, Октавіанъ (31 г.) сталъ единственнымъ властителемъ Рима, а вмѣстѣ съ тѣмъ всего культурнаго міра той поры.

Римъ—Имперія.

Ставъ *de facto* неограниченнымъ владыкой Рима Октавіанъ заботливо старался замаскировать въ своемъ положеніи всѣ черты монархической власти и придать новому строю такой видъ, какъ будто-бы республика продолжала существовать. Прежде всего новый владыка Рима стремился не нарушать республиканскихъ учреждений; онъ старался лишь сконцентрировать въ своей особѣ власть и правомочіе всѣхъ высшихъ республиканскихъ магистратовъ. Уже въ 28 г. до Р. Хр. Августъ объявилъ себя *princeps senatus*; потомъ ему вручается *imperium*, въ смыслъ высшей военной и административной власти, затѣмъ *imperium proconsulare*, т. е. высшее управленіе провинціями, наконецъ, *poteslas tribunitia*, въ силу которой личность императора признается *sacrosancta*. вмѣстѣ съ тѣмъ Октавіанъ переноситъ на свою личность идею *majestatis populi romani*, какъ представитель народа. Характеръ его правомочій былъ отмѣченъ терминомъ *princeps*, т. е. первый между гражданами, высній между магистратами. Усиливая свою власть, Октавіанъ Августъ однако тщательно заботился о внѣшнемъ поддержаніи авторитета сената, на счетъ народныхъ собраній. Последнія теперь утрачиваютъ практическое значеніе; вся роль комицій сводится теперь къ безусловному утвержденію *rogationes* императора или сената; даже выборъ магистратовъ превращается въ простую формальность признанія и утвержденія императорскихъ кандидатовъ. Тиверій переноситъ и самые выборы эти изъ комицій въ сенатъ. Сенатъ дѣлается носителемъ государственнаго суверенитета рядомъ и одновременно съ императоромъ; возникаетъ діархія, дуализмъ въ государственномъ управленіи, причемъ императоръ и сенатъ являются двумя высшими властями, управляя вездѣ рядомъ другъ съ другомъ, и въ Римѣ и въ провинціяхъ. Дуализмъ этотъ теперь заполняетъ собою всѣ функціи государственной жизни. Внѣшнимъ образомъ онъ выражается напр.: а) въ одновременномъ существованіи *aerarium*'а *populi* и императорскаго фиска, б) въ правѣ и императора, и сената чеканить каждому свою монету, с) въ дѣленіи провинцій на провинціи императора, и сенатскія, смо-

тря по тому, кто куда назначает правителей; d) въ существованіи одновременномъ magistratus и императорскихъ чиновниковъ; e) въ дѣленіи процесса на cognitio ordinaria (ordo iudiciorum privatorum) и cognitio extra ordinem; f) въ дѣленіи источниковъ права на старые республиканскіе и на constitutiones principum.

Фактически былъ сильнѣе, конечно, princeps, ибо за нимъ стояло войско; однако (особенно въ первое время принципата) великъ былъ авторитетъ и сената, имѣвшаго за собою сильную республиканскую традицію—общественное мнѣніе, съ которымъ неизбежно должны были считаться и императоры. Наконецъ, сильную опору республиканская традиція имѣла въ юристахъ и въ тогдашней литературѣ, тяготѣвшей къ старому республиканскому режиму (напр. Marcus Antistius Labeo). Сознывая, что прямо идти на проломъ противъ консервативной (республиканской) партіи въ Римъ, было не выгодно и невозможно, императоры пошли инымъ обходнымъ путемъ къ той же цѣли. Прежде всего задачей своей они поставили сперва отучить народъ отъ внимательства въ государственныя дѣла; для этого постарались перенести власть a capite ad senatum, и одновременно захватили послѣдній въ свои руки путемъ назначенія сенаторами своихъ клевретовъ. Разъ эта задача была ими достигнута, императоры повели иную политику, а именно начали ослаблять и дискредитировать сенатъ въ глазахъ общества, параллельно усиливая свою роль въ дѣлахъ правленія. Мы видимъ, что Адрианъ, а за нимъ Септимій Северъ уже поступаютъ какъ неограниченные владыки повелители, игнорируя сенатъ и народъ.

Земля и люди.

Въ началѣ императорскаго періода еще существовали рядомъ cives, latini и peregrini въ государствѣ. Позднѣе двѣ послѣднія группы населенія численно все уменьшаются, пока при Каракаллѣ не слились окончательно въ общемъ понятіи римскаго гражданства.

Сословія. Сословный строй терпитъ теперь нѣкоторые измѣненія. Прежде всего окончательно формируется въ Римѣ въ сословіе ordo senatorius. Августъ призналъ при этомъ, что въ послѣднемъ наследственно числятся родственники до третьей степени агнатическаго родства (въ республиканскомъ Римѣ уже дѣти сенаторовъ не считались входящими въ ordo senatorius). Теперь сенаторское сословіе пополняется слѣдующимъ образомъ: во 1) естественнымъ происхожденіемъ отъ законныхъ браковъ сенаторовъ съ лицами благороднаго происхожденія. [Сенаторамъ и ихъ нисходящимъ не дозволены были браки съ libertin'ками, актерами и актрисами], во 2) черезъ adlectio, занесеніемъ лица въ списокъ сенаторовъ, что совершалъ императоръ, какъ цензоръ. Сверхъ того сенаторами могли быть только ingenui и обладающіе капиталомъ

не менѣе милліона сестерцій. Состояніе въ этомъ сословіи давало исключительныя права на занятіе республиканскихъ магистратуръ, дающихъ мѣста въ сенатѣ. Кромѣ toga laticlava, пачинаая съ I вѣка по Р. Хр., сенаторамъ былъ пожалованъ предикатъ clarissimi. Такъ какъ лицамъ этого сословія по прежнему запрещалось вести торговлю и входить въ societates publicanorum, то они, кромѣ службы республикѣ, занялись тѣмъ, что по преимуществу обратили свои капиталы на выдачу ссудъ подъ 9/10% и на пріобрѣтеніе латифундій.

Другое сословіе—*ordo equester*—представляло теперь римскую буржуазію въ собственномъ смыслѣ слова. Всадникомъ почитался всякій ingenuus, не опороченный и съ состояніемъ не менѣе 400,000 сестерцій. Впрочемъ и libertini могли войти въ это сословіе, если императоръ кому жаловалъ jus anuli auri (прерогатива этого сословія). Чаще всего изъ всадническаго сословія императоры избирали своихъ чиновниковъ. Но главное занятіе equites было по прежнему торговля, промыслы и откупъ казенныхъ доходовъ. Въмѣстѣ съ senatores всадники носили общее наименованіе honestiores, въ отличіе отъ остального простого народа (*plebs, humiliores*). Подъ этимъ послѣднимъ разумѣлась вся остальная неопредѣленная и расплывчатая масса римскихъ гражданъ—и благородныхъ, и либертиновъ.

Мѣстное управленіе. Въ организаціи и управленіи отличаются: Римъ, Италия и провинціи.

Римъ.—Управленіе Римомъ долгое время находилось въ рукахъ сената и республиканскихъ магистратовъ. Первоначально императоры тщательно оберегали этотъ обычай, однако скоро республиканскіе магистраты оказались далеко не на высотѣ своего положенія и крайне халатно стали относиться къ дѣлу надзора и попеченія за порядкомъ въ Римѣ и за его благоустройствомъ; поэтому императоры скоро сами начали вмѣшиваться сперва въ управленіе Римомъ сенатскими магистратами, а потомъ и прямо замѣнили послѣднихъ своими чиновниками.

Во главѣ правленія Римомъ стоялъ *praefectus urbis*; это—градоначальникъ Рима и четырехъ подгороднихъ округовъ (средина Италиі)—*quattuor regiones suburbicae*. Первоначально Октавіанъ учредилъ эту должность для завѣдыванія Римомъ на время отъѣзда изъ него императора; но уже Тиверій сдѣлалъ ее постоянной. Подъ непосредственнымъ распоряженіемъ городского префекта находилось три (позже 6) *Cohortes urbanae* (полиція). Задачею его было охраненіе спокойствія въ городѣ отъ пожаровъ, возстаній и грабежей. Ему же было предоставлено право судоговоренія по дѣламъ его вѣдомства (*ex fide ordinem*). Съ теченіемъ времени у городского префекта стали вести и гражданскія дѣла, напр., по вопросамъ владѣнія. Это вошло въ обычай по настоянію императоровъ, не безъ оппозиціи со стороны общества, при Тиверіи, и то лишь когда Тиверій назначилъ на эту должность Calpurnius'a Piso—отличнаго

юриста и любимца народа. Постепенно судъ у *praefectus urbis* стали вытѣснять *quaestiones perpetuae*, и сдѣлались апелляціонной инстанціей для разбора дѣлъ, рѣшенныхъ городскими магистратами.

Въ помощь городскому префекту былъ назначаемъ императорами *praefectus vigilum*; онъ былъ какъ бы брандмейстеромъ Рима и имѣлъ въ своемъ распоряженіи *cohortes vigilum*—пожарныхъ; ему былъ ввѣренъ надзоръ за Римомъ въ ночное время. Наконецъ, равнымъ образомъ помощникомъ городскому префекту былъ и другой императорскій чиновникъ *praefectus annonae*, главной обязанностью котораго было попеченіе о достаточномъ запасѣ хлѣба въ Римѣ и своевременномъ его подвозѣ изъ Африки. Въ томъ отношеніи они замѣнили республиканскихъ эдиловъ. Дѣло въ томъ, что уже при Августѣ эдилы плохо стали заботиться о *frumentatio* народа. Еще со времени Гракховъ казна приняла на себя обязанность кормить пролетаріатъ путемъ бесплатной раздачи хлѣба. Въ общемъ была постепенно установлена норма въ 150,000 человекъ, кои бесплатно получали на свои семьи хлѣбъ изъ казны. Да и остальные, кто желалъ, получали хлѣбъ изъ казны за ничтожную плату. Забота о сборѣ этихъ запасовъ, храненіи ихъ и раздачѣ было дѣломъ сложнымъ и не легкимъ. Здѣсь эдилы вели эту свою обязанность такъ плохо, что при Октавіанѣ въ Римѣ оказалась недостача хлѣба. Народъ ропталъ и просилъ императора упорядочить это дѣло. Пользуясь такимъ удобнымъ моментомъ ограничить власть республиканскихъ магистратовъ, Августъ установилъ новую должность—*praefectus annonae* для завѣдыванія подвозомъ хлѣба, хлѣбной торговлей и наблюденіемъ за правильной раздачѣй хлѣба пролетаріямъ. Съ теченіемъ времени къ этимъ префектамъ перешли и все остальные обязанности эдиловъ въ области полиціи, суда и расправы.

Наряду съ блестящими общественными и частными зданіями, которыми былъ украшенъ Римъ, особенно при Августѣ (*Palatium*) и при Флавіяхъ, когда указомъ сената было обязательно установлено снабженіе каждаго дома портикомъ, благодаря чему, улицы получили видъ крытыхъ галлерей,—при Траянѣ и Адрианѣ продолжалъ царствовать въ Римѣ прежній типъ многоэтажныхъ домовъ съ сотнями отдѣльныхъ квартиръ, гдѣ ютились бѣдный и средній классы. Нижіе этажи заполнялись лавками, мастерскими, кабачками и т. п. заведеніями. Все дѣбалось на виду у проходящихъ, какъ теперь, напр., въ Неаполѣ. Улицы оставались узкими, тѣсными, хотя безобразіямъ республиканскаго Рима и былъ положенъ конецъ. Все улицы вымощены; нѣкоторыя регулированы, вездѣ правильная канализація, вездѣ обиліе воды, которую несутъ въ городъ на 800,000—1,000,000 жителей 19 водопроводовъ. Улицы обрамлены портиками; время отъ времени возвышаются надъ ними мраморныя триумфальныя арки, образцами которыхъ служатъ для насъ арки Тита, Константина и Севера. Сотни частныхъ бань удовлетворяютъ потребностямъ, для которыхъ оказываются недостаточными термы. Оживленная торговля и дѣловая жизнь продолжается

кипѣть на рынкахъ и особенно на берегу Тибра, гдѣ одинъ за другимъ выростають императорскіе и частныя склады и магазины; здѣсь выгружаютъ все то, что шлеть въ Римъ провинціи, особенно Востокъ. Главную роль играютъ хлѣбныя склады, гдѣ хранились запасы для прокормленія римской черни. Рядомъ съ ними огромное пространство занимали склады мрамора и другихъ строительныхъ матерьяловъ. Сотни магазиновъ имѣлись для другихъ предметовъ; всюду заняты были тысячи рабочихъ, для которыхъ возникъ даже по близости большой рабочей поселокъ. За предѣлами города по главнымъ дорогамъ раскинулись гробницы богатыхъ и бѣдныхъ людей и виллы горожанъ; всюду масса зелени и воды. Таковъ былъ видъ города въ III в. по Р. Хр.

Италія. Жители Италіи въ началѣ принципата, какъ *cives romani* подчинялись власти римскихъ магистратовъ, а вмѣстѣ и своему мѣстному управленію на автономныхъ началахъ. Въ отличіе отъ провинціаловъ, они еще не платили земельного налога, и земля ихъ (*solum Italicum*) могла быть объектомъ квинтесимы собственности. Наконецъ, съ Веспасіана, италіки были освобождены отъ обязанности служить въ римскихъ войскахъ; послѣдніе стали набираться изъ провинціаловъ (*militia provincialis fidelissima*). Съ теченіемъ времени однако наблюдается упорное стремленіе императоровъ низвести Италію прямо до степени провинцій.

Союзъ итальянскихъ городовъ, который представляла собою Италія того времени, первоначально существовалъ и управлялся на старыхъ республиканскихъ началахъ, номинально подъ контролемъ римскаго сената, на дѣлѣ же подъ надзоромъ и руководствомъ императоровъ. Мало того, за итальянскими общинами послѣ союзническихъ войнъ самоуправленіе было сохранено даже въ большей степени, чѣмъ за Римомъ, что мы знаемъ главнымъ образомъ изъ законовъ времени Юлія Цезаря (*lex Julia* и *lex Rubria de Gallia cisalpina*).

Все населеніе общинъ (къ каждому городу приписывались окрестныя мѣстечки—*foea, conciliabula, castralla*) дѣлилось на двѣ группы: на *municipes*, т. е. аборигеновъ, и на *incolae*, лицъ, приписанныхъ къ другому мѣсту жительства (*origo*), имѣющихъ въ муниципіи лишь свое хозяйственное обзаведеніе (*domicilium*).

И тѣ и другіе привлекались къ платежамъ (*munera*) въ пользу общины. Всѣ жители города дѣлились на трибы или *curіи*. Во главѣ городского управленія стояли народныя собранія; имъ принадлежалъ выборъ магистратовъ, даже во времена Домиціана, когда въ самомъ Римѣ это право уже давно было отнято (съ Тиверіа) у римскихъ комицій.

Рядомъ съ народными собраніями въ городахъ Италіи стоялъ *senatus*, или *curia*, въ составъ котораго входило опредѣленное число сенаторовъ (обыкновенно 100 человекъ); назывались эти сенаторы *декуріонами* или *centumviri*. Выбиралась *декуріония* муниципальными магистратами на пять лѣтъ изъ числа бывшихъ магистратовъ а равно и лицъ, обладающихъ наибольшимъ имущественнымъ цензомъ въ городѣ. Созывались *curіи*, какъ и римскій сенатъ,

магистратами и тѣмъ же порядкомъ, какъ сенатъ въ Римѣ; куріи вѣдали, какъ совѣщательный органъ при муниципальных магистратахъ, главныя административныя дѣла; причемъ городскіе магистраты были обязаны совѣщаться съ городскимъ сенатомъ и подчиняться его рѣшеніямъ, подъ угрозой штрафа за ослушаніе.

Во главѣ городской магистратуры стояли первоначально 2 консула или два претора; казною завѣдывали 2 квестора. Эти старыя наименованія удержались еще въ началѣ императорскаго періода. Позднѣе, подъ давленіемъ Рима, желавшаго ввести въ Италіи однообразное городское управленіе, вслѣдствіе были поставлены во главѣ послѣдняго сперва *duoviri juridicundo*; позднѣе ихъ соединили съ квесторами, и такъ была создана магистратура *quattuor viri juridicundo*. Обыкновенно при этомъ IV *viri* были въ муниципіяхъ, а *duoviri* остались въ колоніяхъ; избраніе этихъ магистратовъ совершалось въ городскихъ народныхъ собраніяхъ. Между прочимъ *lex Julia de ambitu* (противъ злоупотребленій при выборахъ), не имѣвшій мѣста для примѣненія въ самомъ Римѣ послѣ Тиверія, было однако спеціальнымъ указомъ сената позднѣе распространено на муниципальные выборы.

Эти новые магистраты правили въ городахъ на коллегіальномъ началѣ; имъ былъ предоставленъ даже *imperium*, но сколько таковой, конечно, могъ имѣть мѣсто у подчиненной и послушной Риму общины. *Quattuor viri* могли вести туземное войско на оборонительную войну, созывали комиціи и вносили на нихъ законопроекты, созывали куріи и совѣщались съ этимъ городскимъ сенатомъ, вѣдали судъ и расправу. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, въ области дѣлъ уголовныхъ, они не могли судить по преступленіямъ, влекущимъ за собою для виновнаго смертную казнь. Гражданская подсудность ихъ была равнымъ образомъ ограничена: во 1-хъ, имъ не дозволялось разбирать дѣла *extra ordinem*, а во 2-хъ, судить они могли лишь по искамъ не выше извѣстной суммы, которая по *lex Rubria* указана не болѣе 1500 сестерцій.

Черезъ каждыя пять лѣтъ *quattuor viri* производили цензъ въ своей общинѣ, и тогда назывались *quinquennales*. Они же завѣдывали городскими имуществами и сдавали городскія земли въ аренду. Въ общинахъ, гдѣ во главѣ стояли *duoviri*, въ случаѣ ихъ смерти или вообще ухода со службы до срока, сенатомъ города назначались *interreges*, подъ именемъ *praefectus juridicundo ex decurionum decreto lege Petronia*.

Въ сословномъ отношеніи граждане общинъ, подобно Риму дѣлились на сенаторское сословіе—*decuriones*, на сословіе всадниковъ (денежная аристократія)—*Augustales* и на низшее сословіе—*plebs*.

Реформа мѣстнаго управленія.—Самоуправленіе муниципій скоро подверглось ограниченіямъ, все болѣе увеличивавшимся. Съ самаго начала императоры захватили въ свои руки управленіе нѣкоторыми дѣлами, касающимися

Италиі, а съ половины періода начали по немногу устанавливать правильно организованный контроль надъ органами мѣстнаго самоуправления.

Въ этомъ отношеніи уголовная юрисдикція надъ населеніемъ Италиі сосредоточивается постепенно въ рукахъ преторіанскаго префекта. Гражданская юрисдикція по дѣламъ, превышающимъ компетенцію муниципальныхъ магистратовъ (*quattuorviri juridicundo*), принадлежала римскимъ магистратамъ. Со времени Адриана часть юрисдикціи въ муниципіяхъ передается четыремъ *consulares*, назначавшимся для каждой изъ четырехъ отдѣльныхъ областей (*regiones*), на которыя этотъ императоръ раздѣлилъ Италию. Императоры Маркъ и Веръ замѣнили консуларовъ особыми *juridici* въ числѣ 5 или болѣе человекъ, для разрѣшенія *extra ordinem* цѣлага ряда судебныхъ и административныхъ дѣлъ между жителями Италиі внѣ предѣловъ *diocesis urbana* (города Рима и его округа), которая по прежнему находилась въ завѣдываніи городского префекта.

Непосредственнымъ уже вторженіемъ въ область муниципальнаго самоуправления является практикуемое со временъ Траяна (или Нервы) назначеніе въ нѣкоторыя муниципіи такъ называемыхъ *sigatores rei publicae*. Эти послѣдніе назначались императоромъ изъ римскихъ сенаторовъ въ цѣляхъ контроля городского управления и защиты демократно отъ правящихъ классовъ, гдѣ, въ какой муниципіи, патриціи начинали, захвативъ власть, притѣнять народъ. Кураторы рѣшали пререкапія между городскимъ сенатомъ (*curia*) и муниципальными магистратами, а равно контролировали финансовое управленіе. Постепенно кураторы захватили въ свои руки высшую власть надъ муниципіями, превратившись тамъ какъ бы въ маленькихъ императоровъ, въ области внутренняго городского самоуправления. вмѣстѣ съ тѣмъ центръ тяжести правленія въ муниципіяхъ (какъ въ Римѣ) переносится съ народныхъ собраній на *curia* (сенатъ). Въ концѣ періода, начиная съ Северовъ, время отъ времени Италиа становится подъ начальство особаго императорскаго чиновника—*corrector totius Italiae*. Наконецъ, при Діоклетіанѣ, вся Италиа дѣлится на рядъ округовъ, каждый изъ которыхъ ставится подъ власть особаго корректора, съ правами, аналогичными правамъ правителей провинцій.

Провинціи—Въ то время, какъ Италиа была первоначально подвѣдомствена сенату, а императоры получили въ ней власть лишь постепенно, провинціи сразу, при Августѣ, въ 27 г. до Р. Хр., были раздѣлены на двѣ группы, состоящія—одна подъ управленіемъ сената (*provincia senatus*), и другая—подъ управленіемъ императора (*prov. caesaris*). Начиная съ этого года, всѣ позднѣе создаваемыя римскія провинціи становились *provincia caesaris*. Императоръ, имѣя власть главнокомандующаго войсками, первоначально взялъ себѣ провинціи, которыя нуждались въ охранѣ ихъ силой оружія; сенатскими же остались тѣ, которыя не нуждались въ охранѣ ихъ войскомъ. Такое дѣленіе провинцій на двѣ группы продолжало существовать до IV в. по Р. Хр.

По республиканской традиціи долгое время правителями провинцій обоого рода избирались лишь лица не только сенаторскаго званія, но и служившія въ Римѣ магистратами *cum imperio* или по крайней мѣрѣ *inter praetorios alicui*.

Въ *сенатскихъ провинціяхъ* правители ихъ носили всё одно общее наименованіе *proconsules*, хотя бы *de facto* ранѣе и не были въ Римѣ консулами. Назначеніе правителями провинцій производилось ежегодно сенатомъ по жребію между кандидатами т. е. лицами, прослужившими въ Римѣ магистратами *cum imperio* не ранѣе 5 лѣтъ до этого времени. Изъ нихъ по старшинству избиралось число равное числу вакансій; между этими избранными и распредѣлялись провинціи по жребію. Лишь по исключенію въ тѣ провинціи, которыя въ данный моментъ нуждались въ особенно талантливомъ и опытномъ управителѣ, сенатъ назначалъ внѣ очереди и безъ жребія спеціально избираемое туда свѣдующее лицо правителемъ. Со времени Августа *всѣмъ* правителямъ провинцій стали платить жалованье опредѣленнаго размѣра; такъ, напр., проконсулъ Африки сталъ получать за свою службу миліонъ сестерцій въ годъ.

Помощники правителей провинцій остались тѣ же, что были и въ республиканской періодъ—*legati* и *quaestores*. И тѣ и другіе имѣли однако въ провинціяхъ *imperium*. Съ теченіемъ времени въ сенатскихъ провинціяхъ возникъ обычай, по которому въ провинціяхъ цѣлыя города избирали себя постановленіями народныхъ собраній тѣхъ или другихъ знатныхъ и вліятельныхъ римлянъ себя *патронами* для приобрѣтенія въ лицѣ послѣднихъ защитниковъ и покровителей въ римскомъ сенатѣ и въ судахъ.

Въ *провинціяхъ императорскихъ* управленіе принадлежало императору, посылавшему на мѣсто своимъ представителемъ и помощникомъ легата (*legatus augusti*). Срокъ службы такихъ легатовъ не былъ точно опредѣленъ и зависѣлъ отъ усмотрѣнія принцепса. Въ помощь легатамъ добавлялись *comites*, помогавшіе ему какъ *assessores*, позднѣе какъ *consiliarii* своимъ совѣтомъ при прохожденіи службы. Въмѣсто квесторовъ назначался *procurator caesaris*; лица эти были независимы въ своей службѣ отъ легатовъ, даже контролировали дѣятельность послѣднихъ. Гдѣ не представлялось болѣе надобности держать въ провинціи войско, тамъ вмѣсто легата правителемъ посылался лишь одинъ прокураторъ. На особенномъ положеніи стоялъ Египетъ, въ который правителемъ назначался префектъ, считавшійся *vice regis* по своимъ исключительнымъ правомочіямъ.

Компетенція легатовъ была обширна; они вѣдали каждый въ своей провинціи судъ и администрацію, причемъ единолично разбирали всё уголовныя дѣла, влекущія за собою для виновнаго наказанія до *relegatio* включительно; къ смертной казни за преступленія они могли присуждать, безъ испрашиванія предварительной санкціи со стороны принцепса, лишь плебеевъ и рабовъ. Для возможности производить разборъ дѣлъ на мѣстахъ, легаты цезаря обыкно-

венно въ опредѣленные сроки (чаще всего весной) объѣзжали свои провинціи и останавливались въ главныхъ городахъ для совершенія тамъ разбора дѣлъ и жалобъ (*conventus*).

Отправляя легатовъ въ провинцію, императоръ на правахъ проконсула давалъ имъ мандаты—инструкціи о томъ, какъ они должны дѣйствовать на мѣстахъ служенія; скоро такіе же мандаты императоръ сталъ давать равнымъ образомъ и правителямъ сенатскихъ провинцій. Въмѣстѣ съ тѣмъ императоры всегда опасались чрезмѣрнаго усиленія авторитета правителей провинцій среди населенія послѣдней; во избѣжаніе чего даже установлены были спеціальныя правила для предупрежденія возможности установленія слишкомъ близкой связи и дружбы этихъ чиновниковъ съ туземнымъ населеніемъ. Въ этихъ дѣляхъ напр. было установлено: а) что правители провинцій не смѣли жениться на провинціалкахъ; въ противномъ случаѣ дѣти отъ такого брака признавались незаконными; б) правителямъ провинцій запрещалось давать, или брать взаймы у провинціаловъ (обычное занятіе лицъ сенаторскаго званія), и с) они не могли давать на свой счетъ общественныхъ увеселеній—лучшаго средства снискать себѣ популярности.

Особенно значительный авторитетъ приобрѣли императоры въ провинціяхъ сената и въ итальянскихъ муниципіяхъ, благодаря распространившемуся здѣсь *cultus caesaris*, т. е. обычаю обожанія царствующаго императора. Создаются съ этой цѣлью народныя собранія и общества для *adoratio*, для обоготворенія статуи императора; создается даже спеціальная культъ, очень крупную роль въ которомъ играло возношеніе императору хвалы и моленій. Часто при этомъ непосредственно по адресу императора посылались, какъ къ живому божеству, коллективные молитвы его обожателей. Въ молитвахъ этихъ было возможно и удобно повѣдать императору—богу свои просьбы и горе, а равно жалобы на притѣненія со стороны сильныхъ, особенно же со стороны чиновниковъ и магистратовъ. Императоры внимательно о. носились къ такимъ жалобамъ и доносамъ—молитвамъ и при помощи ихъ слѣдили за своими и сенатскими магистратами и контролировали ихъ дѣятельность, становясь такимъ образомъ на защиту интересовъ провинціаловъ.

Что касается провинціального городского устройства, то здѣсь по прежнему существовали, рядомъ съ провинціальными городами, состоявшими въ подчиненія у Рима, муниципіи и колоніи, и возникали новыя, благодаря пожалованію римскаго гражданства отдѣльнымъ городамъ въ провинціяхъ и созданію новыхъ военныхъ поселеній. Муниципіи и колоніи въ провинціяхъ были организованы на римской образецъ въ дѣлѣ ихъ внутренняго управленія. Значительную роль и теперь продолжаетъ играть по прежнему пожалованіе провинціальнымъ городамъ *jus Latii*; пожалованія такія постепенно начинаютъ принимать массовый характеръ; такъ Веспасіанъ пожаловалъ *jus Latii* цѣлой Испаніи сразу. Со II вѣка по Р. Хр. создается уже *jus latii majus*, именно когда за

декуріонами города признавались права римскихъ гражданъ. Съ теченіемъ времени терминъ *municipium* стали употреблять какъ общее наименованіе для всѣхъ городовъ римско-итальянскаго устройства, а со времени Антонина Каракаллы—для всѣхъ городовъ имперіи, въ противоположность Риму.

Отъ итальянскихъ муниципій городскія общины въ провинціяхъ отличались тѣмъ, что какъ не римско-латинскія города подлежали податному обложенію, а по скольку находились въ вѣдомствѣ и управленіи легата или проконсула, входили въ составъ *conventus*'а. По особой привиллегіи каждой, онѣ могли существенно разниться другъ отъ друга своимъ внутреннимъ устройствомъ и государственнымъ положеніемъ. Первоначально наблюдается здѣсь преобладаніе *civitates stipendiariae*, обложенныхъ податями и подчиненныхъ власти правителя провинціи; особую привиллегію составляло предоставленіе такъ называемаго *ius Italicum*. Благодаря этой льготѣ, земля данной муниципіи становилась свободной отъ податного обложенія и могла быть объектомъ квинтиской собственности. Часто право это сопровождалось дарованіемъ почетнаго титула колоніи; бывало, наконецъ, признаціе за извѣстными провинціями автономной организаціи, даже права имѣть собственное войско.

Кромѣ провинцій сохраняются и теперь, особенно по окраинамъ имперіи, самостоятельныя царства и республики, стояція въ союзѣ съ Римомъ и признающія его гегемонію (*civitates foederatae et liberae*), которыя однако, по мѣрѣ укрѣпленія монархіи въ Римѣ, постепенно все болѣе ассимилируются въ своемъ государственномъ строѣ съ остальными римскими провинціями.

Какъ въ Италіи, такъ и въ провинціяхъ были обширныя пространства земли (*saltus*), принадлежавшія въ собственность императорамъ и населенныя мелкими арендаторами (*coloni*). Эти земли находились въ управленіи особыхъ прокураторовъ, подчиненныхъ центральной власти, именно императорскому чиновнику, завідующему казною императора—*procurator*'у (позднѣе *comes*) *rei privatae*, и были изъяты изъ подъ власти управителя данной провинціи.

Въ общемъ положеніе провинцій при императорахъ несравненно улучшается. Въ принципѣ провинціалы даже сенатскихъ провинцій находятъ защиту противъ своихъ правителей. (*cultus caesaris*). Императоры во всякомъ случаѣ своей задачей поставили и провели облегченіе и улучшеніе провинціального быта отъ чрезмѣрной эксплуатаціи со стороны римскихъ нобилей и всадниковъ; они стремились къ расширенію торговли и промысловъ. По немногу исчезаютъ старыя товарищества публикановъ; отдача податей на откупъ или совѣмъ прекращается, или же публиканы приобрѣтаютъ характеръ правительственныхъ сборщиковъ податей подъ строгимъ контролемъ чиновниковъ. Теперь Римъ перестаетъ быть захребетникомъ эксплуататоромъ провинцій и всего *orbis terrarum*. Идея римскаго мира (*pacis romanae*) становится съ этихъ поръ девизомъ римскаго владычества. Ее прославляетъ Плутархъ, называя Римъ «якоремъ, который навсегда пріютилъ въ гавани миръ, долго

обуреваемый и блуждавший без кормчаго». Сравнивая власть Рима съ цементомъ, этотъ писатель видѣлъ значеніе Рима въ томъ, что онъ организовалъ общечеловѣческое общество среди ожесточенной борьбы людей и народовъ.

Этой же идее римскаго мира далъ официальное выраженіе Траянъ въ надписи, воздвигнутой имъ на Евфратѣ, когда до этой рѣки были вновь отодвинуты границы имперіи. Но значеніе Рима скоро поднялось еще выше. Водворяя среди народовъ миръ, Римъ призывалъ ихъ къ гражданскому порядку и благамъ цивилизаціи, предоставляя имъ широкій просторъ и не насилуя ихъ индивидуальности. Мало того, онъ призывалъ постепенно все народы къ участию во власти. Всякій, былъ ли то арабъ, испанецъ, готъ—безразлично, разъ онъ былъ достоинъ общественнаго довѣрія, переставалъ считаться иностранцемъ и при умѣнии и счастьѣ могъ достигъ высшихъ степеней богатства, славы и власти. Не мало было даже императоровъ въ Римѣ изъ провинціаловъ; такъ Максиминъ, простой пастухъ, сынъ Гота и Аландки, сталъ владыкою Рима; арабъ Филиппъ, сынъ разбойничьяго шейха въ 348 году торжественно какъ императоръ отпраздновалъ тысячелѣтіе вѣчнаго города. Особенно посчастливилось Испаніи одарить Римъ массой великихъ «римлянъ». Такъ изъ Испаніи вышли—Луканъ, Сенека, Квинтиллианъ, Марціанъ, Септимій Северъ и др.

Имя римлянина перестало быть принадлежностью одного города, или народа, но достояніемъ культурнаго челоуѣчества того времени. Въ римской имперіи рано уже появляется представленіе о Римѣ какъ объ общемъ отечествѣ. Замѣчательно, что эту идею вносятъ въ Римъ выходцы изъ Испаніи, давшей Риму и лучшихъ императоровъ. Уже Сенека признаетъ Римъ—общимъ отечествомъ и для провинціаловъ, которые, особенно послѣ реформы Антонина Каракаллы, 212 года, давашаго *civitas* всемъ жителямъ имперіи, сознаютъ себя равноправными въ общемъ ихъ культурномъ отечествѣ. Это общее сознаніе культурной связи между всеми римскими гражданами порождаетъ въ III вѣкѣ понятіе *humanitas*, въ противоположность *варварству*. Въ области идеаловъ и принциповъ, возвышенныхъ поэтами, философами и юристами, Римъ достигаетъ высшаго своего развитія и становится образцомъ для послѣдующихъ поколѣній и народовъ. Онъ былъ обязанъ этимъ взаимодействію провинцій, поднимая въ то же время и въ послѣднихъ на первый планъ внутреннее духовное развитіе, національные и соціальные элементы.

Законодательство стремится сглаживать особенности мѣстныхъ законовъ и создавалъ нормы *общія*, возможныя и доступныя къ примѣненію повсемѣстно. Римское право стало правомъ всехъ и каждаго. Всюду входитъ оно постепенно, какъ желанный гость, представляя болѣе твердости и ясности, чѣмъ мѣстные обычаи, болѣе дѣловой справедливости, что все такъ важно для оборота и для развитія экономическихъ силъ страны.

Само собою разумѣется, что право, выработанное въ самомъ центрѣ мірового, международнаго оборота, гдѣ все особенности отдѣльныхъ народовъ,

сталкиваясь другъ съ другомъ, взаимно уничтожаясь, оставляли только общечеловѣческое зерно—такое право должно было, въ области частныхъ отношеній—сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ оно и стало позднѣе, отлившись въ *Cognas juris civilis*, именно, мировымъ правомъ, дѣйствовавшимъ съ равнымъ успѣхомъ въ Галліи и Африкѣ, въ Сиріи и Испаніи.

Римское право стало обязательно для всѣхъ; но оно допускало, при желаніи общества, примѣненіе и мѣстныхъ правъ, особенно на Востокѣ. Эти особенности правовыхъ возрѣній въ отдѣльныхъ институтахъ сказывались главнымъ образомъ при заключеніи сдѣлокъ частными лицами и при производствѣ суда.

Подъ вліяніемъ постепенно возникающей націонализаціи провинцій, мало по малу эти вновь возрождающіяся, при федеративномъ строѣ правленія, національныя различія въ жизни населенія привели къ тому, что идея *humanitas*, въ смыслѣ единства римскаго гражданства, какъ бы раздвояется, одновременно съ тѣмъ, какъ въ культурномъ отношеніи вся имперія постепенно раздѣлилась на двѣ половины—на романизованный Западъ и эллипизированный Востокъ. Въ концѣ концовъ такое раздѣленіе нашло себѣ выраженіе въ извѣстномъ дѣленіи имперіи съ временъ Діоклетіана на восточную и западную половины.

Со времени Діоклетіана императоры, основавшіе свою власть исключительно на войскѣ, измѣняютъ свою внутреннюю политику *Salus populi* становится для нихъ пустымъ звукомъ; все заковыдается въ мертвящія рамки бюрократизма. Форма и буква забѣдаютъ и раздѣдаютъ культурную жизнь общества. Страшныя злоупотребленія власти, прикрытыя формой, понемногу разрушаютъ культуру, давая толчекъ сепаратистическому стремленію въ провинціяхъ и подготавливая паденіе римской имперіи.

Императоръ. Какъ мы уже говорили выше, первые императоры, начиная съ Октавіана, захвативъ въ свои руки неограниченную *de facto* власть надъ республикой, усиленно заботились о томъ, чтобы такой узурпаціи своей придать по возможности отгѣнокъ возвращенія къ старымъ республиканскимъ традиціямъ того времени, когда еще до борьбы плебея за права весь *impeium* въ республикѣ былъ сконцентрированъ въ рукахъ двухъ консуловъ. Опираясь на это, императоры и стали объединять въ своей персонѣ власть всѣхъ магистратовъ республики, созданныхъ постепенно, путемъ делегированія имъ правомочій изъ консульской власти (преторъ, цензоръ, квесторъ и т. д.) Вместе съ тѣмъ еще Октавіанъ заботливо старался придать новому режиму такой видъ, какъ будто бы республика продолжала существовать, а онъ, императоръ, является простымъ республиканскимъ магистратомъ.

Что *princeps de jure* являлся дѣйствительно такимъ магистратомъ, это видно изъ слѣдующаго: 1) Римскій магистратъ могъ быть привлеченъ къ отвѣтственности за преступленія по должности лишь по истеченіи срока его службы. Императоръ служилъ пожизненно; но послѣ смерти его дѣятельность под-

вергалась обсужденію сената, и если ее находили вредной для народа, покойнаго лишали почетнаго погребенія, старались изгладить самую память о немъ (*damnatio memoiae*), его статуи разбивались. 2) Свое *imperium* принцепсъ получалъ отъ народа, по *lex de imperio*; изданіе послѣдняго признавалось необходимымъ при каждой перемѣнѣ императоровъ.

3) Послѣ смерти (или изложенія сенатомъ) одного слѣдующій императоръ *избирался*; наследственной преемственности этой власти Римъ не зналъ. Однако обыкновенно сами императоры заранѣе намѣчали себѣ преемника. Совершалось это путемъ усыновленія или же (съ Адриана) такъ, что своему предполагаемому наследнику императоръ жаловалъ *согномен* «цезарь», предоставляя ему вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторыя изъ своихъ прерогативъ (*potestas tribunicia, proconsulare imperium*) и дѣлая часто своимъ соправителемъ. Въ этомъ нѣтъ еще ничего новаго для Римскаго государственнаго строя; и въ республиканскомъ Римѣ, какъ мы говорили выше, магистраты могли по личному усмотрѣнію назначать себѣ въ помощь промагистратовъ; точно также поступали и императоры, избирая себѣ цезарей. Такое избраніе наследника однако не было *de jure* обязательнымъ ни для сената, ни для народа (войска), которые (что часто и бывало) могли избрать и другое лицо новымъ императоромъ.

Возлѣ принцепса по старому обычаю имѣлся *consilium*. Августъ въ 12 году по Р. Хр. указалъ 20 сенаторамъ ходить къ нему для подачи совѣтовъ по государственнымъ дѣламъ и приравнялъ ихъ совѣты къ *senatus consulta*, чѣмъ хотѣлъ ограничить до известной степени значеніе сената. Такимъ путемъ возникъ *consilium principis*, въ составъ котораго входили близкія императору лица, его друзья. Съ Адриана этотъ *consilium* получилъ свое дальнѣйшее развитіе, въ ущербъ сенату. Во главѣ *consilium*'а его предсѣдателемъ былъ назначаемъ преторіанской префектъ, который и сталъ съ совѣтомъ править Римомъ во время частыхъ поѣздокъ Адриана по имперіи, а въ остальное время рѣшать судебныя дѣла, восходившія на рѣшеніе къ императору.

Сенатъ.—Сенатъ въ началѣ разсматриваемаго періода является высшимъ органомъ стараго республиканскаго режима, правящимъ рядомъ и одновременно съ императоромъ (*діархія*). Цезарь, стремясь дискредитировать сенатъ въ глазахъ народа, допустилъ въ составъ его не мало лицъ весьма сомнительной этики, Октавіанъ, напротивъ, рѣшилъ прежде всего возвысить авторитетъ и достоинство сената. Съ этою цѣлью онъ, какъ цензоръ, озаботился очистить сенатъ отъ нежелательныхъ элементовъ и установилъ точный комплектъ числа сенаторовъ (600 человекъ), равно какъ опредѣленный для нихъ имущественный цензъ, очень крупнаго размѣра (1,200,000 сестерцій). Такая забота Октавіана о сенатѣ объясняется желаніемъ его ослабить значеніе народныхъ собраній повышеніемъ авторитета сената, которому постепенно предоставляются имъ все новыя и новыя прерогативы. Теперь сенатъ по прежнему вѣдаетъ дѣла религіозныя, финансы Рима, управляетъ своими провинціями, и т. д. Сверхъ того

сенатъ получать и новыя права. Прежде всего его указы (*senatusconsulta*) приобрѣтають силу закона; сенату равнымъ образомъ было предоставлено право признавать отдѣльныхъ лицъ (и прежде всего императора) свободными отъ подчиненія правиламъ того или иного закона, сенатъ же, наконецъ, принималъ самое близкое участіе въ избраніи императоровъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что такое усиленіе значенія сената не могло быть опаснымъ для императоровъ и ихъ власти въ государствѣ. Прежде всего, императоры *de facto* всегда твердо держали сенатъ въ своихъ рукахъ, создавая, путемъ подбора желательныхъ для себя лицъ въ составъ сенаторовъ, изъ этого учрежденія послушнаго исполнителя своей воли. Въдѣ *lectio senatus* принадлежало императору, какъ цензору. Въ качествѣ постояннаго предѣдателя сената императоръ проводилъ въ его *scia* только тѣ положенія, какія *ему* были желательны. Въ результатѣ уже очень скоро сенатъ сталъ совершенно слѣпымъ исполнителемъ воли императора, который всегда могъ такъ или иначе воздѣйствовать на упрямыхъ сенаторовъ—ослушниковъ его воли, и такимъ путемъ или склонить ихъ на свою сторону, или совсѣмъ устранить изъ сената. Въ результатѣ *senatusconsulta* обыкновенно только санкціонировали предложенія императора (*oratio principis in senatu habita*). Другими словами, усиливая сенатъ, императоры тѣмъ самымъ усиливали свою власть въ государствѣ.

Народныя собранія. Область компетенціи народныхъ собраній постоянно и настойчиво сокращается императорами. Последніе съ этой именно цѣлью и выдвигаютъ на первый планъ сенатъ, какъ представительное учрежденіе, членами котораго были лучшіе граждане, и воля сената признавалась равной волѣ всего народа, тѣмъ болѣе что и фактически комиціи превратились въ собранія черни, безъ политическаго смысла и такта, не интересующейся благомъ государства и всегда готовой на всякіе скандалы. Уже Августъ присвоилъ себѣ рѣшеніе вопросовъ о войнѣ и мирѣ; изданіе законовъ стало излишне послѣ признанія силы закона за *scia*. Тиверій передалъ выборы магистратовъ въ сенатъ, и это событіе отмѣчается римскими историками, какъ «переносъ комицій съ поля въ сенатъ». Теперь комиціи созываются очень рѣдко; послѣдній *lex* изданъ былъ при Нервѣ (96—98 по Р. Хр.). Юридически комиціи не были никогда отмѣнены; они просто умерли естественной смертю, за излишествомъ, въ III или IV вѣкѣ по Р. Хр.

Магистратура.—Въ организациі управленія еще долго наблюдается дуализмъ; рядомъ существуютъ и работаютъ какъ республиканскіе магистраты, такъ равно чиновники императора. Постепенно однако императоры, сосредоточивая въ своихъ рукахъ правомочія всѣхъ высшихъ магистратовъ, фактически стали не допускать своихъ «коллегъ» до осуществленія послѣдними ихъ правъ. Съ Домиціана лишь перестаютъ избирать цензоровъ; остальные же магистраты существуютъ и позднѣе, превращаясь лишь постепенно въ простые почетныя титулы безъ признака прежней власти.

Особенно рѣзко наблюдается такое ограниченіе правомочій у *консуловъ*. Они остались предѣдателями въ сенатѣ; кромѣ того на нихъ возложена была юрисдикція по дѣламъ объ опекахъ, фидеикомиссахъ и *jurisdictio voluntaria* (съ Клавдія). Изъ консуловъ же, отслужившихъ срокъ своей службы, избирались правители сенатскихъ провинцій. Въ виду громадныхъ расходовъ, сопряженныхъ съ этой службой (устройство на свой счетъ народныхъ увеселеній), теперь уже рѣдко кто былъ въ состояніи пробыть консуломъ даже полгода, а потомъ замѣнялся другимъ честолюбцемъ (*consul suffectus*). Съ 399 г. консулы избираются по одному на каждую столицу—(*consul occidentalis*—въ Римѣ и *consul orientalis* въ Константинополѣ). Въ 541 г. былъ избранъ послѣдній консулъ для Константинополя, и позднѣе императоры одни стали несмѣняемыми консулами. *Преторы* въ періодъ принципата удерживаютъ долго еще за собою гражданскую юрисдикцію; число ихъ доходитъ до 18, причѣмъ между ними было установлено разграниченіе подсудности по роду дѣлъ (*praetor tutelarius, fideicommissarius* и др.). Впрочемъ съ большимъ увеличеніемъ и числа императорскихъ чиновниковъ, и объема ихъ правомочій преторы утрачиваютъ свою юрисдикцію; единственной обязанностью ихъ, какъ и консуловъ, является устройство на свой счетъ игръ для народа. Равнымъ образомъ и остальные *magistratus* стали постепенно «*inanis umbra et sine honore potest*»; только квесторы по волѣ императоровъ имѣютъ государственную службу—въ провинціяхъ.

По мѣрѣ того какъ утрачивается государственное значеніе республиканскихъ магистратовъ, все болѣе усиливается авторитетъ *императорскихъ чиновниковъ*. Эти лица, собственно говоря, служили не государству, а принцецу, въ отношеніи къ которому являлись какъ бы его «длинными руками» въ правленіи имперіей. Назначая такихъ служителей для себя, принцессы, собственно говоря, воспользовались старымъ правомочіемъ республиканскихъ магистратовъ назначать себѣ въ помощь *pro-magistratus* (см. выше стр. 42—43). Лица эти во всемъ зависѣли отъ воли императора, какъ въ своемъ назначеніи, такъ и въ прекращеніи своей дѣятельности; кругъ ихъ полномочій точно опредѣлялся мандатами императоровъ, при назначеніи ими этихъ «слугъ» своихъ на должность. За службу имъ полагалось опредѣленное жалованье; причѣмъ точнаго срока для службы не было указываемо (въ первое время однако срокъ этотъ обыкновенно фиксировался въ 1 годъ).

По характеру дѣятельности, сразу же стало возможнымъ среди этихъ императорскихъ чиновниковъ различить двѣ группы, именно лицъ, состоящихъ непосредственно при особѣ императора для его личныхъ нуждъ, и чиновниковъ гражданской службы—для помощи принцецу въ завѣдываніи и управленіи имперіей. Первоначально и тѣ и другіе обязательно должны были состоять и на военной службѣ; со временемъ однако здѣсь установлено было раздѣленіе военныхъ отъ гражданскихъ чиновъ.

Изъ лицъ, состоящихъ при особѣ принцепа—изъ *чиновниковъ дворцоваго управления*—упомянемъ здѣсь: 1) *procurator a libellis*, на обязанности котораго лежало составленіе проектовъ отвѣтовъ императора по прошеніямъ на высочайшее имя; 2) *procurator ab epistolis*—изготовитель приказовъ императора о назначеніи чиновниковъ и составитель инструкцій послѣднимъ (*mandata*) отъ имени принцепа; постепенно для удобства стали назначать двухъ такихъ прокураторовъ, изъ которыхъ одинъ велъ писмоводство на латинскомъ, а другой на греческомъ языкахъ; 3) *procurator a ratioibus*—вѣдалъ денежные дѣла императора; 4) *procur. a cognitionibus*—юрисконсультъ по рѣшенію судебныхъ дѣлъ, доходившихъ до принцепа; 5) *pr. a memoria*—съ Антонина (Каракаллы) для записыванія словесныхъ распоряженій и рѣчей императора.

Во главѣ чиновниковъ *гражданскаго управления* должно поставить *преторіанскаго префекта* (*praefectus praetorio*). Собственно говоря, это начальникъ императорской гвардіи—преторіанцевъ. Это лицо, благодаря значенію преторіанцевъ—главнѣйшей опоры императорской власти—получило *de facto* громадную власть въ государствѣ; даже императоры считаются съ ними, и стараются жить въ согласіи. Въ цѣлихъ ослабленія вліянія *praefectus praetorio* на дѣла государства императоры стали назначать одновременно нѣсколькихъ лицъ на эту должность (отъ 2—3). Постепенно кромѣ командованія войсками, стоявшими въ Италіи, преторіанскіе префекты сдѣлались высшей инстанціей для разбора тяжбъ. Имъ приносили апелляціи въ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлахъ на рѣшенія правителей провинцій; причемъ рѣшенія преторіанскаго префекта уже признавались окончательными. Со времени Александра Севера за эдиктами ихъ для провинцій признана была сила законовъ, поскольку они не противорѣчили содержаніемъ своимъ законамъ и *senatusconsulta*. Вѣроятно въ тѣхъ же цѣляхъ, т. е. отвлечь преторіанскихъ префектовъ отъ претензій по еще большій объемъ власти, императоры избирали обыкновенно на эту должность не полководцевъ или администраторовъ, но ученыхъ юристовъ, особенно знатоковъ гражданского права, какими были, напр., Паппіанъ, Ульпіанъ, Павелъ и др. (О чиновникахъ, вѣдающихъ общинное и провинціальное управленіе см. выше стр. 58 слѣд.).

Войско Рима состояло теперь изъ гвардіи, легионовъ и *auxilia*, т. е. отрядовъ, составленныхъ изъ варваровъ—наемниковъ. Итальянцы въ войскахъ теперь служатъ рѣдко; даже легионы Рима стали *militia provincialis fidelissima*, т. е. набирались изъ провинціаловъ. Постепенно *auxilia* стали сливаться въ одно цѣлое съ легионами. Войска были расположены главнымъ образомъ по границамъ государства, въ укрѣпленныхъ лагеряхъ. съ *praefectus castrorum* во главѣ каждаго. Нуждаясь въ войскѣ и желая сдѣлать тамъ службу возможно привлекательной, императоры, кромѣ сравнительно приличнаго жалованья (уже при Цезарѣ 245 денаровъ въ годъ), создали цѣлый рядъ льготъ и привилегій для

солдатъ, создавая изъ нихъ постепенно не только обособленное сословіе, но прямо какъ бы государство въ государствахъ.

Финансы. Республика оставила императорамъ казну Рима въ блестящемъ состояніи, особенно благодаря массѣ доходовъ съ провинцій, съ которыхъ бралъ Римъ въ свою пользу *stipendium* (въ сенатскихъ провинціяхъ) и *tributum* (въ *provincia caesaris*) Кроме того съ провинціаловъ взыскивался еще одинъ прямой налогъ—поголовный *tributum capitis*. Скоро однако колоссальная расточительность такихъ императоровъ, какими были, напр., Неронъ, Виттелій, Каракалла, а равно крупныя издержки на веденіе не всегда побѣдоносныхъ войнъ, на прокормленіе массы пролетаріевъ и т. п. опустошили казну. Въ виду этого, желая повышенія доходовъ казны, императоры заботились объ улучшеніи дѣла реформой податнаго обложенія и созданіемъ новыхъ налоговъ. Съ этою цѣлью былъ въ провинціяхъ введенъ налогъ сообразно съ цѣнностью земли. Для этого при кадастрѣ вся земля тамъ была раздѣлена на участки, по цѣнности каждый равный 100,000 ассовъ (*jugum*), причемъ съ этихъ участковъ и взимался въ одинаковомъ размѣрѣ въ казну налогъ. Весь налогъ, по взысканію причитающійся съ каждого *jugum*, опредѣлялся въ общей суммѣ, причемъ уже собственники земель, вошедшихъ въ одно *jugum*, сами распредѣляли, сколько слѣдуетъ взимать съ каждого, пропорціонально величинѣ и цѣнности его недвижимаго имущества. Съ гражданъ Августъ ввелъ рядомъ съ прежней *vicesima manumissionum*, еще 8⁰/₀ же налогъ съ наследствъ, который позднѣе, при Каракаллѣ, былъ возвышенъ до 10⁰/₀. Равнымъ образомъ императорами было увеличено число таможенъ и размѣръ таможенныхъ сборовъ; напримѣръ, введены а) *centesima (1⁰/₀) rerum venalium*, т. е. съ предметовъ, проданныхъ съ публичнаго торга, черезъ *argentarii*; в) *quinta et vicesima (4⁰/₀) mancipationum* и др.

Доменовъ съ Домиціана болѣе въ Италіи уже не имѣется; въ провинціяхъ существуютъ лишь казенные горные промыслы (рудники свинцовые, серебряные, соляные), которые по общему правилу сдавались публиканамъ на откупъ. Сообразно дуализму всего государственнаго строя, теперь наблюдается дуализмъ и въ области финансоваго управленія Рима. Сама казна дѣлилась: а) на *aerarium populi*, куда шли доходы съ сенатскихъ провинцій; онъ находился въ завѣдываніи *praefecti aerarii* (назначавшихся императоромъ), б) на *fiscus caesaris*—это частная казна принцепса, куда шли доходы съ императорскихъ провинцій и большинство косвенныхъ налоговъ. Постепенно императоры стягивали въ *fiscus* все болѣе статей дохода, въ ущербъ эрарію, пока при Диоклетіанѣ не прекратилось такое дѣленіе казны. Плохое состояніе финансовъ значительно отразилось и на *денежной системѣ* разсматриваемаго періода. Съ Юлія Цезаря стали постоянно чеканить золотую монету (*aureus*), равную 25 денарамъ серебра (около 6 руб.). Съ Тиверія право чеканить золотую и серебряную монету было присвоено императорами; сенату же, съ 15 г. по Р. Хр., дозволено

было выпускать только одну мѣдную монету, что являлось доходомъ сената, такъ какъ теперь мѣдная монета по ея нарицательной стоимости во много разъ превышала свою металлическую цѣнность. Съ 275 г. при Аврелианѣ у сената была отнята и эта привиллегія, послѣ чего монетная регалія поступила всецѣло къ императорамъ.

Постоянно нуждаясь въ средствахъ, императоры (съ Траяна) придумали дѣлать внутреннія займы путемъ выпуска неполноцѣнной иногда даже прямо фальшивой монеты. При нѣкоторыхъ императорахъ (напр. при Галлиенѣ 260—268 г.г.) дѣло доходило до того, что въ серебряной монетѣ было всего не болѣе 6⁰/₁₀ серебра. Золотую же монету дѣлали изъ мѣди, чекая на ней тонкій пластъ золота. Казна скрывала свои выпуски фальшивой монеты, и въ случаяхъ волненій въ народѣ по поводу массы фальшивой монеты, начинала разыскивать фальшивыхъ монетчиковъ, часто находя «козловъ отпущенія» среди подданныхъ общества, которыхъ и казнила «во имя справедливости». Лишь Константинъ прекратилъ эту постыдную дѣятельность императоровъ.

Почта. (Cursus publicus). Распиреніе предѣловъ имперіи создало необходимость заботиться объ ускореніи и уурядоченіи сношеній съ провинціями и войскомъ. Учрежденіе это, установленное при императорахъ, цѣлью своею имѣло обслуживаніе потребностей лишь казенныхъ, а не частныхъ лицъ. Въ этихъ цѣляхъ по большимъ (шоссей) дорогамъ черезъ опредѣленные промежутки были устроены помѣщенія для отдыха, дѣды и перемѣны лошадей; созданіе и поддержаніе такихъ станцій было натуральной повинностью мѣстныхъ обывателей. При помощи такой почтовой организаціи перевозили: а) денешп императоровъ, ихъ курьерами (верхомъ); б) чиновниковъ и посольства; в) здѣсь же создавались дневки для войскъ въ походѣ, куда свозился провіантъ имъ и давалась квартира офицерамъ. Частныя лица могли пользоваться почтовой организаціей лишь по особому разрѣшенію императора, и тогда давался лицу открытый листъ на бесплатный проѣздъ на почтовыхъ лошадяхъ и экипажахъ.

Народное хозяйство. Имперія, распиренная до предѣловъ orbis terrarum, являлась источникомъ мира и внутреннего порядка повсюду, прекративъ мелкія войны разныхъ народовъ (теперь римскихъ провинцій) между собою. Этимъ, равно какъ контролемъ надъ дѣятельностью правителей провинцій и другихъ чиновниковъ и признаніемъ автономіи общинъ, имперія завоевала особенное сочувствіе среди провинціаловъ (cultus caesaris).

Рахъ гомана, охрана тишины и спокойствія на пространствахъ всей обширной имперіи, въ связи съ потребностью массы богатыхъ римлянъ въ предметахъ роскоши и комфорта, вызвали разцвѣтъ торговыхъ операцій, какъ внутри имперіи, такъ и за ея предѣлами. Мы видимъ въ это время факторіи римскихъ торговцевъ (гл. образомъ всадническаго сословія) въ такихъ отдаленныхъ отъ Рима мѣстностяхъ, какъ, напр., берега Сѣвернаго и Балтійскаго морей, откуда вывозили въ Римъ янтарь и пухъ для постелей и одѣялъ, или

Индія, Аравія, Китай и др. Много успѣху торговли помогаетъ установленное въ имперіи единство мѣръ и вѣсовъ, а равно золотая валюта. Въ результатъ торговли страшно богатѣли; но самая торговля велась ненормально: ввозъ всегда превышалъ собою на много вывозъ, и въ результатъ мы наблюдаемъ непрерывное и упорное оскуднѣніе имперіи золотомъ и друг. цѣнностями, неудержимо уплывающими за границу за товаръ. Такъ Китай, Индія и Аравія ежегодно поглощали у Рима не мѣнѣе 100 милліоновъ сестерцій. Въ общемъ то же явленіе наблюдаемъ мы въ этомъ періодѣ и въ отношеніи внутренней торговли. Много лучше обстояло дѣло съ промышленностью. Благодаря большому спросу на ремесла, а равно переходу послѣднихъ изъ рукъ рабовъ къ вольноотпущенникамъ, въ Римѣ даже возникаютъ теперь новые промыслы, каковы напр., маклеровъ (*proxenetae*), факторовъ (*interpositae personae*); особенно много ихъ въ области занятій, связанныхъ съ *frumentatio* населенія. Въ-стѣ съ тѣмъ уже со времени Ал. Севера наблюдаются первые попытки цеховой организаціи отдѣльныхъ ремеселъ и промысловъ. На такихъ началахъ, напр., при немъ были нормированы *vinarii* и *лупанары*.

Особенное развитіе замѣчается въ этотъ періодъ отдѣльныхъ видовъ *artes liberales*, вознагражденіе за которыя теперь могло быть истребовано судебнымъ порядкомъ по *cognitio extra ordinem*, каковы, напр., народные учителя, нанимавшіеся общинами для обученія дѣтей, врачи, повивальныя бабки; по одному лицу изъ двухъ послѣднихъ категорій каждая община должна была содержать на свой счетъ для удовлетворенія потребностей общества въ леченіи.

Сельское хозяйство продолжаетъ идти въ этомъ періодѣ плохо; но все-же наблюдается все прогрессирующее развитіе латифундій на счетъ мелкихъ земельныхъ участковъ небогатыхъ землевладѣльцевъ. Достаточно указать въ этомъ отношеніи, что къ срединѣ періода, напр., римская Африка, *ea soluta*, находилась въ обладаніи шести лицъ. Сенека владѣлъ всею Британніею и т. д. Хозяйство на латифундіяхъ ведется теперь довольно своеобразно. Прежде всего собственники въ имѣніяхъ своихъ живутъ только наѣздами, лѣтомъ, приѣзжая какъ на дачу, и за одно для провѣрки управляющихъ и полученія доходовъ. Рабскій трудъ теперь признается мало доходнымъ, и обыкновенно латифундіи сдаются въ аренду. Производится сдача такая въ аренду двойко, или путемъ сдачи латифундіи цѣлькомъ одному предпринимателю, который уже отъ себя сдаетъ землю мелкими участками третьимъ лицамъ въ *sublocatio*, или же латифундіи дробятся самими хозяевами на мелкіе участки (*agellus*) и уже послѣдніе сдаются въ аренду земледѣльцамъ, (*coloni*). Благодаря плохой обработкѣ земли нищими арендаторами, у которыхъ не было порядочнаго инвентаря, а равно вслѣдствіе невоимо низкихъ цѣнъ на рынокѣ на хлѣбъ, благодаря *frumentatio*, такая аренда оказывается скоро невыгодной для арендующихъ, и латифундіи пустѣютъ, массами превращаясь въ *agri deserti*. При этомъ крестьяне массами бѣгутъ въ Римъ; села и даже города пустѣютъ, и столица

переполняется пришлымъ пролетаріатомъ. Это явленіе отражается и на казенномъ интересѣ, такъ какъ земельный налогъ брался въ казну съ недвижимо-стей *приносящихъ дохода*, а не съ *agri deserti*, кои дохода не давали. Въ виду этого правительство предпринимаетъ теперь рядъ мѣръ къ поддержанію земледѣлія на латифундіяхъ. Въ этихъ цѣляхъ, было установлено запрещеніе арендатору цѣлаго имѣнія прекращать аренду, если онъ не арендуетъ тако-го же имѣнія въ другомъ мѣстѣ. Для того же было предоставлено *occupatio* заброшенныхъ полей (*agri deserti*), причѣмъ захватчикъ пріобрѣтаетъ всѣ права на этотъ участокъ, какія были на него у послѣдняго хозяина. Законъ Адриана да-валъ наследственную аренду оккупанту участковъ, заброшенныхъ ихъ хозяиномъ за отсутствіемъ арендаторовъ.

Сравнительно лучше шло хозяйство на тѣхъ *sallus* (тоже, что *latifundia*), гдѣ занимались разводкой скота, лѣсоводствомъ и интенсивными культурами напр. садоводствомъ (на пригородныхъ участкахъ). Здѣсь обширно примѣняли трудъ рабовъ. Въ результатѣ въ этомъ періодѣ наблюдается поразительное имуще-ственное неравенство разныхъ классовъ населенія. Въ то время какъ нѣко-торыя немногія семьи богачей буквально тонули въ золотѣ и скучали, не зная, чѣмъ наполнить свою жизнь, масса населенія представляла собою поразитель-ную картину самой вопіющей нужды и горя. Хроническій голодъ—это ихъ обыч-ное состояніе. За неимѣніемъ работы, пролетаріатъ Рима жилъ исключительно подаянками казны и богачей, поражая своимъ ужаснымъ положеніемъ часто даже современниковъ. Къ этому прибавились массовыя заразные болѣзни (эпидеміи), которыя еще болѣе сокращали численность населенія. Такъ чума съ 167 года длилась 20 лѣтъ и унесла половину всего населенія. Въ конечномъ результатѣ всѣхъ указанныхъ обстоятельствъ Римскую имперію захватываетъ кризисъ, осо-бенно рѣзко сказавшійся въ слѣдующемъ періодѣ Римской исторіи.

Эпоха принципата представляется временемъ общаго *упадка нравствен-ности* и полнаго *смѣшенія религиозныхъ культтовъ*

Новыя условія и запросы жизни Рима какъ міроваго центра, въ связи съ рецепціей культуры съ Востока и изъ Греціи, привели къ крушенію ста-раго патріархальнаго уклада жизни, и старыхъ идеаловъ. Древняя религія пе-рестаетъ удовлетворять общество своими однообразными обрядностями и почти полнымъ отсутствіемъ въ ней этическихъ элементовъ. Древніе боги, съ ихъ неизменными страстишками, мелочнымъ и сварливымъ правомъ, какъ ихъ представляли легенды, становятся смѣшными для культурныхъ римлянъ и до-стойными скорѣе презрѣнія, чѣмъ почитанія. Между тѣмъ крушеніе стараго режима, захватъ власти императорами, терроръ, временами возбуждавшійся нѣ-которыми изъ нихъ противъ знати, лишеніе возможности спокойно заниматься политикой и общественной дѣятельностью, тоска о прошломъ, все это влекло умы поискамъ къ удовлетворенію въ религіи. При этомъ высшіе классы искали утѣ-

шенія въ философіи (эпикурейцы, стоики); низшіе же классы общества (и женщины) набросились на таинственные культы Востока, гдѣ все же было болѣе этического элемента, чѣмъ въ римской религіи, и болѣе мистики, такъ всегда заманчивой и привлекательной. По старой традиціи, Римъ, завоевывалъ новыя страны, привлекалъ въ свой пантеонъ и новыя божества, становившіяся теперь покровителями всѣхъ гражданъ. Въ результатѣ, послѣ покоренія всего orbis terrarum и дарованія Каракаллою всѣмъ жителямъ имперіи правъ римскаго гражданства, въ Римѣ установилась полиѣйшая вѣротерпимость (христіанъ гнали не за вѣру, а за нежеланіе ихъ признавать cultus sacrorum и по обвиненію въ употребленіи человѣческой крови, въ безнравственныхъ оргіяхъ и организациіи воспрещенныхъ законамъ тайныхъ собраній). Исповѣданіе той или иной религіи теперь не обязательно, а стало дѣломъ свободнаго убѣжденія каждаго; поэтому теперь наблюдается поразительное смѣшеніе культовъ: Изида и Сераписъ, Ануписъ и Астарта, Митра и Будда, Іегова и Торъ—всѣ они чтутся въ Римѣ, и нерѣдко жертвы разнымъ божествамъ приносятся однимъ жрецомъ въ общемъ ихъ храмѣ.

Смѣшеніе религій повлекло за собою полную путаницу и въ этикѣ римлянъ. Въ результатѣ масса населенія совершенно перестала вѣрить въ боговъ, признавая одинъ лишь культъ, именно наслажденіе жизнью (libido), принимавшее у культурной знати и богачей утонченныя формы, у бѣдняковъ имѣвшее характеръ грубаго разврата и оргій. Въ конечномъ результатѣ разсматриваемый періодъ сталъ временемъ нравственнаго распада въ имперіи, особенно въ Римѣ, господствомъ грубаго матеріализма и эгоизма. Лишенное политической свободы и возможности посвятить свои силы и знанія общественной дѣятельности общество, безъ этики, брошено въ погоню за наслажденіями и за скопленіемъ богатствъ. Теперь все стало продажно: и честь и совѣсть и судъ, даже воинская доблесть, когда какъ, напр., на войнѣ съ Югуртой, послѣдній *покупалъ* у полководцевъ Рима свои победы надъ легіонами. Личный эгоизмъ, культъ «я», раздробляетъ семьи; брачная жизнь, благодаря свободѣ разводовъ и полигаміи съ рабами и рабынями, становится обременительной и стѣснительной. Въ погонѣ за наслажденіями женщины лучшихъ аристократическихъ семействъ записываются у эдиловъ въ списки проститутокъ, чтобы только избѣжать обвиненій въ stuprum или adulterium. У низшихъ классовъ общества уклоненія отъ вступленія въ бракъ и дѣторожденія вызывались крайней нуждой и отсутствіемъ средствъ для прокормленія семьи. Рабство разлагаетъ семью, погоня за наживой разлагаетъ общество. Въ результатѣ расщепенность общества, особенно же крушеніе брачной жизни и отсутствіе дѣтей у брачующихся, вызываютъ рядъ мѣръ со стороны правительства. Сюда относятся законы противъ роскоши Lex Oppia, мотовства (Scilum Macedonianum) и др. Особенно борются императоры противъ распаденія семейной жизни. Въ цѣляхъ этихъ издаются законы, дающія спеціальныя привилегіи лицамъ женатымъ и имѣющимъ много дѣтей.

Такъ законъ *Iulia theatralis* предоставилъ женатымъ особия мѣста въ театрѣ, *lex Iulia sumptuaria* запретилъ холостымъ принимать участіе въ ерѣла и др. Особенно рѣзко проявилась указанная тенденція въ *lex Iulia et Papia Poppaea*. Законъ этотъ устанавливалъ, что 1) лица извѣстнаго возраста *должны* имѣть дѣтей. Обязанность состоять въ бракѣ для мужчины полагалась закономъ въ возрастѣ отъ 25 до 60 лѣтъ. Вдовы и разведенныя женщины равно должны были снова выходить замужъ; первая черезъ 2 года послѣ смерти мужа; вторая спустя 1½ года послѣ развода. Несоблюденіе этихъ предписаній влекло за собою имущественныя невыгоды, а именно: а) лица, не состоящія въ бракѣ (*coelibes*) вовсе ничего не получали изъ завѣщаннаго имъ или легированнаго *не родственниками* имущества. в) Женатыя (замужнія) но бездѣтныя лица (*orbis*) получали при этомъ лишь половину. Излишекъ изъ наслѣдства, который у нихъ отнимался (*caducum*), шелъ, въ видѣ преміи, въ пользу другихъ женатыхъ и имѣющихъ дѣтей сопаслѣдниковъ, а если таковыхъ не было, то въ казну. Женщины, имѣющія 3-хъ дѣтей или 4-хъ (*libertae*), получали свободу отъ опеки. Въмѣстѣ съ тѣмъ по этому закону каждое лицо, способное къ браку, должно было жить въ соответствующемъ его общественному положенію бракѣ. Поэтому *ingenui* не должны были жениться на *mulieres infames*. Лицамъ сенаторскаго званія сверхъ того были запрещены браки съ вольноотпущенными, съ сшповьями и съ дочерьми актеровъ и этими послѣдними. Ослушники приравнивались по послѣдствіямъ, къ *coelibes*; но самый бракъ почитался действительнымъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ императоры обращаютъ вниманіе на улучшеніе участи дѣтей—сиротъ, или у которыхъ родители—бѣдняки. Для нихъ создаются воспитательныя заведенія по городамъ Италіи и провинціи (со времянь Нервы и Траяна). Организовано это было слѣдующимъ образомъ. Императоры, съ согласія сената, давали изъ казны въ займы извѣстному городу, на его хозяйственныя нужды, опредѣленную сумму денегъ за умѣренныя проценты (обыкновенно изъ 50/0; тогда какъ въ то время нормальный 0/0 по займамъ равнялся 120/0 годовымъ). Эти проценты, уплата ихъ, раскладывалась городскимъ управленіемъ на горожанъ—владѣльцевъ недвижимаго имущества, причемъ сумма общая шла не въ казну, а на нее или устраивались въ городахъ дѣтскіе пріюты, или же распределяли ее, подъ контролемъ особыхъ чиновниковъ (*quaestores sacrae re-sistiae*) между бѣдными дѣтьми, на ихъ содержаніе—до 18 лѣтъ. Такимъ образомъ дѣти бѣдняковъ воспитывались на казенный счетъ. Подражая императорамъ, нерѣдко богатые римляне на свой счетъ устраивали по городамъ такіе же дѣтскіе пріюты. Такъ Плиніи создалъ такое заведеніе въ Сомо, на мѣстѣ своей родины. Послѣ смерти Александра Севера дѣло созданія такихъ учреждений отъ казны стало гибнуть, въ виду стремленія позднѣйшихъ императоровъ взыскивать съ городскихъ общинъ выданныя имъ изъ казны ссуды, чтобы хотя ими пополнить опустѣвшую тогда государственную казну.

Періодъ абсолютизма.

Идея принципата неизбежно влекла императоровъ къ абсолютизму. По мѣрѣ усиленія, по традиціи, ихъ авторитета въ обществѣ и упроченія власти не на сочувствіи ей со стороны демократической части населенія, а на силѣ кулака—на войскѣ, императоры все болѣе обособляются со своими интересами и стремленіями отъ запросовъ и идеаловъ народной жизни. Увлеченіе восточной пышностью и идеями деспотизма, въ связи съ прежней *adoratio* императоровъ еще болѣе отдаляетъ послѣднихъ отъ общества, ставитъ на высоту и устраняетъ изъ народной жизни. Собственно говоря, уже съ Септимія Севера императоры *de facto* являлись вполне неограниченными деспотами; оставалось необходимымъ лишь юридически фиксировать эту реформу, что и было сдѣлано Діоклетіаномъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ давно уже стали сказываться въ практической жизни недостатки Октавіановой реформы въ государственномъ строѣ страны. Дѣло въ томъ, что въ періодъ принципата, когда все управленіе страной исходило непосредственно отъ императора и послѣдній долженъ былъ лично самъ входить въ разсмотрѣніе и разрѣшеніе даже самыхъ мелкихъ вопросовъ государственной жизни,—нужна была гениальность самаго организатора этой системы—Августа или такихъ лицъ какъ Тиверій или Траянъ, чтобы государственный механизмъ правильно функционировалъ. Между тѣмъ императоры среднего умственного уровня уже оказывались безпомощными, легко терялись и сами путали другихъ въ сложномъ дѣлѣ государственнаго строительства. Являлась, другими словами, для императоровъ настоятельная необходимость созданія управленія страной при помощи *передовѣрія* отъ себя извѣстныхъ областей государственнаго строительства подчиненнымъ государю лицамъ, которые бы непосредственно завѣдывали порученнымъ имъ дѣламъ, лишь подъ контролемъ и ответственностью передъ императорами. Въ свою очередь и этимъ правителямъ для облегченія ихъ службы и созданія большей стройности и порядка въ веденіи дѣлъ, необходимо было предоставить право назначать себѣ помощниковъ для завѣдыванія отдѣльными отраслями государственной жизни. Словомъ, короче говоря, возникла идея о необходимости созданія бюрократическаго строя правленія.

Автономія провинцій и отдѣльных городскихъ общинъ была хороша и способствовала процвѣтанію имперіи, пока центральная власть была сильна и богата и дѣйствительно заботилась о благосостояніи народа. Скоро однако и здѣсь дѣло пошло плохо. Прежде всего императоры перестали думать о нуждахъ провинціаловъ, заботясь исключительно о своихъ узко-эгоистическихъ интересахъ; ихъ чиновники, особенно въ виду частой смѣны императоровъ, безконтрольно начали грабить провинціаловъ; послѣдніе кромѣ того облагаются громадными налогами въ пользу фиска. Въ то же время прекращаетъ свое бытіе и рах гомана, такъ какъ шайки грабителей внутри государства и варвары по окраинамъ безнаказанно насильничаютъ надъ мирнымъ населеніемъ, не встрѣчая сколько—нибудь серьезнаго отпора, благодаря дурному состоянію арміи.

Въ результатъ автономныя провинціи и общины утрачиваютъ всякое довѣріе къ императорамъ и ихъ власти, забывшимъ думать о благѣ подданныхъ, и у нихъ къ концу первой половины императорскаго періода сильно развиваются сепаратистическія тенденціи, въ виду сознанія, что каждая провинція съ большимъ успѣхомъ можетъ сберечь свои силы и средства, живя особой самостоятельной государственной жизнью и не тратясь на бездарныхъ и бесполезныхъ императорскихъ чиновниковъ, отъ которыхъ все равно нѣтъ возможности получить защиту и помощь въ минуты нужды. Эпоха тридцати тиранновъ (259—270 г.г.) лучше всего отбѣиваетъ успѣхъ такихъ сепаратистическихъ стремленій.

In tanto discrimine rerum, желая укрѣпить императорскую власть и значеніе въ государствѣ, выступилъ Діоклетіанъ съ своей реформой государственнаго строя путемъ уничтоженія автономіи провинцій, усиленія центральной императорской власти и поддержанія послѣдней силой и строгимъ проведеніемъ идеи бюрократизма въ управленіи. Традиционная римская дисциплина помогла и здѣсь, и въ результатъ реформы, по крайней мѣрѣ на Востокѣ, имперія могла просуществовать еще около 1000 лѣтъ.

Основные черты Діоклетіановой реформы таковы: 1) Императоръ превратился въ восточнаго деспота по власти и его отношенію къ обществу; 2) онъ сталъ править страной при помощи организованной на новыхъ началахъ арміи чиновниковъ. Послѣдніе являлись орудіями центральной власти во всѣхъ частяхъ имперіи; надъ ихъ дѣятельностью былъ строгій контроль, съ проведеніемъ іерархическаго принципа по табели о рангахъ и раздѣленія власти по вѣдомствамъ; 3) Италия была уравнена съ провинціями, въ отношеніи управленія ею, и вся имперія раздѣлена съ гражданско-административными цѣлями на территоріальные участки—префектуры, діоцезы, провинціи; 4) все населеніе было раскассировано по классамъ и наследственно прикрѣплено къ своимъ профессіямъ; 5) христіанство было признано (съ Феодосія Великаго) гос-

подетвующей религіей, и въ благодарность, стало, въ лицѣ своихъ служителей, въ защиту и помощь государственной власти.

Императоръ.—Императоръ сталъ теперь *всемъ*. Онъ читается, какъ dominus, deus. Къ старому традиціонному cultus caesaris добавилась претензія христіанскихъ императоровъ на божественное происхожденіе своей власти («Нѣсть бо власти, аще не отъ Бога»...); нарушеніе власти императора поэтому признается прежде всего грѣхомъ, ослушаніемъ Божеской воли.

Какъ сверхъ-человѣкъ, императоръ носить особую одежду, которой отличается отъ простыхъ смертныхъ; на головѣ у него діадема—знакъ верховной власти; онъ рѣдко, лишь въ торжественныхъ случаяхъ, показывается народу. Этика общества, общественное міросозерцаніе ему не обязательны; онъ exigit more. Какъ сверхъ-человѣческой личности, ему совершается adoratio; при аудиенціяхъ подданные его стоятъ на колѣняхъ, и въ видѣ милости отъ повелителя, могутъ поцѣловать край его одежды. Его воля—все; все въ государствѣ отъ него исходитъ и все зависитъ—правленіе, законы, судъ. Самому же императору законы не обязательны къ соблюденію.

Порядокъ престолонаслѣдія однако и послѣ Діоклетіановой реформы остался не выработаннымъ. Здѣсь по прежнему императоры, желая указать своего наслѣдника, назначаютъ его соправителемъ (промагистратура), хотя всегда на престолѣ тотъ, за кого стоитъ войско.

Совѣтъ при императорахъ остался; только теперь называется онъ не consilium, а consistorium principis, такъ какъ его члены (comites consistoriani) обязаны стоять передъ императоромъ. Совѣтъ этотъ чисто совѣщательный органъ при императорѣ, и consilia совѣта для императора не обязательны.

Сенатъ, какъ въ Римѣ, такъ и въ Константинополѣ сталъ простымъ городскимъ совѣтомъ. Отъ прежнихъ правомочій за Римскимъ сенатомъ осталось одно, именно, по обычаю его официально извѣщали о восшествіи на престолъ новаго императора и объ изданіи новыхъ законовъ; по прежнему равнымъ образомъ новый императоръ въ законахъ своихъ и въ рѣчахъ заявлялъ, что власть свою онъ получалъ отъ сената; но эти заявленія теперь—чистая фикція—не болѣе.

Отъ республиканскихъ *магистратовъ* теперь, собственно говоря, остались лишь почетныя наименованія, дававшіяся императорами въ видѣ знака отличія отдѣльнымъ лицамъ (эдилы, квесторы, трибуны); консулы равнымъ образомъ съ государственной точки зрѣнія—почетное лишь наименованіе. Теперь магистратовъ окончательно и во всемъ замѣняютъ императорскіе чиновники.

Чиновники императора: бюрократическій режимъ.

Для управленія страной существуютъ теперь спеціальныя чиновники съ разграниченнымъ (provincia) кругомъ дѣлъ у cadaго и со строгими іерархіей

и порядкомъ прохождения службы. Всѣ чиновники назначались императоромъ, и въ своей судьбѣ и карьерѣ всецѣло зависѣли отъ его воли и усмотрѣнія. За службу свою чиновники получали опредѣленное жалованье. По службѣ своей всѣ чиновники были распределены въ іерархическомъ порядкѣ, причѣмъ младшіе находились въ зависимости отъ старшихъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ на службѣ строго соблюдалось соотношеніе класса должности съ опредѣленнымъ чиномъ, причѣмъ въ каждой должности служили обыкновенно, (по старому обычаю) одинъ годъ. По созданной императорами таблицы о рангахъ (главнымъ образомъ Константиномъ), чиновъ было установлено пять, а именно (начиная съ высшихъ): *illustres, spectabiles, clarissimi, perfectissimi* и *egregii*. Съ повышеніемъ въ слѣдующій чинъ необходимо было и назначеніе на высшую должность.

Отъ чиновниковъ въ собственномъ смыслѣ слова (*dignitates*) слѣдуетъ отличать канцелярскихъ служителей (*officiales*). Званіе это въ провинціяхъ было даже наследственнымъ. Здѣсь *cohortalini* были прикрѣплены съ семьями къ мѣстамъ своего служенія. Эти канцеляристы были очень опытные въ своей службѣ и дѣлахъ, они были великими знатоками канцелярскихъ формъ и законовъ; но подобно и нашимъ подьячимъ, зная свои и свою канцелярскую опытность они примѣняли главнымъ образомъ и прежде всего не для службы дѣлу, а въ дѣлахъ крючкотворства и личной наживы. Взяточничество въ ихъ средѣ процвѣтало самое беззастѣнливое. Но во всякомъ случаѣ они одни лишь знали канцелярскіе порядки, и этимъ, какъ и своими обширными свѣдѣніями въ законахъ, держали въ рукахъ своихъ часто мѣнявшихся чиновниковъ. Мало того, официалы по долгу службы обязаны были слѣдить за законностью дѣйствій своего начальства и доносить высшимъ чиновникамъ о всякомъ ихъ служебномъ проступкѣ. За службу свою канцеляристы получали опредѣленное жалованье. Мѣста въ канцеляріяхъ (*militia*), т. е. патенты на нихъ, часто служили предметомъ оборота; ихъ продавали, мѣняли, даже давали дочерямъ въ приданое.

Что касается *отдѣльныхъ dignitates*, то здѣсь прежде всего было дѣленіе ихъ на три группы, именно на должности придворныя, гражданскія и военныя.

1) *Dignitates palatinae*, т. е. придворныя должности, представляли собою, благодаря близости къ подателю всѣхъ жизненныхъ благъ—императору, наиболѣе привлекательную и выгодную службу. Во главѣ дворцового управленія стоялъ: а) *magister officiorum*—это дворцовый кмендантъ, онъ завѣдывалъ равно императорской канцеляріей, почтой и иностранной политикой. Въ его рукахъ сосредоточенъ былъ контроль мѣстнаго управленія. Для успѣха послѣдней задачи при *magister officiorum* стояло учрежденіе—*schola agentium in rebus*—штатъ жандармовъ и доносчиковъ, къ которымъ для надзора за политической благонадежностью гражданъ были добавлены еще частные фискалы—*curiosi* («любопытствующие»); число послѣднихъ временами достигало до

3000 человекъ. b) Фактически, благодаря непосредственной близости къ императору, пользовался большимъ авторитетомъ, начальникъ всѣхъ придворныхъ — *praepositus sacri cubiculi*, избиравшійся изъ евнуховъ; c) производство въ высшія чины и всѣ перемѣны въ службѣ чиновниковъ вѣдалъ *primicerius notariorum*—старшій дѣлопроизводитель императорской канцеляріи; d) финансы имперіи находились въ завѣдываніи двухъ министровъ, именно—частная казна императора—въ рукахъ *comes rei privatae*, и государственная казна — *y comes sacrarum largitorum*.

Dignitates civiles—(гражданское управление имперіей):—во главѣ его слѣдуетъ поставить лицо, собственно говоря, изъ дворцовыхъ чиновниковъ—*quaestor sacri palatii*,—это юристъ-консулъ императора, составитель законовъ, а равно другихъ юридическихъ актовъ, исходящихъ отъ имени императора, въ томъ числѣ слѣдовательно и всѣхъ указовъ о назначеніи высшихъ гражданскихъ чиновъ и даваемыхъ послѣднимъ инструкцій о способахъ и порядкѣ управления. Самъ *quaestor sacri palatii* не имѣлъ своей канцеляріи, а пользовался канцеляріей императора, находившейся въ управленіи *magistr'a officiorum*.

Въ цѣляхъ лучшей организаціи бюрократическаго строя, равно какъ и по извѣстнымъ политическимъ причинамъ, начиная съ Константины, вся имперія была раздѣлена на 4 префектуры (*Orientis, Syriae, Italiae, Galliarum*). Во главѣ каждой стоялъ *praefectus praetorio* (теперь безъ военной власти. Замѣтимъ, что Азія и Африка имѣли во главѣ правленія проконсуловъ, не зависѣвшихъ отъ *praefectus praetorio*). Префектуры дѣлились на *diocезы* (всѣхъ 12) съ *vicariis* во главѣ; діоцезы дѣлились на провинціи, съ *consulares, correctores, praesides*, управлявшими этими болѣе дробными дѣлениями территоріи государства. При созданіи провинцій теперь умышленно не было обращено вниманія ни на географическое, ни на племенное обособленіе гражданъ.

Всѣ перечисленные правители административныхъ округовъ имперіи, различнаго наименованія, были лишены права командованія войскомъ; въ ихъ рукахъ сосредоточено было лишь вѣдомство административныхъ и гражданскихъ дѣлъ въ данной мѣстности. Преторіанскіе префекты вѣдали судъ и расправу *vice imperatoris*, т. е. безъ права обжалованія ихъ рѣшеній; можно было лишь просить самого же префекта пересмотрѣть уже рѣшенное имъ дѣло еще разъ (*supplicatio*). На обязанности этихъ же чиновниковъ былъ надзоръ за распредѣленіемъ налоговъ въ префектурѣ и за исправнымъ поступленіемъ доходовъ въ казну. Викарій въ діоцезѣ былъ тѣмъ же, что и префектъ въ своей префектурѣ: онъ равнымъ образомъ судилъ и управлялъ *vice imperatoris*, являясь *vicarius* омъ императора, а не *vicarius praefecti*. Управители провинцій, напротивъ, находились въ зависящемъ положеніи отъ префектовъ.

Dignitates militares. Для командованія войсками при Діоклетіанѣ и Константинѣ были созданы особыя должности, въ цѣляхъ возможно болѣе полнаго обособленія военнаго сословія въ государствѣ. Въ тѣхъ же цѣляхъ военные округа не совпадали своими границами съ административными дѣленіями имперіи. Округовъ военныхъ было послѣ Константина пять на востокъ и пять на западъ; во главѣ каждаго стоялъ *magister militum*, вѣдавшій войско и солдатъ во всѣхъ сторонахъ ихъ какъ военной, такъ и частной жизни; въ этихъ цѣляхъ, кромѣ командованія войскомъ, *magister militum* имѣлъ въ рукахъ гражданскую и уголовную юрисдикцію надъ солдатами, составлявшими, благодаря данной имъ массѣ привилегій и льготъ, какъ бы государство въ государствѣ. Этими чиновникамъ были подчинены *duces, comites rei militaris*.

Городское управленіе. Италия теперь въ дѣлѣ управленія ничѣмъ не отличается отъ провинцій. Особенное управленіе оставлено только для Рима, гдѣ судъ и административныя дѣла вѣдаетъ по прежнему *praefectus urbis*, подчиненный непосредственно императору; кромѣ того онъ же являлся апелляціонной инстанціей на рѣшенія остальныхъ чиновниковъ Рима (*praefectus annonae, praefectus vigilum* и др.). Его судебныя приговоры окончательны въ искахъ гражданскихъ на сумму менѣе 100 солидовъ; по дѣламъ же на сумму выше 100 солидовъ давалась апелляція на имя императора. Съ 359 г. такой же префектъ былъ назначенъ и для Константинополя.

Въ *муниципіяхъ* магистраты (*quattuor viri, duoviri, quaestores*) назначаются уже изъ декуріоновъ правителями провинцій и находятся въ полномъ подчиненіи у послѣднихъ. За ними сохранилась юрисдикція лишь по маловажнымъ дѣламъ. Установленные императоромъ Первой *curatores rei publicae* блюдутъ еще нѣкоторое время финансы муниципій; но значеніе ихъ все ослабляется, и сами они постепенно прекращаютъ свое бытіе, особенно съ учрежденіемъ новой должности—*defensores civitatis*. Въ лицѣ послѣднихъ видимъ мы попытку законодателя привлечь къ дѣлу правленія мѣстный элементъ. Чиновники эти главной задачей своей дѣятельности имѣли защиту плебса отъ притѣненій богатыхъ (*potentiores*), въ особенности же отъ незаконныхъ требованій и поборовъ правителей провинцій; кромѣ того на нихъ же была возложена обязанность собирать подати съ мелкихъ землевладѣльцевъ, а равно юрисдикція по маловажнымъ дѣламъ. Срокъ службы ихъ—пять лѣтъ; причемъ самые выборы въ эту должность совершались первоначально общимъ собраніемъ гражданъ. Скоро однако эти *defensores* попали въ полную зависимость отъ правителей провинцій и стали сами форменными императорскими чиновниками. Въ этомъ отношеніи мало помогла и реформа Юстиніана, который расширилъ ихъ юрисдикцію и поставилъ въ зависимость непосредственно отъ преторіанскаго префекта. Государственнымъ языкомъ продолжаетъ считаться латинскій, не смотря на перенесеніе государственнаго центра изъ Італіи въ

Византію. Лишь при Юстиніанѣ въ 530 году видимъ мы изданіе его консти- туцій на греческомъ языкѣ, именно когда онъ издалъ приказъ о составленіи Дигестъ.

Сословія.

Особенностью этого періода является *наслѣдственное прикрѣпленіе гражданъ*, каждаго къ своей профессіи.

Все возрастающая нужда правительства въ денежныхъ средствахъ вынудила его все болѣе и болѣе увеличивать размѣры податей и повинностей съ гражданъ, причемъ самые налоги распределяются, смотря по характеру занятій гражданъ: съ торгующихъ одни, съ промышленниковъ другіе, съ землевладѣльцевъ третьи и т. д.; другими словами, каждая профессія платитъ свою подать.

Между тѣмъ этотъ гнетъ налоговъ, при прогрессирующемъ обѣдненіи всѣхъ классовъ населенія, являлся для народа прямо бѣдствіемъ, отъ котораго всѣ и каждый стремились такъ или иначе избавиться; причемъ лучшимъ средствомъ уклоненія отъ платежа налоговъ являлась какъ частая перемѣна мѣста жительства, такъ равно измѣненіе рода занятій и своего промысла.

Чтобы подданные не уклонялись отъ налоговъ, бросая свои занятія, государство запретило мѣнять разъ избранную профессію и сдѣлало послѣднюю *наслѣдственной* въ семьѣ. А для того чтобы граждане не бѣжали изъ мѣстъ своего жительства и не уклонялись такимъ способомъ отъ налоговъ, была установлена *крювая порука* другъ за друга по казеннымъ сборамъ всѣхъ лицъ одной мѣстности, занимавшихся одной и той же профессіей. Въ то же время такія созданныя съ фискальными цѣлями организаціи получили право всюду разыскивать своихъ бѣглыхъ членовъ и виндцировать ихъ, какъ своихъ рабовъ, къ себѣ обратно. Въ результатъ населеніе распадается на рядъ наслѣдственныхъ классовъ, прикрѣпленныхъ къ своимъ профессіямъ и обложенныхъ соотвѣтственнымъ данному классу окладными сборами. При этомъ наблюдается старое явленіе: чѣмъ выше экономически классъ общества, тѣмъ легче сравнительно жить въ немъ, и вся тяжесть налоговъ давить и губить бѣдняковъ.

Высшимъ сословіемъ въ государствѣ остается по прежнему *ordo senatorius*, Оно становится наслѣдственнымъ, причемъ не требуется никакого ценза, лишь бы отецъ въ минуту рожденія ребенка имѣлъ титулъ *clarissimus*. Въ это же сословіе внесены всѣ богатые землевладѣльцы. Въ то же сословіе входили: 1) всѣ дѣйствительные члены сената; 2) занимающіе должности не ниже по рангу *clarissimus*; 3) лица, коимъ это званіе пожаловано императоромъ. Сословность переходила и на нисходящихъ. Сенаторы были обложены особой поземной податью (*follis* или *gleba*). Кромѣ того на нихъ же лежала еще одна повинность,

именно дѣлать обязательные подарки императору (*augur obbaticium*) по случаю торжественныхъ событій въ семьѣ послѣдняго. Изъ сенаторовъ выбирались консулы и преторы, обязанностью которыхъ (весьма разорительной) было устраивать на свой счетъ народныя увеселенія. Привилегіей этого класса населенія была свобода отъ городскихъ сборовъ и особая подсудность по уголовнымъ и гражданскимъ дѣламъ столичнымъ *praefecti urbis*.

Сословіе *всадниковъ* прекращается, со времени Константина, свое существованіе; теперь названіе это стало даваться какъ почетный титулъ нѣкоторымъ жителямъ столицъ.

Въ *городахъ* имперіи высшимъ сословіемъ по прежнему считаются *декуріоны*, изъ которыхъ однихъ лишь назначаются муниципальные чиновники городского управленія, назначаются уже не самими горожанами, какъ прежде, а по волѣ чиновниковъ императора. На *декуріоновъ* теперь, ставшихъ тоже наследственнымъ сословіемъ, возложено несеніе всѣхъ городскихъ повинностей (*шпегга*); они же вѣдаютъ взиманіе и казенныхъ налоговъ и повинностей; причеиъ за недомки по тѣмъ и другимъ всѣ *декуріоны* даннаго города отвѣчаютъ по круговой поруцѣ одинъ за всѣхъ и всѣ за одного. Мало того, непосредственно на *декуріоновъ* были возложены расходы по приему и отправкѣ посольства, по ремонту общественныхъ сооружений, на устройство народныхъ игръ и т. д. Другими словами, это «почетное» сословіе было такъ разорительно для лицъ, въ немъ состоящихъ, что *декуріоны* всячески бѣгутъ изъ сословія, даже закабляются къ землевладѣльцамъ, чтобы только избавиться отъ такого «пчета».

Лица, занимающіяся въ *городахъ* торговлей и промыслами (*negotiatores*), равнымъ образомъ передѣланы были въ каждой муниципіи въ особый наследственный классъ жителей, съ особымъ корпоративнымъ устройствомъ. Съ этихъ *negotiatores* казна взимала особую подать—*lustralis collatio*, размѣръ которой опредѣлялся каждые пять лѣтъ, когда она и взывкивалась въ общей суммѣ со всей корпорациі; развертка ея между корпорантами, равно какъ и самый сборъ совершалась самими *negotiatores*. Подать эта была отиѣнена Анастасіемъ въ 501 году.

Ремесленники и промышленники въ *городахъ* равнымъ образомъ сформированы были въ наследственныя корпорациі по отдѣльнымъ видамъ ремеселъ и промысловъ (*collegiati* или *corporati*). Всѣ городскіе жители—не *декуріоны* носили одно общее наименованіе—*plebsji*—и если не были обложены специальными налогами по роду своей дѣятельности, то платили въ казну личнѣй налогъ—подушную подать—*capitatio humana* или *capitatio plebeja*, которая впрочемъ позднѣе была съ горожанъ отиѣнена.

Составлявшая въ первой половинѣ императорскаго періода главную статью расхода бесплатная раздача хлѣба и другихъ продуктовъ первой необходимости тогда была организуема на общихъ началахъ откупной системы.

Именно казна черезъ цензоровъ ежегодно едала эту повинность на откупъ публиканамъ, кто за выполненіе этой обязанности менѣе всего потребуеъ уплаты съ казны. Обыкновенно публиканами при этомъ выступали лица, занимавшіяся въ Римѣ промыслами, имѣвшими близкое отношеніе къ *frumentatio*, каковы—пекаря, мясники и др. Желая установить *frumentatio* на возможно льготныхъ для казны началахъ, Діоклетіанъ (около 284—212 г.г.) ввелъ новый порядокъ, по которому *frumentatio* была передана какъ обязательная повинность (*munus*), за установленное вознагражденіе отъ казны, определеннымъ промышленнымъ корпораціямъ. Эти корпораціи были вмѣстѣ съ тѣмъ превращены въ наследственные цехи, выходъ изъ которыхъ воспрещался. Благодаря такой реформѣ, обязанность прокормленія бѣднѣйшей части населенія въ Римѣ и Константинополѣ была возложена на хозяевъ судовъ, на коихъ перевозился хлѣбъ изъ провинцій (*navicularii*), на вѣсовщиковъ жита (*frumentarii mensores*), на пекарей (*pistores*), а равно на мясниковъ (*suarii, boarii, pescarii*). Съ теченіемъ времени на такихъ же цеховыхъ началахъ организованы были все ремесленники, трудъ которыхъ непосредственно интересовалъ правительство; таковы, напр. *fabricenses*—рабочіе на оружейныхъ фабрикахъ, рабочіе на рудникахъ и монетномъ дворѣ (*metallarii, monetarii*). Занятіе ихъ являлось ихъ повинностью въ пользу государства.

Нечего и говорить, какъ губительно отражалась такая цеховая система, созданная исключительно въ фискальных цѣляхъ, на благосостояніи промышленниковъ и отдѣльных классовъ общества вообще. Прикрѣпленные къ мѣсту и къ определенному роду занятій граждане чувствовали надъ собою вѣчный гнетъ различныхъ властей; казна какъ помпа высасывала ихъ достатки, а работать приходилось по неволѣ надъ постылымъ и ненавистнымъ даже подъ часъ занятіемъ, не отвѣчающимъ ни вкусамъ, ни стремленіямъ работающаго. Не любовь къ дѣлу являлась теперь стимуломъ труда, не призваніе, а приказъ начальства и боязнь иначе умереть отъ голода, что въ Византіи было далеко не рѣдкостью.

Военное сословіе. Военная служба стала теперь тоже, до извѣстной степени, наследственной, такъ какъ дѣти солдатъ, если только они по наружному виду годились въ солдаты, таковыми и становились обязательно; негодные же для военной службы вносились въ списки декуріоновъ. Самая служба длится теперь 25 лѣтъ, послѣ чего солдатъ, не выходя изъ званія, считается ветераномъ; ветерановъ казна содержала на свой счетъ.

Солдаты и семьи ихъ были какъ бы государствомъ въ государствѣ, благодаря массѣ льгот и привилегій, они были свободны отъ формальностей и предписаній права, обязательнаго для остальныхъ гражданъ, и жили по своимъ обычаямъ, судясь и управляясь особыми военными чиновниками.

Кромѣ происхожденія естественнаго, т. е. отъ солдатскихъ браковъ, въ военное сословіе принимались и добровольцы; мало того, правительствомъ были

установленъ рекрутскій наборъ, по которому помѣщики (каждый *lustrum*) были обязаны поставлять въ войско определенное число рекрутовъ (*tirones*), изъ числа колонновъ (см. ниже), сообразно съ величиной земельныхъ владѣній у каждаго помѣщика; причемъ мелкіе землевладѣльцы иногда ставили нѣсколько человекъ одного рекрута, или же уплачивали известную сумму денегъ въ казну для найма варваровъ въ вспомогательное войско (*auxilia*).

Сельское хозяйство и сельскіе классы населенія. Колонны. Большіе поземельные налоги, упадокъ общаго благосостоянія народа въ силу и казенныхъ взысканій, и вымогательствъ многочисленной шайки чиновниковъ, и отъ насилій солдатъ, разбойниковъ и варваровъ—все это губительно вліяло на сельское хозяйство, особенно мелкихъ землевладѣльцевъ. Въ результатѣ сельскіе хозяева (*possessores*), задавленные поземельными налогами казны, насиліями власти, солдатъ и разбойниковъ, бросаютъ свои земли и массами бѣгутъ въ города или гибнутъ отъ голода, заразныхъ болѣзней и отъ насилій. Въ концѣ концовъ наблюдается по всему государству колоссальное увеличеніе заброшенныхъ ихъ хозяевами земель—*sterilia, loca deserta*, захватить которыхъ для разработки (по *oscuratio*) не находилось желающихъ. Все прогрессирующее, благодаря этому, уменьшеніе количества обработанной земли въ государствѣ грозило правительству лишеніемъ одной изъ важнѣйшихъ статей дохода—земельныхъ сборовъ. По этому императоры принимаютъ здѣсь энергичныя мѣры въ цѣляхъ огражденія интересовъ фиска. Съ этой цѣлью изданъ былъ цѣлый рядъ постановленій Константина, Валентиніана и Феодосія Великаго о передачѣ *sterilia* сосѣдямъ, ветеранамъ и peregrinamъ—военно-пѣннымъ, становившимся тогда въ арендныя съ казною отношенія. Тогда же былъ созданъ Авреліаномъ институтъ *adjectio sterilium*, т. е. переносъ налоговъ съ заброшенныхъ участковъ земли на земли обработанныя. Постепенно (ко времени Константина) институтъ этотъ былъ развитъ въ слѣдующемъ видѣ: Если помѣстье даннаго лица становилось бездоходнымъ, почему съ него не было возможности взыскать окладные сборы въ казну, тогда послѣдніе распределялись между всѣми остальными внесенными въ тотъ же кадастръ и дающими доходъ имѣніями (*culta*), между коими распределялось соответственно въ собственность заброшенныя участки. б) Если бездоходнымъ становилось одно изъ имѣній богатаго помѣщика, налоги съ него распределялись между доходными его другими имѣніями, внесенными въ тотъ же кадастръ. с) Владѣлецъ *ager vectigalis*, равно какъ арендаторъ и эмфитевта *locus publica*, обязанъ былъ брать къ себѣ соответственное количество *sterilia*, примыкавшихъ къ ихъ дающему доходъ земельному участку.

Кромѣ этихъ постановленій, изданныхъ исключительно въ цѣляхъ огражденія интересовъ фиска, правительство старалось поощрять сельско-хозяйственную культуру. Тамъ положена была денежная награда отъ казны тѣмъ хозяевамъ, которые создадутъ культуру оливокъ на арендованной землѣ; затѣмъ

ager desertus присуждался черезъ 2 года въ полную собственность тому, кто его снова обрабатываетъ. Наконецъ, въ тѣхъ же цѣляхъ—остановить derelictio agrorum—изданъ былъ законъ о переносѣ на помѣщика всѣхъ недоимокъ крестьянъ, бросившихъ свои надѣлы и снявшихъ у этого помѣщика въ аренду участки его земли.

Всѣ эти мѣры однако не помогали дѣлу; земли продолжаютъ пустѣть все болѣе и болѣе, и въ громадномъ большинствѣ случаевъ сельское хозяйство ведется только на латифундіяхъ богачей. Обладая значительнымъ капиталомъ, богачи были лучше застрахованы отъ всякихъ случайностей; связи же въ высшемъ обществѣ гарантировали ихъ отъ вымогательствъ чиновниковъ и насилій солдатъ. Хозяйство на латифундіяхъ они ведутъ путемъ дробленія ихъ на мелкіе участки, которые сдаютъ желающимъ, или въ наследственное пользование (эмфитевта или колонатъ), или же въ срочную аренду; причемъ чаще всего арендаторами у нихъ являлись крестьяне, обезземельные или бросившіе свои надѣлы за невозможностью вести на послѣднихъ свое хозяйство.

Принимая такихъ арендаторовъ себѣ на землю, собственники послѣдней обыкновенно давали имъ взаймы извѣстныя суммы денегъ и другихъ цѣнностей для обзаведенія инвентаремъ и для проживанія до перваго урожая, и тѣмъ сразу ставили ихъ къ себѣ въ тяжелую долговую зависимость, имѣя право не пускать арендаторовъ со своей земли до уплаты этихъ долговъ. Мало того, и умирая, помѣщики передавали эти свои права требованія на недоимки съ колонновъ (religiosa colonatum) своимъ наследникамъ, чтобы и тѣ не пускали недоимщиковъ съ земли. Такимъ образомъ уже фактически стало создаваться крѣпостное отношеніе арендаторовъ къ ихъ помѣщикамъ.

Съ своей стороны и правительство, охраняя все тѣ же свои фискальныя интересы, т. е. успѣшное поступленіе земельныхъ налоговъ, озабочено было тѣмъ, чтобы на сельскихъ участкахъ было достаточное число рабочихъ рукъ. Съ этою цѣлью, ради охраны власти, а вмѣстѣ съ тѣмъ и интересовъ крупныхъ землевладѣльцевъ, было постановлено (при Константинѣ): 1) что свободные лично арендаторы участковъ чужой земли не имѣютъ права сходить съ нихъ и передвигаться на новыя земли; 2) что отчужденіе обработанныхъ земельныхъ участковъ допускается не иначе, какъ вмѣстѣ съ сидящими на этихъ земляхъ колоннами (въ 357 г.). Этими положеніями всѣ арендаторы чужой земли, какъ срочные, такъ и безсрочные, были превращены въ крѣпостныхъ и объединены подъ однимъ общимъ наименованіемъ колонновъ (coloni).

Установленный главнымъ образомъ при Константинѣ институтъ крѣпостныхъ крестьянъ, (coloni) получилъ свое окончательное развитіе при Юстиніанѣ, въ общихъ чертахъ вполне схоже съ положеніемъ нашихъ бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Согласно правиламъ этимъ лично свободный колонтъ обязанъ былъ наследственно обрабатывать землю своего помѣщика, уплачивая за это послѣднему извѣстное вознагражденіе деньгами или натурой. При этомъ

колонъ составлять принадлежность населеннаго имѣнія, и послѣднее могло переходить отъ одного собственника къ другому лишь вмѣстѣ съ населяющими его колонами. Гражданскіе искъ между господиномъ и его крѣпостнымъ имѣли мѣсто, но уголовныя не допускались. Скоро впрочемъ помѣщики присвоили себѣ юрисдикцію надъ своими колонами. Установленъ колонатъ могъ быть слѣдующимъ образомъ: а) естественнымъ путемъ, т. е. рожденіемъ отъ колоновъ; б) договорнымъ о томъ соглашеніемъ; в) фактомъ владѣнія и разработки чужой земли (не *ager desertus*) въ теченіе 30 лѣтъ. Прекращеніе колоната допускалось лишь: а) возведеніемъ въ санъ епископа; б) отпущеніемъ на волю, что допускалось лишь подъ условіемъ передачи колону въ собственность и того участка земли, которымъ онъ пользовался у помѣщика; в) поступленіе въ военную службу; д) до Юстиніана имѣло мѣсто еще и истеченіе давности, какъ условіе прекращенія колоната.

Отъ колоновъ слѣдуетъ отличать *летовъ (laeti)*; это германскіе выходцы въ Галлію; гдѣ по договору съ имперскимъ правительствомъ они получали себѣ участки изъ казенной земли въ наслѣдственное пользованіе. Леты эти были свободны отъ платежа какихъ бы то ни было повинностей, жили обособлено и управлялись своими властями, независимо отъ чиновниковъ, и не смѣшиваясь съ *cives*. Единственной обязанностью ихъ передъ правительствомъ была военная служба въ *auxilia*. На такихъ же условіяхъ перѣдко совершалась въ окраинныя провинціи иммиграція выходцевъ и отъ другихъ народовъ. Всѣ эти выходцы носили одно общее наименованіе—*gentiles*.

Рядомъ съ колонами и колоніями варваровъ мѣстами въ имперіи еще удержались кое гдѣ и свободные крестьяне земледѣльцы—*agricolae* или *vicani propria possidentes*. Поселенія такихъ свободныхъ хлѣбопашцевъ назывались метрокоміи. Крестьяне эти не имѣли надъ собой помѣщиковъ; земельныя надѣлы ихъ могли переходить только къ крестьянамъ, приписаннымъ къ той же метрокоміи; отчужденіе ихъ на сторону воспрещалось и почиталось ничтожнымъ. Въ уплатѣ податей и повинностей жители одной и той же метрокоміи были связаны круговой порукой. Жилось имъ очень тяжело, и имѣются несомнѣнныя данныя, что дѣльцы метрокоміи стремились стать въ зависимость отъ какого либо знатнаго лица (*patrocinia vicorum*), чтобы имѣть въ немъ защиту отъ притѣснителей и по возможности уклоняться отъ платежа окладныхъ сборовъ. По крайней мѣрѣ въ Теодосіевомъ кодексѣ имѣется рядъ мѣстъ, запрещающихъ знатнымъ принятіе такихъ *patrocinia vicorum* (Tit. Cod. Theodos. de patrociniiis vicorum 11.24; Cod. Justin. ut nemo ad suum patr. 11.54 (53).

Финансовый строй.

Въ дѣлѣ финансоваго управленія теперь печезаетъ различіе между *agerarium* и *fiscus*; ихъ замѣнила одна общая императорская касса, въ которой

лишь два подраздѣленія—*arca sacra*—для нуждъ государства и *arca privata* для личныхъ нуждъ императора.

Финансовое положеніе государства было въ этотъ періодъ печально, благодаря главнымъ образомъ плохому экономическому состоянію страны, а равно неумѣнню вести дѣло и массѣ расходовъ. Въ этомъ отношеніи массу денегъ поглощала императорскій дворъ съ его невѣроятной роскошью и численностью разнаго рода дворцовой челяди. Достаточно будетъ указать, напр., что при дворѣ Константина состояло на жалованьи болѣе 1000 поваровъ, и столько же брадобреевъ и виночерпиевъ. Другими болѣе крупными статьями расхода были: а) на *frumentatio*, расходы на которую, напр. въ 434 г. для одного Константинополя поглощали около 500,000 рубасей на наши деньги; б) на войско, в) на жалованье чиновникамъ. д) Новую статью расхода представляла теперь ежегодно практиковавшаяся уплата контрибуцій варварамъ, въ видѣ отступного отъ возможной войны съ ними. Такого «отступного», напр., Θεодосіей II платилъ въ 447 г. гуннамъ 1,500,000 рублей на наши деньги.

Для покрытія такихъ расходовъ правительство вынуждено было изобрѣтать возможно болѣе статей дохода. Въ этомъ отношеніи, что касается *прямыхъ налоговъ*, то взимаемые въ массѣ они м. б. раздѣлены на три группы: на земельныхъ участкахъ (помѣстьяхъ) лежала *capitatio terrena*—земельный налогъ денежный, вычисляемый посредствомъ особаго земельного кадастра (*jugum, caput*) и устанавливаемый путемъ *indictio* на 15 лѣтъ; къ нему добавлялся *superindictio, extra ordinem* за время ранѣ истечения индикта. Съ землевладѣльцевъ еще взыскивалась *capitatio animarum*—тоже основной налогъ со стоимости рабовъ и живого сельско-хозяйственнаго инвентаря; затѣмъ *annonaria*—подходный налогъ съ полученныхъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, взимававшійся *in natura*.

Что касается *negoliatores*, они платили (какъ мы уже указали выше) *lustratis collatio*—подходный налогъ съ имущества, уплачиваемый каждые 4 года. Лица, не вносившія подоходнаго налога, за отсутствіемъ недвижимости или *negoliatio*, платили *capitatio plebeja*, налогъ съ лица, а не съ имущества.

При постоянномъ возвышеніи размѣра всѣхъ этихъ налоговъ и прогрессирующемъ обѣдненіи населенія взысканіе казенныхъ податей и повинностей совершалось съ неумолимой суровостью, и доводило гражданъ до полного отчаянія и разоренія. Хуже всего было то, что правительство, отнимая у населенія послѣдній грошъ, не только не заботилось объ улучшеніи экономическаго благосостоянія населенія, но чаще всего своими неумѣлыми распоряженіями еще сильнѣе разоряло народъ и само способствовало банкротству казны.

Что касается въ этомъ отношеніи сельскаго хозяйства объ этомъ мы говорили уже выше (стр. 84 сл.). Не лучше обстояло дѣло и въ области торговыхъ сдѣлокъ. Здѣсь прежде всего падаетъ внѣшняя торговля. Причинъ этому было

не мало. Прежде всего усилились нападенія варваровъ на имперію, уже плохо умѣвшую защищаться отъ враговъ. Мало того, правительство прямо запрещаетъ теперь вести съ варварами торговлю наиболее цѣнными и изящными предметами, опасаясь, какъ бы стремленіе къ послѣднимъ не явилось для варваровъ импульсомъ къ вторженію въ страну. Благодаря этому, была совершенно уничтожена вывозная торговли наиболее ходкимъ и выгоднымъ товаромъ, какимъ были, напр., ставшія теперь *merces illicitae*, вино, масло, пурпурныя ткани, оружіе, желѣзо, шелковыя матеріи и др. Не лучше обстояло дѣло и съ внутренней торговлей, которую особенно подорвали непомерныя налоги и общее обнищаніе населенія, ставшаго плохимъ потребителемъ.

Ремесла, правда, перешли теперь изъ рабскихъ рукъ въ руки свободныхъ людей, благодаря до известной степени усвоенію населеніемъ христіанскаго воззрѣнія, что честная работа облагораживаетъ работника, а еще болѣе благодаря страшной нуждѣ городского населенія, вынуждаемаго голодомъ браться за дѣло. Выѣсть съ тѣмъ однако наслѣдственное закрѣпощеніе, въ фискальныхъ цѣляхъ, ремесленниковъ по цехамъ гибельно повліяло какъ на технической уровень производства, такъ и на продуктивность работы, а налоги и здѣсь отнимали у рабочаго послѣдній грошъ.

Лучше другихъ жилось въ государствѣ правящимъ классамъ—чиновникамъ, духовенству и воиннымъ. Изъ нихъ чиновники, напр., не только не платили въ казну за свой промыселъ, но и получали доходъ съ казны за службу, да еще болѣе зарабатывали путемъ взятокъ и всевозможныхъ вымогательствъ съ населенія; тѣмъ же занимались и военные (о духовенствѣ см. ниже).

Тяжелое экономическое положеніе страны усиливалось еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что сбереженія націи въ золотѣ и другихъ цѣнностяхъ неудержимо плыли за границу, частью по сдѣлкамъ, а еще болѣе путемъ уплаты контрибуцій варварамъ для избѣжанія войнъ, и въ видѣ жалованія наемнымъ войскамъ. Желая сберечь золото въ странѣ, правительство издаетъ рядъ законовъ, направленныхъ частью на запрещеніе вывоза золота изъ страны, частью на переходъ къ болѣе легкой по вѣсу монетѣ.

Въ этомъ послѣднемъ отношеніи теперь стала золотой монетной единицей *solidus*, который сталъ чеканиться не какъ прежде въ 4,65 gr., а много легче, именно при Константинѣ въ 4,55 gr. и при Θεодосіи въ 4,50 gr. Выѣсть съ тѣмъ серебряную монету (*milliarensis*) чеканили того же вѣса какъ солидъ т. е. въ $\frac{1}{1000}$ фунта. Въ виду того, что сперва закономъ не было установлено курса между золотой и разнѣрной монетой, постепенно началъ возникать все увеличивавшійся даже при обмѣнѣ золота на мелкую монету, которая все падала въ своей цѣнѣ. Въ концѣ концовъ правительство вынуждено было установить *обязательный курсъ* для мелкой монеты. Такимъ образомъ при Валентѣ *aureus* опредѣленъ былъ стоимостью въ

7000 денаровъ. Это же обезцѣненіе размѣнной монеты побудило правительство издавать обязательныя таксы максимальныхъ цѣнъ на предметы первой необходимости.

Христіанство и церковь.

Признанію христіанства господствующей религіей не мало помогло паденіе старыхъ римскихъ культовъ. Безсодержательность послѣднихъ, полная въротерпимость въ государствѣ, повлекшая за собою путаницу религій и этики Рима, отсутствие выработки чистой и достойной религіозной догмы старой вѣры Рима, жестокая критика послѣдней со стороны христіанскихъ учителей вѣры— все это убивало старый культъ.

Въ то же время демократичность христіанства, проповѣдь его о равенствѣ всѣхъ—и сильныхъ и слабыхъ, богатыхъ и бѣдныхъ, твердое упованіе на вѣчное блаженство для всѣхъ труждающихся и обремененныхъ въ здѣшной краткой жизни, высокая этика любви и взаимопомощи—все это наполнило нравственную пустоту послѣдклассическаго Римскаго міра новымъ содержаніемъ, за которое такъ энергично стала вся демократическая часть римскаго народа, доставившая этимъ торжество новымъ социально-этическимъ идеямъ еще при Константинѣ, и окончательно закрѣпившая ихъ господство при Θεодосіи Великомъ (402—450 гг.).

Миланскій эдиктъ 313 года. Константина и Лицинія, которымъ христіанство было признано свободнымъ культомъ, скоро, при господствѣ христіанства, превратилъ послѣднее въ оффиціальную религію Римской имперіи. Постепенно на этой почвѣ возникаетъ *Византизмъ*, въ смыслѣ особой системы церковно-государственныхъ отношеній, заложенный Константиномъ, скрѣпленный Θεодосіемъ II и подробно развитой Юстиніаномъ. Система эта характеризуется слѣдующими основными признаками: 1) сліяніемъ церкви съ государствомъ; въ этомъ отношеніи церковно-государственное единство было всегда идеаломъ, къ которому стремилась правительственная политика всѣхъ и позднѣйшихъ императоровъ; 2) принципиальной невыясненностью отношеній между императорскою властью и священствомъ, причемъ у императоровъ очевидна тенденція постоянно вмѣшиваться въ дѣла церкви. Въ этомъ отношеніи императоръ претендуетъ на высшую власть надъ церковью; онъ заботится объ охраненіи чистоты вѣры, созываетъ церковныя соборы (съ Константина Великаго) для обезужденія и опроверженія лжеученія и ересей, а равно для выработки основныхъ догматовъ вѣры. Отъ своего имени императоры издаютъ церковныя законы, являясь вмѣстѣ съ тѣмъ высшими судьями по церковнымъ дѣламъ; они же назначаютъ епископовъ, составляютъ новыя церковныя пѣснопѣнія и вводятъ ихъ въ богослуженіе (напр., Юстиніанъ, съ его молитвою—«единородный Сыне Божій»). Сами императоры величали себя и первосвященниками (*basileis, ar-*

епископс), причѣмъ (напр., Левъ Песавръ и Константинъ Копронимъ) приписывали себѣ миссію пасти стадо Христово, подобно апостолу Петру. Только съ трудомъ патріархамъ удалось въ этомъ отношеніи отстоять за собою въ дѣлахъ церкви власть, *равную* императорской. 3) Слѣдующимъ основнымъ признакомъ византизма являлось широкое участіе епископовъ въ дѣлахъ государственнаго управленія и содѣйствіе со стороны органовъ государственной власти соблюденію церковнаго порядка.

Стоявшіе во главѣ церковной іерархіи епископы имѣли неограниченную власть надъ своей паствой по дѣламъ духовнымъ, пользуясь правомъ отлучать отъ церкви ослушниковъ, какого бы высокаго званія они не были; исторія Амвросія еписк. Миланскаго и Θεодосія показываетъ намъ съ очевидностью, какимъ страшнымъ оружіемъ было въ рукахъ епископовъ отлученіе. Въѣсть съ тѣмъ епископы были надѣлены обширными правомочіями и государственнаго характера, а равно вѣдали въ крупномъ объемѣ дѣла судебныя и административныя. Являясь *par excellence* защитниками всѣхъ гонимыхъ, сирыхъ и убогихъ, епископы авторитетомъ своимъ замѣнили для демократической части населенія прежнихъ *defensores civitatis*; епископы выбираютъ мѣстную администрацію, контролируютъ городскіе доходы и расходы, слѣдятъ за равномернымъ распредѣленіемъ податей и повинностей между горожанами. Въ ихъ лицѣ женщины находятъ наилучшую защиту отъ насильниковъ, а равно отъ жестокихъ мужей и отцовъ. Стремясь защищать гонимыхъ, епископы скоро добиваются права посѣщать тюрьмы для контроля, не томится ли тамъ кто невинно; отсюда возникаетъ и епископскій надзоръ за тѣмъ, чтобы судьи не кривили душой и рѣшали дѣла по совѣсти, не осуждая невиннаго и не оправдывая виновнаго; епископы же имѣютъ право непосредственно доносить императору о всѣхъ замѣченныхъ ими неправильностяхъ и проступкахъ чиновниковъ.

Въ области суда, еще христіане первыхъ вѣковъ, слѣдуя наставленіямъ ап. Павла, избѣгали языческихъ судовъ, и свои спорныя дѣла, даже касавшіяся гражданскихъ отношеній, передавали на разрѣшеніе епископамъ. Уже первый христіанскій императоръ Константинъ Великій двумя законами призналъ полезнымъ придать официально—государственный характеръ епископскому суду, сложившемуся въ три первыхъ вѣка христіанства. Законами этими была создана для епископовъ юрисдикція, конкурирующая съ юрисдикціей гражданскихъ магистратовъ, и при томъ безапелляціонная. Именно закономъ 321 года было въ этомъ отношеніи постановлено что тяжущіеся по неформальному, даже словесному соглашенію могли переносить всякое гражданское дѣло на разбирательство къ епископу, даже въ томъ случаѣ, когда свѣтскій судья уже началъ разборъ этого ихъ дѣла. Вторымъ закономъ, 331 года, епископскія рѣшенія были признаны окончательными и не подлежащими пересмотру въ апелляціонномъ или ревизіонномъ порядкѣ, даже когда тяжба самая велась по дѣлу не-

совершеннолѣтнихъ; мало того, закономъ этимъ было дозволено переносить всякое дѣло на судъ къ епископу, даже при нежеланіи этого со стороны противника, и во всякомъ положеніи дѣла, если только еще судьей не вынесенъ приговоръ. Таковы правила въ отношеніи къ процессамъ между мірянами; что касается духовенства, то дѣла свои они могли вести исключительно лишь на епископскомъ судѣ. Затѣмъ исключительно епископскому же суду подлежали всѣ убогіе люди—*personae miserabiles*: нищія, вдовы, калѣки и т. п.

Въ уголовной юрисдикціи вѣдомству епископовъ подлежали дѣла противъ вѣры и нравственности. Но и кромѣ того, въ силу своего нравственного авторитета епископы властью вмѣшивались во всѣ свѣтскіе суды, если гдѣ замѣчали притѣсненія или несправедливость; при этомъ нерѣдко бывало, что епископы требовали, и добивались дѣйствительно, освобожденія обвиняемыхъ изъ рукъ свѣтскихъ властей, и карали ихъ своимъ приговоромъ. Право убѣжища въ церквахъ для всѣхъ гонимыхъ процвѣтало въ это время.

Въ области имущественной христіанскими императорами было предоставлено церкви право принимать даренія и льготы, а равно наследовать по завѣщанію—отъ мірянъ. и даже *безъ заступанія ex lege*—послѣ смерти епископовъ и духовенства, вообще—въ ихъ имуществѣ. Признавалось при этомъ возможнымъ даже составленіе духовнаго завѣщанія въ пользу Христа, или святаго, ангела, Божьей Матери; при чемъ завѣщанное поступало тоже въ церковь. Церковное имущество было признано неотчуждаемымъ. Имущество это находилось въ безконтрольномъ управленіи у епископовъ, которые доходъ съ нихъ брали себѣ и распределяли между духовенствомъ на богослужебныя и благотворительныя цѣли. Словомъ, авторитетъ епископовъ былъ такъ великъ, что ихъ можно назвать какъ бы монархами каждаго въ своей епископіи.

Христіанство, слѣдуетъ отличать отъ христіанской церкви. Господство христіанства въ государствѣ не могло не отразиться, хотя первое время, на нравахъ общества и на его юридическомъ бытѣ. Во времени Феодосія Великаго мы наблюдаемъ среди правящихъ классовъ вообще и у духовенства въ особенности стремленіе поддержать нравственность защитой всѣхъ слабыхъ и бѣдныхъ и отгнать тѣхъ кровавыхъ и безнравственныхъ зрѣлищъ, которыя такъ любилъ языческій Римъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ духовенство, а за нимъ и многіе изъ общества все болѣе проникаются невѣрно понятыми идеями христіанства о суетѣ и бренности всего земнаго; отсюда усиливается аскетизмъ, а затѣмъ и гоненіе на все, что давало радость жизни: на любовь, вино, смѣхъ, пѣніе, танцы, на комфортъ и искусства, на науки. Все это, какъ, дьявольская утѣха или прямо преслѣдуется, когда въ нихъ «творится кумирь», или же во всякомъ случаѣ считается недостойнымъ для истиннаго христіанина занятіемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ теперь выдвигается новый принципъ благотворительности, котораго не зналъ языческій Римъ. По инициативѣ епископовъ и подъ ихъ управленіемъ появляется масса разныхъ *ria* *congrua* для бѣдныхъ и нуждающихся.

Духовенство, стремясь всюду защищать гонимыхъ и бѣдныхъ, подводитъ подъ это же понятіе и должниковъ; возникаетъ представленіе о *miseri debitorum* и забота объ улучшеніи ихъ положенія и охранѣ ихъ противъ кредиторовъ. Еще *lex Anastasiana*, напр., съ этою цѣлю запрещала требовать съ должника больше, чѣмъ взыскатель самъ уплатилъ или далъ должнику. Сюда же должно быть отнесено правило и о *laesio enormis*, запрещавшей пріобрѣтать вещи дешевле болѣе чѣмъ вдвое противъ ихъ дѣйствительной стоимости.

Церковь, ея слуги, ставъ государствомъ въ государствѣ и получивъ массу льготъ и громадный авторитетъ, энергично принимаются за гоненія противъ язычества (Юстиніанъ), его знаній и искусствъ. Наступаетъ постепенно тяжелый *періодъ огрубленія толмы*; науки падаютъ, жизнь общественная уходитъ въ церкви, обрядности и догматическіе споры; радость замирать, или прикрывается личиной ханжества. Но не надолго; такая противоестественная борьба духовенства, неправильно понявшаго идеи Христа, противъ жизни и ея радостей, скоро получила новый характеръ. Добившись власти, духовенство Византіи само покорилось запросамъ плоти. Аристократія пошла за нимъ, и вновь въ Византіи пышно разрослась порча нравовъ, еще хуже, чѣмъ ранѣе, ибо народъ, одичавшій подъ игомъ монаховъ, окончательно утратилъ во всемъ чувство мѣры, и не вѣря поамъ, пересталъ вообще вѣрить, а сталъ лишь соблюдать форму вѣры. Снова видимъ мы здѣсь прежнее господство силы, прежнее *bellum omnium contra omnes*, старую погоню за наслажденіями, умственное и нравственное одряхленіе правящихъ классовъ. Полное обнищаніе народа, неспособность правителей, разстройство арміи, грабежи и насилія расчистили дорогу варварамъ, которые уже добились окончательно римскую имперію.

II.

Исторія источниковъ права.

Источниками права, въ техническомъ смыслѣ, называютъ тѣ формы, въ которыхъ выражаются правовыя положенія, признаваемые обязательными въ данномъ обществѣ. Такихъ формъ двѣ—обычай и законъ. Обычай—это норма права со своеобразнымъ основаніемъ обязательности: извѣстное правило поведения признается въ данномъ обществѣ обязательнымъ для всѣхъ потому, что оно соблюдалось раньше, что такъ поступали отцы и дѣды, что такой уставъ повплся, завелся порядокъ. Законъ—это точно сформулированное велѣніе верховной власти въ государствѣ, установленнымъ порядкомъ изданное и опубликованное.

И у древнихъ римлянъ, какъ у всѣхъ народовъ, стоящихъ на примитивныхъ ступеняхъ развитія, наблюдаемъ мы и въ общественной, и въ частной жизни полное господство *обычныхъ нормъ*.

Признавая громадное значеніе сакрального элемента въ жизни какъ всего народа, такъ равно отдѣльных лицъ, семействъ и *gentes*, римляне однако уже съ тѣхъ поръ, какъ ихъ знаетъ исторія, въ противоположность народамъ Востока, сумѣли обособить нормы религіи отъ правилъ обществѣ. Уже въ самыя дальнія времена въ Римѣ видимъ мы обособленіе божескаго права—*fas* отъ права человѣческаго *jus*—«*Fas lex divina, jus lex humana est*». Конечно, при господствовавшемъ въ то время убѣжденіи, что боги вмѣшиваются во все даже мелочи человѣческой жизни, господство *fas* въ жизни римлянъ было громадно. *Fas* вѣдалъ судъ, семью, наследованіе, рядъ сѣблокъ и т. д. Однако и признавая господство *fas*, римляне всегда *выдѣляли* ему свою область, стремясь именно не къ отождествленію этого понятія съ *jus*, но къ ихъ взаимному обособленію, чѣмъ прежде всего занимались и римскія жреческія организаціи.

При слабомъ развитіи государственнаго организма, первыя по времени нормы права въ Римѣ, общія для всѣхъ *cives*, относились къ области сакральной

ной; иного трудно было бы и ждать при господствѣ родового быта, когда каждый gens вырабатывалъ свои обычаи (*decreta gentilitia*), жилъ внутренней вполне обособленной жизнью, имѣя своихъ владыкъ и свои собранія. Весьма вѣроятно, что общія для всѣхъ нормы права и вырабатывались въ жреческихъ коллегіяхъ на случай совершенія гражданами извѣстныхъ дѣйствій, выходящихъ за предѣлы вѣдомства родовыхъ властей, или такихъ, гдѣ на сцену выступали сакральные вопросы или интересы всего государства. Выработавъ для себя определенный кругъ дѣлъ, эти жреческія организаціи вмѣстѣ съ тѣмъ занялись выработкой извѣстныхъ обязательныхъ правилъ, касающихся предметовъ ихъ вѣдомства; при чемъ эти правила (обычаи) получили обязательную силу и для тѣхъ *cives*, которые имѣли дѣло съ этими организаціями. Такимъ образомъ возникаютъ общія для всѣхъ гражданъ сакральные, международные обычаи, обычаи и формы судопроизводства, наконецъ, и въ области частного права—обычаи и формы заключенія браковъ, узаконеніе и усыновленіе, *testamenti factio*, способъ заключенія договоровъ (*nexum, mancipatio*) и т. д.

Такие спеціальныя обычаи постоянно записывались и составили содержаніе такъ называемыхъ *commentarii regii, commentarii pontificum, libri fetialium, commentarii magistratuum*. Эти же сборники нормъ обычного права дали позднѣе (въ императорскій уже періодъ) основаніе для легенды о существованіи такъ называемыхъ *leges regiae*, и даже объ особомъ сборникѣ этихъ *leges*, подъ названіемъ *jus civile Patricianum*. По словамъ Помпонія (fr. 2, § 2 Dig. 1, 2), этотъ сборникъ былъ составленъ въ царствованіе Тарквинія Гордаго понтифомъ Паприемъ. Интересно указать, что еще ни Цицеронъ, ни Варронъ ничего не знаютъ про этотъ сборникъ Папрія; между тѣмъ нѣкто Granius Flaccus писалъ на него во время Цезаря комментарий. Вѣроятно же всего, *jus Patricianum* былъ частный сборникъ нормъ сакральнаго и административнаго характера, времени принципата, составленный по комментаріямъ понтифовъ, сохранившимся въ *gens*, въ родѣ Паприевъ.

Законъ—*lex* не могъ имѣть примѣненія себѣ, особенно въ области частного права (наиболѣе насъ интересующей), въ эпоху господства родового быта. Тогда и *comitia* издавали *leges*, во первыхъ, рѣдко, а затѣмъ и изданныя должны были рѣшать вопросы публичнаго права,—именно той области *jus*, которая требовала *общихъ* обязательныхъ для всѣхъ гражданъ правилъ права.

Законъ, какъ источникъ частного права, выдвигается въ исторіи Рима не ранѣе установленія тамъ республики, когда послѣ реформы Сервія Туллія и при борьбѣ плебеевъ за права наступаетъ въ Римѣ ослабленіе родового быта, и болѣе упрощается понятіе о государствѣ,—*civitas*, и его естественно-политическомъ значеніи.

Законы XII таблицъ.

Согласно легендамъ и преданіямъ, первые законы Рима, общіе для всѣхъ классовъ населенія, изданы были вскорѣ послѣ установленія республики, когда

плебеи стали домогаться изданія писанныхъ законовъ въ цѣляхъ охраненія себя отъ самовластия магистратовъ и патриціевъ. Управление было патриціанское, и ему плебеи не довѣряли, какъ и патриціанскому судопроизводству. Патриціи долго противились; наконецъ, должны были уступить. Въ 462 г. до Р. Хр. народный трибунъ С. Terentilius Arsa представилъ въ сенатъ плебисцитъ о томъ, чтобы была назначена коммиссія для написанія законовъ, обязательныхъ и для патриціевъ. Но только черезъ 8 лѣтъ это требованіе плебеевъ было выполнено, и въ Авины было отправлено посольство для изученія законовъ, особенно Солона. По возвращеніи этого посольства, въ 452 году, были избраны изъ патриціевъ *decemviri legibus scribundis*, которымъ была довѣрена вся власть въ государствѣ, не выбирались ни консулы, ни трибуны; даже были приостановлены комиции. Черезъ два года, въ 450 году, изготовили и провели черезъ центуриатскія собранія 10 таблицъ законовъ. Въ 450 же г. были избраны новые децемвиры, которые составили еще 2 таблицы, но стали злоупотреблять своею властью, и были низложены народомъ, установленъ вновь прежній строй правленія. Намѣченные двѣ таблицы были потомъ, по предложенію новыхъ консуловъ, также признаны въ народномъ собраніи закономъ. Вырѣзанные на 12 мѣдныхъ таблицахъ эти законы были выставлены въ Римѣ на форумѣ, гдѣ и погибли во время Галльскаго нашествія, и уже не были восстановлены.

Съ 1898 года, подъ вліяніемъ замѣчательнаго сочиненія Паиса (E. Pais — *Storia di Roma* 1898), возникъ вопросъ объ основательности всѣхъ этихъ имѣющихся свѣдѣній о времени возникновенія законовъ XII таблицъ. Отрицая точность всѣхъ историческихъ данныхъ Римской исторіи до 300 г. до Р. Хр., Паисъ сомнѣвается въ официальномъ происхожденіи означенныхъ законовъ и считаетъ ихъ возникшими не въ V вѣкѣ, не работой децемвировъ, а юридической обработкой древнихъ обычаевъ квиритовъ, состоявшейся постепенно въ теченіи всего IV вѣка. Дѣйствительно, если считать дошедшій до насъ текстъ этого законодательнаго сборника происходящимъ цѣликомъ отъ V вѣка до Р. Хр., тогда получается рядъ явныхъ анахронизмовъ; таковы, напримеръ, правила о способѣ заключенія брака *sine manu* путемъ *trinoctium'a*, т. е. брака, неизвѣстнаго древнему Риму; сюда же относится правило объ освобожденіи *filiofamilias* отъ *patria potestas* путемъ трехкратной продажи въ кабалу. Полной новизной представляются равнымъ образомъ правила объ ассѣ и его дѣленіяхъ: время появленія древнѣйшей бронзовой монеты въ Римѣ относится лишь къ началу IV вѣка до Р. Хр. Наконецъ, Паисъ указываетъ, что упоминаемая въ законѣ XII таблицъ казнь рабовъ, виновныхъ въ *furtum manifestum*, путемъ сбрасыванія съ *saxum Tarpejum*, введена была несомнѣнно позднѣе V вѣка, когда такой карѣ подвергались только *cives*, виновные въ государственной измѣнѣ.

По поводу этой критики Паиса замѣтимъ здѣсь лишь слѣдующее. Подлинникъ XII таблицъ, какъ извѣстно, былъ утраченъ безслѣдно; самый же текстъ этого законодательнаго сборника дошелъ до насъ лишь въ обрывкахъ, часто къ тому же не буквально, а въ изложеніи позднѣйшихъ юристовъ императорскаго періода, писавшихъ о XII таблицахъ комментаріи и изслѣдованія. Поэтому нѣтъ ничего невозможнаго, что съ теченіемъ времени въ текстѣ этого сборника оказались позднѣйшія измѣненія и даже вставки. Дѣло въ томъ, что XII таблицъ всегда имѣли силу закона, и подобныя интерполяціи и emblemata могли быть сдѣланы съ практическими цѣлями для болѣе успѣшнаго примѣненія закона съ новыми его толкованіями. Во всякомъ случаѣ, каково бы ни было происхожденіе XII таблицъ, они являются для насъ главнѣйшимъ источникомъ познаній о древнѣйшемъ римскомъ гражданскомъ правѣ. Въ пользу древности этого законодательнаго памятника говоритъ самый языкъ, рѣзко отличающійся, напр., отъ языка Цавта, и во всякомъ случаѣ болѣе древній чѣмъ языкъ III вѣка до Р. Хр. (Girard). Равнымъ образомъ содержаніе законовъ этихъ въ общемъ относится къ тому времени, когда главнѣйшимъ занятіемъ всего римскаго народа было земледѣліе. Потому то въ текстѣ мы видимъ рядъ статей, посвященныхъ этому занятію гражданъ и показывающихъ тонко развитую именно сельскую жизнь и сельскія хозяйственныя отношенія. Такковы, напр., правила о потравахъ, о деревьяхъ на межѣ, строгія кары за порчу деревьевъ, кражу хлѣба съ поля, поджогъ хлѣбныхъ запасовъ и т. д. Наконецъ, и исполнительное производство, которому удѣляетъ такъ много мѣста законъ XII таблицъ, вполне архаично. Достаточно въ этомъ отношеніи вспомнить про *jumentum, nervi, compedes*; наконецъ, *venditio trans Tiberim*, приравниваемое къ рабству, годно для V вѣка, а не позднѣе, когда уже *оба берега* рѣки были *ager publicus* Рима.

Во всякомъ случаѣ законы XII таблицъ представляютъ собою сборникъ именно строгаго цивильнаго права, который *всегда* оставался въ Римѣ имѣющимъ силу закона; на него писали комментаріи юристы еще во времена Антониновъ. Какъ указываетъ Цицеронъ, въ его время этотъ сборникъ заучивался наизусть, что кстати сказать (какъ и наименованіе Цицерономъ сборника этого—*libellus*) указываетъ на небольшой сравнительно его объемъ. Правда, оригиналъ до насъ не дошелъ; но есть полное основаніе думать, что мы знаемъ *содержаніе XII таблицъ* если и не цѣликомъ, то во всякомъ случаѣ почти въ полномъ его объемѣ. Здѣсь были помѣщены положенія правъ уголовнаго, гражданского, административнаго; особенное вниманіе редакторами было обращено на процессъ и на исполнительное производство. Меньше всего имѣется здѣсь положеній государственнаго права. Всѣ законы здѣсь общаго характера, обязательныя для *всѣхъ* безъ исключенія; даже въ текстѣ прямо запрещено давать для отдѣльныхъ лицъ изыятія ихъ подѣ дѣйствія общихъ законовъ («*privilegia ne irroganto*»).

По вопросу о томъ, что послужило источникомъ для содержанія XII таблицъ, теперь считается господствующимъ мнѣніе, отрицающее непосредственное вліяніе греческаго права (законы Солона), на что указываетъ римская легенда (посольство въ Грецію). Изученіе текста законовъ XII таблицъ показало, что здѣсь законодатель изложилъ римское національное право, закрѣпляя сложившіеся къ тому времени юридическіе обычаи и добавивъ къ нимъ рядъ правилъ, отвѣчавшихъ запросамъ и политикѣ того времени. Законы XII таблицъ имѣли громадное вліяніе на развитіе римскаго права, особенно частнаго, явившись основой послѣдняго въ его дальнѣйшемъ развитіи. Это значеніе разсматриваемаго законодательнаго сборника отъѣнено особенно рельефно Титомъ Ливіемъ, который называетъ *leges XII tabularum*—«*fons omnis publici privatiq̄ue juris*».

Республиканскіе законы. Это были постановленія народныхъ собраній а) куріатскихъ и центуриатныхъ—такъ называемыхъ *populiscita* или *leges*, и б) трибутныхъ комицій—*plebiscita*, получившія съ *lex Hortensia* обязательную силу для всѣхъ гражданъ.

Изданіе законовъ совершалось въ точно соблюдавшемся порядкѣ. По инициативѣ магистрата (частнымъ лицамъ не дозволялось) проеѣтъ закона, въ совершенно обработанномъ видѣ, выставлялся на форумѣ не рѣже какъ за 24 дня (*trīdium*) для ознакомленія общества съ его содержаніемъ. По истеченіи этого времени созывался магистратомъ *comices*, на которыхъ законопроеѣтъ подвергался подробному обсужденію. Лишь послѣ такой подготовки (въ теченіи которой запрещено было измѣнять текстъ законопроекта) и ознакомленія общества, если *legislator* не бралъ законопроекта обратно, дѣло доходило до комицій. Порядокъ собранія послѣднихъ—обычный. Подача голосовъ сперва производилась устно, а со времени *lex Papiria tabellaria* (131 года до Р. Хр.) посредствомъ табличекъ (*U R* и *A*). Законъ *Caecilia Didia* запретилъ изданія *leges saturnae*, т. е. такихъ, содержаніе которыхъ было разнообразно; этимъ правиломъ предупредили возможность проведенія въ текстѣ законовъ рядомъ съ правилами желательными для народа, такихъ, которыя, въ отдѣльности, неизбежно были бы комиціями отвергнуты.

Принятый законъ, какъ *jussus populi*, становился обязательнымъ для всѣхъ съ момента принятія; никакой публикаціи болѣе не требовалось. Новый законъ обыкновенно гравировался на мѣдныхъ, (мраморныхъ, деревянныхъ), доскахъ и выставлялся на форумѣ, а списокъ съ него сдавался на храненіе въ государственнй архивъ.

Jus honorarium.

Законы XII таблицъ были изданы во времена, когда жизнь общества отличалась крайней простотой и несложностью, когда къ тому же самая *civī-*

tas была не велика и граждане въ ней (сельскіе хозяева), въ своей familia каждый, удовлетворяли всё свои несложныя потребности. Это положеніе вещей однако рѣзко измѣняется, начиная съ Пуническихъ войнъ. Захватывая новыя страны, вступая въ оживленныя сношенія съ сосѣдями, Римъ постепенно переходитъ къ оживленному денежному хозяйству, основанному на широко поставленномъ обменѣ между различными странами. Новыя условія быта вызываютъ къ жизни новыя отношенія какъ между гражданами, такъ и съ перегринами, которыя нуждаются и въ судебной защитѣ и въ лучшей ихъ юридической нормировкѣ.

Между тѣмъ *jus civile*, строгое цивильное право, далеко не всегда давало своей отвѣтъ на новыя запросы римскаго юридическаго быта. Правда, желая приблизить законы къ жизни, магистраты, съ одной стороны, проводятъ въ это время въ народныхъ собраніяхъ цѣлый рядъ новыхъ законовъ частно правнаго характера, въ дополненіе къ XII таблицамъ, а съ другой стороны, стремятся, путемъ распространительнаго толкованія, подвести подъ дѣйствіе существующихъ правилъ права такія отношенія, которыя только схожи въ общихъ чертахъ съ регламентированными по *jus civile*. Однако для запросовъ жизни этой дѣятельности ихъ оказывается мало, и вотъ отвѣчая запросамъ жизни, вѣчно уходящей далеко за предѣлы *jus civile*, въ Римѣ, рядомъ съ послѣднимъ, развивается новая своеобразная правовая система, получившая названій *jus honorarium* (отъ слова *honores*, которымъ обозначались вообще должности республиканскихъ магистратовъ). При сравнительно маломъ числѣ законодательныхъ опредѣленій, магистраты пополняли право своими постановленіями. Они охраняли посредствомъ своихъ распоряженій, въ силу своего *jus edicendi*, вновь возникавшіе въ обществѣ интересы. Особенное значеніе въ этомъ отношеніи получила дѣятельность преторовъ, поскольку выразилась она въ ежегодно издававшихся ими эдиктахъ.

Подъ эдиктомъ понимается публичное объявленіе (даже частнаго лица). По обычаю, магистраты при выборѣ ихъ, заявляли словесно въ *comices* о томъ, какими правилами они будутъ руководствоваться при прохожденіи своей службы. Со временемъ эти заявленія стали записывать *in albo* (на бѣлой деревянной доскѣ черными буквами) и выставлять на людныхъ мѣстахъ («unde de plano recte legi possit»).

Изъ эдиктовъ магистратовъ, изъ суммы которыхъ созданъ живой элементъ въ правѣ—*jus honorarium*, получившее въ Римской жизни преобладающее значеніе,—для насъ важны эдикты эдиловъ и преторовъ, и изъ нихъ въ особенности тотъ, который каждый преторъ выставлялъ *de plano*, вступая въ должность (*edictum perpetuum*). Этотъ эдиктъ былъ программой всей будущей дѣятельности даннаго претора, преимущественно содержа въ себѣ изложеніе правилъ, которыми онъ предполагалъ руководствоваться при производствѣ гражданскаго суда. Въ эдиктѣ своемъ преторъ говоритъ въ будущемъ времени въ

первомъ лицѣ (*dabo, servabo etc.*). Со времени изданія закона Эбуція (половина II в. до Р. Хр.), когда введенъ былъ новый порядокъ процесса *per formulas*, въ преторскій эдиктъ, кромѣ указанія случаевъ, гдѣ преторъ общааетъ дать судебную защиту, стали помѣщать образцы процессуальныхъ и иныхъ формулъ (стипуляцій, интердиктовъ и т. д.). Эти указанія судебной защиты и образцы формулъ стали составлять *два* части преторскаго эдикта.

Не имѣя законодательной власти, преторы однако, какъ и другіе высшіе магистраты, основываясь на своемъ *imperium*, могли отказывать, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ защитѣ правъ, основанныхъ на *jus civile*, и наоборотъ, давать юридическую защиту такимъ отношеніямъ, которыхъ не знало *jus civile*.

Съ теченіемъ времени обязали закономъ (*lex Cornelia 67 г. до Р. Хр.*) преторовъ не отступать отъ своихъ эдиктовъ и не мѣнять *edictum perpetuum* въ теченіи года своей службы («*ut praetores ex edictis suis perpetuis jus dicerent*»). Этотъ законъ какъ бы связалъ самихъ преторовъ изданными ими правилами.

Новый преторъ, издавая свой эдиктъ (*edictum perpetuum*), помѣщалъ обыкновенно въ немъ значительныя отдѣлы изъ эдикта своего предшественника, къ которымъ лишь добавлялъ отъ себя новыя правила, какія считалъ необходимыми. Постепенно такимъ образомъ въ эдиктѣ создавалась особая часть, которая постоянно переходила изъ эдикта одного претора въ эдикты его замѣстителей (такъ называемая *edictum tralaticium*). Эта часть эдикта, освященная давностью своей (*usus*), постепенно преобрѣла силу закона. Въ общемъ можно сказать, что уже въ началѣ императорскаго періода содержаніе преторскаго эдикта вполне сформировалась и перестало мѣняться. Такимъ образомъ когда при Адрианѣ юристъ Сальвій Юліанъ (131 г. по Р. Хр.) придалъ эдикту постоянную редакцію (*edictum perpetuum*), онъ этимъ лишь подтвердилъ и фиксировалъ уже существовавшее здѣсь положеніе вещей.

При помощи правилъ своихъ, помѣщенныхъ въ эдиктѣ, преторы сумѣли оказать на все развитіе римскаго права, особенно частнаго, такое громадное вліяніе; что юристы были здѣсь въ состояніи признать существованіе въ Римѣ одновременно права строгаго цивильнаго и права преторскаго. Отношеніе этого преторскаго права къ *jus civile* источники отмѣчаютъ какъ дѣятельность преторовъ, направленную для помощи, дополненія или исправленія цивильнаго права: *adjuvandi, supplendi vel corrigendi (emendandi) juris civilis gratia* (Пашипіанъ). Эти техническія выраженія означаютъ: дѣятельность а) *adjuvandi gratia*,—оказаніе лицамъ помощи въ дѣлѣ примѣненія существующихъ правилъ право къ данному конкретному случаю; напр. вводить во владѣніе наследственнымъ имуществомъ, составленіе формулы *in jus conceptae etc.*

б) Дѣятельность *supplendi gratia*,—созданіе новыхъ правилъ преторами въ дополненіе и дѣльнѣйшее развитіе существующихъ *leges*. Такъ, напр., преторы, въ дополненіе къ правиламъ законовъ XII таблицъ, стали призывать къ

наслѣдству послѣ умершихъ безъ завѣщанія, не только агнатовъ, но и когнатовъ, чтобы предупредить возможность нежелательнаго перехода наслѣдства къ дальнѣйшимъ родственникамъ при наличности ближайшихъ, но выбывшихъ изъ подъ власти наслѣдодателя еще при жизни послѣдняго.

е) *Emendandi (corregendi) gratia*— это дѣятельность претора по введенію въ гражданскую жизнь новыхъ положеній, не извѣстныхъ а иной разъ и противныхъ *jus civile*. Здѣсь роль претора становилась шною, чѣмъ въ двухъ первыхъ случаяхъ. Тамъ лица обращались къ нему за защитой, стремясь основать ее на нормахъ гражданского права, хотя бы и толкуемыхъ *lato sensu*, даже примѣняемыхъ по аналогіи,—поэтому и преторъ дѣйствовалъ какъ извѣстный судебный органъ, давая свои формулы для *actiones civiles*. Между тѣмъ, дѣйствуя *emendandi juris civilis gratia*, преторъ уже не являлся извѣстнымъ органомъ судебной власти, не основывалъ свою судебскую дѣятельность на правѣ. Взаимнѣ этого онъ, пользуясь своимъ *imperium*'омъ, на основѣ послѣдняго, давалъ судебную защиту извѣстнымъ интересамъ лицъ («*judicium dabo*») въ видѣ интердикта, *иска*, *in integrum restitutio* и т. д., оставляя вопросъ о *jus civile* въ сторонѣ. Именно не право гражданское кладется здѣсь въ основу защиты, но преторъ создавалъ *искъ* на основѣ своего *imperium*'а. Все правомочіе даннаго субъекта въ процессѣ поконится при этомъ только на преторскомъ общаніи дать *искъ*; разъ этого *иска* преторомъ не дано, нѣтъ и права лица; послѣднее только и существуетъ въ силу наличности *исковой* защиты. Лицо здѣсь имѣетъ право потому, что имѣетъ *искъ*; тогда какъ въ первыхъ двухъ случаяхъ лицо имѣло *искъ* потому, что имѣло *право*, охраняемое этимъ *искомъ*.

Этимъ именно и объясняется то своеобразное явленіе, что преторъ, правда, могъ въ силу своего *imperium*'а лишать *jus civile* въ извѣстныхъ случаяхъ его силы и практическаго примѣненія; но этимъ еще *нормы* самыя *juris civilis* преторомъ не уничтожались: онъ и позднѣе продолжали свое бытіе, но лишь безъ практическаго ихъ осуществленія, онъ являлись *nudum jus quiritium*.

Jus honorarium послѣдняго типа (дѣятельность преторовъ *emendandi juris civilis gratia*) оказалась въ ближайшей и непосредственной связи съ *jus gentium*, изъ котораго первоначально черпало свое содержаніе, а современемъ и совершенно слилось.

Дѣло въ томъ, что весь римскій правовой порядокъ былъ созданъ исключительно для римскихъ гражданъ, для *cives romani*. Отдѣльные институты права имѣли строго національный римскій характеръ; бракъ, семья, собственность, извѣстныя отношенія обязательственнаго права, наслѣдственное право, все они были правами, доступными только для гражданъ. Правда, въ особенности одноплеменные народы (*Latini*) допускались, на основаніи международныхъ трактатовъ, къ нѣкоторой долѣ участія въ правѣ, въ той или иной мѣрѣ; но это были только исключенія, не болѣе.

Между тѣмъ, съ пуническихъ войскъ, съ постепеннымъ распространениемъ римскаго владычества на весь культурный міръ, Римъ вступилъ въ міровой оборотъ; въ него стекаются массы не—гражданъ (peregrini). Завязываются разнообразныя дѣловыя сношенія между cives и peregrini, съ одной стороны, и между peregrinami другъ съ другомъ—съ другой. Около середины третьяго вѣка до Р. Хр. наипыль peregrinorumъ былъ такъ великъ въ Римѣ, что пришлось учредить новую должность второго претора, специально для разбора тяжбъ peregrinorumъ между собою и съ римскими гражданами (praetor peregrinus 242 до Р. Хр.). Подобно своему городекому коллегѣ (praetor urbanus) преторъ peregrinorumъ бачалъ издавать свой эдиктъ, вступая въ должность, и въ этомъ эдиктѣ указывалъ правила юрисдикціи, которыми обѣщаль руководствоваться при разборѣ дѣлъ. Обсуждать дѣла римлянъ съ peregrinami и этихъ послѣднихъ между собою по римскому jus civile было бы равносильно отказу въ правосудіи, такъ какъ римское право—jus civile не могло быть примѣняемо къ не—гражданамъ. Въ виду этого соображенія, а равно въ дѣляхъ утилитарныхъ, praetor peregrinus сталъ помѣщать въ свой эдиктъ и давать судебную защиту обычаямъ, и правиламъ юридическаго быта, имѣющимъ до извѣстной степени одинаковое дѣйствіе среди peregrinorumъ различныхъ племенъ. Такимъ путемъ создавалась особая система нормъ гражданскаго права, разработанныхъ юристами и преторами, которая примѣнялась ко всѣмъ свободнымъ людямъ, находящимся въ Римѣ. Она и получила названіе *jus gentium* (*общенародное право*), въ противоположность старому jus civile, доступному для однихъ только римскихъ гражданъ.

Съ теченіемъ времени область примѣненія juris gentiumъ еще болѣе расширилась. Созданное первоначально для peregrinorumъ, jus gentium, отягчавшееся большой свободой и гибкостью, получило большое распространеніе и среди римскихъ гражданъ въ ихъ взаимныхъ сдѣлкахъ; praetor urbanus сталъ равнымъ образомъ вводить рядъ нормъ juris gentiumъ въ свой эдиктъ, какъ свое jus honorarium. Когда, при Каракаллѣ, права римскаго гражданства были распространены на всѣхъ peregrinorumъ (212 г. до Р. Хр.), тѣмъ самымъ отмѣнена была необходимость проведенія особыхъ нормъ права (jus gentium) для негражданъ. Но къ тому времени уже все матеріальное содержаніе этой системы было перенесено преторами въ чисто-римское право, и это послѣднее само стало постепенно приобрѣтать характеръ общенароднаго права. Дальнѣйшій процессъ развитія состоялъ въ томъ, что jus gentiumъ распространялось въ объемѣ, все болѣе и болѣе вифдряясь въ римское право. Преторскій эдиктъ, юриспруденція, наконецъ, императорское законодательство работали въ этомъ направленіи, пока въ императорскій періодъ jus civile не было окончательно подавлено нормами общенароднаго права.

Рѣшительный и окончательный шагъ былъ сдѣланъ въ этомъ отношеніи Юстиніаномъ, который при своей кодификаціи отмѣнилъ послѣдніе остатки

jus civile, и безъ того уже утратившаго почти совершенно свое практическое значеніе. Въ томъ что *jus gentium* одержало въ римскомъ правѣ полную побѣду надъ узко-національнымъ *jus civile*, по совершенно вѣрному замѣчанію Чиларжа, коренится всемірное историческое значеніе римскаго права, и ч. именно въ *jus gentium* сосредоточились здѣсь результаты юридическаго мышленія и знанія всей древней цивилизаціи. Не остановившись на своемъ *jus civile*, но самостоятельно переработавъ результаты тысячелѣтнихъ юридическихъ трудовъ другихъ культурныхъ народовъ въ свое *jus gentium*, соответствующимъ своему огромному юридическому дарованію образомъ, Римъ, его юристы, создали свое право способнымъ вступить во всемірное владычество, которое остается за римскимъ правомъ еще и по сію пору.

Senatusconsulta. Въ эпоху принципата, въ это переходное время отъ народоправства къ абсолютной монархіи, народъ постепенно утрачиваетъ въ Римѣ свой суверенитетъ, который отнимается у него принцепомъ. Это время борьбы за права измѣнило въ Римѣ порядокъ и способъ изданія законовъ. Народныя собранія теперь постепенно утрачиваютъ все свои прежнія прерогативы, и въ дѣлѣ изданія законовъ ихъ компетенція переносится императорами на сенатъ (съ Тиверія). Пока принцепы еще не упрочили за собой суверенитета, они, опираясь на традиціонное участіе сената въ изданіи законовъ, признали достаточнымъ одобренія сенатомъ законопроектовъ, не обращаясь за окончательной ихъ санкціей къ народнымъ собраніямъ. Такого рода постановленіе сената возникало такъ, что *princeps* излагалъ свой проэктъ въ сенатѣ самъ или черезъ квестора (*oratio principis*), а сенатъ одобрялъ этотъ законопроектъ. При фактически неограниченной зависимости сената отъ принцепса, такое одобреніе сенатское являлось чистой проформой, благодаря чему позднѣйшіе юристы смотрѣли на самое *oratio principis* уже какъ на законъ.

Конституціи императоровъ. Съ постепеннымъ усиленіемъ своей власти, императоры скоро признали уже излишнимъ прикрывать свою волю постановленіями сената, и начали издавать непосредственно отъ своего имени указы, имѣющіе для гражданъ силу закона. Не желая окончательно разрывать со старымъ ученіемъ Рима, по которому носителемъ суверенитета являлся весь народъ, императоры при восшествіи на престолъ прежде всего добивались, на основаніи постановленія сената, переноса на свою личность верховной власти народа посредствомъ *lex de imperio*. Какъ мы читаемъ въ этомъ отношеніи въ дошедшей до насъ *lex de imperio Vespasiani*, по такому постановленію принцепу было представлено «право и власть въ божескихъ и человѣческихъ, въ публичныхъ и частныхъ дѣлахъ дѣлать и принимать все то, что только *princeps* признаетъ нужнымъ для блага и величія государства».

По содержанію ихъ, позднѣе юристы стали различать слѣдующія формы *constitutiones principum*: 1) *edicta principis*, издававшіяся императорами

постановленія, въ силу *jus edicendi*; послѣднимъ императоры обладали какъ всѣ высшіе республиканскіе магистраты; 2) *decreta*—рѣшенія императоровъ по дѣламъ въ процессахъ, восходившихъ къ нимъ въ первой инстанціи или путемъ апелляціи; въ отличіе отъ рескриптовъ, это—безусловные и окончательные приговоры по судебнымъ дѣламъ; 3) *epistolae* или *rescripta*—это отвѣты императора на юридическіе вопросы частныхъ лицъ или магистратовъ, въ которыхъ *principes*, на основаніи сообщенныхъ ему обстоятельствъ дѣла, объявляли просителю правоположенія, подлежащія примѣненію въ данномъ случаѣ. 4) *Mandata*—т. е. инструкціи императора его чиновникамъ, въ особенности управителямъ провинцій, относящіяся къ отправленію ввѣренной имъ должности.

Юристы классическаго періода (Гай, Помпоній, Ульпіанъ и др.) уже отбѣняютъ громадное значеніе императорскихъ конституцій въ правѣ, признавая за ними силу закона. Ульпіанъ напр., говоритъ въ этомъ отношеніи слѣдующее—«*Quod principi placuit, legis habet vigorem*».

Со времени Діоклетіана, когда римскій императоръ сталъ неограниченнымъ монархомъ, его постановленія считались уже не имѣющими силу закона, но именно самимъ закономъ непосредственно, какъ воля монарха, обязательнымъ для всѣхъ. Императоры непосредственно отъ своего имени издають постановленія общаго характера, адресуя ихъ къ народу, къ сенату, къ преторіанскому префекту и употребляя въ нихъ выраженія деспотическаго характера—«*jubemus, salcisimus*» и т. п.

Кодификація.—Добившись суверенитета, императоры въ стремленіи своемъ создать полицейское бюрократическое государство, были убѣждены въ возможности и необходимости завѣдыванія и управленія *всѣмъ* въ государствѣ путемъ своихъ указовъ, общаго и спеціальнаго характера. Въ конечномъ результатѣ уже ко времени Діоклетіана старыхъ и новыхъ императорскихъ конституцій скопилось масса; къ тому же онѣ были разбросаны по разнымъ архивамъ и далеко не всѣмъ доступны будучи очень часто и взаимно противорѣчивы.

Благодаря этимъ главнымъ причинамъ, сама жизнь выдвинула на первый планъ необходимость кодификаціи скопившагося колоссальнаго запаса всѣхъ этихъ и старыхъ и новыхъ законоположеній, чтобы ихъ всегда можно было имѣть подъ рукой какъ чиновникамъ, такъ и частнымъ лицамъ.

Первые шаги въ дѣлѣ кодификаціи сдѣланы были по почину частныхъ лицъ; именно въ 294 г. по Р. Хр. появился такъ назыв. *Codex Gregorius*, въ которомъ были собраны *constitutiones* отъ имп. Адріана и до времени его составленія. Между 314 и 324 годами, въ дополненіе къ первому сборнику, былъ составленъ *Codex Hermogenianus*, въ которомъ были помѣщены указы императоровъ до Константина.

Спустя столѣть послѣ изданія этихъ частныхъ собраній императорскихъ указовъ, правительство рѣшило составить официальный сборникъ *constitutiones*. Въ цѣляхъ этихъ въ 429 г. Θεодосій II учредилъ комиссію изъ 8 человекъ, которая однако не дала опредѣленныхъ результатовъ, и была распущена. Въ 435 г. была составлена новая комиссія съ тою же цѣлью, которая закончила свою работу въ теченіе 2 лѣтъ, и въ 438 г. была опубликована *Codex Theodosianus*. Въ немъ были помѣщены конститутіи отъ времени Константина до года изданія этого кодекса. Послѣдній былъ раздѣленъ на 16 книгъ, изъ которыхъ каждая дѣлится на титулы. По основной мысли Θεодосія, его кодексъ вмѣстѣ съ *Codices Gregorianus* и *Heremogenianus* должны были составлять одно цѣлое, какъ для практики такъ и для юриспруденціи.

Въ періодъ времени послѣ изданія кодекса Гермогеніана и до опубликованія Θεодосіева кодекса составленъ былъ дошедшій до насъ въ отрывкахъ сборникъ, подъ названіемъ *Fragmenta Vaticana* (найденъ въ 1821 г. на одномъ изъ palimpsest'овъ Ватиканской бібліотеки). Какъ видно изъ участвовавшего отрывка, здѣсь, рядомъ съ конститутіями императоровъ, были помѣщены извлеченія изъ сочиненій юристовъ. Былъ-ли это сборникъ официальной редакціи или представляетъ собою произведеніе частнаго лица,—вопросъ остается открытымъ.

Начиная съ V вѣка, когда римская имперія окончательно распалась на двѣ половины—на западную и восточную, западная ея половина скоро оказалась во власти различныхъ германскихъ народовъ. Однако цари варварскихъ государствъ, возникшихъ на мѣстѣ разрушенной западной римской имперіи, въ интересахъ римскаго населенія, предприняли рядъ официальныхъ сборниковъ римскаго правового матеріала. Такимъ путемъ возникли такъ называемыя *leges barbarorum*, которыя должны были приспособить исторически сложившійся и имѣвшій силу для римскаго населенія чрезвычайно богатый правовой матеріалъ къ новымъ жизненнымъ условіямъ.

Изъ такихъ сборниковъ дошли до насъ 1) такъ называемый *Lex Romana Visigothorum*, изданный для римлянъ вестготскаго королевства въ 506 г., при Аларихѣ (откуда съ XVI вѣка сборникъ этотъ стали называть *Breviarium Alariciani*); 2) *lex Romana Burgundiorum*, составленный въ VI вѣкѣ при королѣ Гундобадѣ (иначе называется *Papianus*, отъ невѣрнаго написанія въ немъ имени извѣстнаго римскаго юриста Папиніана) для римскихъ подданныхъ бургундскаго королевства. 3) Нѣсколько иной характеръ носитъ сборникъ *Edictum Theodorici regis*, изданный въ началѣ VI вѣка Теодорихомъ Великимъ, королемъ Остготовъ. Иходя изъ представленія о себѣ, какъ о римскомъ наместникѣ, и о готахъ, какъ о римскихъ солдатахъ, Теодорихъ издалъ свой сборникъ обязательнымъ для примѣненія *всѣмъ* гражданамъ своего государства, не только римскаго происхожденія. Въ общемъ все эти

сборники, составленные без системы из случайных компиляцій, представляют крайне неудачныя кодификаціонныя попытки.

Для восточной половины имперіи до времени Юстиніана намъ извѣстны лишь одинъ частный сборникъ римскаго права—такъ называемая *римско-сирійская книга законовъ*, изданная, вѣроятно, въ восьмидесятихъ годахъ V вѣка. По содержанію своему онъ представляетъ нормы римскаго права, *переработанныя* составителемъ для практическихъ нуждъ восточнаго населенія имперіи (для Сиріи, Арменіи, Египта). Въ немъ видно влияние мѣстнаго (Сирійскаго) права.

Кодификація Юстиніана.

Всѣ указанныя выше попытки кодификаціи, какъ официальныя, такъ и частныя, отличались однимъ общимъ недостаткомъ—слабой обработкой собраннаго матеріала. Всѣ сборники эти представляли собою почти исключительно собраніе законовъ, въ нихъ не было объединено право, въ смыслѣ созданія изъ источниковъ права единаго стройнаго цѣлаго. Между тѣмъ давно уже существовала потребность въ такомъ объединеніи *права*, благодаря накопившейся вѣками массой и законодательнаго, и научнаго матеріала, разобраться въ которомъ теперь было дѣломъ крайне труднымъ. Непосредственное пользование сочиненіями юристовъ было почти невозможно уже потому, что самыя сочиненія эти стали большой рѣдкостью; а если и были у кого подъ руками, то разобраться въ текстѣ ихъ и находить въ нихъ необходимое рѣшеніе, было трудомъ Сизифа. Еще хуже дѣло обстояло съ императорскими конституціями. Ни одинъ юристъ въ государствѣ не имѣлъ ихъ полного собранія; между тѣмъ всѣ онѣ съ древнихъ временъ имѣли силу закона, не смотря на чашто полную ихъ взаимную противорѣчивость. Все это давало обширное поле для злоупотребленій чиновниковъ-крючковторовъ и взяточниковъ.

Желая упорядочить это невозможное положеніе дѣлъ, Юстиніанъ задумалъ и блестяще довелъ до конца гигантскій трудъ систематической обработки и объединенія въ одно стройное цѣлое не только конституцій (*leges*), но и сочиненій классиковъ (*juris*), имѣя у себя достойнаго помощника и главнаго участника въ этомъ предпріятіи въ лицѣ своего *magister officiorum* *Трибоніана*.

Прежде всего Юстиніанъ рѣшилъ обработать и кодифицировать *всѣ* вообще конституціи, имѣвшія практическое примѣненіе къ его времени. Для этого 13 февраля 528 года была назначена редакціонная коммиссія изъ 10 чловѣкъ, подъ предсѣдательствомъ Трибоніана, которая черезъ годъ окончила свою работу, и 7 апрѣля 529 г. былъ обнародованъ новый *codex*, которымъ отмѣнялись всѣ сборники и отдѣльныя конституціи, не вошедшія въ его текстъ.

Затѣмъ приступлено было къ кодификаціи т. е. къ собранію и систематизаціи трудовъ юристовъ, въ поясненіе и дополненіе къ *leges*. 15 Декабря 530 г.

Юстинианъ особый инструкціей (const. «Deo auctore» — помещена въ началѣ Дигестъ) поручилъ Трибониану заняться этимъ дѣломъ и составить комиссію для составленія компиляціи изъ сочиненій классическихкихъ юристовъ, т. е. для кодификаціи *jura*. При этомъ должно было собрать все сочиненія юристовъ, имѣвшихъ *jus respondendi* (см. ниже стр. 111), извлечь изъ нихъ все, что примѣнимо и нужно, и свести, съ необходимыми измѣненіями, въ одно дѣло, располагая весь матеріалъ въ опредѣленномъ систематическомъ порядкѣ — по системѣ преторскаго эдикта. Составленная Трибонианомъ комиссія изъ 15 человекъ (въ ней были и чиновниками, и адвокаты, и профессора-юристы: Теофилъ и Кратинъ изъ Константинопольской юридической школы, Дороней и Исидоръ изъ Бергской школы) сперва выработала списокъ юристовъ и сочиненій, изъ которыхъ ей предстояло сдѣлать выборки; таковыхъ оказалось 39 юристовъ отъ Q. Mucius и до Nemoгеніанус, и до 2000 книгъ ихъ сочиненій. Вся эта масса была переработана комиссіей по системѣ преторскаго эдикта. Въ соображеніяхъ обученія праву все сочиненіе, получившее наименованіе Дигесты или Пандекты было разбито на семь *partes* (*prota, de judiciis, de rebus, publicis, pars quinta, sexta*), которыя въ свою очередь были распределены на 50 книгъ, а эти послѣднія на титулы, кромѣ 30, 31 и 32 книгъ «De legatis». По титуламъ затѣмъ были распределены отдѣльныя извлеченія (общаго содержанія каждое) при чемъ каждое съ указаніемъ на юриста и его сочиненіе, изъ котораго данное мѣсто заимствовано. Рецензія источниковъ производилась комиссіей при этомъ по возможности въ текстѣ подлинника; однако не рѣдко приходилось ей, въ интересахъ согласованія съ дѣйствующимъ правомъ, въ этихъ цитатахъ дѣлать добавленія и измѣненія (такъ называемыя *emblemata Triboniani*, или *interpolationes*). При работѣ старались, по возможности, избѣгать повтореній одного и того же текста и противорѣчій; однако и то и другое осталось. Одна треть всего содержанія Дигестъ, въ результатѣ работы, оказалась заимствованной изъ сочиненій Ульпіана; за нимъ слѣдуютъ въ этомъ отношеніи заимствованія изъ сочиненій Павла и Паппіана.

Работы по составленію Дигестъ были закончены въ *три* года, и 16 Декабря 529 года этотъ сборникъ былъ опубликованъ, получивъ силу закона черезъ 14 дней. Составленіе комментаріевъ на Дигесты было запрещено, чтобы остановить дальнѣйшее развитіе контроверзъ. Съ начала дѣйствія Пандектъ лишены были практическаго значенія сочиненія юристовъ, дальнѣйшее пользованіе и руководство ими были запрещены. Императоръ своею властью утвердилъ и призналъ обязательными, наравнѣ съ законами, къ руководству только тѣ мѣста ученыхъ юристовъ, которыя были помещены въ Дигестахъ.

Въ позднѣйшихъ изданіяхъ Дигесты, для удобства пользованія, кромѣ книгъ, титуловъ, и выдержекъ изъ сочиненій юристовъ (*fragmenta*), получили нумерацію послѣднихъ и дѣленіе большихъ *fr.* на §§. Ссылки (цитаты) на отдѣльныя мѣста этого Юстинианова сборника производятся обыкновенно слѣду-

ющимъ образомъ: сперва указываютъ цифру фрагмента; далѣе отмѣтивъ буквами D. или Dig. самый сборникъ, пишутъ сокращенно оглавленія титула, отмѣчая далѣе цифрами книгу и самый титулъ, откуда взята цитата. Такимъ образомъ, напримѣръ:

fr. 17 pr. § 1 Dig. Depositi 16. 3. (Florentinus) значить: 16-й книги Дигестъ, титулъ— «*Depositi vel contra*» (3-й), фрагментъ 17-й *principium* и § 1-й изъ сочиненія Флорентина. Иногда фрагменты отмѣчаются буквой L. (lex):

L. 82 § 2 Dig. de legatis II (Paulus) значить, что цитата взята изъ 32-й книги Дигестъ, (вторая—*De legatis*—изъ 30, 31 и 32 книги, озаглавленных каждая одинаково: «*De legatis et fideicommissis*» и не раздѣленных на титулы», § 2 изъ 82-го фрагмента сочиненія юриста Павла.

Одновременно съ работой по составленію Дигестъ или Пандектъ, профессора Теофилъ и Дороей подъ руководствомъ Трибониана, составили элементарный курсъ гражданскаго права (Институціи), который 21 ноября 533 г. былъ утвержденъ конституціей Юстиніана, обращенной къ учащейся молодежи, (*Institut. constit.*—«*Imperatoriam majestatem*»), Этого учебника права былъ составленъ по учебнику Гаю, съ добавленіями изъ сочиненія Ульпіана, Марціана и Флорентина и изъ новыхъ императорскихъ указовъ. Составлены Институціи въ связаномъ изложеніи содержанія въ обычной для того системѣ учебниковъ:—*de personis, de rebus, de actionibus*. По вѣншему виду своему Институціи Юстиніана дѣлятся на 4 книги, книги на титулы, а титулы въ новыхъ изданіяхъ на *princ.* и §§.

Цитация Институцій (отмѣчаемыхъ буквой I или Inst.) совершается слѣдующимъ образомъ: сперва указывается *pr.* или § титула Институцій, далѣе сокращенно приводится наименованіе титула, цифра книги и самого титула. напримѣръ:

pr. § 2 Inst. De donat. II. 7.

Что значить второй книги институціи 7-го титула *de donationibus princ.* и § 2-й.

При составленіи Дигестъ комиссія натолкнулась на непримиримыя противорѣчія въ сочиненіяхъ разныхъ юристовъ по одному и тому же вопросу права (такъ называемыя контроверзы). Нѣкоторыя изъ этихъ контроверзъ по предложенію редакторовъ Дигестъ, были рѣшены императоромъ специальными его *decisiones*, объявленными въ формѣ *constitutiones principis*. Рѣшенія эти были собраны вкѣстѣ подъ именемъ *Quinquaginta decisiones*.

Въ результатъ всѣхъ этихъ законодательныхъ реформъ и составленія Дигестъ и Институцій оказалось, что *Codex Юстиніана* сталъ устарѣвшимъ и во многомъ противорѣчающимъ новымъ правиламъ права. Это обстоятельство вынудило Юстиніана назначить пересмотръ и переработку кодекса. Производство этой *repetitae praelectionis* было поручено опять таки Трибониану и

комиссиі изъ пяти членовъ, которые въ теченіе года выполнили свое дѣло. Въ 534 г. опубликованъ былъ новый Кодексъ (*Codex repetitae praelectionis*), получившій силу съ 29 декабря 534 г. и отбѣившій *Codex vetus* 529-го года. Новый кодексъ раздѣленъ былъ на 12 книгъ, изъ которыхъ каждая въ свою очередь дѣлится на титулы, куда включены отдѣльныя конституціи въ хронологическомъ порядкѣ, съ именами издавшихъ ихъ императоровъ и даже часто съ цифровыми датами времени ихъ изданія. До насъ дошелъ только этотъ *Codex repetitae praelectionis*; *Codex vetus* утраченъ безслѣдно. Цитуются кодексъ такъ: сначала № конституціи и ея §, затѣмъ заголовокъ титула, номеръ книги и титула: напр. *L. 30 pr. § 2 Cod. de jure dotium* 5. 12.

Составивъ Институты, Пандекты и Кодексъ, Юстиніанъ предписалъ разсматривать ихъ какъ части одного сборника законовъ (одинъ «*Corpus juris*»). Однако на этомъ сборникѣ права законодательная дѣятельность Юстиніана не прекратилась. Съ теченіемъ времени оказалось необходимымъ издать новыя конституціи, въ поясненіе и добавленіе къ существующимъ; всѣ эти дополнительныя конституціи Юстиніана получили наименованіе *Novellae* (*constitutiones*). Число ихъ за время отъ 535—565 г.г. очень велико. Официальнаго сборника новеллъ не было сдѣлано; но намъ извѣстны три частныя собранія этихъ *constitutiones*, а именно: а) ерѣоме Юліані—собраніе 124 новеллъ до 555 года (собственно 122 новеллы: двѣ повторены два раза); латинскія новеллы приведены здѣсь цѣлкомъ, греческія же въ сокращенномъ латинскомъ переводѣ; в) *Authenticum*: собраніе 134 новеллъ отъ 535—556 г.г., тоже въ латинскомъ переводѣ, и с) наконецъ, безымянное собраніе 168 новеллъ, изъ которыхъ 153—Юстиніана, а остальныя—его преемниковъ; латинскія новеллы приведены здѣсь въ греческомъ переводѣ.

Эти новеллы не составляютъ въ своей совокупности кодекса, а каждая является самостоятельнымъ и независимымъ закономъ. Цитуются теперь новеллы по числу, главамъ и параграфамъ, напр. *Nov. 118 c. 3 § 1*, т. е. новелла 118-я, глава 3, § 1-й; вступленіе называется *praefatio*, напр. *Nov. 115 praef. c. 2*; т. е. вступленіе и § 2 115 новеллы.

Послѣ побѣды надъ остготами Юстиніанъ обнародовалъ свой *Corpus juris* и для Италіи (въ 529 г.). Отсюда сборникъ этотъ съ эпохи возрожденія постепенно захватилъ подъ свою власть весь культурный міръ, пройдя путемъ реценціи во всѣ сборники частнаго права государствъ западной Европы. Первое полное печатное изданіе Институты, Пандектъ, Кодекса и Новеллъ было сдѣлано въ 1583 г. Діонисіемъ Готофредомъ, когда впервые всѣмъ частямъ вмѣстѣ печатно было дано общее заглавіе—*corpus juris civilis*. Лучшее современное изданіе послѣдняго сдѣлано Моммсеномъ, Крюгеромъ и Шёллемъ (1872—95 г.г.)

Юриспруденція.

При тѣсной связи, въ древнѣйшій періодъ, суда съ религіей, судъ и его отправленіе находились очень долго въ рукахъ жреческой коллегіи понтифовъ,

сохранившей въ теченіе 5 вѣковъ свой исключительный патриціанскій характеръ. Понтифры одни лишь знали и календарь съ его *dies fasti* и *nefasti*, и необходимыя формы для юридическихъ дѣловъ и исковъ; они же и создавали эти формы и иски. Къ понтифамъ вынуждены были все обращаться за совѣтомъ, что давало особое значеніе и вліяніе патриціямъ (позднѣе—нобилемъ), ревниво скрывавшимъ отъ народа свои знанія формъ, религіозной обстановки сопровождавшихъ первичный судъ, и обычнаго права. Во всякомъ случаѣ *secreta juris*, монополія знанія права лишь понтифами была впервые нарушена лишь около 304 года до Р. Хр., когда Кней Флавій, секретарь Аппія Клавдія и его вольноотпущенный, снялъ (вѣроятно, съ вѣдома и согласія послѣдняго) копіи со сборника *legis actionum* и *fasti* и опубликовалъ ихъ во всеобщее свѣдѣніе. Около того же времени первый понтифъ изъ плебеевъ Тиберій Корунканій (254 г. до Р. Хр.) сталъ обучать праву всѣхъ желающихъ, допуская ихъ присутствовать при своихъ консультаціяхъ. Такимъ образомъ накопившаяся до сихъ поръ юридическая традиція понтифоваго дѣлала общедоступна, и было положено начало самостоятельной *саитской* юриспруденціи, которая скоро развила до широкихъ размѣровъ.

Юриспруденція стала въ республикѣ необходимымъ знаніемъ всякаго политика, мало того, всякаго вообще гражданина. Много причинъ способствовало этому. Прежде всего строго формальный характеръ гражданского права, масса обрядовыхъ словъ и дѣйствій, которыя необходимо было выполнять и говорить, безъ малѣйшихъ отклоненій отъ шаблона, подъ опасеніемъ иначе утратить и свои права, и защиту на судѣ—все это требовало отличнаго знанія права и его обрядностей, что въ свою очередь вызвало къ жизни дѣльный классъ людей—знатоковъ права, къ которымъ дѣловые люди обращались за совѣтами. Затѣмъ знаніе права открывало широкій путь и къ почету въ обществѣ, ибо для магистратовъ, которыми могли сдѣлаться все *cives*, прежде всего необходимо было знаніе права, а тѣмъ болѣе для его *assessores* и совѣтниковъ,—быть которыми считалось большимъ почетомъ въ Римѣ. Наконецъ, съ одной стороны, колоссальное развитіе общеній съ сосѣдями, а съ другой—постоянное участіе всѣхъ гражданъ въ государственныхъ дѣлахъ, въ составѣ комицій—все это требовало знакомства всѣхъ и каждаго по крайней мѣрѣ съ основами права. Все это и послужило главными причинами поразительнаго развитія юриспруденціи уже въ республиканскомъ Римѣ.

При этомъ еще долгое время юриспруденція не преподавалась въ римскихъ школахъ; ее изучали *privatim*, именно путемъ слушанія рѣшеній и консультаціи у знаменитыхъ юристовъ и бесѣдъ съ ними по вопросамъ права. Такъ, напр., Цицеронъ именно такимъ образомъ обучался праву у извѣстнаго юриста Квинта Муція Сцеволы.

Практическая дѣятельность юристовъ въ области частнаго права, по указанію Цицерона, проявлялась въ трехъ формахъ, названныхъ имъ технически; *respondere, cavere, agere*.

1) *Respondere*—такъ называли дѣятельность юристовъ по подачѣ совѣтовъ частнымъ лицамъ по всякимъ спорнымъ юридическимъ вопросамъ. Обыкновенно до судоговоренія стороны просили совѣта по своимъ дѣламъ у извѣстныхъ знатоковъ права. Въ теченіи всего республиканскаго періода мнѣнія юристовъ не были обязательными ни для кого; ихъ авторитетъ основался только на ихъ убѣдительности и логичности. Давая свои совѣты, юристы не ограничивались однимъ истолкованіемъ буквальнаго смысла закона, но выясняли его смыслъ (*ratio*), выводили его логически необходимыя послѣдствія и основныя руководящія начала. Такая ихъ дѣятельность была въ особенности необходима при совмѣстномъ существованіи *jus civile* и *jus gentium*. Благодаря дѣятельности юристовъ, произошло полное сліяніе двухъ источниковъ права; черезъ посредство ихъ все римское право возвысилось до значенія всеобщаго, сдѣлалось выраженіемъ тѣхъ возрѣній, какія были выработаны классической древностью въ области юридическаго мышленія.

2) *Cavere*—это дѣятельность юристовъ по выработкѣ точныхъ формулъ для различныхъ юридическихъ сдѣлокъ (договоровъ, завѣщаній и т. д.). чтобы предупредить этимъ путемъ возможность недоразумѣній и споровъ между заинтересованными лицами, что могло бы случиться, благодаря неясному или неумѣлому выраженію ими своей воли при совершеніи данной сдѣлки.

3) *Agere*—такъ называлась подача совѣтовъ относительно постановки некихъ, составленія проектовъ формулъ для формулярнаго процесса, а равно самая дѣятельность юристовъ на судѣ *in judicio*, въ качествѣ адвокатовъ той или другой стороны.

Относительно трудовъ (сочиненій) юристовъ начала республики имѣется мало свѣдѣній. Мы знаемъ только, что опубликованныя Кн. Флавіемъ *secreti juris* составили особое *jus Flavianum*. Какъ мы читаемъ у Помпонія (*Dig. De orig. jur.* 1. 2) слѣдующимъ извѣстнымъ по своимъ трудамъ юристомъ былъ *Sextus Aelius Petus* (народъ прозвалъ его *Calvus*, т. е. хитрецъ), который сдѣлалъ выборки изъ *jus Flavianum* и добавилъ новыя формулы для *legis actiones* (*jus Aelianum*, во II вѣкѣ до Р. Хр.) Въ § 38 *Dig. cit.* Помпоній снова говоритъ про того же юриста, указывая, что онъ написалъ книгу *Triperlita* (*commentatio?*), содержащую а) *leges XII tabularum*, б) ихъ толкованіе, и в) другія формулы—*disputationes fori*. Возможно (Pernice), что обѣ эти книги (*jus Aelianum* и *Triperlita*) различныя сочиненія.

Далѣе Помпоній приводитъ цѣлый рядъ юристовъ, безъ указанія ихъ сочиненій, таковы: Катоны, *Publ. Muc. Scaevola*, его братъ *Mucianus*, *Quintus Mucius Scaevola*, учитель Цицерона—другой ученикъ Сцеволы *Aquilius Gallus*, преторъ въ 66 г. до Р. Хр., создавшій рядъ институтовъ права; напр., онъ создалъ *actio doli*, ввелъ *stipulatio Aquiliana*, при помощи которой стало возможно соединеніе въ одно многихъ требованій изъ разныхъ договоровъ, путемъ общей для всѣхъ *stipulatio*. Онъ же ввелъ формулу назначенія *heres*

для *postumi Aquiliani*, т. е. для лицъ, еще не родившихся при составленіи завѣщанія.

Не менѣе крупный слѣдъ въ юриспруденціи этого времени (конца республики) оставилъ другой юристъ — другъ Цицерона — *Servius Sulpitius Rufus*. (Умеръ въ 43 г. до Р. Хр.) Это одинъ изъ плодотвѣйшихъ писателей; онъ написалъ болѣе 150 юридическихъ сочиненій, главнымъ образомъ критическихъ статей и комментариевъ. Между прочимъ имъ былъ составленъ первый комментарий къ преторскому эдикту, сдѣланному уже къ этой порѣ *de facto edictum perpetuum*. Между учениками Сульпиція Руфа извѣстенъ *Alfenus Varus* (консулъ въ 39 г. до Р. Хр.), отрывки изъ сочиненій котораго были помѣщены между прочимъ въ Пандектахъ Юстиніана.

Наибольшаго развитія своего и развѣта достигаетъ римская юриспруденція въ первой половинѣ принципата — отъ Августа и до Септимія Севера — время называемое *періодомъ классической юриспруденціи*.

Начиная съ Августа, *responsa* юристовъ получили новое значеніе: не ограничивая права всѣхъ юристовъ разрѣшать казусы, императоръ позволялъ нѣкоторымъ изъ нихъ высказывать свои рѣшенія *ex auctoritate principis*, придавая тѣмъ самымъ ихъ рѣшеніямъ обязательную для судьи силу. Эти *responsa* юристовъ, получившихъ такой *jus respondendi*, во избѣжаніе подлоговъ стали посылаться судѣ написанными на воощенныхъ дощечкахъ и подъ печатями (*responsa signata*). Начиная съ Адриана, за *responsa* нѣкоторыхъ юристовъ стали признавать силу закона (*Gai I § 7*), въ томъ случаѣ, когда по данному вопросу совпадали мнѣнія привилегированныхъ юристовъ.

Съ установленіемъ имперіи, когда политическая карьера прекратила *de facto* свое бытіе и все стало зависѣть отъ воли императора, лучшія силы страны обратили свое особенное вниманіе на изученіе юриспруденціи. Теперь одна она лишь давала возможность достигъ высокихъ степеней на службѣ принципалу, не занимаясь низкопоклонничаньемъ и лестью, или во всякомъ случаѣ быть полезными народу, притѣсняемому произволомъ знатной и богатой римской буржуазіи.

Какъ говорить Помпоній въ дошедшемъ до насъ въ Дигестахъ отрывкѣ сочиненія его — *De origine juris*, съ начала императорскаго періода возникаютъ въ Римѣ двѣ школы юристовъ, основаніе которымъ дано было двумя великими юристами современниками Августа — *Лабеономъ* и *Капитономъ*. Оба они, оказавшіе громадное вліяніе на послѣдующее развитіе римской юриспруденціи, были представителями противоположныхъ идей и направленій въ правѣ *Marcus Antistius Labeo*, сынъ убійцы Цезаря, искренній республиканецъ по своимъ убѣжденіямъ, жилъ въ постоянныхъ контрахъ съ Августомъ, отрицательно относясь къ новымъ порядкамъ. Не допускаемый принципсомъ къ государственной службѣ (былъ лишь всего разъ преторомъ), онъ посвятилъ свои силы изученію права и научнымъ занятіямъ. Сообразно съ этимъ онъ дѣлалъ и свое

время, полгода проживая въ Римѣ и обучая тамъ молодежь и полгода проводя въ деревнѣ въ занятіяхъ наукой, составляя ученые труды, которыхъ при жизни издалъ 400 томовъ; да посмертныхъ изданій было выпущено еще 40 книгъ его же сочиненій.

C. Atejius Capito, происходившій изъ всадническаго сословія, былъ, напротивъ вѣрнымъ слугою «властей предержалцихъ». Выдвинутый Суллою, онъ былъ горячимъ приверженцемъ Августа и усвоенной имъ идеи принципата. За это и былъ почтенъ, дойдя по службѣ до званія pontifex'a maximus'a, консула и совѣтника Августа. Литературная дѣятельность Капитона была не такъ обширна, какъ Лабейона; онъ былъ по преимуществу знатокомъ сакрального права, и мало заботился о развитіи jus honorarium. Благодаря этому, хотя при жизни оба юриста были одинаковы славны и извѣстны, однако на дальнѣйшее развитіе права несравненно болѣе влияние оказалъ Лабейонъ, мѣрныя котораго уважались и потомствомъ, и въ значительной мѣрѣ реципированы въ Юстиніановомъ правѣ. Авторитетъ же Капитона не пережилъ этого юриста. По крайней мѣрѣ въ Дигестахъ имѣется всего два фрагмента изъ сочиненій Капитона, да и то, по всей вѣроятности (Karlova) заимствованы они изъ сочиненій Капитона-отца, который тоже былъ хорошимъ юристомъ.

Помпоній, говоря о Лабейонѣ и Капитонѣ, добавляетъ—*«hi duo primum veluti diversas, sectas fecerunt* т. е. что они явились какъ бы основателями двухъ различныхъ школъ въ юриспруденціи; послѣднія получили свои названія отъ учениковъ этихъ юристовъ—именно *Прокуліанцы*—послѣдователи Лабейона, (названы такъ по имени ближайшаго ученика Лабейона—Прокула) и *Сабиніанцы*—сторонники Капитона, получившіе наименованіе свое отъ Сабина, ученика Капитона.

Такое дѣленіе юристовъ по двумъ школамъ существовало до времени Адріана. Изъ сторонниковъ Лабейона, кромѣ *Прокула*, отъ котораго получила самую школу свое наименованіе, укажемъ, еще двухъ Цельзонъ—Ювенція Цельза и его знаменитаго сына *Publius Inventius Celsus*; это былъ замѣчательный ученый юристъ и тонкій критикъ современнаго права. Какъ знатоку права, искавшему не буквы закона, но ratio legis, идеи права, ему часто приходилось давать совѣты по юридическимъ дѣламъ, причемъ исторія отмѣтила его рѣзкій языкъ (*Quaestio Domitiana* и *responsum Celsinum: fr. 27 Dig. Qui testamenta fac. poss. 28.1.*)

Сторонниками другой (Сабиніанской) школы, укажемъ: *Massurius Sabinus*, отъ котораго школа получила свое наименованіе, *Javolenus Priscus*, ученый писатель; съ нимъ жестоко враждовалъ Плиній Младшій, аттестовавшій его въ своихъ письмахъ сумасшедшимъ. *Salvius Iulianus*—извѣстный составитель edictum perpetuum. *Sextus Pomponius*.—историкъ римской юриспруденціи, о которой мы имѣемъ свѣдѣнія изъ дошедшаго до насъ отрывка его сочиненія: *De origine juris*. Говоря про Сабиніанцевъ и Прокуліанцевъ

Помпоній именуеъ ихъ «*sectae*». Такъ въ Римѣ назывались корпоративныя организаціи философской школы (перипатетиковъ); такимъ образомъ Помпоній какъ бы признаеъ эти обѣ школы въ смыслѣ двухъ обособленныхъ научныхъ направленій. Просматривая однако дошедшія до насъ, изъ области частнаго права, споры и разногласія Сабиніанцевъ и Прокуліанцевъ, мы убѣждаемся, что всѣ они не затрагиваютъ основныхъ вопросовъ права, а касаются мелкихъ деталей и отдѣльныхъ второстепенныхъ вопросовъ права. Въ виду этого болѣе вѣроятнымъ кажется мнѣніе, что разница школъ заключалась не въ различіи научныхъ методовъ въ каждой, а въ самомъ способѣ обученія юристовъ въ двухъ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ (*stationes*)¹⁾.

Изъ юристовъ второго вѣка передъ нами выдвигается загадочная личность *Гая*, слабо извѣстнаго при жизни и прославленнаго римлянами послѣ смерти; интересно указать въ этомъ отношеніи, что *ius respondendi* (см. ниже) было пожаловано ему 200 лѣтъ спустя, какъ онъ умеръ. Весьма вѣроятно предположеніе, что этотъ юристъ (учебникъ котораго по римскому праву—*Institutiones*— дошелъ до насъ въ полномъ видѣ) дѣйствовалъ въ провинціи; въ пользу этого говорить то обстоятельство, что онъ одинъ изъ извѣстныхъ намъ юристовъ писалъ комментаріи къ *edictum provinciale*.

Третій вѣкъ, особенно царствованіе Северовъ, было наиболѣе блестящимъ періодомъ расцвѣта римской юриспруденціи, ея золотой вѣкъ, когда на міровую сцену того времени выступаютъ такіе титаны мысли, какъ, напр., Помпоній, Ульпіанъ, Модестинъ и другіе.

Aemilius Papinianus одинъ изъ гуманнѣйшихъ римскихъ юристовъ, товарищъ и коллега Септимія Севера по совмѣстнымъ занятіямъ правомъ въ молодости у *Scaevola*, позднѣе своякъ императора, съ 203 г. и по смерть Севера былъ преторіанскимъ префектомъ, въ каковомъ званіи и былъ убитъ по приговору императора Антонина Каракаллы за отказъ составить рѣчь въ оправданіе убійства послѣднимъ брата Геты (212 г.). Сила его знанія и научныхъ изысканій въ области юриспруденціи сдѣлала его первымъ авторитетомъ для юристовъ позднѣйшаго времени. Еще въ совѣтъ его, который онъ имѣлъ, какъ *praefectus praetorio*, засѣдали и совмѣстно съ нимъ разрабатывали право *Julius Paulus* и *Domitius Ulpianus*, ставшіе позднѣе сами *praefecti praetorio*.

Julius Paulus, ставшій преторіанскимъ префектомъ (при Александрѣ Северѣ), скорѣе труженникъ чѣмъ талантъ; писалъ много, но очень тускло и туманно, не отличаясь глубиной мысли. Онъ былъ, такъ сказать, дутой знаменитостью. Несравненно выше его стоитъ во всѣхъ отношеніяхъ его научный (а. м. б. и по карьерѣ) конкуррентъ *Domitius Ulpianus*, тоже бывшій преторіанскимъ префектомъ при Ал. Северѣ. Прямой и энергичный, онъ скоро возбудилъ противъ себя ненависть развращенныхъ преторіанцевъ, которые, въ 228 г., не смотря на защиту императора, убили своего начальника. Научная

¹⁾ *Baviera* Le due scuole dei giureconsulti Romani 1898.

дѣятельность Ульпіана была весьма обширна и плодотворна. Это—одинъ изъ лучшихъ знатоковъ литературы римскаго права, писавшій массу работъ по разнообразнѣйшимъ вопросамъ права. Въ этомъ отношеніи достаточно сказать, что болѣе 1/3 Дигестъ составлено изъ отрывковъ сочиненій Ульпіана. Талантливый ученикъ Ульпіана—*Herennius Modestinus* является послѣднимъ могучимъ классической юриспруденціи, котораго цитуютъ въ Дигестахъ.

Послѣ этихъ столповъ классической юриспруденціи послѣдняя быстро начинаетъ клониться къ упадку, который послѣ Діоклетіана все болѣе усиливается. Наука права замираетъ, императоры прекратили давать *jus respondendi* новымъ юристамъ; дальнѣйшее развитіе права стало теперь совершаться главнымъ образомъ путемъ императорскаго законодательства. Юристы, не рассчитывая на свои силы и знанія, стремятся рѣшать казусы и изучать право по рѣшеніямъ и сочиненіямъ писателей классическаго періода права, не обращая вниманія на *leges* и *edicta* непосредственно. Научную дѣятельность свою они ограничиваютъ даже примѣчаній (*notae*) къ тексту сочиненій классическихъ юристовъ.

Такимъ образомъ юриспруденція абсолютно монархическаго періода покоилась по прежнему на трудахъ юристовъ—классическаго періода права, которые стали теперь называть прямо *jus (vetus)*. Между тѣмъ масса матерьяла, даннаго послѣдними по разнымъ вопросамъ права, страшно стѣсняла и судей, и заинтересованныхъ лицъ въ ихъ поискахъ за правомъ и правдой. Въ цѣляхъ облегчить судьямъ трудъ пользованія всѣмъ этимъ матерьяломъ въ періодъ абсолютизма издается рядъ законовъ. Такъ при Константинѣ было съ этою цѣлью издано два закона, изъ которыхъ одинъ (327 г.) призналъ обязательную для судей силу за *sententiae Pauli*, какъ необходимаго для нихъ руководства при разборѣ дѣлъ, и другой (321 г.) лишилъ силы *notae* Павла и Ульпіана къ сочиненіямъ Папиніана. Наконецъ въ 426 году Феодосіемъ II и Валентиніаномъ III былъ изданъ знаменитый *lex allegatoria*. Этимъ такъ называемымъ закономъ о ссылкахъ на сочиненія юристовъ (законъ о цитатахъ) было признано, что безспорную обязательную силу для судей имѣютъ по юридическимъ вопросамъ мнѣнія и рѣшенія, высказанныя въ сочиненіяхъ классическихъ юристовъ: *Папиніана, Павла, Гая, Ульпіана и Модестина*, а равно сужденія и мнѣнія всѣхъ тѣхъ юристовъ, на которыхъ они ссылаются. Въ послѣднемъ случаѣ однако требовалось, приносить подлинныя сочиненія этихъ юристовъ въ судъ непосредственно, для ознакомленія судей съ мыслями этихъ юристовъ. Фактически этимъ условіемъ добавка закона, которой, казалось, *jus respondendi* снова былъ данъ всей классической литературѣ, была сведена на нѣтъ, такъ какъ къ V вѣку сочиненія этихъ писателей были или совершенно утрачены, или стали библиографической рѣдкостью.

Въ случаѣ разногласія пяти привилегированныхъ юристовъ судья долженъ былъ держаться мнѣнія большинства ихъ, а если голоса ихъ дѣлились по ровну, то обязательнымъ для судьи было то мнѣніе, котораго сторонникомъ

былъ Папиніанъ—этотъ «*excellentis ingenii vir*»—по выраженію закона. Такимъ образомъ реформированное *jus vetum* и служило, рядомъ съ *constitutiones*, источникомъ права до времени изданія *Corpus juris* Юстиніана.

Юридическая литература.

Начиная съ императорскаго періода, именно въ эпоху расцвѣта юриспруденціи, юристы, рядомъ съ практической дѣятельностью обратили особенное вниманіе на теоретическую разработку права. Въ это время въ Римѣ развивается богатая и разнообразная по содержанію юридическая литература. Дошедшіе до насъ отрывки изъ сочиненій юристовъ этого времени собраны и по возможности возстановлены Лелелемъ (см. *Lenel—Palingenesia juris* 1889—92).

Насколько можно судить по дошедшему до насъ матеріалу, главными формами юридической литературы этого времени были слѣдующія:

1) *Систематическіе труды—Institutiones*. Здѣсь излагалось гражданское право—*jus civile* и *jus honorarium*—въ извѣстной опредѣленной системѣ и послѣдовательности, которую мы знаемъ по дошедшимъ до насъ *институціямъ Гаю*. Эти послѣднія до начала XIX вѣка были извѣстны юристамъ лишь въ объемѣ первыхъ трехъ книгъ, помѣщенныхъ въ *Breviarium Alaricianum*. Только въ 1816 году знаменитый Нибуръ случайно открылъ на палимисестѣ (письма Св. Іеронима) въ библиотекѣ Веронскаго собора рукопись полныхъ институцій съ IV-й книгой (кромя нѣсколькихъ страницъ). Рукопись принадлежитъ къ V или VI вѣку; лучшее ея новое изданіе Штудемундта.

Институціи Гаю представляютъ собою краткій учебникъ гражданского права, въ системѣ, согласно афоризму, высказанному Гаемъ: «*Omne autem jus quo utitur, vel ad personas pertinet, vel ad res, vel ad actiones*». Сообразно съ этимъ Гай, въ 1-й книгѣ даетъ общее ученіе о правѣ и о лицахъ, во 2-й и 3-ю книгахъ—о вещахъ и о дѣлахъ вещнаго права, а равно о наследованіи и объ обязательствахъ. Четвертая книга содержитъ въ себѣ ученіе о процессуальной защитѣ правъ (иски, interdикты, возраженія). Всюду при этомъ Гай придерживается историческаго метода при изложеніи институтовъ права.

Институціи Гаю долгое время были главнымъ учебникомъ въ училищахъ, пока ихъ не замѣнили Юстиніанъ своими Институціями, составленными впрочемъ подъ большимъ влияніемъ учебника Гаю.

Къ отдѣлу систематическихъ трудовъ по юриспруденціи, кроме институцій, слѣдуетъ еще отнести *regulae u definitiones*. Первые—это краткіе юридическіе афоризмы для заучиванія наизусть; вторые—краткія опредѣленія институтовъ права. И тѣ и другія вырабатывались юристами, какъ пособія для начального ознакомленія лицъ, изучающихъ право, съ основными принципами послѣдняго. Сюда же должно отнести руководствъ по юриспруденціи для практиковъ—именно по *jus civile* (не по преторскому праву). Таковы, напр.,

дошедшіе до насъ въ отрывкахъ Libri III juris civilis Сабина. Намъ равно извѣстно, что другой юристъ—Кассій написалъ такой же Compendium въ 17 книгъ.

2) Вторую группу сочиненій представляютъ *комментаріи* какъ къ тексту законовъ и къ эдиктамъ, такъ равно къ сочиненіямъ другихъ юристовъ. Особенное вниманіе было здѣсь удѣлено преторскому эдикту. Въ позднѣйшее время вошло въ обычай соединять комментаріи на эдиктъ и на jus civile; такая совмѣстная обработка jus civile и jus honorarium, въ цѣляхъ объединенія ихъ въ одно цѣлое, носила названіе *digesta*.

Изъ комментаріевъ юристовъ классическаго періода мы знаемъ комментаріи Помпонія, Павла и Ульпіана на tres libri Сабина,—весьма обширнаго содержанія. Особенно тщательно комментировался юристами эдиктъ, каждое слово котораго старательно изучалось съ юридической точки зрѣнія и выяснялся смыслъ его на примѣрахъ. Такіе комментаріи къ эдикту были составлены напр. Лабеономъ, Ульпіаномъ, Помпоніемъ, Павломъ и др. Гай сверхъ того составилъ комментарій къ edictum provinciale. Опъ равнымъ образомъ комментировалъ законы XII таблицъ. О комментаріяхъ къ трудамъ извѣстнѣйшихъ юристовъ со стороны юристовъ позднѣйшаго времени (*notae*) мы уже говорили выше. Такъ Павелъ писалъ *notae* къ Лабеоу и Папиніану.

3) *Монографическая* литература въ Римѣ была слабо развита; мы знаемъ однако, что, напр., Ульпіанъ писалъ о стипуляціи, объ интердиктахъ, Помпоній—*de origine juris* и др.

4) Значительное число сочиненій юристовъ было составлено ими въ цѣляхъ практическихъ, какъ отвѣты по спорнымъ вопросамъ права; таковы *Responsa*, т. е. сборники рѣшеній юриста, данныхъ имъ по разнымъ спорнымъ вопросамъ права; *epistolae*—письма, обращенныя къ юристамъ по спорнымъ вопросамъ права, и отвѣты на нихъ данные адресатомъ.

5) Кромѣ того массу юридическаго матерьяла заключаютъ въ себѣ сочиненія историковъ (Титъ Ливій, Авлъ Геллій, Діонисій, Тацитъ и др.); то же имѣемъ мы въ сочиненіяхъ и рѣчахъ Цицерона, одного изъ величайшихъ ораторовъ древности и хорошо образованнаго юриста, у *scriptores rei rusticae* (Катонъ, Варронъ, Колумелла), у поэтовъ и сатириковъ (Плавтъ, Петроній, Гораций и др.), а равно въ разныхъ *inscriptiones* (издаваемыхъ теперь въ многотомномъ Corpus inscriptionum latinarum). Наконецъ, цѣнныя данныя изъ области права, особенно классическаго, имѣются въ дошедшихъ до насъ въ оригиналѣ (Помпеи) или въ сочиненіяхъ юристовъ юридическихъ актовъ. Изъ нихъ особенно любопытны навощенныя дощечки (*tabulae aeneae*), заключающія договоры займа, ссуды, купли продажи, поклажи, завѣщанія и др. По внѣшнему виду, большею частью такіе документы состоятъ изъ трехъ досокъ, въ видѣ прямоугольниковъ (*triptychon*), рѣдко изъ двухъ (*diptychon*). Верхняя сторона первой и послѣдняя третьей доски оставались неисписанными, прочія стороны имѣли навощенныя углубленія, вдоль кото-

рыхъ, (а не поперекъ) царапали содержаніе акта грифелемъ. Обратная сторона второй доски была поперекъ раздѣлена узкой навощеной полосой на 2 части; въ этой полоскѣ свидѣтели прикладывали свои печати; на правой сторонѣ (навощеной) они расписывались, а на лѣвой половинѣ слѣдовало продолженіе текста, который и заканчивался на первой сторонѣ третьей доски. Доски одинаковаго формата и величины имѣли по краямъ отверстія, черезъ которые пропускались шнуры, связующіе доски (см. указанія и образецъ у Bruus—Fontes juris).

Преподаваніе права.

Преподаваніе права, съ развитіемъ юриспруденціи, начинаетъ мѣнять свой характеръ. Начиная съ временъ Августа, юристы уже сами руководятъ учебными занятіями постоянныхъ слушателей (auditores). При этомъ сперва слушателямъ сообщались теоретическія понятія о правѣ (institui) а затѣмъ велись съ ними практическія занятія (instrui), при чемъ нерѣдко учащіеся вели дѣла на судѣ, подъ руководствомъ своихъ учителей права.

Начиная съ III вѣка, правительство само заботится о созданіи казенныхъ училищъ права. Такъ съ этого времени подобное училище возникаетъ въ Беритѣ и отъ V-е въ Константинополь и Римѣ. Создавъ свой Corpus juris civilis, Юстиніанъ вмѣстѣ съ тѣмъ упорядочилъ и юридическое преподаваніе въ школахъ. Имъ было установлено 5 курсовъ, при чемъ на 1 курсѣ сообщались элементарныя понятія о правѣ по изданному правительствомъ для того учебнику—Юстиніановымъ Institutiones и по первымъ 5 книгамъ Дигестъ. (Слушатели этихъ предметовъ назывались Justinianeï novi). Слушатели второго (edictales) и третьяго (Papinianistae) курсовъ названные такъ потому, что до Юстиніана на 2 курсѣ изучали эдиктъ и на 3-мъ сочиненія Папиніана, изучали послѣдовательно 6—11 и 12—19 книги Дигестъ и сверхъ того 23, 26, 28, 30 (второй курсъ) и книги 20—22 (третій курсъ). Четвертый курсъ (litae, т. е. quasi a nodis legum solvendi) изучали 20—26 и 27—37 книги Дигестъ. На пятомъ курсѣ (prolifae т. е. omnino solvendi) доканчивали Пандекты и изучали Codex Юстиніана.

С. П. Никоновъ.

(Профессоръ Харьковскаго Университета).

КРАТКІЙ УЧЕБНИКЪ
Исторіи Римскаго права.

ЧАСТЬ II.

»#«

ХАРЬКОВЪ

1907.

На основаніи ст. 41 § 1 п. 4 и ст. 138. Утв. Уст. печатать и выпустить изъ типографіи разрѣшается. Февраля 7 дня 1907 года.

И. д. Ректора Университета *И. Нестушилъ*.

Х А Р Ъ К О В Ъ .

Электрическая Типо-литографія И. А. Цедербаумъ, Екатеринославск. ул., 9.

1 9 0 7 .

Гражданскій процессъ.

Гражданскій процессъ есть совокупность дѣйствій суда, съ одной стороны, и частныхъ лицъ, съ другой стороны, имѣющая своею цѣлью признаніе судомъ даннаго гражданского права или правомѣрности даннаго фактическаго состоянія по случаю или на случай ихъ нарушенія.

Цѣль процесса—охраненіе правъ при помощи и подъ контролемъ представителей государственной власти. Въ такомъ видѣ своемъ однако процессъ есть продуктъ позднѣйшаго времени. Въ первыя же времена существованія государственнаго строя защита частныхъ правъ предоставлялась самимъ заинтересованнымъ непосредственно; государственная же власть въ эту область не вмѣшивалась (время *самоуправства*). По крайней мѣрѣ въ Римѣ возстановленіе правъ самимъ потерпѣвшимъ было окончательно запрещено только при Маркѣ Аврелии; до того же времени самоуправство примѣнялось очень часто и смѣшивалось съ самозащитой.

Искони признавая принципъ государственнаго невмѣшательства въ дѣло защиты каждымъ гражданиномъ своихъ частныхъ правъ, кто какъ хочетъ и можетъ (старая идея союзовъ родовой защиты), римская власть однако скоро обратила вниманіе на одно обстоятельство сакральнаго характера. Дѣло въ томъ, что римлянинъ, самовластно возстановляющій свои нарушенныя права, легко могъ примѣнить противъ своего противника такія дѣйствія, которыя грозили оскорбить боговъ—покровителей послѣдняго и его семьи, и вызвать со стороны этихъ божесть мести и кару не только на безбожника, но и на весь народъ римскій, изъ среды котораго виновный проиходитъ. *Salus rei publicae* требовалъ здѣсь принятія, если не со стороны свѣтскихъ властей, то со стороны жрецовъ—знатоковъ божеской воли—мѣръ, чтобы самоуправство такое совершалось безъ оскорбленія величія боговъ—покровителей

римскаго народа и familia римлянина. Въ силу этого издавна въ Римѣ требовалось, чтобы самопомощь такая совершалась съ вѣдома и въ присутствіи жрецовъ, съ соблюденіемъ обрядовыхъ словъ и дѣйствій, лишь послѣ чего давалась возможность приступить къ дѣйствительной защитѣ своихъ правъ.

Съ усиленіемъ въ Римѣ авторитета свѣтской власти, послѣдняя въ свою очередь приняла непосредственное участіе въ дѣлѣ упрядоченія самопомощи заинтересованныхъ лицъ, предлагая имъ *договорное рѣшеніе* возникшаго спора о правѣ, т. е. такимъ образомъ, чтобы противники не сами рѣшали свое дѣло, а договаривались передать его на разрѣшеніе постороннему челювѣку и подчиниться его рѣшенію (третейскій судъ). Но и въ этомъ случаѣ власти государственныя сами не рѣшали дѣла, а слѣдили лишь за неправнымъ соблюденіемъ тяжущимися предписанныхъ жрецами формъ самопомощи и указывали имъ третейскаго судью для разбирательства самого спора.

Эти начала и явились основаніемъ знаменитаго дѣленія римскаго гражданскаго процесса на двѣ стадіи—*in iure* передъ магистратомъ и *in iudicio*—у выбраннаго (тяжущимися) посредника для разбора ихъ тяжбы.

Въ процессѣ *in iure* магистратъ не судилъ въ современномъ смыслѣ слова. Онъ только присутствовалъ при совершеніи тяжущимися обрядовыхъ словъ и дѣйствій, лишь при соблюденіи которыхъ допускалась самозащита, и слѣдилъ за точнымъ ихъ совершеніемъ тяжущимися; его активное участіе сводилось первоначально къ тому, что онъ равнымъ образомъ произносилъ *verba solemnna*, направляя дѣятельность тяжущихся въ томъ или иномъ отношеніи. Позднѣе съ ослабленіемъ авторитета понтифовъ, первоначально вѣдавшихъ въ Римѣ судъ, и съ усиленіемъ авторитета магистратовъ, послѣдніе ранѣе контроля за точнымъ соблюденіемъ тяжущимися формулъ и обрядовыхъ дѣйствій, давали имъ совѣтъ, какимъ порядкомъ вести споръ, какія *verba solemnna* должно сказать и какія обрядовыя дѣйствія совершить для возможности успѣшнаго вчинанія дѣла. Въ случаѣ настойчиваго желанія отвѣтчика оспорить претензіи истца, выраженнаго формальнымъ образомъ, магистратъ (все въ обрядовыхъ словахъ и дѣйствіяхъ) предлагалъ имъ прекратить борьбу и споръ и обратиться за разрѣшеніемъ дѣла къ третейскому судью—*in iudicio*. Такимъ образомъ и позднѣе въ процессѣ *in iure* совершалась лишь подготовка дѣла къ судебному разбирательству *in iudicio* у выбраннаго сторонами третейскаго судьи. Такое дѣленіе объясняется проведеннымъ и здѣсь принципомъ самозащиты, лишь нормированной государственною властью. Свободный римскій гражданинъ здѣсь не подчинялся волѣ и рѣшенію представителя судебной власти, а пресиль у

него лишь юридическаго совѣта, какъ вести дѣло; это же послѣднее передавалъ на разрѣшеніе самимъ выбраннаго, съ общаго согласія съ противникомъ, третейскаго судьи. Магистратъ *in jure* такимъ образомъ не судилъ; онъ лишь опредѣлялъ юридическій характеръ спорнаго отношенія и указывалъ вопросы, на которые долженъ былъ дать отвѣтъ (разрѣшить ихъ) судья въ процессѣ *in judicio*, и слѣдилъ за точнымъ соблюденіемъ тяжущимися обрядовыхъ словъ и процессуальныхъ дѣйствій.

Составъ суда.—Первымъ магистратомъ, которому принадлежало право давать судъ, былъ царь; къ нему обращались съ просьбами о разбирательствѣ споровъ, которые по чему либо выходили изъ предѣловъ вѣдомства родовыхъ организацій (*gentes*). Собственно судебная власть принадлежала жрецамъ, которые были хранителями семейныхъ обрядностей и обычаевъ, а также формъ и формулъ процесса. Изъ ихъ среды обыкновенно избирались судьи для разбора дѣла по существу.

Въ періодъ республики право суда (*jus dicere*) перешло къ консуламъ, а скоро затѣмъ къ коллегѣ ихъ, т. е. къ претору; по дѣламъ же полицейскимъ и торговымъ къ эдиламъ. Въ провинціяхъ судъ давался намѣстниками (*praesides provinciarum*) и иными магистратами, посылавшимися туда изъ Рима сенатомъ для суда и расправы. Въ муниципаліяхъ судъ отправляли коллективные органы—*quattuor viri* (*duo viri*) *jure dicundo*, вообще муниципальные магистраты. Наконецъ, въ періодъ принципата высшая судебная власть сосредоточилась въ лицѣ императора, который назначалъ преторовъ. При увеличившемся числѣ этихъ послѣднихъ, уже при Августѣ учреждены были двѣ апелляціонныя инстанціи: *praefectus urbis*, который принималъ жалобы на рѣшенія преторовъ (*extra ordinem*), и *praefectus praetorio*—на постановленія городскихъ магистратовъ.

Что касается процесса *in judicio*, то здѣсь судьи, разбиравшіе претензіи тяжущихся по существу, носили различныя наименованія—*judices, arbitri, recuperatores*. *Judices* и *arbitri* первоначально могли быть избираемы исключительно изъ сенаторовъ; позднѣе (съ Гракха) ими могли быть и всадники. Первоначально выборъ этихъ судей предоставлялся личному усмотрѣнію тяжущихся; позднѣе однако преторы стали составлять заранее списки такихъ присяжныхъ судей (*album judicum selectorum*), который выставлялся на форумъ; по нему тяжущіеся могли избрать себѣ посредниковъ. При Августѣ число судей, вносимыхъ въ списокъ, увеличилось до 4000; при немъ они избирались изъ всѣхъ гражданъ, у которыхъ цензъ не менѣе 200000 сестерцій. Они были раздѣлены на четыре декуріи, на основаніи имущественнаго ценза.

Исторія *рекуператоровъ* не ясна. Сначала они разбирали тяжбы римлянъ съ перегринами; при Цицеронѣ ихъ разсмотрѣнію подлежали

actiones injuriarum, interdicta de vi armata, споры о свободѣ и гражданствѣ; въ album judicum рекуператоры не вносились.

Въ провинціяхъ не было постоянного списка судей, а praeses выбиралъ рекуператоровъ на собраніи гражданъ (ex conventu civium). Функционировали recuperatores всегда въ числѣ нѣсколькихъ чело-вѣкъ (5—7).

Кромѣ магистратовъ и такихъ частныхъ судей существовали еще судебныя коллегіи, именно: 1) *decemviri litibus judicandis*, — кото-рые вѣдали процессы о свободѣ; 2) *Judices centumviri*, возникновеніе которыхъ связано съ реформой трибъ и центурій. Эта коллегія составлялась путемъ избранія по 5 чело-вѣкъ отъ каждой изъ 35 трибъ; позднѣе число центумвировъ возрасло до 180 чело-вѣкъ. Они подраздѣ-лялись на 3—4 трибунала, засѣдавшихъ каждый отдѣльно. *Judicium centumvirale* собирался подъ предѣдательствомъ претора и рѣшалъ главнымъ образомъ дѣла о наслѣдствѣ, завѣщаніяхъ и межевыя; Августъ слилъ децемвировъ съ этой коллегіей, сдѣлавъ ихъ предѣдателями центумвиральнаго суда. Этотъ судъ существовалъ до IV вѣка по Р. X. Хотя Юстиніанъ и говоритъ о *magnitudo et auctoritas centumviralis iudicii*, но при немъ онъ уже перешелъ въ область исторіи.

Раздѣленіе судебныхъ функцій между особыми органами прекра-тилось со времени Діоклетіана. Въ 294 г. этотъ императоръ соеди-нилъ производство *in jure* и *in iudicio* въ лицѣ одного чиновника судьи; онъ уничтожилъ *ordo iudiciorum privatorum* и предписалъ пра-вителямъ провинцій рѣшать неки по существу. Такимъ образомъ быв-шіе ранѣе *iudicia extraordinaria* стали теперь нормальными. вмѣсто прежнихъ присяжныхъ теперь стали часто назначаться *iudices pedanei*, получавшіе жалованье изъ казны, и на рѣшенія судей допускалась апел-ляція въ порядкѣ восходящихъ инстанцій. Наконецъ, при Константинѣ, была придана сила рѣшеніямъ епископскаго суда.

Время и мѣсто суда были точно опредѣлены. Процессъ *in jure* нельзя было совершать въ *dies nefasti* (50—60 дней въ году), когда грѣшно было произносить *verba solemnia*: — „do, dico, addico“, въ дни народныхъ собраній, въ *feriae*, т. е. во время страды — посѣва и жатвы хлѣбовъ. Позднѣе стали праздновать еще годовщины крупныхъ событій въ государствѣ и царскіе дни. Маркъ Аврелій упорядочилъ въ этомъ отношеніи календарь, установивъ 230 присутственныхъ дней (*dies fasti*) въ году. Для суда *in iudicio* праздники (*dies nefasti*) не имѣли значенія. Мѣстомъ суда *in jure* въ Римѣ былъ комиціумъ (рядомъ съ форумомъ), т. е. площадь между Капитоліемъ и Палатиномъ. Въ императорскій періодъ засѣданія стали устраивать въ базиликахъ и даже въ закрытыхъ помѣщеніяхъ, (*tabularia, auditoria*), осо-

бенно при *cognitio extra ordinem*. Производилось самое судопроизводство *in iure* при торжественной обстановкѣ; магистратъ, его *assesores* и свита (*lictiores, viatores*) размѣщались на возвышенномъ мѣстѣ (на подмосткахъ—*tribunal*), а стороны (и публика) помѣщались передъ ними *de plano*, откуда и обращались къ судьямъ. Правители въ провинціяхъ принимали участіе въ судопроизводствѣ не только въ мѣстѣ постоянного своего пребывания; они совершали періодически „полюдія“ (*conventus*), объѣзжали свою провинцію и судили на мѣстахъ.

Процессъ *in iudicio* совершался равнымъ образомъ публично, на форумѣ, причемъ время судоговоренія опредѣлялось съ восхода и до захода солнца.

Формы процесса.

Въ исторіи римскаго процесса наблюдается постепенная смѣна трехъ процессуальныхъ системъ: легисакціонной, формулярной и императорской (югниціонной). Ихъ мы и рассмотримъ.

Legis actiones.

Производство in iure.—Мы говорили уже, что въ древнѣйшей системѣ процесса, главнымъ образомъ въ цѣляхъ сакральныхъ, былъ установленъ цѣлый рядъ обрядовыхъ словъ и жестовъ, лишь при обязательномъ выполненіи которыхъ *in iure* дозволялось тяжущимся разрѣшить *in iudicio* свой споръ по существу. Возникшія на основѣ обычнаго ихъ примѣненія, формальности эти, конечно, измѣнились не разъ. Съ изданіемъ законовъ XII таблицъ установлено было, чтобы спеціальныя формулы, въ которыхъ истецъ излагалъ *in iure* содержаніе своего притязанія, были составлены такимъ образомъ, чтобы въ нихъ были буквально повторены слова той статьи изъ этихъ законовъ, на которой истецъ основывалъ свое притязаніе. Формулъ такихъ создано было юристами масса; имъ же (вѣроятно лишь много позднѣе) удалось, по общему характеру всего процессуальнаго обряда *in iure* установить нѣсколько видовъ, нѣсколько способовъ веденія дѣлъ въ процессѣ *in iure*. Свѣдѣнія относительно послѣднихъ, равно какъ описаніе самого порядка ихъ совершенія дошли до насъ въ 4-й книгѣ институцій Гая, открытой случайно Нибуромъ въ 1816 году. Здѣсь Гай различаетъ пять отдѣльных *legis actiones*: *per sacramentum, per manus injectionem, per pignoris capionem, per iudicis arbitrive postulationem, per con-dictionem.*

У насъ нѣтъ данныхъ для выясненія вопросовъ, когда сложились въ Римѣ эти отдѣльныя *leges actiones*; только *l. a. per condictionem* несомнѣнно позднѣйшаго происхожденія. Можно только догадываться изъ отдѣльныхъ фразъ и намековъ Гая, равно какъ изъ особенностей отдѣльныхъ формъ *lege agendi*, что Гай излагаетъ здѣсь эти способы, возникшіе въ разное время, либо даже въ разные вѣка и разновременно примѣнявшіеся на практикѣ.

Изъ нихъ несомнѣнно наиболѣе давняго происхожденія являются: *actio generalis* Гая—именно *l. a. sacramento*, а равно *l. a. per manus injectionem*, и *l. a. per pignoris capionem*—въ ихъ основныхъ чертахъ, уже позднѣе развившихся и дополненныхъ на практикѣ. Слѣдуетъ помнить въ этомъ отношеніи, что *legis actiones* были *господствующимъ* способомъ веденія гражданскихъ исковъ до Августа, но примѣнялись и позднѣе.

Порядокъ производства in iure. Основными правилами древняго процесса были: обязанность каждаго непременно лично вести процессъ и наличность на судоговореніи обѣихъ сторонъ. Первоначально (въ легисакціонномъ процессѣ) не допускалось представительства на судѣ въ томъ смыслѣ, какъ въ наше время (повѣренный по судебнымъ дѣламъ). Равнымъ образомъ необходимо требовалась наличность обѣихъ тяжущихся сторонъ на судѣ. Самый порядокъ *вызова на судъ* отвѣтчика, установленный законами XII таблицъ, выработанъ былъ опять таки по соображенію съ господствующей въ римскомъ древнемъ процессѣ идеей самопомощи. Государство не вмѣшивается въ дѣло вызова отвѣтчика, предоставляя это всецѣло истцу. Съ этою цѣлью установлены были въ законахъ XII таблицъ особыя правила о порядкѣ вызова на судъ, которыми вообще признано обязательнымъ для гражданъ повиноваться немедленно призыву истца, совершенному *in publico loco*, подъ угрозой иначе быть приведеннымъ насильно на судъ къ магистрату. Если же вызываемый не могъ немедленно отправиться, то, съ согласія истца, онъ доставлялъ поручителей (*vades*), въ томъ, что своевременно придетъ на судъ къ условленному сроку.

Есть полное основаніе предполагать, что *in iure* послѣ явки передъ магистратомъ обѣихъ тяжущихся дѣло сперва переживало подготовительную, неформальную стадію въ своемъ развитіи. Магистратъ сперва освѣдомлялся, кто ведетъ дѣло, о чемъ и подсудно ли оно ему. Послѣ ознакомленія съ претензіями тяжущихся магистратъ указывалъ сторонамъ въ какой формѣ (легисакціонной) должны тяжущіеся начать свою тяжбу, и лишь потомъ стороны приступали къ выполненію обрядового процесса *in iure*.

1) *Legis actio sacramenti*. Этотъ способъ веденія тяжбы *in jure* Гай называетъ *actio generalis*, т. е. что она находила примѣненіе при всѣхъ *legis (legitimae) actiones*, для которыхъ не было предписано особаго производства, какое имѣло мѣсто лишь при нѣкоторыхъ искахъ вытекающихъ изъ долговыхъ требованій. Название свое эта *legis actio* получила отъ того, что при ней тяжущіяся стороны взаимно приглашали другъ друга къ заключенію пари, (*sacramentum*), сумма котораго терилась для стороны, проигравшей дѣло и поступала въ распоряженіе понтифовъ. Судья въ процессѣ *in judicio* при этомъ давалъ отвѣтъ не по содержанию иска, а рѣшалъ, основываясь на спорѣ сторонъ, *utrius sacramentum justum sit*, т. е. кто выигралъ споръ, доказавъ, что его притязанія основательны. Самая сумма пари опредѣлена была закономъ для исковъ до 1000 ассовъ и о свободѣ лица—въ 50 ассовъ, а для исковъ выше 1000 ассовъ—въ 500 ассовъ.

Legis actio sacramenti была двухъ видовъ а) для исковъ о долгахъ (*in personam*) и б) о вещи (I. а. *sacramenti in rem*), причемъ самое судоустройство совершалось въ обоихъ случаяхъ различно. Относительно I. а. *sacramenti in personam* до насъ не дошло свѣдѣній, въ виду пробѣла въ институціяхъ Гая (IV § 15), гдѣ говорится объ этомъ искѣ. Мы знаемъ только, что по окончаніи *legis actio* стороны первоначально немедленно избирали судью или получали его по назначенію отъ магистрата; позднѣе по *lex Pinaria* это было измѣнено въ томъ смыслѣ, что судью стали назначать черезъ 30 дней; онъ приступалъ къ разбирательству дѣла на третій день послѣ своего избранія.

Legis actio sacramenti in rem подробно описано Гаемъ (IV §§ 16—17). Начиная тяжбу, стороны являлись къ магистрату, принося или приводя съ собою спорный предметъ (движимость). Здѣсь они *in jure* излагали предметъ своего спора, совершали символическія тѣлодвиженія, произносили обрядовыя слова и т. д.; все это имѣло видъ рукопашной схватки (такой „самопомощью“ это первоначально и было на самомъ дѣлѣ), отчего эти дѣйствія и назывались технически—*manus conserere*. Именно, передъ магистратомъ истецъ, прикасаясь къ спорной вещи палочкой или соломинкой (*vindicta* символъ копья, которымъ означалось представленіе о квинтской собственности) говорилъ обрядовыя слова:— „*Nunc ego hominem (если предметъ спора—рабъ) ex jure quiritium meum esse ajo, secundum suam causam (т. е. согласно правовому положенію вещей) sicut dixi (т. е. какъ собственникъ) esse tibi, (dativus ethicus: относительно вещи), vindictam imposui*“. Если отвѣтчикъ не возражалъ, или соглашался съ претензіей истца (*in jure confessio*), тогда дѣло кончалось по *addictio*—присудомъ вещи магистратомъ истцу.

Если же, напротив, отвѣтчикъ оспаривалъ претензію истца, то повторялъ тѣ же слова и совершалъ тѣ же дѣйствія, что и истецъ. Поэтому вступался преторъ и „разнималъ“ спорящихъ, приказывая имъ— „Mittite ambo hominem“. Послѣ того, какъ такимъ образомъ manus consertio была прекращена, истецъ снова говорилъ по адресу отвѣтчика *verba solemnia*: — „Postulo, anne dicas, qua ex causa vindicaveris“, т. е. требовалъ объяснить, на какомъ титулѣ (юридич. основаніи) противникъ предъявилъ свое притязаніе на спорную вещь. Отвѣтчикъ на это могъ сказать— „*jus peregi, sicut vindictam imposui*“, т. е. что онъ осуществилъ свое право собственника на вещь, и это выразилъ прикосновеніемъ палочки (соломинки) къ вещи; или же онъ могъ ввести третье лицо въ процессъ, „свести“ на него отвѣтственность по иску (*actio auctoritatis, auctoris nominatio*). Въ свою очередь отвѣтчикъ, принявшій на себя отвѣтственность по иску, обращался съ такимъ же вопросомъ къ противнику. Далѣе спорящіе предлагали взаимно держать пари, съ уплатою его тѣмъ, кто окажется возбудившимъ дѣло *in jurgia*, безъ достаточнаго на то основанія. Съ этою цѣлью истецъ заявлялъ отвѣтчику— „*Quando tu injuria vindicavisti, sacramento L. aeris te provoco*“. Отвѣтчикъ принималъ пари и обращался съ такою же провокаціей къ противнику, говоря— „*similiter et ego te*“. Первоначально требовалось, чтобы спорящіе тутъ же вносили всю сумму пари въ казну понтифовъ; откуда выигравшій получалъ свое пари обратно; но такъ какъ это было очень обременительно, то вскорѣ по *lex Pinaria* лицо, не желавшее немедленно внести *sacramentum*, могло представить за себя поручителей въ уплатѣ имъ суммы пари при проигрышѣ дѣла, или дать обезпеченіе имуществомъ (*cautio praedibus praediisque*).

Затѣмъ магистратъ опредѣлялъ, у которой изъ тяжущихся сторонъ должна остаться спорная вещь до конца процесса: *vindicias dicere*; этотъ временный владѣлецъ долженъ быть представить особыхъ поручителей (*praedes litis et vindiciarum*), которые отвѣчали, если временный владѣлецъ, проигравъ искъ, не возвращалъ противнику вещи со всею ея плодами и доходами. Въ случаѣ, когда ни одна изъ сторонъ такихъ *praedes litis et vindiciarum* не давала или дающій былъ *persona suspecta*, т. е. было опасеніе, что онъ спорную вещь можетъ испортить или уничтожить, предметъ спора сдавался на храненіе на время иска третьему надежному лицу съ тѣмъ, чтобы онъ выдалъ вещь эту побѣдителю въ процессѣ (*секвестрація*).

Заключительнымъ актомъ производства *in jure* была *litis contestatio*; преторъ въ присутствіи свидѣтелей спрашивалъ тяжущихся, согласны-ли они отдать дѣло на разрѣшеніе выборнымъ судьямъ, по тѣмъ даннымъ, которыя констатированы *in jure*. Если стороны соглаша-

лись, они должны были выбрать себѣ для рѣшенія спора по существу третейскаго судью; въ случаѣ же разногласія ихъ о томъ, кого выбрать судьей, послѣдній назначался магистратомъ.

Если предметомъ тяжбы была недвижимость или стадо, то на судъ къ магистрату приносили *pars pro toto*: глыбу земли, животное изъ стада, черепицу и т. д. и надъ ними продѣлывали указанную выше процедуру.

2) *Legis actio per iudicis arbitrive postulationem*. Точныя свѣдѣнія объ этой *legis actio* ограничиваются одной лишь формулой, въ которую стороны облекали передъ магистратомъ свои требованія о назначеніи имъ третейскаго судьи: „*Te praetor iudicem arbitrumve postulo uti des*“. О случаяхъ примѣненія этого иска — масса гипотезъ среди ученыхъ. Болѣе вѣроятно предположеніе, что примѣнялась эта *legis actio* въ случаяхъ споровъ по невыясненнымъ и сложнымъ отношеніямъ, когда надо было *создавать* права для сторонъ (*judicia divisoria*;—*familiae erescundae, finium regundorum, communi dividundo*).

3) *Legis actio per pignoris capionem*. *Pignoris capio* была прерогативой магистратовъ *maiores*, являясь мѣрой, примѣнявшейся ими въ цѣляхъ добиться повиновенія своимъ предписаніямъ со стороны непокорныхъ. И какъ *legis actio* она, по исключенію, примѣнялась тоже самое въ отношеніяхъ скорѣе публично-правнаго характера. 1) Давалась эта *legis actio* солдатамъ для полученія ими солдатскаго жалованья (*aes militare, aes equestre, aes hordearium*) съ лицъ, которыя были къ тому обязаны; 2) Такимъ способомъ предоставлялось взыскивать деньги за животныхъ, купленныхъ съ цѣлью принести ихъ въ жертву или сданныхъ въ пользованіе, чтобы вырученныя деньги обратить на принесеніе жертвъ богамъ; 3) Тотъ же способъ взысканія предоставлялся былъ публиканамъ (откупщикамъ казенныхъ налоговъ) противъ недонщиковъ.

Совершалась *legis actio* эта вѣдъ суда, путемъ произнесенія *verba solemnia* и захвата при этомъ въ обладаніе истца отдѣльныхъ предметовъ изъ имущества должника. Однако продавать захваченнаго не дозволялось, равно какъ и уничтожать. Такимъ образомъ первоначально вся цѣль производства состояла въ отнятіи вещи у владѣльца и храненія у себя до истеченія давности или пока долгъ не будетъ уплаченъ. Только уплативъ требуемую сумму, собственникъ *pignoris* могъ искать выдачи его отъ захватчика.

Legis actio per manus injectionem. Первоначально этотъ искъ примѣнялся противъ *judicatus'a* и противъ *in jure confessus'a*; подъ первымъ терминомъ разумѣли лицо, проигравшее дѣло на судѣ, съ.

котораго уже присуждена опредѣленная сумма въ пользу противника, а равно должника по строго формальному заемному обязательству древняго римскаго права—*nexum* (кабала)—и наконецъ, на котораго наслѣдодатель возложил *legatum per damnationem*. *In jure confessus*—это отвѣтчикъ, признавшій *in jure* справедливость требованій истца. Эти случаи примѣненія *manus injectio* все носили общее наименованіе—*m. i. judicati*.

Самый порядокъ производства этой *legis actio* состоялъ въ томъ, что должнику давалось 30 дней для уплаты долга. Если по истеченіи этого срока взыскатель не получалъ удовлетворенія, онъ велъ неисправнаго должника къ магистрату (претору) и передъ послѣднимъ въ процессѣ *in jure* путемъ обрядовыхъ словъ объявлялъ сумму своей претензіи, ея юридическое основаніе и фактъ неплатежа ¹⁾.

Если отвѣтчикъ немедленно не уплачивалъ, то присуждался магистратомъ „головой до искупу“, въ кабалу взыскателю; пикальихъ при этомъ споровъ или возраженій уже со стороны должника не допускалось; только третье лицо могло еще заступиться за него (*vindex*) и начать оспаривать справедливость заявленій взыскателя, но уже на личный свой страхъ и рискъ (*pro se agere*).

Должникъ, присужденный (*addictio*) магистратомъ въ личное распоряженіе кредитора, уводился послѣднимъ домой и заключался въ оковы, въ которыхъ въ теченіи 60 дней три раза выводился на рынокъ; здѣсь взыскатель возглашалъ сумму долга и приглашалъ желающихъ изъ общества уплатить долгъ за неисправнаго должника. Если никто за него долга не уплачивалъ, то должникъ поступалъ въ безконтрольное распоряженіе взыскателя, который могъ продать его въ рабство (*trans Tiberim*), даже убить его (за „обиду“, что не уплатилъ долга и тѣмъ нарушилъ *fides*). Если же кредиторовъ было нѣсколько, законъ XII таблицъ предоставлялъ имъ даже „*in partes secare*“ неисправнаго, добавляя при этомъ, что „*si plus minusve secuerunt, se fraude esto*“.

Съ теченіемъ времени эта *legis actio* была въ примѣненіи своемъ распространена на нѣкоторые другіе случаи, когда впрочемъ отвѣтчикъ въ процессѣ самомъ могъ „*manum depellere et pro se agere*“ (по *lex Vallia*, неизвѣстнаго времени), т.-е. могъ уже самъ оспаривать справедливость претензій истца (*manus injectio pura*). Именно по *lex Publilia* искъ такой давался поручителю (*sponsor*), требующему регресса съ главнаго должника, и по *lex Furia de sponsu*—ему же въ излишне уплаченномъ кредитору.

¹⁾ См. у *Гая* IV, 21 приведенную формулу—*«Quod tu mihi judicatus (damnatus) es sestertium X milia, quandoc non solvisti, ob eam rem ego tibi sester. X milium judicati (damnati) manum injicio»*.

Lex Poetelia (441 г.) совсѣмъ отмѣнила суровыя послѣдствія manus injectio, которая сдѣлалась простымъ арестомъ по рѣшенію претора, причемъ самыя взяткія стали уже обращать не на личность, а на имущество отвѣтчика.

Legis actio per condictionem. Эта форма легисакціоннаго производства, введенная въ дѣлахъ упрощенія производства in iure, появилась уже много позднѣе; именно введена она была двумя законами—по lex Silia, получивъ примѣненіе для исковъ объ опредѣленной суммѣ денегъ (de certa pecunia), и по lex Calpurnia для исковъ о другихъ certae res (около 2 в. до Р. X.). Название свое эта legis actio получила отъ формальнаго уговора (condicere т. е. denuntiare) тяжущихся между собою. Стороны являлись передъ магистратомъ и здѣсь формулировали свои требованія и возраженія—„Ajo, te mihi C dare oportere“—заявлялъ истецъ (ex lege Silia);—„Nego tibi C dare oportere“—отвѣчалъ ему противникъ. Слова эти „dare oportere“ обязательно употреблялись. При этомъ не указывалось правовое основаніе для иска (ex iure quiritium—какъ въ процессѣ per sacramentum). Вызовъ на пари (sacramentum) всегда опредѣленнаго размѣра, поступавшее съ проигравшаго искъ въ казну понтифовъ, замѣнялся здѣсь заключеніемъ sponsio и restipulatio tertiae partis. Такимъ образомъ проигравшій искъ обязывался уплатить побѣдителю, а не въ казну, еще третью часть съ суммы иска. Послѣ sponsio и restipulatio стороны немедленно же совершали взаимный уговоръ (condictio) явиться черезъ 30 дней къ магистрату для полученія сужья.

Помимо упрощеній въ формальной сторонѣ производства in iure, l. a. per condictionem расширила область примѣненія процессуальной защиты; истецъ говорилъ на судѣ „dare oportere“, указывая на содержаніе своей претензіи, однако не указывалъ титула, юридическаго основанія; поэтому явилась теперь возможность охранять этимъ искомъ нѣкоторыя и вновь возникшія договорныя, напр., правоотношенія, не предусмотрѣнныя закономъ XII таблицъ.

Процессъ in iure заканчивался путемъ *Litiscontestatio* т. е. торжественнымъ подтвержденіемъ передъ свидѣтелями факта возникновенія судебного спора между сторонами, вѣроятно, съ просьбой вмѣстѣ съ тѣмъ засвидѣтельствовать и in iudicio передъ судьей содержаніе притязаній спорящихъ, какъ они были ими выражены in iure. Это названіе *litiscontestatio* удержалось и впоследствии, когда привлеченіе свидѣтелей уже перестало быть необходимымъ. Съ момента совершенія *litiscontestatio* дѣло почиталось „заслушаннымъ“—*res in iudicium deducta*; послѣ чего недозволялось уже вновь искаться по тому же дѣлу (*bis de eadem re ne sit actio*). Слѣдуетъ замѣтить, что не всякая *legis*

actio вела непременно къ *litiscontestatio*; если противникъ не возбуждалъ спора по дѣлу, а признавалъ *in jure* претензій истца правильными или *vindex* не вступалъ въ искъ (при *manus injectio*), тогда дѣло кончалось безъ *litiscontestatio*, такъ какъ въ этихъ случаяхъ не было и самого спора (*lis*). До *litiscontestatio* процессъ доходилъ лишь въ томъ случаѣ, когда противникъ оспаривалъ претензій истца, такъ какъ въ этомъ лишь случаѣ возникала тяжба *lis*, разрѣшеніе которой происходило уже во второй стадіи процесса—*in judicio*.

Во второй стадіи процесса (*judicium*) избранный сторонами третьей судья (*judex*, *arbiter* или коллегія) долженъ былъ разобрать по существу споръ сторонъ и поставить рѣшеніе. Самое производство *in judicio* не было обставлено формальностями. Начиналось оно съ *causae coniectio*: спорящіе въ формѣ разсказа (подъ контролемъ свидѣтелей) излагали судѣ свои дѣйствія передъ магистратомъ. Послѣ этого изложенія начиналась *peroratio*: стороны подробно излагали свои требованія и возраженія, стараясь, подкрѣпить приведенные факты доказательствами. Такими средствами доказыванія были: а) свидѣтели. Каждый гражданинъ долженъ былъ повиноваться приглашенію сторонъ быть свидѣтелемъ по ихъ дѣлу; за ложное свидѣтельство грозила *infamia*. Вызовъ свидѣтелей, уклонившихся отъ явки въ судъ, совершался путемъ особаго акта—*obvagalatio*; именно въ теченіи трехъ дней кричали передъ дверью дома, гдѣ жилъ свидѣтель, вызывая его на судъ; если онъ и послѣ этого не слушался, то считался *improbis intestabilisque*.

Другими средствами доказыванія были: б) документы, значеніе которыхъ въ процессѣ все болѣе увеличивается по мѣрѣ развитія грамотности въ народѣ; в) присяга какъ способъ доказыванія была двухъ видовъ: подтвердительная (*juramentum assertorium*) т.-е. какъ и нынѣ въ процессѣ, и присяга очистительная (*juramentum purgatorium*), когда дѣло рѣшалось возложеніемъ на одну изъ сторонъ обязанности присягнуть, что ея заявленія правильныя.

На судъ стороны приводили знатоковъ юристовъ, для полученія отъ нихъ совѣтовъ, и адвокатовъ для произнесенія рѣчей. Судья, рѣшая дѣло, не давалъ мотивовъ, почему онъ рѣшилъ такъ, а не иначе. Его рѣшеніе (*sententia*) было окончательнымъ и на него не допускалось ни апелляціи, ни кассациі (*res judicata*). Интересная подробность: по традиціи, оберегая начало *самопомощи* римскаго гражданина, въ процессѣ *per sacramentum* судья долженъ былъ не давать отвѣта по существу дѣла, а лишь рѣшить, кто изъ тяжущихся выигралъ пари; выигравшій пари, очевидно признавался и выигравшимъ дѣло. Требованія свои на судѣ стороны должны были формулировать непременно точно;

за plus minusve petitio грозилъ проигрышъ иска. Неявка на судъ одной изъ сторонъ влекла для нея проигрышъ дѣла; если судья не шелъ на судъ въ назначенный для того день, онъ становился, взамѣнъ отвѣтчика, отвѣчающимъ въ полномъ размѣрѣ претензій истца (iudex litem suam fecit).

Формулярный процессъ.

Уже при самомъ поверхностномъ разсмотрѣннн легисакціоннаго судопроизводства легко отмѣтить главную его особенность—формализмъ, который охватывалъ собою все въ этой первичной по времени формѣ римскаго процесса. Малѣйшая погрѣшность въ немъ противъ формы могла повлечь за собою проигрышъ дѣла. Кромѣ того, формы этого процесса были принаровлены къ словамъ закона, почему оказывались совершенно непригодными для защиты правоотношеній, въ законахъ не предусмотрѣнныхъ. Въ дѣлахъ облегченія формализма была установлена l. a. per condictionem, но она помогла только до извѣстной степени. Между тѣмъ жизненные отношенія, благодаря колоссально развѣвающимся экономическимъ условіямъ жизни, уже со середины республики все болѣе настоятельно выдвигали, съ одной стороны, потребность въ судѣ скоромъ и неформальномъ, а съ другой—необходимость созданія процессуальной защиты отношеній, не предусмотрѣнныхъ гражданскимъ правомъ, а выдвинутыхъ самою жизнью націи. Реформа процесса въ этомъ отношеніи была создана преторами путемъ введенія судопроизводства per formulas.

Формулярный процессъ, надо думать, уже давно существовалъ у praetor'a peregrinus, который, имѣя дѣло съ чужеземцами (peregrini), не могъ примѣнять въ отношеніи къ нимъ нормъ гражданского права, а равно давать въ защиту имъ legis actiones, оныя таки имѣвшихъ мѣсто тамъ лишь, гдѣ есть подходящая ad hoc норма права римскаго, недоступнаго перегриямъ. Въ дѣлахъ реформы было необходимо дать примѣненіе формулярному процессу и для гражданъ, относительно такихъ исковъ, которые какъ истекали, такъ и не истекали ex lege (XII tabularum). Эта реформа въ процессѣ, согласно указаніямъ Гая (IV § 30), была выполнена закономъ Эбуція (Aebutia), вѣроятно изданномъ около половины 2-го вѣка до Р. Хр., и двумя законами Juliae (Августа, не Цезаря). Какъ предполагаетъ Wlassak, по lex Aebutia было введено формулярное производство, рядомъ съ legis actiones,

как новая форма процесса, не отменяя прежних. По законам же Юлія легисакціонное производство стало допустимымъ только за *damnum infectum* и по такимъ дѣламъ, которыя вѣдались центумвирами (гл. обр. дѣла о наследствѣ); во всѣхъ остальныхъ случаяхъ оно было отменено и замѣнено производствомъ формулярнымъ (только еще l. a. примѣнялись при добровольной юрисдикціи:—*manumissio vindicta in jure cessio* и др.).

Отличіе формулярнаго производства отъ *legis actiones* заключалось въ томъ прежде всего, что при послѣднихъ центръ тяжести процедуры *in jure* падалъ на сопровождавшіеся обрядовыми дѣйствіями устные формальныя изрѣченія (*verba solemnia*) сторонъ; здѣсь же, напротивъ,—на изготовляемую преторомъ письменную формулу. Въ то время какъ при *legis actiones* судья долженъ былъ уделить себѣ свою задачу на основаніи *verba solemnia* и торжественныхъ обрядовыхъ дѣйствій, примѣненныхъ въ данномъ случаѣ сторонами, онъ заимствовалъ ее въ формулярномъ процессѣ изъ содержанія письменной формулы. Въ этой послѣдней заключалось возложеніе на него магистратомъ судейскихъ правъ и обязанностей (*judex esto*) для данного случая и ознакомленіе его, въ формѣ приказа, съ задачей. Формула, какъ основа новаго процесса, была инструкціей, письменнымъ руководствомъ отъ претора судѣ, котораго послѣдній долженъ былъ держаться при разборѣ дѣла. При этомъ, основываясь на своемъ *imperium*'ѣ, магистратъ (преторъ), разбирая дѣло ихъ, могъ предписать судѣ руководствоваться такими правилами, которыхъ не знало писанное право, которыя не стояли въ законѣ, даже противъ закона, а могъ и *denegare actionem*, отказать истцу дать формулу, въ случаѣ неосновательности требованія. Первоначально такая формула давалась специально на каждый конкретный случай. Стремленіе ускорить и упростить процедуру научило преторовъ давать въ эдиктѣ на чаще всего встрѣчавшіеся случаи бланкетныя письменныхъ формулъ, которыхъ онъ намѣревался придерживаться въ теченіе года своей службы. Число этихъ бланкетныхъ формулъ все болѣе увеличивалось въ *edictum tralaticium*. Если требованіе тяжущихся основывалась на *jus civile*, то въ эдиктѣ помѣщалась только исковая формула, ибо правила *juris civilis* могли быть извѣстны тяжущимися иными путями. Въмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря тому, что магистратъ имѣлъ право самъ составлять исковыя формулы, онъ сталъ пополнять свой годовой эдиктъ бланкетами формулъ по *новымъ* правоотношеніямъ, не предусмотрѣннымъ по *jus civile*, сообразуясь съ потребностями гражданскаго оборота.

Вмѣстѣ съ тѣмъ формула придавала другой характеръ процессу *in jure*. При *legis actiones* дѣйствовали стороны, а магистратъ только

слѣдилъ за вѣрностью произнесенія ими обрядовыхъ словъ и точностью выполненія обрядовыхъ дѣйствій; въ формулярномъ же процесѣ онъ самъ рѣшалъ, что должно внести въ эту инструкцію судья, указывая послѣднему самъ, что тотъ долженъ разобрать.

На судъ *in jure* чаще всего стороны шли теперь, обыкновенно каждая уже заготовивъ выгодную для себя подходящую формулу по бланкетамъ изъ эдикта даннаго магистрата; послѣдній разбирался въ этихъ заготовленныхъ проэктахъ, причемъ или соглашался съ которою либо изъ двухъ, или составлялъ свою; онъ могъ даже *denegare actionem*, на что при *legis actiones* онъ не имѣлъ права. Такимъ образомъ теперь искъ явился не простымъ осуществленіемъ или защитой правъ, но творцомъ и основаніемъ для права. Разъ преторомъ было отказано въ искѣ, и въ рукахъ просителя не оказывалось ничего, не оставалось даже *nudum jus*, ибо долгое время совершенно не признавали возможности существованія правоотношенія внѣ иска. Самая формула позднѣе давалась какъ условный приказъ отъ претора судья произнести приговоръ въ пользу истца или отвѣтчика, смотря по тому, чьи претензіи послѣ фактической проверки ихъ *in judicio*, окажутся правильными (*si paret...*).

Составныя части формуль.

Постепенно въ каждой формулѣ стали выявляться главныя (необходимыя) части и части второстепенныя, которыя имѣли въ основныхъ бланкетахъ формуль привходящее значеніе, т. е. частью могли и отсутствовать.

Главныя части формуль суть *intentio* и *condemnatio*. Возьмемъ для примѣра здѣсь бланкету формулы *actio certae creditae pecuniae* „Judex esto, a) si paret Numerium Negidium (условное наименованіе отвѣтчика отъ—negare) Aulo Agerio (условное наименованіе истца отъ—agere) sestertium X milia dare oportere, b) judex Nm Nm Ao Ao sestertium X milia condemna, si non paret absolve“.

Или еще *formula petitoria (rei vindicatio)*: „Judex esto. a) Si paret fundum Cornelianum ex jure Quiritium Auli Agerii esse, b) neque ea res arbitrato tuo Aulo Agerio restitueretur, c) quanti ea res erit, tantam pecuniam, judex, Numerium Negidium Aulo Agerio condemna, si non paret, absolve“.

Въ этихъ примѣрахъ первыя части формуль (sub a) называются *intentio*, вторыя же (въ 1-й формулѣ b и во второй c) носятъ наиме-

пованіе *condemnatio*. По опредѣленію Гая (IV, 41) интенціей называется та часть формулы, въ которой истецъ излагаетъ свою просьбу („Intentio est ea pars formulae qua actor desiderium suum concludit“), точнѣе говоря, та часть формулы, гдѣ излагается право, приписываемое себѣ петцомъ, или тотъ фактъ, на основаніи котораго истецъ требуетъ осужденія отвѣтчика. Оказывается ли содержаніе интенціи отвѣчающимъ дѣйствительному положенію вещей—обсудить и рѣшить это долженъ судья въ своемъ разборѣ дѣла *in iudicio*¹⁾.

Condemnatio по выраженію Гая, та часть формулы, основываясь на которой судья получаетъ право обвинить или освободить²⁾,—это условный приказъ осудить отвѣтчика, если на судѣ подтвердятся справедливость притязаній петца, изложенныхъ въ первой части формулы. Эту составную часть формулы (*condemnatio*) не слѣдуетъ смѣшивать съ *осужденіемъ*, подлежащимъ еще произнесенію со стороны судьи позднѣе въ силу *sententia iudicis*. Осужденіе является лишь *исполненіемъ* приказа формулы осудить (исполненіемъ *condemnatio*); этотъ приказъ магистра одинъ только и даетъ обязательную силу приговору судьи по дѣлу.

Судебное рѣшеніе въ формулярномъ процессѣ содержаніемъ своимъ имѣло всегда денежную сумму, которая, въ ея размѣрѣ, могла быть опредѣлена уже въ *condemnatio* формулы (*condemnatio certa*), или могла быть и не означена съ точностью, причемъ размѣръ ея представлялся опредѣленію судьи по выясненію дѣла — „*quanti ea res erit*“ (*condemnatio incerta*). особый видъ *condemnatio incertae* составляла *condemnatio cum taxatione*. Здѣсь преторъ въ выдаваемой формулѣ опредѣлялъ судѣ въ кондемнаціи максимальный предѣлъ „присуда“, (напр.,

¹⁾ Примѣры интенціи. содержащемъ своимъ основаніемъ на *jus civile* см. вышеприведенныя бланкеты формулъ; примѣръ *intentio in factum*—для защиты отношеній, неизвѣстныхъ цивильному праву, по защищенныхъ въ преторскомъ эдиктѣ: — „*Recuperatores sunt. Si paret illum patronum ab illo liberto contra edictum illius praetoris in jus vocatum esse, recuperatores illum libertum illi patrono sestertium X milia condemnate, si non paret, absolvite*“.

Кромѣ интенціи *in jus et in factum* conceptae различали еще интенціи *certaine* и *incertae*, смотря по тому, что составляло содержаніе иска—*certa res, certa pecunia*, или же исполненіе извѣстнаго *дѣйствія*, (т. е. при обязательствахъ *faciendi*)—при этомъ *intentio certa* начиналась словами—*si paret* (см. выше примѣръ *actio certae creditae pecunae*). *Intentio incerta* начиналась словами *quidquid*; напримѣръ: — „*Judex esto. Quod Aulus Agerius apud Numerium Negidium mensam argenteam deposuit, qua de re agitur, quidquid ob eam rem Nm Nm Ao Ao dare facere oportet ex fide bona, ejus judex Nm Nm Ao Ao condemna, nisi restituet, si non paret, absolve*“. Непечатанное здѣсь куренное и является *intentio incerta*.

²⁾ „*Condemnatio est ea pars formulae, qua iudici condemnandi absolvendique potestas permittitur*“.

въ *actio injuriarum*: — „*judex Nm Nm dumtaxat sestertium X milia condemna, si non paret, absolvet*“). Но во всякомъ случаѣ, какъ бы ни была составлена *condemnatio*, самый приговоръ свой судья долженъ былъ давать въ *опредѣленной* денежной суммѣ.

Этотъ порядокъ, очевидно, представлялся очень неудобнымъ при искахъ о выдачѣ извѣстныхъ вещей или объ исполненіи работы, вообще гдѣ содержаніемъ являлись предоставленія (*praestationes*) другого рода, не уплата денегъ; при *condemnatio pecuniaria* въ такихъ искахъ истецъ получалъ не то, чего онъ домогался, а лишь денежный эквивалентъ, взаимнѣ содержанія иска (*quanti ea res erit*). Не желая нарушать основного правила, что *condemnatio* всегда должна быть выражена въ денежной суммѣ, преторы при искахъ о выдачѣ и предъявленіи вещей (*actiones restitutoriae et exhibitoriae*) дѣлали въ формулу ихъ *вставку* передъ *condemnatio*: — „*nisi arbitrato tuo restituat*“ (*arbitrium de restituendo*). Въ силу такой добавки въ формулѣ, судья, рѣшая дѣло въ интересахъ истца, не долженъ былъ немедленно переходить къ приговору, выраженному въ деньгахъ, но устанавливалъ сперва отвѣтчику срокъ для выполнения *in natura* притязанія истца; иначе отвѣтчикъ, по истеченіи этого срока, присуждался судьей по *arbitrium litis aestimandae* къ суммѣ, размѣръ которой истецъ указывалъ подъ присягой; въ расчетъ послѣдней могло входить и *pretium affectionis*. Такимъ образомъ, въ силу такой *actio arbitraria* отвѣтчику являлось болѣе выгоднымъ выдать, напр., объектъ спора *in natura*, чѣмъ платить взаимнѣ него иногда весьма крупную сумму денегъ, далеко превышающую рыночную стоимость спорной вещи.

Изъ составныхъ частей формулы, кромѣ *intentio*, *condemnatio* и *arbitrium de restituendo vel exhibendo*, слѣдуетъ указать еще *demonstratio* и *adjudicatio*.

Demonstratio по Гаю—это та часть формулы, въ которой подробно излагается содержаніе претензіи истца.— („*Demonstratio est ea pars formulae, quae ideo inseritur, ut demonstraretur res de qua agitur*“); въ ней содержится *названіе* того обязательства гражданского права, изъ котораго возникаетъ данная претензія истца. Эта часть формулы встрѣчается только въ обязательственныхъ искахъ гражданского права, съ *intentio incerta* ¹⁾.

Adjudicatio по Гаю та часть формулы, которой дозволяется судья присудить вещь кому-либо изъ спорящихъ („*ea pars formulae, qua*

¹⁾ Примѣръ *demonstratio* „*Quod Aulus As apud Nm Nm hominem deposuit qua de re agitur, quidquid ob eam rem Nm Nm Ao Ao dare facere oportet ex fide bona, ejus judex Nm Nm Ao Ao condemnato, si non paret, absolvito*“.

permittitur judici rem alicui ex litigatoribus adjudicare“). Эта часть формулы имѣла примѣненіе только въ искахъ о раздѣлѣ общаго имущества (judicia divisoria), т. е. при а. communi dividundo (иски о раздѣлѣ общей собственности), а finium regundorum (о размежеваніи общаго имѣнія) и а. familiae erciscundae (о раздѣлѣ наслѣдства). Во всѣхъ этихъ случаяхъ судья давалось право присуждать сторонамъ и создавать для нихъ *новыя* права, ранѣе у нихъ не имѣвшіяся („quantum adjudicari oportet, iudex Titio adjudicato“).

Изъ разсмотрѣнныхъ частей формулы, condemnatio была обыкновенно во всѣхъ формулахъ; были однако случаи составленія послѣднихъ и безъ condemnatio, съ одной intentio. Это имѣло мѣсто, когда лицо обращалось къ претору съ ходатайствомъ о признаніи за нимъ, просителемъ, извѣстнаго права, которое однако еще никѣмъ не нарушено, именно въ цѣляхъ предупрежденія самой возможности оспариванія этихъ правъ въ будущемъ, (напр., просьба удостовѣрить, что проситель есть законный сынъ лица X, или что проситель homo liber, а не рабъ (*formulae praejudiciales*)).

Exceptiones. Приведенныя части формулы служили для изложенія и выраженія притязаній истца противъ отвѣтчика. Было и для послѣдняго средство защиты противъ истца посредствомъ добавленія въ формулы особой прибавки, въ которой излагались замѣчанія отвѣтчика выставленныя имъ въ защиту противъ представленныхъ претензій истца. Въ этомъ отношеніи отвѣтчикъ могъ: а) *denegare actionem*, т. е. отрицать право или фактъ, указанные въ содержаніи интенціи. Эта защита отвѣтчика отмѣчалась въ формулѣ выраженіемъ—, „si non paret, absolve“; б) отвѣтчикъ могъ не *denegare actionem*, но противопоставить требованіямъ истца ссылку на такіе факты, или вообще на такое обстоятельство, при существованіи которыхъ присужденіе нека отвѣтчику было бы несправедливымъ. Въ видѣ примѣра, укажемъ на случаи, когда на требованіе истца отвѣтчикъ ссылается на состоявшееся между ними соглашеніе о прекращеніи обязательства или о томъ, что послѣднее заключено было отвѣтчикомъ подъ вліяніемъ *metus, dolus* и т. д. Если отвѣтчикъ желалъ, чтобы эти обстоятельства были приняты *in iudicio* въ соображеніе при разборѣ дѣла, онъ долженъ былъ просить претора внести упоминаніе о нихъ въ формулу (*exceptiones*) 1) Судья *in iudicio* долженъ былъ, разбирая дѣло, прежде рѣшенія про-

1) Примѣръ *exceptio*; упоминаніе въ формулѣ о состоявшемся ранѣе уговорѣ сторонъ *de non petendo*: «Tilius iudex esto. Si paret Nm Nm Ao Ao C dare oportere, Si non inter Am Am et Nm Nm convent, ne ea pecunia peteretur, iudex Nm Nm Ao Ao condemna, si non paret, absolve».

вбрызть справедливость ссылки отвѣтчика на такія обстоятельства (со-
держаніе *exceptio*) и затѣмъ уже давать свой приговоръ согласно или
противъ возраженія отвѣтчика. Борьба противъ экцепціи возможна для
истца путемъ *replicatio*, въ коей приводились ссылки на факты, пара-
ллизирующіе значеніе содержанія *exceptio* (*exceptio exceptiones*), (напр.,
на *exceptio pacti de non petendo*, реплика истца, что это *pactum* относи-
лась къ *другой* состоявшейся между ними сдѣлкѣ). На это *replicatio* можетъ
быть выставлено отвѣтчикомъ *duplicatio* и т. д. Особенно обширную
область примѣненія имѣла *exceptio doli*. Последняя имѣла мѣсто не
только въ случаяхъ заключенія сдѣлки подъ вліяніемъ обмана (*exceptio
doli specialis*), но вообще въ случаяхъ, когда истецъ предъявленіемъ
своего иска совершалъ проступокъ противъ *aequitas* или *bona
fides*; въ такихъ случаяхъ *exceptio* носила наименованіе *exc. doli gene-
ralis*. Если такая экцепція была помѣщена въ формулѣ, то судья при
разборѣ дѣла долженъ былъ обратить вниманіе на всѣ спеціальныя
экцепціи, которыя были выставлены въ эдиктѣ на основаніи требова-
ній *aequitas* и *bona fides* 1).

Различали *exceptiones peremptoriae* и *ex. dilatoriae*; первая со-
держаніемъ направлялись на уничтоженіе требованія истца (напр., воз-
раженія объ уплатѣ долга, о заключеніи сдѣлки подъ вліяніемъ обмана
и т. д.), *exceptiones dilatoriae* содержаніемъ своимъ направлялись не
на уничтоженіе иска, но указывали на несвоевременность, прежде-
временность его предъявленія истцомъ именно въ данный моментъ
(напр., еще не истекъ срокъ обязательству, по которому теперь истецъ
возбудилъ уже искъ; не наступило то условіе, при наличности коего
истецъ лишь вправѣ требовать съ отвѣтчика и т. д.); однако и при
exceptio dilatoria, если истецъ проигрывалъ дѣло, онъ его въ формуляр-
номъ процесса проигрывалъ навсегда въ силу происходившей при этомъ
litis consumptio. Различныя процессуальныя послѣдствія *exceptiones
peremptoriae* и *dilatoriae* получили мѣсто уже позднѣе, въ император-
скомъ процессѣ *extra ordinem*.

Praescriptiones — это особыя оговорки въ началѣ формулы, („над-
писки“), помѣщавшіяся какъ въ интересахъ истца, такъ и отвѣтчика.

Сообразно съ тѣмъ, въ чью пользу дѣлались онѣ, различали
praescriptiones pro actore, — въ пользу истца. Такія прескрипціи
употреблялись съ двоякой цѣлью, а именно: 1) въ цѣляхъ возможности
зысканія долга по частямъ съ тѣмъ, чтобы другую часть долга имѣть

1) Прямымъ *exceptio doli* Si parei Nm Nm Ao Ao sestertium X milia dare oportere, neque in ea re dolo malo Ai Ai aliquid factum est sive fiat, iudex, sestertium X milia Nm Nm Ao Ao condemna, s. n. p. a.

право взыскать впоследствии (предохранение от процессуальной кон-сумпции), 1) напр., в случае иска об уплатѣ долга въ той его части, срокъ получения которой уже истекъ:— „Ea res agatur, cujus rei dies fuit 1) 2) При искахъ, основанныхъ на *contractus innominatus*, когда *взмѣнъ demonstratio* приходилось, при *intentio incerta in jus concepta*, для выясненія содержания искового требованія, опивать въ *praescriptio* содержание договора 1).

б) *Praescriptiones pro reo*.— Давались онѣ въ интересахъ отвѣтчика, когда до рѣшенія дѣла по существу являлось необходимымъ предварительное разрѣшеніе другого вопроса, для выясненія основательности притязаній истца. Такимъ образомъ, напр., возможна *praescriptio pro reo* въ случаѣ предъявленія иска о выдачѣ отдѣльной вещи изъ *hereditas*, когда отвѣтчикъ заявляетъ о необходимости, до рѣшенія этого дѣла, сперва выяснить вопросъ, наследникъ-ли истецъ, предъявляющій къ нему такой искъ: „Ea res agatur, si in ea re praesudicium hereditati non fiat“.

Отдѣльные виды исковъ.

Неки вещные и личные (a. in rem, in personam) A. in personam эти иски, вытекающіе изъ обязательственныхъ требованій. Въ виду того, что каждое обязательственное требованіе было направлено противъ опредѣленнаго лица, въ искахъ in personam уже въ *intentio* помѣщалось имя отвѣтчика. При искахъ in rem въ *intentio*, напротивъ, обозначалось только имя истца, тогда какъ имя отвѣтчика появлялось впервые въ *condemnatio*. Сверхъ того отвѣтчикъ по *actio in rem* обязанъ былъ во время производства in iure дать истцу обезпеченіе въ томъ, что онъ выдастъ спорную вещь съ плодами въ случаѣ проигрыша дѣла (*satisfatio iudicatum solvi*). Если такой *satisfatio* не было, или отвѣтчикъ былъ *persona suspecta*, спорная вещь отъ него м. б. *officio iudicis*, или по соглашенію сторонъ, передала третьему лицу на храненіе до конца спора, когда она выдавалась побѣдителю (*секвестрація*).

Actiones in jus, in factum conceptae. Неки in jus conceptae суть тѣ, *intentio* которыхъ основана на существующихъ нормахъ цивильнаго права (*in quibus de jure quaeritur*), напр., на *dare oportere, rem actoris esse* и т. д. Въ такихъ искахъ судья долженъ былъ не только провѣрить справедливость фактической стороны дѣла, но равно

1) Напрямъ, „Ea res agatur, quod As As No No decem ea lege dedit, ut Stichum servum suum manumitteret, quidquid paret ob eam rem Nm Nm Ao Ao dare facere oportere ex fide bona, ejus Nm Nm Ao Ao condemnna, si n. p. a.“.

выяснить, имѣютъ ли существенное значеніе съ точки зрѣнія *jus civile* факты, приводимые искомъ въ свою пользу. Сообразно съ характеромъ дѣятельности судьи *in judicio* различали а. *in jus concepta*, какъ *a. stricti juris* и *a. bonae fidei*. Въ искахъ послѣдняго вида, въ интенціи ихъ, добавлялись слова:—*ex fide bona*, основываясь на которыхъ судья долженъ былъ руководиться при рѣшеніи дѣла принципомъ добросовѣстности, т.-е. рѣшать дѣло не по буквальному смыслу закона и данной сдѣлки, изъ которой возникъ искъ, а свободно толкуя содержаніе послѣдней, принимая при этомъ въ уваженіе все возраженія отвѣтчика, не нуждаясь для этого въ особыхъ полномочіяхъ со стороны претора, оговоренныхъ въ формулѣ (*exceptio doli mali inest bonae fidei judiciis*).

Actiones in factum суть иски, формула которыхъ такъ составлена, что приказъ объ осужденіи приуроченъ къ доказанному существованію опредѣленныхъ упомянутыхъ въ интенціи фактовъ, при проверенной наличности которыхъ судья обязательно долженъ осудить отвѣтчика; проверялъ же, на лицо здѣсь или нѣтъ цивильное правоотношеніе, судья не имѣетъ права¹⁾.

Другими словами, въ формулѣ *in factum concepta* обвиненіе или оправданіе отвѣтчика ставилось въ зависимость просто отъ извѣстныхъ указанныхъ въ формулѣ фактовъ.

Бывали случаи созданія преторами а. *in factum* путемъ вставки въ формулу для судьи извѣстнаго обстоятельства, завѣдомо придуманнаго и несуществовавшаго въ данномъ дѣлѣ. Преторъ, создавая такую *фикцію*, приказывалъ судью ее признавать, какъ бы за существующую и рѣшать дѣло, основываясь на ней (*actiones ficticiae*). Этимъ приемомъ давалась возможность уничтожать ту (формальную) черту, которая въ конкретномъ случаѣ тормозила бы примѣненіе охраны правъ лица.

Укажемъ, въ видѣ примѣра, слѣдующіе случаи фикцій въ формулярномъ процессѣ. Лицо, потерявшее лишеніе правъ (*capitis deminutio*), осталось должнымъ другому 10,000, которые нельзя съ него получить по цивильному иску, именно въ силу того, что онъ теперь *capite deminutus*. Устраняя такую несправедливость цивильнаго права, преторъ давалъ кредитору формулу, по которой судья предписывалось разобрать и рѣшить это дѣло такъ, какъ если бы отвѣтчикъ не понесъ

¹⁾ Примѣръ такой а. *in factum a. doli*: «Titius judex esto. Si pareat dolo malo Ni Ni factum esse, ut A-s A-s N-o N-o fundum Cornelianum mancipio daret, neque ea res arbitrata tuo restitueretur, quanti ea res erit, tantam pecuniam judex Nm Nm Ao Ao condemna, si non pareat, absolve».

capitis deminutio¹⁾. Укажемъ еще случай, воромъ оказывался переринтъ, противъ котораго нельзя было предъявить actio furti; здѣсь преторъ, давая формулу, предписывалъ судѣ рѣшить дѣло, какъ если бы воръ былъ civis romanus²⁾.

Actiones ficticiae составляли часть другой болѣе обширной группы *аналогичныхъ* исковъ (actiones utiles), т.-е. исковъ, которые примѣнялись *по аналогіи* къ извѣстному случаю на томъ основаніи, что послѣдній оказывался подобнымъ случаю, уже защищаемому исками (a. directa). Такъ напримѣръ Publiciana in rem actio есть rei vindicatio utilis. Всѣ actiones utiles суть такъ называемыя *actiones honorariae*, которыя магистратъ давалъ въ силу полномочій по своей должности (honor).

Неки съ перестановкой субъектовъ. По общему правилу какъ права такъ и отвѣтственность по сдѣлкамъ м. б. предоставлены лишь самимъ контрагентамъ; равнымъ образомъ и судебная защита правъ давалась лишь за и противъ этихъ же лицъ. Постепенно однако въ римскомъ процессѣ были допущены отклоненія отъ этого общаго правила, и возникли иски съ перестановкой субъектовъ. А именно случаи эти были:

а) *Представительство въ процессѣ.* Представительство такое въ формулярномъ процессѣ допускалось двойное, именно въ формѣ когнатора или прокуратора. Способъ назначенія когнатора отличался формализмомъ: довѣрителя д. б. назначать непременно въ присутствіи противника, произнося при этомъ verba solemnia (присутствія магистрата при этомъ не требовалось). Этотъ формализмъ указываетъ, что *cognitores* существовали съ болѣе ранняго времени, чѣмъ прокураторы. Установленіе послѣднихъ не связывалось ни съ какими формальностями или обрядами; ихъ назначали по простому *mandatum*, при чемъ не требовалось и присутствія противной стороны. Въ одномъ положеніи съ ними были и необходимые представители — опекуны и попечители. Назначеніе прокуратора могло быть совершено въ теченіе всего процесса *in jure*, до момента *editio formulae*; причѣмъ назначать ихъ могли обѣ тянущіяся стороны. При составленіи формулы, въ ней, въ *intentio* писалось имя представляемаго, а въ *condemnatio* имя представителя. Напр.,— „Si paret Nm Nm Ao Ao sestertium X milia dare oportere, iudex, Nm Nm *Lucio Titio* (прокураторъ) sestertium X milia condemna, s. n. p. a.“. Сообразно съ текстомъ формулы рѣшеніе судьи постановлялось на имя представителя.

¹⁾ «Si L. Titius capite deminutus non esset, tum si paret cum Ao Ao Sestertium X milia dare oportere, iudex L. Titium Ao Ao sestertium X milia condemna s. n. p. a.».

²⁾ «Si paret L. Titio ope consiliove Dionis Hermaei filii furtum factum esse patrae atrae, quam ob rem eum (Dionem) si civis Romanus esset, pro fure damnnum decidere oporteret». — Такъ Гай излагаетъ *intentio* означенной формулы.

b) *Actiones adjectivae qualitatis*.—Запросы расширившагося къ концу республики оборота въ интересахъ и самихъ старшихъ домохозяевъ вызвали необходимость созданія сравнительно болѣе самостоятельнаго положенія сыновей семьи. Въ этихъ цѣляхъ было признано возможнымъ, чтобы отецъ самъ уполномачивалъ сыновей вести дѣла за него съ третьими лицами и вступать съ ними въ сдѣлки. Вмѣстѣ съ тѣмъ была признана отвѣтственность домохозяевъ за сдѣлки подвластныхъ имъ нисходящихъ, если послѣдніе заключили ихъ въ качествѣ прикащиковъ въ отцовскомъ торговомъ заведеніи (*institor*), или шкиперовъ на его корабляхъ (*magister navis*), наконецъ, по специальному на то приказу отца (*jussus*). При этомъ контрагенты сыновей, помимо предъявленія непосредственно къ дѣтямъ иска изъ заключенной ими сдѣлки, *рядомъ* и одновременно получали отъ преторовъ иски и противъ *patres familias*, отвѣчавшихъ солидарно рядомъ съ дѣтьми—(*actiones: institoria, quod jussu, exercitoria*); *exercitor navis*, такъ назывался собственникъ корабля). Равнымъ образомъ на домохозяина обращалось взысканіе по сдѣлкамъ сына въ предѣлахъ его *peculium profecticium*—выдѣленная домохозяиномъ сыну часть имущества въ завѣдываніе) или по сдѣлкамъ сына въ интересахъ общаго хозяйства домовладыки: *actio de peculio, a. de in rem verso*. Въ этихъ послѣднихъ искахъ домохозяинъ отвѣчалъ однако лишь въ размѣрѣ своего дѣйствительнаго обогащенія отъ такихъ сдѣлокъ. Всѣ иски эти къ домохозяину (*a. institoria, exercitoria, quod jussu, de peculio, de in rem verso*) носили общее названіе *actiones adjectivae qualitatis*. Въ нихъ въ *intentio* писалось имя сына участника сдѣлки, а въ *condemnatio* имя домохозяина. Съ нѣкоторыми измѣненіями, тѣ же иски давались и противъ хозяевъ по сдѣлкамъ, заключеннымъ ихъ рабами, причемъ лишь въ искѣ противъ господина вставлялась факція—„*si liber esset*“ (рабъ).

c) *Venditio bonorum*. Это иски универсальнаго покупателя всего актива и пассива имущества несостоятельнаго должника (*bonorum emptor*). Въ интенціи исковъ такого *emptor*'а упоминалось имя несостоятельнаго должника, а въ *condemnatio* имя *bonorum emptor*'а.

Ходъ формулярнаго процесса.

Въ формулярномъ процессѣ требовалась явка обѣихъ сторонъ на судъ *in iure*, причемъ по прежнему-же привлеченіе отвѣтчика на судъ было дѣломъ пестца. Только преторскій эдиктъ запретилъ здѣсь приводить отвѣтчика силой, обязавъ послѣдняго къ явкѣ на судъ угрозой штрафа *in duplum*. Если отвѣтчикъ почему либо не былъ въ состояніи немед-

ленно по приглашенію идти къ магистрату съ искомъ, онъ могъ отложить явку на другое время, давши истцу формальное обѣщаніе (*vadi-monium*), съ поручительствомъ (*vades*) другихъ лицъ, что въ указанный день онъ явится самъ.

Въ концѣ классическаго періода вызовъ на судъ сталъ совершаться инымъ способомъ, путемъ такъ называемой *litis denuntiatio*. Это было вицеудебное увѣдомленіе искомъ отвѣтчика о предъявленіи иска, съ указаніемъ его содержанія и дня явки на судъ. Съ Марка Аврелія такой порядокъ вызова сталъ господствующимъ.

Явившись на судъ къ магистрату вмѣстѣ съ отвѣтчикомъ, истецъ прежде всего высказывалъ содержаніе своего исковаго требованія, часто принося уже готовый проектъ формулы противъ отвѣтчика, составленный по образцамъ, помѣщеннымъ въ преторскомъ эдиктѣ. Отвѣтчикъ, съ своей стороны, могъ представлять заявленія противъ претензій истца. Если магистратъ уже *prima facie* изъ заявленія сторонъ убѣждался въ неосновательности претензій истца, онъ могъ прямо *denegare actionem*, т. е. отказать въ исковой защитѣ; въ противномъ случаѣ магистратъ приступалъ къ составленію формулы—письменной инструкціи судьи относительно дѣла. Формальностей при этомъ не соблюдалось совершенно. Только въ случаѣ нѣкоторыхъ *осложненій* процессъ *in iure* могъ сдѣлаться формальнымъ; это именно (*Demelius*) лишь при *interrogationes in iure*. Такъ назывались задаваемые истцомъ отвѣтчику *предварительные вопросы*, отъ содержанія отвѣта на которые зависѣло, слѣдуетъ-ли истцу предъявлять искъ противъ даннаго лица (отвѣтчика), или противъ другого кого. Лицо, къ которому истецъ *in iure* до начала дѣла обращался съ такими вопросами, *обязано* было отвѣтить на нихъ, иначе признавалось проигравшимъ дѣло въ полномъ объемѣ требованій истца. Отвѣтъ такой испрашивался съ цѣлью узнать, напримѣръ, про отвѣтчика а) *an heres sit*, когда истецъ—кредиторъ умершаго, желалъ знать, признаетъ-ли себя лицомъ, призванное на судъ, наследникомъ умершаго; б) *an dominus sit*—при *actiones poenales* (*de rapuerie, ex lege Aquilia*), когда потерпѣвшій убытки отъ чужого животнаго или раба, хотѣлъ знать, дѣйствительно-ли ихъ хозяиномъ является лицо, вызванное имъ въ качествѣ отвѣтчика. Были и другіе случаи примѣненія такихъ *interrogationes in iure*.

Возможно было прекращеніе процесса непосредственно *in iure*; это когда отвѣтчикъ признавалъ претензію истца правильной, или когда одна изъ сторонъ предлагала другой присягой подтвердить справедливость ея заявленій (истцу—поклониться въ томъ, что его претензія справедлива или отвѣтчику—въ томъ, что онъ *не долженъ*).

Въ случаѣ судебного признанія (*confessio in jure*), когда претензія истца была *incerta*, т. е. не была выражена въ *опредѣленной* денежной суммѣ, преторъ сперва заставлялъ отвѣтчика выразить сумму своей отвѣтственности въ точной цифрѣ. Позднѣе для такихъ случаевъ назначался особый судья—оцѣнщикъ размѣра отвѣтственности *confessus'a* (*arbiter litis aestimandae causa*).

Если процессъ не заканчивался *in jure* признаніемъ отвѣтчика или путемъ *jusjurandum in litem*, преторъ, руководствуясь заявленіями тяжущихся, составлялъ формулу и намѣчалъ въ ней присяжнаго судью. Какой моментъ при этомъ считался за *litis contestatio*—вопросъ въ литературѣ споренъ, за отсутствіемъ точныхъ о томъ указаній. Долженъ былъ совершаться какой-то формальный актъ сторонами *in jure*, въ присутствіи свидѣтелей. Быть можетъ (*Girard*) истецъ при свидѣтеляхъ прочитывалъ отвѣтчику выданную преторомъ формулу, и отвѣтчикъ долженъ былъ *accipere judicium*, согласиться отвѣчать *in judicio* по этой формулѣ. Если же отвѣтчикъ отказывался *judicium accipere*, то *litis contestatio* не наступала; такой отвѣтчикъ признавался за *indefensus*, приравниваясь къ *confessus*, и тогда истецъ могъ ходатайствовать о немедленномъ вводѣ во владѣніе имуществомъ отвѣтчика для покрытія своей претензіи по иску.

Съ момента *litis contestatio* наступала *consumptio actionis*, послѣ чего исключалась возможность вѣнчать *in jure* новый искъ по тому-же дѣлу (*ne bis de eadem re sit actio*).

Съ этого-же момента преторъ не могъ ничего не пзмѣняетъ ни въ формулѣ, ни въ процессѣ; только въ случаѣ смерти назначеннаго судьи или одной изъ сторонъ возможенъ былъ поворотъ дѣла къ претору для замѣлы въ формулѣ имени умершаго новымъ заступившимъ его лицомъ (*translatio judicii*). Равнымъ образомъ долгое время не принимались *in judicio* во вниманіе всякаго рода измѣненія въ юридическихъ отношеніяхъ сторонъ, наступившія послѣ *litis contestatio*. Даже если послѣ *l. contestatio* отвѣтчикъ полностью удовлетворилъ по исковой претензіи истца, такое погашеніе требованія долгое время не принималось въ уваженіе и судья долженъ былъ приговорить отвѣтчика по *condemnatio* формулы, цѣликомъ. Только Юстиніанъ вслѣдъ за школой Сабиніацевъ, призналъ здѣсь необходимость оправданія отвѣтчика при всѣхъ вообще искахъ.

Процессъ in judicio. — Производство *in judicio* въ общемъ совершалось тѣмъ-же порядкомъ, какой былъ и въ легисакціонномъ процессѣ. Не примѣнялась лишь теперь *causae conectio*, ибо ея замѣнила формула. Обязанностью судьи является фактическая провѣрка заявленій сторонъ *secundum allegata et probata*, въ объемѣ содержанія

формулы. Неявка на судъ истца освобождала отвѣтчика (*judicium absolutorium*), неявка отвѣтчика имѣла послѣдствіемъ постановку судьею заочнаго рѣшенія, въ пользу или противъ неявившагося; однако неявка по уважительной причинѣ давала основаніе для отсрочки рѣшенія (*ampliatio litis*); кромѣ того отвѣтчикъ могъ просить претора объ отмѣнѣ (*restitutio in integrum*) заочнаго рѣшенія.

Утверждая справедливость своихъ притязаній и заявленій, стороны могли пользоваться любыми способами доказыванія. При этомъ судья долженъ былъ обратить особенное вниманіе на случаи *plus petitio*, влекущіе за собою для истца проигрышъ всего дѣла, особенно при *intentio certa*. Такая *plus petitio* имѣла мѣсто, когда истецъ опредѣлялъ размѣръ иска въ большей или меньшей суммѣ, чѣмъ ему слѣдовало (*plus petitio re*), или предъявилъ искъ до наступленія срока своему требованію съ отвѣтчика (*pl. pet. tempore*) или, наконецъ, требовалъ уплаты не въ томъ мѣстѣ, гдѣ было условлено (*pl. pet. loco*).

Рѣшеніе судьи по дѣлу („*sibi videri*“) давалась имъ устно, безъ формальностей и безъ указанія мотивовъ; если послѣ повѣрки доказательствъ и изученія *in judicio* всего дѣла судья затруднялся рѣшить казусъ, онъ могъ устранить себя, давъ присягу, что дѣло для него осталось не выясненнымъ (*sibi non liquere*); тогда все производство переходило къ новому судѣ.

Рѣшеніе судьи (*res judicata*) создавало новое право между сторонами (*res judicata jus fecit inter partes*), новируя ихъ прежнія правоотношенія въ новое, возникшее въ силу судебного рѣшенія. На основанія послѣдняго у выигравшаго дѣло истца возникало новое правомочіе противъ отвѣтчика, защищаемое искомъ (*actio judicati*). Если отвѣтчикъ оспаривалъ существованіе и законную силу судебного рѣшенія, онъ могъ защищаться противъ *actio judicati*, но съ рискомъ уплатить вдвое при проигрышѣ дѣла. Если же отвѣтчикъ не оспаривалъ судебного рѣшенія, но и не удовлетворялъ установленной по нему претензіи истца, тогда наступало *исполнительное производство*. Именно, если спустя 30 дней послѣ *sententia judicis*, когда было предъявлено *a. judicati*, отвѣтчикъ на судѣ *in jure* не возражалъ, магистратъ приговаривалъ его истцу (*addictio*), и тогда отвѣтчикъ держался взыскателемъ подъ арестомъ, пока не уплатитъ долга или не отработаетъ его („кабала до искупа“); это была смягченная *manus injectio*; ибо законъ *Poetelia* (313 г.) отмѣнилъ древнее право взыскателя убивать должника или продавать его въ рабство. *Lex Iulia de cessione bonorum* (Gai III, 78) ввелъ новое правило, отмѣнивъ совершенно личную отвѣтственность должниковъ, если они уступали все свое имущество кредиторамъ.

Впрочемъ еще и ранѣе этого закона, преторъ, основываясь на словахъ *legis Poeteliae*—„*ut bona debitoris non corpus ejus obnoxia essent*“—выработали въ эдиктахъ своихъ точныя правила о *реальной экзекуціи*, на случай обращенія кредиторомъ взысканія на имущество должника. Именно, по просьбѣ кредитора, преторъ вводилъ его во владѣніе имуществомъ должника, поручая ему *custodiam et detentionem*, но не пользованіе имъ. Введенный во владѣніе кредиторъ долженъ былъ въ теченіи 30 дней предпринять опись имущества (*proscriptio bonorum*) (Gai, III, 79, IV, 102) и дать возможность другимъ вѣрителямъ отвѣтчика присоединиться со своими требованіями къ исполнительному производству противъ послѣдняго.

По истеченіи этихъ 30 дней кредиторы отвѣтчика, заявившіе свои требованія въ конкурсъ, шли къ претору съ просьбѣй дать имъ *ius vendendi*. Въ отвѣтъ на просьбу магистратъ предоставлялъ имъ избрать себѣ особаго *magister bonorum vendendorum*, который долженъ былъ въ теченіи 10 дней составить опись имущества, условія продажи и ея производство (*leges bonorum vendendorum*). Эти *leges* публиковались въ теченіи 20 дней, и лишь по истеченіи этого времени слѣдовала публичная продажа имущества несостоятельнаго должника (Gai III, 79, 80). *Emptor bonorum* былъ тотъ, кто на аукціонѣ за приобретенное (универсально, т. е. въ составѣ всего актива и пассива) имущество несостоятельнаго обѣщаль уплатить кредиторамъ послѣдняго наибольшій процентъ съ всего размѣра долговъ несостоятельнаго должника (напр. 50%, 80% за каждыя 100 сестерцій долга).

Въ императорскій періодъ сталъ развиваться новый порядокъ исполнительнаго производства:—*pignus in causa iudicati captum* для исполненія единичныхъ приговоровъ. Производство заключалось въ томъ, что по просьбѣ выигравшаго дѣло истца преторъ посылалъ своихъ *arratores* взять у отвѣтчика одну или нѣсколько вещей (имущественный арестъ). Если должникъ въ теченіи 2 мѣсяцевъ не удовлетворялъ послѣ этого взыскателя, арестованныя вещи продавались магистратомъ съ аукціона, и вырученная сумма вручалась взыскателю до погашенія его претензій полностью.

Cognitio extra ordinem.

Рядомъ съ нормальнымъ порядкомъ судебной охраны правъ путемъ формулярнаго производства магистраты оказывали защиту интересамъ частныхъ лицъ путемъ особаго производства, совершавшагося ими на основаніи ихъ *imperium'a*. Эти особые средства защиты были: *interdicta*, *stipulationes praetoriae*, *missiones in possessionem* и *in integrum restitutio*.

1) *Interdicta*.— Этот способ защиты правъ очень древняго происхожденія, и примѣнялся еще во времена господства *legis actiones*. Лицо, не находившее защиты какому либо своему интересу въ *jus civile*, обращалось къ магистрату (консулу, претору) съ просьбой о помощи, приводя и своего противника. Магистратъ, предварительно изслѣдовавъ самъ всѣ обстоятельства дѣла, если находилъ просьбу заслуживающей уваженія, давалъ противной сторонѣ соответствующее словесное приказаніе, на совершеніе извѣстныхъ дѣйствій (*decretum*), или напротивъ, *запрещая* ей что-либо (*interdictum*). Позднѣе, когда колоссально увеличилось число дѣлъ, подлежащихъ преторской зашитѣ (къ концу республики), преторы перестали сами разбирать все дѣло отъ начала и до конца и давать окончательное свое по нему рѣшеніе. Взамѣнъ того повелѣніе или запретъ давались ими немедленно, безъ предварительнаго разслѣдованія фактической стороны дѣла но лишь *предположительно*, т. е. на тотъ случай, если соответствующія декрету или интердикту предположенія дѣйствительно существуютъ. Такое распоряженіе претора получаетъ теперь условный характеръ, являясь обязательнымъ для отвѣтчика лишь на случай, если вѣрно то, что заявилъ истецъ. Въ случаѣ спора объ основательности принесенной и вызвавшей выдачу интердикта жалобы, дѣло переходило во вторую стадію, именно уже *судебнаго* производства, основаннаго на интердиктѣ. При вторичной явкѣ на судъ истца съ жалобой на отвѣтчика, что тотъ оспариваетъ интердиктъ, преторъ снова самъ дѣла не разбиралъ, а принуждалъ стороны заключить пари (*co sponsio poenalis* и *restipulatio*), чтобы разрѣшить послѣднее (а съ нимъ и споръ сторонъ) путемъ *legis actio*.

Съ введеніемъ формулярнаго процесса изданіе интердикта по прежнему являлось только поводомъ для начала судебного спора. Послѣдній, по указаніямъ Гаія (Gai 4, 142), могъ происходить *sine periculo* и *cum periculo*. Процессъ *sine periculo* имѣлъ мѣсто въ томъ случаѣ, когда не выходя отъ претора, лицо, противъ котораго выданъ былъ интердиктъ, оспаривало справедливость заявленій истца. Тогда *in jure* преторъ выдавалъ *actionem arbitrariam in factum*, которой судья поручалъ, если предположеніе интердикта *de facto* подтвердится, предложить отвѣтчику выполнить приказъ магистрата; въ противномъ случаѣ ослушникъ присуждался къ уплатѣ *condemnatio*, размѣръ (денежный) которой определялся истцомъ подъ присягой.

Процессъ *cum periculo* начинался, когда лицо, противъ котораго данъ интердиктъ, возбуждало споръ или вообще не выполняло предписанія магистрата, выраженнаго въ интердиктѣ. Въ такихъ случаяхъ по жалобѣ истца, преторъ предписывалъ обоимъ тяжущимся заключить

стипуляцію, взаємно об'язывающую кожного уплатити известную сумму пари противнику, въ случаѣ если доказана будетъ основательность заявленій послѣдняго. Въ случаѣ проигрыша при этомъ дѣла тѣмъ, противъ кого былъ данъ интердиктъ, ему приходилось уплатити истцу кромѣ суммы пари, еще сумму убытковъ, понесенныхъ противникомъ отъ неисполненія интердикта. Отъ этой обязанности платити и убытки, и пари при проигрышѣ дѣла само производство и называлось процесомъ *cum periculo*. Формулы интердиктовъ выставляли въ эдиктѣ преторовъ рядомъ съ формулами исквъ.

Существовала группа такъ называемыхъ *interdicta duplicia*, гдѣ приказаніе претора адресовалось къ обѣимъ заинтересованнымъ сторонамъ (напр., споры о владѣніи землей). Въ такихъ интердиктахъ при веденіи дѣла *cum periculo*, приходилось устанавливать двѣ *sponsio* и двѣ *restipulatio*, т. е. два пари одновременно.

Съ развитіемъ формулъ *in factum conceptae* весь такой сложный процессъ интердиктнаго производства сдѣлался излишнимъ; интердиктъ сталъ примѣняться сравнительно рѣже, именно главнымъ образомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда нельзя было дать противъ отвѣтника искъ *in factum* сразу, безъ того или иного предупрежденія со стороны претора. Въ Юстиніановомъ правѣ специальное интердиктное производство утратило свое существованіе; интердиктъ сталъ теперь *правоположеніемъ*, на основаніи котораго, въ случаѣ его нарушенія, вчинялся искъ.

2) *Stipulationes praetoriae*. Это обязательство, въ формѣ стипуляціи, заключеной не добровольно, а по приказу претора. Путемъ такой стипуляціи преторъ принуждалъ лицо, основательно подозрѣваемое въ желаніи нарушити права другого, дать обязательство уплатити послѣднему известную сумму, если нарушити интересъ просителя. *Stipulatio* была здѣсь сдѣлкой цивильнаго права: противъ нарушителя потерпѣвшій могъ предъявляти искъ *ex stipulatu*.

Отличіе этихъ стипуляціи отъ стипуляціи при интердиктахъ заключалось въ томъ, что *stipulationes praetoriae* условіемъ своимъ имѣли *будущее* поведеніе отвѣтника:—„*Si contra edictum praetoris aliquid feceris, spondesne mihi centum dare?—spondeo*“. При интердиктахъ же содержаніе стипуляціи относилось къ прошлымъ событіямъ—„*Si contra edictum praetoris aliquid fecisti, spondesne mihi centum dare?—Spondeo*“.

3) *Missiones in possessionem*.—Преторъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ по просьбѣ истца вводилъ его во владѣніе имуществомъ должника. При этомъ различались: а) *missio in bona*, въ смыслѣ ввода во владѣніе всѣмъ имуществомъ лица; таковы были случаи ввода кредитора во владѣніе имуществомъ несостоятельнаго должника, для охраны

наслѣдства (*missio in bona hereditatis tuendae gratia*); б) *missio in rem specialem*, т. е. вводи въ владѣніе нѣкоторыми объектами изъ имущества другого лица. Наиболье часто примѣнявшійся случай такой *missio* былъ вводи въ владѣніе по причинѣ отказа лица дать *cautio damni infecti*, когда зданіе сосѣда грозитъ паденіемъ своимъ причинить просящему *cautio* ущербъ. Для покрытія возможныхъ отъ этого убытковъ дозволялось просить отъ сосѣда немедленно гарантіи (*cautio damni infecti*). Отказъ отъ дачи такой *cautio* и влекъ за собою вводи заштересованнаго лица во владѣніе зданіемъ этимъ сосѣда, чтобы можно было произвести за счетъ хозяина необходимый ремонтъ.

4) *Restitutio in integrum*.— Въ жизни, особенно при господствѣ *jus strictum*, возможны были случаи, когда строгія правила права, при ихъ буквальномъ соблюденіи, легко могли влекъ за собою торжество неправды, прямое издѣвательство надъ *aequitas*. Напримѣръ, захваченъ по давности участокъ земли солдата, когда тотъ былъ на войнѣ въ далекихъ странахъ; умышленно, обманомъ, принужденіемъ вовлечено лицо въ крайне невыгодную для него сдѣлку и т. д. Въ такихъ случаяхъ когда *summum jus* являлся, при конкретныхъ обстоятельствахъ, носящимъ характеръ *summae injuriae*, преторъ выступалъ на защиту справедливости. Основываясь на своемъ *imperium*ѣ, онъ возстановлялъ потерпѣвшаго въ его прежнея состояніи, въ какомъ тотъ находился до совершенія даннаго *actus vitiosus*.

Первоначально такая *restitutio in integrum* давалась преторомъ, каждый разъ по соображенію обстоятельствъ даннаго случая, *ex aequitate*. Съ теченіемъ времени, съ развитіемъ *actiones in factum*, однако въ эдиктѣ стали помѣщать опредѣленные условія, лишь при наличности которыхъ преторъ обѣщался давать *restitutio in integrum*. Условія эти были: 1) принесеніе претору жалобы не позднѣе года по наступленіи невыгодныхъ юридическихъ послѣдствій; 2) Наличность существеннаго ущерба (*laesio*) для потерпѣвшаго, ибо „*minima non curat praetor*“; 3) наличность извѣстныхъ поводовъ для оказанія такой защиты. Съ теченіемъ времени въ эдиктѣ были указаны слѣдующіе поводы для *restitutio in integrum*: 1) *minor aetas*—несовершеннолѣтіе потерпѣвшаго (возрастъ менѣе 25 лѣтъ), благодаря которому лицо вовлечено было въ невыгодную сдѣлку; 2) *dolus, metus, error*—подъ вліяніемъ которыхъ дѣйствовалъ потерпѣвшій; 3) *capites diminutio minima*, благодаря наступленію которой должникъ освободился отъ долга; 4) *absentia*—отсутствие по уважительной причинѣ, во время котораго истекла повредившая потерпѣвшему исковая или приобретательная давность.

Производство при *restitutio in integrum* заключалось въ томъ, что преторъ тщательно самъ провѣрялъ заявленія потерпѣвшаго и *causa cognita* давалъ ему (если признавалъ нужнымъ) *restitutio*. Приведеніе въ исполненіе такого *restitutio* совершалось или самостоятельно или путемъ *exceptio* (напр. *exceptio doli*) въ формулѣ, или же особымъ искомъ (а. *doli*—напр., если кто либо, будучи обманутъ, уже уплатилъ деньги—для требованія о возвратѣ послѣднихъ).

Экстраординарный процессъ.

Уже въ республиканскомъ Римѣ бывали часто случаи, когда лицо, не имѣя возможности найти защиту своихъ интересовъ въ правилахъ частнаго права, обращалось къ магистрату съ просьбой о защитѣ въ административномъ порядкѣ. Магистратъ, разсмотрѣвъ дѣло и разобравъ его самъ съ начала и до конца, могъ поставить то или иное рѣшеніе, а затѣмъ и распорядиться объ исполненіи своего приговора. Такое административное разбирательство дѣла называлось *cognitio*, а въ противоположность обыкновенному процессу, — *cognitio extra ordinem*. Чаще всего послѣдняя практиковалась консулами и цензорами, являясь все же на практикѣ сравнительно рѣдко. Такое положеніе дѣлъ мѣняется со времени принципата. Основываясь на правахъ своихъ, какъ первыхъ магистратовъ въ государствѣ, и желая захватить въ свои руки функціи судебной власти, императоры все чаще начинаютъ рѣшать восходящія до нихъ дѣла административнымъ порядкомъ, *extra ordinem*, черезъ свои декреты. При этомъ они обращаютъ свое особенное вниманіе на разрѣшеніе вопросовъ, которые не были предусмотрѣны ни законами, ни преторскимъ эдиктомъ, напр., дѣла объ опекахъ и фидеикомиссахъ. Для рѣшенія этихъ новыхъ вопросовъ права императоры назначаютъ специальныхъ преторовъ—(*praetor fideicommissarius*, *praetor tutelarius* и др.), которые, въ качествѣ делегатовъ императора, рѣшаютъ дѣла въ томъ же порядкѣ, какъ и этотъ послѣдній т.-е. путемъ *cognitio extraordinaria*. Наконецъ, и правители провинцій (сперва лишь въ *provincia caesaris*), слѣдуя императорамъ устанавливаютъ общимъ порядкомъ своего судопроизводства то же самое *cognitio extraordinaria*. Распространенію такой *cognitio* не мало способствовало и то обстоятельство, что къ этому времени прекратилось развитіе преторскаго эдикта, почему для всѣхъ вновь образующихся правоотношеній былъ открытъ одинъ лишь путь для защиты, именно путемъ *cognitio extra ordinem*.

Въ результатѣ, въ концѣ періода принципата (III в.) формулярный процессъ прекращаетъ свое дѣйствіе, и его замѣняетъ процессъ *extra ordinem*. По крайней мѣрѣ уже въ конституціи 294 года (L. 2 Cod. 3,3). Диоклетіанъ говоритъ только о такомъ порядкѣ судопроизводства, не упоминая даже объ *ordo iudiciorum privatorum*. Официально формулярный процессъ былъ стмѣненъ въ 342 г. Констанціемъ.

Отличительными чертами новаго процесса являются теперь слѣдующія. Прежде всего, конечно, исчезаетъ прежнее дѣленіе судопроизводства на *jus* и *judicium*. Кроме того Диоклетіанъ предписалъ, чтобы правители провинцій, въ рукахъ которыхъ сосредоточена была въ то время вся судебная власть, рѣшали дѣла лично, не передавая ихъ присяжнымъ судьямъ. Если однако правители эти были обременены дѣлами, они могли вмѣсто себя поручить разборъ дѣла другому лицу (*judex pedaneus*), который такимъ образомъ являлся простымъ мандаторомъ (довѣреннымъ) начальника провинціи (не судьей въ смыслѣ судьи *in iudicio* формулярнаго процесса), и на его рѣшеніе допускалась апелляція послѣднему. Затѣмъ самыя засѣданія суда стали теперь *не публичными*—въ закрытомъ помѣщеніи и при закрытыхъ дверяхъ. Теперь все болѣе развивается письменность въ процессѣ, ибо по обычаю стали заносить въ протоколъ (*acta, gesta*) все дѣйствія и объясненія суда и сторонъ. Вводятся судебныя издержки и пошлины—*sportulae*, въ пользу канцеляріи суда.

Порядокъ процесса былъ въ общемъ таковъ: Вызовъ отвѣтчика на судъ совершается теперь не истцомъ, а по просьбѣ его, судомъ, въ письменной формѣ черезъ служителя при судѣ (*evocatio*) съ назначеніемъ срока для явки. Если въ срокъ этотъ отвѣтчикъ не являлся, допускалось заочное рѣшеніе. При явкѣ отвѣтчика въ судъ къ указанному сроку тяжущимися передъ судьей совершался *status controversiae*—изложеніе претензій и словесное препирательство сторонъ. Когда отвѣтчикъ принималъ искъ и стороны присягнули „*se non calumnia agere*“, наступалъ моментъ *litis contestatio*. Послѣдняя впрочемъ не влекла за собою *consumptio actionis*, какъ то было въ формулярномъ процессѣ. Роль судьи въ процессѣ была значительна; онъ вмѣшивался въ дѣло, давалъ тяжущимся *interlocutiones*, указывая имъ, что они должны доказать или заявить. Когда дѣло было исчерпано, чиновникъ-судья постановлялъ рѣшеніе свое (*decretum, ne sententia*) въ *письменной* формѣ; оно давалось на содержаніе иска непосредственно, не будучи непременно *resumaria*. *Plus petitio* истца не влекло болѣе для него прежнихъ тяжелыхъ послѣдствій: теперь *plus petitiones re* и *loco* могутъ быть исправлены судьей до нормы, а *pl. pet. tempore* отклоняла искъ до срока, не лишая возможности предъявить его вновь; лишь въ наказаніе за

небрежность съ истца взыскивались *sportulae* и удлинялся вдвое срокъ для возможности вторичного предъявленія иска. Рѣшеніе суда не было окончательнымъ и допускалось обжалованіе его (апелляція) въ теченіи 10 дней. Но самъ чиновникъ-судья не могъ перерѣшать своего рѣшенія; ему лишь подавалась апелляція, которую онъ пересылалъ въ высшую инстанцію вмѣстѣ со своими объясненіями по дѣлу (*litterae dimissoriae*). Неосновательная апелляція влекла на подавшаго ее крупный штрафъ.

Исполненіе рѣшенія совершалось теперь средствами административной власти, безъ представленія особой *actio iudicati*. По истеченіи 30 дней со дня рѣшенія (если прошелъ срокъ для подачи апелляціи) при искѣ *de certa re* эта спорная вещь отбиралась у отвѣтчика судебными служителями *manu militari*. Въ другихъ случаяхъ для удовлетворенія денежной претензіи истца судебные служители отбирали у отвѣтчика отдѣльныя вещи (*pignus in causa iudicati captum*), которыя и продавались съ аукціона для удовлетворенія изъ вырученной отъ продажи ихъ суммы претензіи взыскателя. Продажа всего имущества должника (*distractio bonorum*) совершалась лишь при открытіи конкурса надъ несостоятельнымъ должникомъ и при стеченіи нѣсколькихъ кредиторовъ. При этомъ однако самый аукціонъ совершался обычнымъ порядкомъ, и *emptor bonorum* болѣе не фигурируетъ.

Со времени Адріана нерѣдко истецъ до начала процесса обращался къ императору съ челобитной (*supplicatio*), излагая въ ней свое дѣло, безъ предъявленія доказательствъ, и прося юридическаго совѣта. На такія прошенія императоръ давалъ свой отвѣтъ (*rescripta, subscriptiones*), но лишь условно, если заявленія просителя отвѣчаютъ дѣйствительному положенію вещей („*si preces tuae veritate nitantur*“). Проситель съ такимъ прошеніемъ и съ рескриптомъ императора обращался затѣмъ къ обыкновенному судѣ (*praeses provinciae, praefectus urbis*) или же къ особому судѣ, назначенному на этотъ случай въ императорскомъ рескриптѣ, и затѣмъ начинался обыкновенный когниціонный процессъ. Въ послѣднемъ чиновникъ—судья всегда держался императорскаго рескрипта, провѣряя лишь, соответствують-ли факты его содержанію, т. е. выясняя ту *veritas*, которую императоръ отмѣтилъ въ рескриптѣ условіемъ своего рѣшенія.

Ко времени Юстиніана когниціонный процессъ вступилъ въ новую стадію въ своемъ развитіи, носившую наименованіе *либеллярнаго процесса*. Теперь дѣло начиналось со стороны истца подачей въ судъ письменнаго прошенія—*libellus conventionis*; то было краткое изложеніе его претензіи. Судья заносить это прошеніе въ протоколъ, посылая оригиналъ къ отвѣтчику—съ вызовомъ его на судъ; это была *postulatio simplex*. Если немедленно отвѣтчикъ въ судъ не являлся, тогда

„inter quattuor menses“ (послѣ 4 мѣсяцевъ) назначался срокъ для судоговоренія. Если и къ этому сроку отвѣтчикъ не шелъ, тогда срокъ можно было *geragare*, т. е. отсрочить еще на 4 мѣсяца (императоромъ, по просьбѣ отвѣтчика). Выставляя уважительныя причины (*absentia*, *militia*), можно было отвѣтчику еще разъ отсрочить явку на 3,6 даже 9 мѣсяцевъ (*dilatio*) (последній срокъ—9 мѣсяцевъ это—*dilatio transmarina*). Такимъ образомъ отвѣтчикъ могъ отсрочить свою явку на время до 1½ лѣтъ.

Получивъ вызовъ, отвѣтчикъ долженъ былъ дать письменный отвѣтъ по существу *libellus*'а истца (*libellus contraventionis*). Если отвѣтчикъ являлся на судъ, дѣло шло тамъ словесно; сперва истецъ въ *narratio* излагалъ свою претензію, на которую возражалъ отвѣтчикъ— (*contradictio*). Моментъ послѣ обмѣна этихъ рѣчей считался за *litis contestatio* (*lis est contestata post narrationem propositam et contradictionem objectam*). Затѣмъ начинался разборъ дѣла, приведеніе доказательствъ, рѣчи сторонъ. Эти переговоры могли быть безконечны; можно было просить *отсрочки* до трехъ мѣсяцевъ для собиранія доказательствъ по поводу возраженій противника; дозволялась *absolutio ab instantia* на время и безъ установленія *res iudicata*. Рѣшеніе свое судья (*sententia*) составлялъ въ письменной формѣ и читалъ его сторонамъ, возлагая *судебныя издержки* на проигравшую дѣло сторону. На приговоръ допускалась апелляція къ высшему чиновнику—судѣ, гдѣ дѣло шло также медленно. Инстанцій былъ цѣлый рядъ... Исполненіе рѣшенія совершалось обычнымъ порядкомъ, какъ и въ вогниціонномъ процессѣ; но, очевидно, довести до него дѣло было возможно только спусти много лѣтъ, считая отъ времени начала иска.

Исторія гражданскаго права.

Право лицъ.

Лицомъ, въ юридическомъ смыслѣ называется тотъ, кто можетъ быть субъектомъ юридическихъ отношеній, т.-е. тотъ, кто можетъ приобрѣтать право совершать сдѣлки, защищаться судебнымъ порядкомъ, состоять въ семейныхъ отношеніяхъ и т. д. Въ настоящее время свойство быть личностью, т. е. правоспособность, признается прежде всего за каждымъ человѣкомъ, кто бы онъ не былъ.

Иначе дѣло обстояло по римскому праву. Здѣсь не было установлено въ этомъ отношеніи равенства правъ за лицами, не только въ области политическихъ (государственныхъ) отношеній, но и въ гражданскомъ частномъ оборотѣ. Здѣсь прежде всего были люди, за которыми не признавалось совершенно правоспособности, именно, рабы; мало того, и среди свободныхъ, тоже самое съ точки зрѣнія ихъ правоспособности въ Римскомъ государствѣ, различали римскихъ гражданъ отъ негражданъ; наконецъ, и среди гражданъ правоспособность ихъ зависѣла отъ семейнаго положенія каждаго. Исходя изъ этихъ основныхъ положеній, римляне опредѣляли правоспособность лица его положеніемъ (*status*) какъ человѣка свободнаго, какъ римскаго гражданина и, наконецъ, какъ извѣстнаго члена семьи: „*Tria sunt, quae habemus—libertatem, civitatem, familiam*“. Эта тройкая градация правоспособности, тройной *status*,—представляла собою какъ бы три концентрическихъ круга; причемъ какъ отдѣльно въ каждомъ *status*, такъ и въ ихъ совокупности, возможно было движеніе по двумъ направленіямъ: правоспособность лица могла увеличиваться, могла и уменьшаться, напр., рабъ м. б. *libertus*, послѣдній могъ сдѣлаться *ingenuus*, или наоборотъ, *ingenuus*, при извѣстныхъ условіяхъ, дѣлался *servus*. Сообразно съ тройной градацией *status'a*, возможно было тройкаго рода уменьшеніе правоспособности лица—именно: утрата свободы (*capitis diminutio maxima*); потеря правъ гражданства (*cap. dim. media*) и утрата состоянія лица въ данной *familia* (*cap. dim. minima*).

a) *Status libertatis.*

Рабство и свобода.—Съ точки зрѣнія этого *status*, всѣ люди дѣлились на свободныхъ и рабовъ (*liberi et servi*).

Рабъ не былъ правоспособнымъ, мало того, онъ теоретически приравнивался къ вещи—„*servus res est*“, подчиняясь въ общемъ судьбѣ именно объектовъ, а не субъектовъ права; раба можно было купить, мѣнять, убить, словомъ, хозяинъ раба имѣлъ надъ нимъ полное господство и распоряженіе, до *jus vitae ac necis* включительно.

Впрочемъ римской теоріи не удалось провести полнаго отождествленія раба съ вещью; противъ этого неизбежно шла физическая природа раба—существа разумнаго. Признаніе въ рабѣ личности, (хотя и *naturaliter*) неволью начало сказываться въ правѣ уже издавна. Такъ издавна начали римская практика и преторы допускать возможность заключенія рабами сдѣлокъ, отвѣтственность за которыя переходила на ихъ хозяевъ (а. *de peculio*, *de in rem verso*, *quod jussu*, а. *institoria*, а. *exercitoria*). Изъ деликтовъ раба, при отпущеніи послѣдняго на волю, возникалъ даже цивильный искъ; наконецъ, возможны были позднѣе обязательства между рабомъ и его господиномъ, хотя и какъ *obligationes naturales*. Равнымъ образомъ, до извѣстной степени, признавались за рабами семейныя отношенія (*servilis cognatio*). Наконецъ, въ императорскій періодъ, подъ вліяніемъ развитія философскихъ школъ (*stoa*), особенно же подъ вліяніемъ христіанства, наблюдаются въ законѣ попытки признать, до извѣстной степени, за рабами нѣкоторыя права личности. Правда, еще первое время законъ не рѣшается высказать это прямо, а прикрывается требованіями общежитія или экономическими мотивами. Такъ при Адрианѣ появляется запрещеніе господамъ убивать рабовъ безъ предварительнаго согласія властей. По *lex Petronia* (61 г. по Р. Хр.) запрещалось господамъ отдавать рабовъ на бой со звѣрями. Антонинъ Пій далъ рабамъ право жаловаться передъ магистратами на жестокость и злоупотребленія господъ, которые за подобные свои проступки принуждались къ продажѣ раба въ другія руки. Константинъ Великій въ 312 г. установилъ одинаковое наказаніе какъ за убійство раба, такъ и свободнаго.

Устанавливалось рабство прежде всего рожденіемъ отъ рабыни, все равно, кто бы не былъ отцомъ ребенка. Однако со II вѣка по Р. Хр. это правило было смягчено въ томъ смыслѣ, что если мать хотя одинъ моментъ въ теченіи беременности была свободна, ея дитя становилось свободнымъ, не смотря на позднѣйшее рабство матери.

Другимъ наиболѣе обычнымъ въ Римѣ способомъ установленія рабства былъ *пленъ*; военноплѣнные тѣмъ самымъ становились *servi*.

Наконецъ, и римскіе граждане, при извѣстныхъ условіяхъ, могли стать рабами, не только продажей на чужбину (*trans Tiberim*), напр., за долги или какъ *incensī* (ложно показавшіе свою прожиточность при цензѣ), но и въ предѣлахъ римскаго государства, именно въ видѣ наказанія за извѣстныя преступленія (приговоръ къ пожизненной каторжной работѣ въ рудникахъ), а равно если кто, будучи свободнымъ, сознательно *pretii participandi causa* продавался въ рабство, выдавая себя за раба. Наконецъ, отпускающій на волю (*manumissor*) могъ снова возвратитъ своего вольноотпущенника въ рабство за грубую неблагодарность, доказавъ послѣднюю передъ магистратомъ. Утрата свободы гражданиномъ называлась *capitis diminutio maxima*.

Прекращалось рабство для военноплѣнныхъ (римлянъ) возвращеніемъ изъ плѣна; для другихъ—отпущеніемъ на волю. Для попавшихъ въ плѣнъ римлянъ была установлена фикція—*jus postliminii*, именно что возвратившійся изъ плѣна считался какъ бы въ немъ и не бывшимъ. Кто умиралъ въ плѣну, тотъ считался умершимъ до плѣна, т. е. свободнымъ (*fictio legis Corneliae*).

Отпущеніе рабовъ на волю (*manumissio*) было юридическимъ актомъ, при помощи котораго хозяинъ дѣлалъ раба, имѣющимъ *caput*, правоспособнымъ. *Manumissio* такая влекла за собою для раба свободу лишь въ томъ случаѣ, если она совершалась въ опредѣленной формѣ. Древнѣйшее право знало три формы *manumissio*, именно:

а) *Manumissio vindicta*—Это отпущеніе раба при помощи возбужденія третьимъ лицомъ процесса о его свободѣ. Совершалась такая *manumissio* передъ преторомъ; сюда приходили хозяинъ съ рабомъ и *assertor in libertatem*, который въ формѣ I. a. *per sacramentum* вчинялъ искъ о свободѣ раба, накладывалъ на раба *vindictam* и произносилъ *verba solemnia*—„*Hunc ego hominem ex jure Quiritium liberum esse ajo*“—Но эти слова хозяинъ раба *contravindicatio* не совершалъ, а „*manumittebat*“ раба, именно поворачивалъ раба кругомъ и слегка толкалъ его, т. е. отпускалъ; послѣ чего преторъ объявлялъ раба свободнымъ. Съ теченіемъ времени эта процедура упростилась до того, что достаточно было со стороны господина простого заявленія въ судѣ о своемъ желаніи освободить раба, съ занесеніемъ этого въ протоколъ.

б) *Manumissio censu* совершалась путемъ заявленія при *lustrum* со стороны господина цензору о записи раба въ списокъ гражданъ. Рабъ при этомъ почитался свободнымъ съ момента окончанія производства *lustrum* и принесенія очистительной жертвы, завершавшей *lustrum* (*lustrum conditum*). Когда въ I вѣкѣ по Р. Хр. прекратился *lustrum*, исчезъ съ нимъ и этотъ способъ отпущенія на волю.

в) *Manumissio testamento*— путемъ изъявленія о томъ воли

завѣщателемъ. Силою свою такая *manumissio* получала *ipso jure* съ момента принятія наслѣдникомъ наслѣдства. Если рабъ отпускался на волю подъ условіемъ, до исполненія послѣдняго онъ находился въ среднемъ неопредѣленномъ состояніи—*statuliber*.

Въ христіанскій періодъ признаны были еще слѣдующія формы отпущенія на волю законными: а) *Manumissio in ecclesia*—съ Константина, путемъ объявленія объ отпущеніи передъ духовнымъ лицомъ и собравшимися прихожанами; съ Юстиніана б) *m. per epistolam*— посредствомъ выдачи отпускной грамоты, подписанной пятью свидѣтелями, и в) *man. inter amicos*—устное заявленіе желанія, въ присутствіи пяти свидѣтелей объ отпущеніи раба на волю. До Юстиніана эти два послѣднихъ способа отпущенія на волю (*m. per epistolam*, *m. inter amicos*), равно какъ нѣкоторые другіе (напр. когда госкодинъ садилъ раба съ собой и друзьями за столъ), влекли за собою для отпускаемаго лишь свободу, но не гражданство. Въ императорскій періодъ *lex Junia Norbana* признала за ними *latinitas* (*latini Juniani*.)

Право отпущенія на волю первоначально признавалось за собственниками неограниченно; однако въ императорскій періодъ на это стали смотрѣть иначе; появляются ограниченія, коими императоры хотѣли бороться противъ злоупотребленій господъ этимъ своимъ правомъ. Съ этой цѣлью изданы были *lex Julia Sentia* (4 г. по Р. Хр.) и *lex Fufia Caninia* (8 г. по Р. Хр.). По закону *Aelia Sentia*, чтобы воспрепятствовать легкомысленнымъ *manumissiones*, запрещалось лицамъ моложе 20 лѣтъ совершать послѣднія, равно какъ запрещено было отпускать на волю рабовъ, не достигшихъ 30 лѣтняго возраста. Для провѣрки этихъ условій (*causae probatio*) были созданы спеціальныя комиссіи въ Римѣ и провинціяхъ. Отпущеніе рабовъ вопреки правиламъ этого закона давало имъ не *civitas*, а лишь *latinitas Juniana*. Если же были освобождены рабы, подвергшіеся клеветенію за проступки, они становились въ положеніе *peregrini dediticii*.

Lex Fufia Caninia ограничила число рабовъ, которыхъ можно было отпускать въ завѣщанія, известнымъ пропорціональнымъ числомъ, сравнительно съ оставшимся въ рабствѣ. Именю у кого было 1—3 рабовъ, тотъ могъ отпустить $\frac{2}{3}$; отъ 4—10—половину и т. д., новъ общемъ никогда не болѣе 100 человекъ. Юстиніанъ отмѣнилъ этотъ законъ.

Въ императорскій періодъ были установлены случаи, когда *manumissio* наступала *безъ воли* на то хозяина, что имѣло мѣсто: а) въ награду рабу за открытіе убійцы его хозяина; б) когда хозяинъ бросалъ раба на произволъ судьбы, не заботясь о немъ (*man. ex edicto*

Claudiano; с) вступленіемъ раба въ монашество или въ духовный санъ (съ Юстиніана) и др.

Полусвободные. Въ Римѣ были разряды лицъ средняго, такъ сказать, типа между свободными и рабами, правоспособность которыхъ была значительно ограничена; сюда относятся: 1) *statuliberi*—т.-е. лица, освобожденные отъ рабства *sub condicione*, пока послѣднее еще не наступило. До наступленія условія (или срока) они признавались рабами; но будущая свобода была имъ гарантирована, и въ этомъ отношеніи положеніе ихъ не м. б. измѣнено до наступленія условія или срока.

2) *Колоны.* Это появившіеся въ періодъ имперіи крѣпостные земледѣльцы, наследственно прикрѣпленные къ помѣщичьей землѣ. Покинуть послѣдней колонъ не могъ, и помѣщикъ въ такихъ случаяхъ могъ предъявлять *vindicatio coloni*, вещный искъ о выдачѣ ему колона для водворенія на прежнее мѣсто жительства; самъ же бѣглый колонъ въ наказаніе дѣлался рабомъ. Будучи наследственно крѣпостнымъ сословіемъ, колоны почитались однако лично свободными гражданами.

3) *Addicti*—Это были лица, приговоренныя за неплатежъ долговъ (до *lex Poetelia*) въ долговую кабалу. Такой *addictus* и послѣ отдачи кредитору все же признавался лично свободнымъ и обладающимъ имущественными правами гражданина Рима; только (какъ указываетъ законъ XII таблицъ) онъ находился въ оковахъ въ теченіи извѣстнаго срока. Лишь по истеченіи этого срока можно было несправнаго должника продать въ рабство (*trans Tiberim*) и только съ *этого* момента *addictus* терялъ свою свободу.

4) *Кабала (mancipium)* Въ древнія времена былъ обычай отдавать дѣтей „въ кабалу на урочные годы,“ за извѣстную сумму денегъ. Нерѣдко въ минуты нужды такъ закабалились и лица *sui juris*. Кабальный (*mancipatus*), продолжая быть свободнымъ римскимъ гражданиномъ, по отношенію къ своему хозяину признавался на положеніи раба (*servi loco*); все, имъ пріобрѣтенное, поступало въ собственность хозяина и самому себѣ онъ заработать имуществва не могъ ничего, пока былъ въ кабаль. Прекращалась послѣдняя отработкой долга въ извѣстный срокъ или къ *lustrum*.

Status civitatis

Въ отношеніи къ правамъ гражданства *jus civile* установило различныя категоріи политической и гражданской правоспособности. Правда, съ теченіемъ времени, подъ влияніемъ *jus gentium*, эти различія и сгладились, но взаимѣ ихъ въ императорскій періодъ выступили новыя основанія неравенства правъ подданныхъ—государственная служба и религія.

На вершинѣ общественнаго и юридическаго положенія стояли граждане города Рима *cives romani*, *cives optimo jure*, которые первоначально одни только признавались правоспособными лицами. Ихъ общественное положеніе выражалось въ четырехъ основныхъ правахъ: *a) jus suffragii* — право участія и подачи голоса въ народныхъ собраніяхъ; *b) jus honorum* право быть избраннымъ на государственную службу; *c) jus connubii*—право вступать въ законный бракъ съ гражданками для рожденія полноправныхъ римскихъ гражданъ; *d) jus commercii*—право вступать во все юридическія сдѣлки гражданского права и охранять свои правомочія по *jus civile*.

Какъ уже было говорено въ свое время, первоначально все неграждане Рима подводились подъ одно общее понятіе—*hostes*—иностранцы, которые сами по себѣ не пользовались въ Римѣ ни правами, ни защитой; послѣднюю они могли получить лишь путемъ вступленія въ кліенты рода или государства.

Развитіе международныхъ и торговыхъ сношеній Рима съ соседними общинами заставило скоро отступить отъ этого стараго принципа. На сцену выступаютъ международные договоры, въ силу которыхъ Римъ признаетъ за гражданами другихъ общинъ (*peregrini*) права на пребываніе въ Римѣ и на защиту интересовъ при помощи *imperium*'а римскихъ магистратовъ. Создается даже специальный *praetor peregrinus*, рѣшавшій дѣла чужеземцевъ на началахъ общенароднаго права, по *jus gentium*. Въ этомъ отношеніи къ перегринамъ были, до известной степени, приравнены жители общинъ, покоренныхъ Римомъ силой оружія и сдавшихся на милость побѣдителямъ (*peregrini dedititii*): Они однако не могли никогда получить римскаго гражданства и жить въ Римѣ. Въ то же время въ силу отсутствія своего государства они не были *нигдѣ* гражданами, живя по правиламъ только *jus gentium*.

Преимущественнымъ положеніемъ среди перегриновъ пользовались союзники Рима — латиняне. Въ силу *jus latii* имъ было предоставлено *commercium* въ Римѣ, т. е. полное уравненіе съ *cives* въ области частныхъ правъ (*jus civile*); мало того переселяясь въ Римъ, *latini* получали тамъ даже *suffragium* и *jus honorum*.

Послѣ союзническихъ войнъ (90—84 до Р. Хр.) *civitas* была пожалована всемъ латинянамъ, и *jus latii* стали съ этого времени жаловать дѣльмъ муниципіямъ и колоніямъ за предѣлами Италія. (*latini colonarii*). Мало того, по *lex Junia Norbana* (въ 1 г. до Р. Хр.) *latinitas* давалась рабамъ, отпущеннымъ на волю не квинтскимъ а бонитарнымъ собственникомъ, или же въ ненадлежащей формѣ (*Latini Juniani*). Въ отлічіе отъ *latinii colonarii*, *latini Juniani* не могли распоря-

жаться своимъ имуществомъ на случай смерти; оно всегда переходило къ ихъ бывшимъ господамъ. Потому то о нихъ говорилось, что они жили какъ свободные, умирали же какъ рабы (Gai I, 95 слѣд.)

Lex Iulia 90 г. и Lex Plautia Papiria 88 г. уничтожили peregrinovъ въ Италіи, а Lex Antoniniana (Каракаллы) de civitate 212 г., давшій гражданство всѣмъ жителямъ имперіи, прекратилъ дѣленіе подданныхъ Рима на cives, latini и peregrini, кромѣ случаевъ уменьшенія status civitatis за преступленія (по lex Aelia Sentia напр.). Со времени Юстиніана peregrinami назывались всѣ не подданные Рима, пріѣзжавшіе по своимъ дѣламъ на государственную территорию; причемъ римское право того времени, ставшее jus gentium, давало широко защиту всѣмъ и иностранцамъ признавъ за послѣдними jus commercii. Теперь остались изъ гражданъ ограниченными въ civitas только иновѣрцы: евреи (не могли вступать на государственную службу и совершать браки съ христіанами), язычники (pagani, отъ pagus, т. е. жители деревень, въ отличіе отъ urbani) еретики и apostatae (лишались наслѣдства и не могли быть свидѣтелями).

Cives optimo jure дѣлались таковыми или по происхожденію отъ свободорожденной матери (отецъ — безразличенъ хотя бы и рабъ), или получали себѣ это положеніе за отличія. Такъ, напр., по закону права гражданства давались за услуги Риму, напр., за сдѣланныя значительныя постройки, за снабженіе хлѣбомъ во время голода и т. д.

Римскій гражданинъ признавался полноправнымъ и правоспособнымъ безъ какихъ либо ограниченій, подъ однимъ однако обязательнымъ условіемъ, именно безпорочности своей жизни; онъ долженъ былъ строго блюсти свою честь (existimatio) и не совершать никакихъ поступковъ, позорящихъ доброе имя гражданина. За этикою гражданъ въ этомъ отношеніи строго слѣдили и цензоры со своей nota censoria, и преторы, имѣвшіе право даже отказать въ искѣ или въ дачѣ свидѣтельскаго показанія лицу (*jus postulandi*), завѣдомо безчестному (*infamia*). При этомъ въ преторскомъ эдиктѣ были точно указаны случаи, при наличности которыхъ налагалась такая *infamia*. Это именно: (*fr. I Dig De his, qui not. 3. 2*): 1) позорное исключеніе изъ арміи; 2) преступленія, въ которыхъ былъ обвиненъ *civis* въ *judicia publica*, передъ народнымъ собраніемъ, когда въ нихъ высказывались недобросовѣтность и обманъ; 3) чрезмѣрные долги, изъ за которыхъ лицо стало банкротомъ и его имущество продано съ аукціона; 4) занятія позорящими промыслами, напр. содержаніе домовъ терпимости, ростовщичество, состояніе въ актеряхъ, мимахъ, гладиаторахъ и т. п. Въ императорскій періодъ понятіе объ *infamia* расширилось еще болѣе,

и судья могъ *ex animi sententia* признать *turpitude* лица на основаніи его дурного поведенія (пьянства, жотовства и др.)

Вольноотпущеники (*libertini*). Среди римскихъ гражданъ, полноправныхъ юридически, фактически въ несравненно худшемъ положеніи находились вольноотпущенники, за которыми съ теченіемъ времени и положительное право признало рядъ ограниченій въ области пользованія правами римскаго гражданства, что продолжалось до Юстиниана. Въ области публичнаго права *libertini* были лишены *jus honorum*, не могли быть сенаторами и курульными магистратами, и кромѣ того *jus suffragii* былъ стѣненъ у нихъ реформой Аппія Клавдія, по которой *всѣ* вольноотпущенные записывались лишь въ 4 городскія трибы, получивъ такимъ образомъ въ *comitia tributa* всего 4 голоса. Въ области частнаго права вольноотпущенные продолжали находиться въ подчиненномъ отношеніи къ ихъ бывшему хозяину (патронатъ). Въ силу патроната *liberti* (такъ назывались вольноотпущенные въ отношеніи къ ихъ бывшему хозяину) обязаны были: 1) *obsequium praestare*, т. е. не могли судиться съ патрономъ безъ разрѣшенія магистрата, и совершенно лишены были права предъявлять *actiones famosae* противъ патрона; 2) должны были давать патрону *alimenta* (это была впрочемъ ихъ *взаимная* обязанность); 3) патронъ, при отсутствіи ближайшихъ наслѣдниковъ, наслѣдовалъ своему либерту; 4) по старой системѣ клиентелы, *libertus* долженъ былъ доставлять своему патрону *operae fabriles* (своимъ ремесломъ) и *operae officiales* (моральныя услуги).

Только при императорахъ дозволено было дочерямъ либертиновъ вступать въ браки съ сенаторами. *Libertinus* могъ получить права *ingenuus'a* путемъ пожалованія императоромъ *jus anuli aurei* или признанія его за свободорожденнаго (*natalis restitutio*). Въ случаѣ возведенія въ всадническое сословіе, новопожалованный однако продолжалъ оставаться либертомъ передъ своимъ патрономъ.

Утрата римляниномъ правъ гражданства, влекшая въ свою очередь утрату *status'a familiae*, называлась *capitis diminutio media*. Въмѣстѣ съ тѣмъ утрачивалась для такого лица защита его правъ по *jus civile*, и лишь по *jus gentium* такой *peregrinus* (бывшій *civis*) могъ вести свои дѣла въ государствѣ.

Status familiae.

Выше мы говорили уже о томъ значеніи рода и семьи какое они играли въ жизни римскаго гражданина въ первые вѣка существованія Рима, еще какъ союза нѣсколькихъ самостоятельныхъ общинъ. (ч. I,

стр. 9). И съ упроченіемъ римскаго государства значеніе этихъ двухъ факторовъ, (особенно значеніе семьи—*familia*) ослабленное, до извѣстной степени, въ области правъ публичныхъ, продолжало быть велико въ области правъ гражданскихъ.

Первоначальная римская семья (*familia*) представляла собою совокупность лицъ и имущества, надъ которыми господствовалъ старшій домохозяинъ сложной семьи (*paterfamilias*). Остальные лица въ семьѣ, по отношенію къ домовладыкѣ назывались *famuli*, *familiares*. Въ составъ семьи входили такимъ образомъ: находившаяся подъ властью домовладыки (*manus*) его жена, состоящіе подъ властью *paterfamilias* дѣти, равно какъ жены дѣтей и ихъ нисходящіе. Однако потомство дочерей и вообще нисходящихъ *женскаго пола*, вышедшихъ замужъ изъ семьи, уже не входило въ составъ *familia*, равно какъ и эмансипированные *filiifamilias*. Такимъ образомъ римская *familia* (сложная семья) покоилась на принципѣ родства по отцу; причемъ только происхожденіе съ отцовской стороны черезъ лицъ мужского пола (а *patre cognati per virilem sexum*) почиталось по *jus civile* родствомъ (*agnatio*). Рядомъ съ нимъ уже позднѣе (преторами) признано было родство по *jus gentium* *всѣхъ* кровныхъ нисходящихъ, происшедшихъ черезъ *justae nuptiae* (*cognatio*). Съ развитіемъ преторскаго права родство кровное (*cognatio*) стало приобретать все болѣе юридическаго значенія; въ императорскій періодъ эта тенденція продолжается, пока Юстиніанъ своими новеллами совершенно не уничтожилъ агнатическаго родства, оставивъ въ силѣ лишь *cognatio*.

Кромѣ естественнаго происхожденія *per virilem sexum* въ составъ *familia* могли входить лица черезъ юридическіе акты, каковыми были *conventio in manum*—т. е. цивильный бракъ *cum manu*, въ силу котораго жена становилась въ семьѣ *filiae loco*, а затѣмъ *усыновленіе* (*adoptio*).

По отношенію къ *status familiae* римское право различало двѣ группы лицъ: *personae sui juris* и *personae alieni juris*. Лица первой категоріи были тѣ, надъ которыми не было никакой власти въ семейномъ порядкѣ. *Persona alieni juris*—это было лицо, подвластное домовладыкѣ. Правоспособность ихъ была ограниченной въ томъ отношеніи, что обладая правами публичными (*jus suffragii*, *jus honorum*), они были стѣснены въ области частно-правной. Здѣсь, имѣя *connubium*, въ смыслѣ свободы заключенія браковъ, они отдавали подъ власть домовладыки и своихъ женъ (*neptis loco*), и ихъ приданое, и своихъ дѣтей, сами продолжая тоже оставаться *sub patria potestate*. Въ области *commercium*'а лица *alieni juris* имѣли полную гражданскую правоспособность и могли совершать любыя сдѣлки, но всѣ *ex alia persona*,

т. е. такъ, что всѣ *выгоды* по сдѣлкамъ этимъ шли въ пользу *paterfamilias*. *Personae alieni juris* не имѣли ничего собственнаго; даже передававшееся иногда имъ въ распоряженіе и хозяйство домовладыкой имущество продолжало оставаться собственностью послѣдняго, въ его безконтрольномъ завѣдываніи (*peculium*).

На положеніи *filius'a familias*, въ области имущественныхъ отношеній, находился тотъ гражданинъ (или *Latinus*), который былъ отданъ въ *mancipium*, въ кабалу. Различіе отъ *filius familias* кабальнаго состояло въ томъ, что по смерти домовладыки его *filius familias* становился *personae sui juris*, тогда какъ кабальный продолжалъ оставаться въ чужой семьѣ на прежнемъ положеніи.

Всякое измѣненіе въ семейномъ положеніи лица *при жизни домовладыки*, (*familiae mutatio*), напр., выходъ замужъ *cum manu* въ другую семью, *datio in adoptionem*, эманципація сына и др., называлось *capitis diminutio minima*. Смерть *paterfamilias* не влекла за собою такой *capitis deminutio*, ибо при ней не происходило исключенія, выхода изъ *familia*, а лишь послѣдняя естественнымъ образомъ распадалась на новыя *familiae*, въ которыхъ *filius familias* становились *personae sui juris*, оставаясь въ прежнемъ *status*, по прежнему агнатами.

Съ теченіемъ времени римскія сложныя семьи начинаютъ претерпѣвать крупныя измѣненія въ своей организаціи; постепенно ослабляется власть домовладыки надъ членами семьи, вводятся сторонніе не подчиненные *paterfamilias* элементы въ семью (жена, въ бракѣ *sine manu*), признается право за *filius familias* обладать своимъ личнымъ имуществомъ, повышается отвѣтственность домохозяевъ по обязательствамъ сыновей; словомъ, изъ подъ семейной оболочки выдѣляются и другіе члены семьи. Въ послѣдней, особенно подъ вліяніемъ христіанства, пріобрѣтаетъ все болѣе значенія моральный элементъ, семья становится союзомъ, основаннымъ на бракѣ и устанавливающимъ объединеніе подъ властью отца родителей и дѣтей въ цѣляхъ взаимной защиты и поддержки моральной и матеріальной.

Юридическія лица.

Кромѣ людей, какъ субъектовъ права, наука и жизнь признаютъ существованіе особыхъ соціальныхъ организацій, юридическихъ лицъ, обладающихъ самостоятельными правами и обязанностями, способныхъ проявлять свою волю, независимую или во всякомъ случаѣ иную, чѣмъ воля физическихъ лицъ, входящихъ въ составъ такихъ организацій. При этомъ въ послѣднихъ воля можетъ проявляться путемъ взаимно-

дѣйствія воли индивидовъ, входящихъ въ такую сложную организацію (акціонерныя компаніи, корпораціи вообще): или же воля эта разъ на всегда устанавливается опредѣляющей дѣятельностью организаціи ея учредителемъ и выполняется черезъ специально создаваемую при учрежденіи организацію. Сообразно способу созданія и проявленія воли, юридическія лица бывають двухъ видовъ—корпораціи и учрежденія, которыя въ свою очередь, по характеру правомочій и области ихъ дѣятельности, могутъ быть субъектами права публичнаго или же права частнаго. Въ исторіи Рима мы встрѣчаемся съ юридическими лицами съ самаго ранняго времени. Такими юридическими лицами были уже *gentes* и само государство. Такъ государство имѣло свое имущество, заключало сдѣлки, черезъ своихъ представителей, съ частными лицами, судилось даже съ ними, изъявляло свою волю въ народныхъ собраніяхъ и т. д. Такого же типа юридическими лицами были различныя *civitates*, *coloniae*, муниципіи, равно какъ въ Римѣ *curiae* и *tribus*, а равно жреческія корпораціи и др. Кромѣ того такое же корпоративное устройство имѣли особенно размножившіяся въ республиканскомъ Римѣ организаціи, создававшіяся первоначально въ цѣляхъ объединенія для почитанія тѣхъ или иныхъ божествъ, принесенія имъ жертвъ и устройства пиршествъ (*collegia sodalitia*). Съ теченіемъ времени коллегіи этого характера стали центрами политической агитаціи. Наконецъ, было много корпорацій промышленнаго характера (*collegia fabrorum, pistorum* и пр.) равно какъ коллегіи для взаимнаго вспоможенія (*collegia tenuiorum* напр. *coll. funeratitia*).

Съ начала императорскаго періода правительство обратило свое вниманіе на чрезмѣрное увеличеніе въ Римѣ числа различнаго рода корпорацій, преслѣдовавшихъ главнымъ образомъ политическія задачи и цѣли, и желая тормозить политическую агитацію въ странѣ, стало всячески преслѣдовать существующія корпораціи. Въ этомъ отношеніи уже Цезарь и Августъ дошли до того, что уничтожили всѣ существовавшія до нихъ въ Римѣ *sodalitates* и другія корпораціи, кромѣ древнѣйшихъ—жреческихъ и старыхъ ремесленныхъ. Изданнымъ въ то же время закономъ Юлія *de collegiis* было предписано на будущее время испрашивать предварительнаго разрѣшенія у правительства на открытіе новой корпораціи, безъ чего послѣдняя не могла существовать; только по исключенію было напередъ разрѣшено созданіе явочнымъ порядкомъ корпорацій опредѣленнаго типа (напр. *collegia funeratitia*).

Римская юриспруденція, если судить по даннымъ, какія дошли до насъ, главнымъ образомъ въ обработкѣ Юстиніана, слабо разработала ученіе о юридическихъ лицахъ. Уступая духу императорской политики въ отношеніи этихъ организацій, юристы учили, что юридическія

лица не представляются чѣмъ то реальнымъ, не имѣютъ самостоятельнаго бытія; за ними лишь по фикціи признаны властью свойства лицъ, почему и воли своей у юридическихъ лицъ нѣтъ, а она проявляется искусственно созданными органами, являющимися представителями юридическихъ лицъ. Поэтому юридическія лица, эти фикціи, лишеныя своей воли, могли дѣйствовать только черезъ представителей, являясь въ этомъ смыслѣ схожими съ *furiosi, infantes*.

Что касается *учрежденій*, то эта категорія юридическихъ лицъ стала извѣстна въ Римѣ лишь съ императорскаго періода, особенно подъ вліяніемъ христіанства. Въ это время возникаютъ *ria corpora, riae causae*; дѣлаются благотивными римлянами вклады на извѣстныя общепольныя или благотворительныя цѣли, завѣдываніе которыми обыкновенно поручалось монастырямъ или епископамъ. Послѣдніе и слѣдили за точнымъ соблюденіемъ воли жертвователей, чтобы имущество обращалось именно на удовлетвореніе указанныхъ ими задачъ и цѣлей. Постепенно такія благотворительныя учрежденія стали получать и самостоятельное бытіе, управляясь своимъ специальнымъ органомъ (правленіемъ) согласно во всемъ волѣ жертвователей, основателей этихъ *ria corpora*.

Семейное право.

Бракъ.

Бракъ по римскимъ понятіямъ былъ законнымъ порядкомъ установленный союзъ мужчины и женщины для продолженія семьи и рода (*liberorum procreandorum causa*). Для того, чтобы бракъ былъ признанъ законнымъ (*justae nuptiae*), онъ долженъ былъ удовлетворять извѣстнымъ условіямъ, главнымъ образомъ политическаго характера. Прежде всего такія *justae nuptiae* могли быть заключены только лицами, имѣющими *jus connubii*, который, напр., за плебеями былъ признанъ только по *lex Canuleja*. Затѣмъ отъ 1 вѣка по Р. Хр. до Юстиніана *connubium* не признавался между либертинами и *ingenui*, равно между *ingenui* и проститутками (*lena, quae corpore quaestum sibi faciunt*) Съ признанія христіанства господствующей религіей были недозволены браки съ язычниками и евреями.

Для лицъ съ *jus connubii* вступленіе въ *justae nuptiae* было обставлено слѣдующими условіями: 1) *Взаимное согласіе брачующихся*

и их *patresfamilias* (ранѣе-лишь однихъ старшихъ домохозяевъ). Во времена имперіи строго наказывались за насильственный бракъ и за похищеніе женщины; причемъ и самый бракъ, такъ совершенный, признавался ничтожнымъ. 2) *Возрастъ*, первоначально въ смыслѣ фактической половой зрѣлости брачующихся (*pubertas*). 3) *Близость родства*. Запрещались браки въ прямой линіи во всѣхъ степеняхъ, въ боковыхъ же до 4 степени. Со времени Константина Великаго равнымъ образомъ были запрещены браки между ближайшими свойственниками. Свойствомъ, *affinitas*, называется связь между однимъ супругомъ и родственниками другого супруга, а равно связь родственниковъ одного супруга съ родственниками другого. 4) *По этическимъ основаніямъ* нельзя было жениться на невѣстѣ отца или сына, на собственной выброчной дочери, на вдовѣ ранѣе окончанія траурнаго года.

Понятіе о *justae nuptiae* примѣнялось лишь къ римскимъ гражданамъ (и латинамъ съ *jus connubii*); бракъ римлянъ съ перегринами назывался *matrimonium mere juris gentium* и не влекъ первоначально за собою послѣдствій римскаго законнаго брака; значеніе его однако въ республиканскій періодъ все болѣе увеличивается, причемъ изъ такихъ *matrimonia* возникли (Voigt) браки *sine manu*. Какъ мы читаемъ у Гая (I, 78) по *lex Mensia* (или *Minicia*) положеніе дѣтей отъ *matrimonium juris gentium* стали приравнивать къ „*deteriorem parentis status*,” или какъ говоритъ Гай, дѣти отъ такихъ браковъ признавались за перегриновъ.

Этотъ видъ брака существовалъ, пока сохранялось старое различіе римскихъ гражданъ отъ остальнаго населенія. Но съ признаніемъ за всѣми жителями имперіи римскаго гражданства такой бракъ *juris gentium* сталъ примѣняться лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, напр., въ случаяхъ изгнанія одного изъ супруговъ, его ссылки на каторжные работы, когда не виновный супругъ слѣдовалъ за преступнымъ; такой же былъ *matrimonium* въ случаѣ брака римлянъ съ варварами и др.

Конкубинатъ. Этотъ своеобразный институтъ римскаго права особенно развитъ былъ Константиномъ и существовалъ до времени Льва Философа (IX вѣкъ.) Конкубинатомъ называлось дозволенное постоянно половое сожителство (*licita consuetudo*) мужчины съ незамужней женщиной, безъ намѣренія вступить въ бракъ. Подобныя связи обыкновенно заключались только съ женщинами низкаго состоянія или общественнаго положенія (вольноопущенницы, танцовщицы, актрисы). Со времени *lex Julia de maritandis ordinibus* и *lex Julia de adulteriis* (Августа) стали карать вѣброчныя связи съ *честной* (*ingenua*) женщиной, какъ *stuprum*. Послѣ этого конкубинатъ сталъ разсматриваться какъ фактическое отношеніе, не влекущее за собою юридическихъ послѣдствій;

дѣти отъ конкубината признавались *внебрачными*, не имѣющими никакой связи съ отцомъ.

При христіанскихъ императорахъ, правда, на конкубинатъ смотрѣли неодобрительно; однако въ то же время начали законами выдѣлять конкубинатъ изъ ряда другихъ половыхъ связей. Въ этомъ отношеніи при Константинѣ дозволено было узаконять своихъ *liberi naturales* путемъ послѣдующаго брака съ ихъ матерью конкубиной. По кодексу Θεодосія дозволялось завѣщать этимъ дѣтямъ все имущество лишь въ томъ случаѣ, если у отца не было родственныхъ. Если были нисходящіе при нихъ *liberi naturales* могли получить изъ наслѣдства не болѣе $\frac{1}{12}$ части, а при наличности другихъ родственниковъ— $\frac{1}{4}$. Юстиніанъ окончательно урегулировалъ конкубинатъ, признавъ между прочимъ за *liberi naturales* право на алиментъ отъ отца и отъ матери, а равно право *ab intestatio* наслѣдовать въ имуществѣ отца, именно въ $\frac{1}{6}$ части, при отсутствіи у послѣдняго законныхъ дѣтей и жены. Если же законные дѣти и жена были, тогда отецъ могъ по завѣщанію оставить дѣтямъ отъ конкубины не болѣе $\frac{1}{12}$ доли имущества на всѣхъ; и $\frac{1}{24}$ на одну конкубину.

Сожительство съ рабыней или рабомъ (*contubernium*) равно какъ *adulterium* или *stuprum* не влекли за собою юридическихъ послѣдствій

Брачныя отношенія.

По *jus civile* для заключенія законнаго брака требовалось совершеніе его въ одной изъ трехъ формъ: *confarreatio*, *coemptio* и *usus*.

1) *Confarreatio* — представляла собою древнюю патриціанскую форму заключенія брака, въ присутствіи *pontifex maximus*, *Flamen Dialis* и 10 свидѣтелей. Совершалась она путемъ принесенія торжественной жертвы Юпитеру изъ *panis farreus* (хлѣбъ изъ полбы) съ произнесеніемъ обрядовыхъ словъ (*Gai* I, 112, 136), указывающихъ на заключеніе брака. Посредствомъ этого обряда жена входила въ *sacrum communi* семьи мужа, разрывая сакральную связь съ *familia* своего отца.

2) *Coemptio*—форма брака, доступная и для плебеевъ, являлась по характеру своему продажей дочери отцомъ ея будущему мужу или домохозяину послѣдняго въ присутствіи 5 свидѣтелей и *libripens'a*. Такимъ образомъ при *coemptio* жена первоначально разсматривалась какъ *объектъ* покупки, продавцомъ и покупателемъ которой выступали домовладыки. Со временемъ самый актъ покупки сдѣлался одной формой (*imaginaria venditio*); никакой цѣны не платилось, а женихъ просто передавалъ, для соблюденія обряда, кусочекъ металла или мелкую мо-

нету. Въмѣстѣ съ тѣмъ и на *coemptio* самую стали смотрѣть какъ на сдѣлку съ женою, а не по поводу жены, ставшей теперь *субъектомъ* данного отношенія. Черезъ *coemptio* жена вступала въ *manus* мужа или старшаго домохозяина, но не входила въ его *gens* и не имѣла *sacrogum communicio* съ мужемъ.

1) *Usus*—это приобрѣтеніе правъ мужа посредствомъ давностнаго непрерывнаго полового пользованія женою въ теченіе года: снова примѣненіе возрѣнія на жену какъ на вещь. При этомъ, какъ и въ бракѣ по *coemptio*, жена не приобрѣтала ни *sacrogum communicio* съ мужемъ, ни входила въ его *gens*, поступаая однако подъ власть мужа. Ко времени Гая этотъ способъ заключенія брака вышелъ изъ употребленія.

При заключеніи брака однимъ изъ трехъ указанныхъ выше способовъ, жена входила въ семью мужа подъ власть старшаго домохозяина (*filiae loco*), во всемъ приравниваемая и лично и имущественно къ дочерямъ домохозяина. Юридически ей мужъ приобрѣталъ надъ ней *manus*, т. е. все права какъ къ своимъ дѣтямъ (*patria potestas*). Однако пока мужъ былъ *filius familias*, осуществленіе содержанія правъ, заключающихся въ *manus*, принадлежало домовладыкѣ—(*paterfamilias*). Такимъ образомъ можно сказать, что въ бракѣ *cum manu* не возникало особенныхъ *юридическихъ* отношеній между мужемъ и женою какъ таковыми; здѣсь просто въ *familia* входилъ новый членъ, поступавшій подъ власть домовладыки, приравниваемый во всемъ при этомъ къ положенію *filiae familias*.

Прекащался бракъ *cum manu mariti* вслѣдствіе смерти или *capitis deminutio maxima* или *media* одного изъ супруговъ. Если выбывалъ мужъ, жена оставалась въ семьѣ послѣдняго на прежнемъ своемъ положеніи. Кромѣ того возможно было *расторженіе* брака сперва по произволу мужа; позднѣе по взаимному согласію. Совершался *разводъ* при бракѣ, заключенномъ по *confarreatio*, путемъ особаго формальнаго акта—*diffarreatio*, сакральнаго тина. Посредствомъ *diffarreatio* расторгалось *sacrogum communicio* и *manus*. Браки черезъ *coemptio* и *usus* расторгались путемъ *remancipatio*, т. е. обратной продажей жены лицу, которому она вѣршла, поступаая (*servae loco*) въ *causa mancipii* къ послѣднему, и онъ уже отпускалъ ее на волю, дѣлая женщину *sui juris*. Браки *cum manu* исчезли изъ римской жизни только въ императорскій абсолютный періодъ; Юстиніаново законодательство уже о нихъ совсѣмъ не упоминаетъ.

Браки *sine manu*.

Уже въ началѣ республиканскаго періода, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ смѣшанныхъ браковъ съ плебеями и перегринами (*matrimonia juris gentium*), все болѣе захватываютъ почву для себя браки,

заклучавшіеся простымъ свободнымъ соглашеніемъ брачующихся и фактическимъ установленіемъ сожителства (*consensus, deductio in domum mariti*). Согласіе домовладыки на бракъ было сперва необходимо; однако съ начала принципата по *lex Julia* дозволено было подвластнымъ жаловаться на такой отказъ домовладыки, и магистратъ, разобравъ дѣло, могъ велѣть домохозяину не мѣшать заключенію брака. Простой *consensus* являлся формой заключенія брака и при христіанскихъ императорахъ; только Левъ Философъ (въ концѣ IX в.) установилъ обязательнымъ церковное вѣнчаніе. Жена въ бракѣ *sine manu* (она называлась *uxor (matrona)*) признавалась независимой отъ мужа и въ личномъ, и въ имущественномъ отношеніи, продолжая состоять агнаткой въ отцовской своей семьѣ. Если она была *sui juris*, то удерживала за собою все свое имущество, могла вступать въ договоры, могла обязывать и обязываться, т. е. могла пріобрѣтать для себя. Такимъ образомъ въ бракѣ *sine manu* былъ строго проведенъ принципъ имущественной раздѣльности супруговъ, причемъ независимое имущество жены называлось *parapherna*. Если мужу и предоставлялось женою управление ея имуществомъ, онъ дѣйствовалъ какъ простой довѣренный жены, обязанный ей во всемъ отчетностью. Мало того, въ интересахъ большаго обезпеченія противъ возможной эксплуатаціи одного супруга другимъ, особенно при легкой расторжимости браковъ *sine manu*, установлено было (не ранѣе и в. до Р. Хр.) запрещеніе *дареній между супругами inter vivos*; но на случай смерти даренія между супругами были дозволены и позднѣе. Равно дозволенъ былъ и предбрачный даръ (*donatio ante nuptias*), дававшійся женихомъ невѣстѣ для обезпеченія на случай вдовства или развода.

Въ виду обособленія жены отъ семьи мужа, послѣдній долгое время не могъ даже требовать ее отъ отца для совмѣстной жизни, ибо *paterfamilias* жены (если она была *alieni juris*) имѣлъ даже противъ мужа *interdictum de liberis exhibendis et ducendis*. Только въ послѣ-классическое время мужъ получилъ право требовать къ себѣ жену и отъ ея домохозяина посредствомъ интердикта *de uxore ducenda*. Наслѣдственные отношенія супруговъ въ бракѣ *sine manu* были установлены уже преторомъ (*bonorum possessio unde vir et uxor*), и то въ случаѣ, если не было наслѣдниковъ среди родственниковъ умершаго; какъ мать своихъ дѣтей по преторскому праву *uxor* наслѣдовала съ *когнатами* (при бракѣ *cum manu* жена наслѣдовала послѣ дѣтей *sororis loco*). Вообще можно сказать, что юридическая сила брака *sine manu* главнымъ образомъ отражалась не на женѣ, а на дѣтяхъ, ради которыхъ (*liberorum procreandorum causa*) были заключаемы эти браки; дѣти отъ такихъ браковъ признавались законными дѣтьми

sub patria potestate; затѣмъ въ интересахъ чистоты потомства, запрещалось прилюбоудѣяніе подъ угрозой наказанія (*lex Julia de adulteriis* 18 г. до Р. Хр.)

Приданое, dos—Подъ вліяніемъ желанія подчеркнуть независимость жены въ бракѣ sine manu, установлено было, сперва обычаемъ участіе жены въ расходахъ на совмѣстную жизнь въ бракѣ. Это осуществлялось институтомъ приданого. Выходя замужъ, женщина обыкновенно при бракѣ sine manu передавала часть своего имущества въ распоряженіе мужа ad opera matrimonii ferenda. Это имущество, пока длился бракъ находилось въ пользованіи и управленіи послѣдняго; причемъ запрещено было мужу отчуждать недвижимости, вошедшія въ составъ dos.

Но прекращеніи браковъ первоначально приданое всегда оставалось въ семьѣ мужа. Однако практика жизни скоро показала, что такой порядокъ очень опасенъ для женщинъ. Дѣло въ томъ, что, при свободѣ разводовъ, мужья часто, захвативъ приданое, давали разводъ женамъ, спекулируя такимъ образомъ на бракахъ съ богатыми. Желая уничтожить такое нежелательное явленіе, въ Римѣ стали при выдачѣ мужьямъ приданого, заключать съ ними особый уговоръ, обыкновенно въ формѣ стипуляціи (cautio rei uxoriae) о возвращеніи dos обратно жень (или тому, кто далъ за женой приданое) въ случаѣ расторженія брака, чтобы такимъ образомъ обосновать противъ мужа искъ о выдачѣ dos (actio ex stipulatu) при разводѣ. Скоро здѣсь въ помощь женщинамъ, преторы въ своемъ эдиктѣ установили общую обязанность для мужей въ бракѣ sine manu возвращать приданое при разводѣ обратно, даже если не было о томъ заключено спеціальнаго уговора. Въ этихъ цѣляхъ противъ мужей давался женамъ искъ (actio rei uxoriae не переходившій по наслѣдству) о выдачѣ приданого обратно въ томъ размѣрѣ, какой остался отъ расходовъ на совмѣстную жизнь.

Въ тѣхъ же цѣляхъ гарантировать жень отъ расточенія приданого возникъ въ императорскій періодъ изъ donatio ante nuptias институтъ *donatio propter nuptias*, въ силу котораго, при бракахъ съ приданнымъ женихъ до полученія dos въ доказательство своей прожиточности обязанъ былъ дарить невѣстѣ имущества въ размѣрѣ, равномъ dos. Во время брака это имущество, какъ и dos, находилось въ завѣдываніи мужа; а при расторженіи брака по винѣ мужа поступало въ распоряженіе жены и дѣтей. Юстиніанъ дозволилъ устанавливать такую donatio и во время брака.

Подобно тому, какъ для заключенія брака sine manu было достаточно взаимнаго согласія брачующихся, такъ и для прекращенія брака достаточно было взаимнаго соглашенія на это супруговъ (*divortium*),

или по волѣ одного изъ супруговъ, т. е. *и uxeny* (*repudium*). При свободѣ правовъ въ императорскомъ Римѣ наблюдается поразительное число этихъ актовъ. Такъ св. Иеронимъ рассказываетъ, что онъ видѣлъ въ Римѣ мужа, который хоронилъ свою двадцать первую жену. Марціалъ указываетъ на одну женщину, переѣхавшую въ одинъ мѣсяць десять мужей. Форма развода (лишь для *repudium'a*) была дана только по *lex Julia de adulteriis*, которымъ было указано, чтобы объявленіе о разводѣ, словесное или письменное, сообщалось другому супругу въ присутствіи семи свидѣтелей. И христіанскіе императоры боролись противъ разводовъ лишь путемъ наказаній имущественнаго свойства въ случаѣ установленія односторонняго развода безъ достаточно уважительныхъ причинъ (каковыми были признаны: напр., *inpotentia*, безнравственное поведение, жестокое обращеніе и т. д.).

Послѣ прекращенія брака дозволялось вступленіе въ новой; только вдовы и разведенныя должны были при этомъ выждать годъ для предупрежденія *turbatio sanguinis*, подъ угрозой иначе *infamia*.

Переходное время отъ республики къ принципату было порой полнаго крушенія въ Римѣ семейной жизни. Желая помочь бѣдѣ, Августъ путемъ двухъ законовъ—*lex Julia de maritandis ordinibus* и *lex Julia et Papia Poppaea* вмѣнили въ обязанность всѣмъ мужчинамъ въ возрастѣ отъ 25 до 60 лѣтъ и женщинамъ отъ 20—56 лѣтъ состоять въ бракѣ и имѣть дѣтей. Несоблюденіе этого предписанія влекло для ослушниковъ невыгодныя имущественныя послѣдствія. Именно, всѣ *caelibes* (безбрачные) и *orbi* (бездѣтные) лишены были права получать по завѣщаніямъ не родственниковъ: *caelibes*—вовсе, *orbi*—на половину. Излишекъ по завѣщанію (*caducum*) поступалъ или къ женатымъ и имѣющимъ дѣтей сонаслѣдникамъ, или же, за отсутствіемъ ихъ, шелъ въ казну. Въ вознагражденіе за обладаніе большимъ количествомъ дѣтей, (*jus trium liberorum*), женщина по закону освобождалась отъ половой опеки и признавалась *sui juris*.

Эти законы вызвали общее неудовольствіе. Константинъ отмѣнилъ правила о *caduca*, а Юстиніанъ почти все остальное.

Дѣти.

Въ ученіи о дѣтяхъ и объ отношеніяхъ ихъ къ родителямъ въ римскомъ правѣ слѣдуетъ исходить изъ двоякаго типа самой семьи, какъ она представляется намъ въ Римѣ, гдѣ первоначально естественная семья, т. е. союзъ супруговъ и ихъ дѣтей, закрывалась представленіемъ о сложной семьѣ, *familia*, со старшимъ домохозяиномъ во главѣ, въ полномъ подчиненіи у котораго могло находиться нѣсколько естественныхъ семействъ его нисходящихъ мужского пола. Въ сложной семьѣ такого типа власть отца надъ дѣтьми находилась фактически исключи-

тельно въ рукахъ старшаго домохозяина; мы же для упрощенія изложенія будемъ далѣе всюду представлять себѣ familia отождествленной съ естественной семьей.

Законными дѣтьми называются родившіяся отъ полового сожитія лицъ въ законномъ бракѣ или узаконенныя и усыновленныя римскими гражданами.

Такимъ образомъ отношенія законныхъ дѣтей къ родителямъ могли возникнуть тремя способами—рожденіемъ, узаконеніемъ и усыновленіемъ.

Рожденіе въ законномъ бракѣ показывало мать младенца—*mater semper certa est*; отцомъ новорожденнаго всегда предполагался супругъ матери младенца—*pater is est, quem justae nuptiae demonstrant*. Послѣ смерти мужа рѣшающее значеніе на признаніе законности рожденія имѣетъ только фактъ зачатія ребенка во время брака; почему законными дѣтьми признавались все, родившіяся не ранѣе 182 дней, считая отъ дня заключенія брака, и не позднѣе 10 мѣсяцевъ со дня смерти мужа матери (или развода).

Дѣти, рожденныя отъ *matrimonium juris gentium*, хотя и считались законными, но не подпадали подъ власть отца, слѣдуя обыкновенно положенію своей матери. Для установленія правъ отца къ дѣтямъ отъ такихъ браковъ давалось ихъ родителямъ *erroris causae probatio*, съ конца республики, на случай, когда бракъ самый былъ заключенъ съ однимъ изъ супруговъ латинцомъ или перегриномъ по ошибкѣ; именно въ предположеніи, что онъ тоже римскій гражданинъ. Если отъ такого смѣшаннаго брака родился ребенокъ, то отецъ его *civis Romanus*, или мать—*civis Romana*, могли передъ властями *erroris causam probare*, и тогда ребенокъ становился тоже римскимъ гражданиномъ, подпадая во всемъ судьбѣ законныхъ дѣтей.

Узаконеніе. Дѣти вѣнбрачныя по древнему праву не могли быть узаконены. Уже позднѣе, по законамъ христіанскихъ императоровъ было дозволено узаконеніе *liberi naturales* (отъ конкубинъ); причемъ однако эти *liberi*, и получая права законныхъ дѣтей, поступали подъ *patria potestas* лишь въ случаѣ выраженного ими на то согласія. Способамъ узаконенія при этомъ были: съ Константина—*legitimatio per subsequens matrimonium* т. е. послѣдующимъ бракомъ съ бывшей своей конкубиной. Феодосій II добавилъ узаконеніе путемъ записи *filius naturalis* въ списки декуріоновъ или выдачей дочери замужъ за декуріона (*legitimatio per curiae oblationem*), а равно *leg. per rescriptum principis*—высочайшимъ пожалованіемъ правъ законнаго ребенка, но лишь въ случаѣ отсутствія законнаго потомства. Юстиніанъ по 18 новеллѣ дозволилъ *legitimatio per subsequens matrimonium* и для дѣтей, прижитыхъ отъ рабыни.

Узаконенныя дѣти вполнѣ уравнивались съ рожденными въ законномъ бракѣ; они становились *agnati* и *cognati* родственникамъ узаконителя, а равно признавалась родственная связь между послѣднимъ и дѣтьми узаконеннаго.

Усыновленіе создавало лишь агнатическую (не *cognatio*) связь, причѣмъ и родство признавалось лишь между усыновителемъ, усыновленнымъ и нисходящими послѣдняго; на боковыя линіи агнатство не распространялось.

Усыновлять могли не все, а лишь мужчины, такъ какъ *familia* продолжалась лишь черезъ мужчинъ. Правда, при Диоклетіанѣ дозволялось женщинамъ, потерявшей своихъ дѣтей, усыновлять ребенка (*in solationem liberorum amissorum*, Юстиніанъ дозволилъ это всемъ женщинамъ), но при этомъ не устанавлилась ни *patria potestas*, ни родство съ родными усыновительницы. Римскіе юристы говорили, что усыновленіе *imitatur naturam*; поэтому создано было правило, чтобы усыновляющій былъ способенъ къ брачной жизни (напр., не кастратъ), и могъ бы имѣть ребенка въ возрастѣ усыновляемаго. Въ цѣляхъ соблюденія послѣдняго условія было постановлено (послѣ времени Гая), чтобы усыновитель былъ старше усыновляемаго не менѣе чѣмъ на 18 лѣтъ.

Смотря по тому, былъ ли усыновляемый *persona sui juris*, или *filiusfamilias*, усыновленіе совершалось въ двойной формѣ—*arrogatio* и *adoptio*.

Arrogatio — усыновленіе лица *sui juris*, извѣстно было Риму съ древнѣйшихъ временъ. Первоначально совершалось оно въ народномъ собраніи (*com. curiata*) въ присутствіи жрецовъ, что требовалось въ виду важности этого акта съ сакральной точки зрѣнія (*sacrorum detestatio*—т. е. выходъ изъ прежняго семейнаго культа, можетъ быть даже *прекращеніе* его, и вступленіе подъ покровительство новыхъ боговъ семьи усыновителя). Въ императорскій періодъ, когда компетенція народныхъ собраній перешла къ императору, послѣдній сталъ своими *rescripta* разрѣшать *arrogatio* (*arrogatio per rescriptum principis*).

Вплоть до императорскаго періода *arrogatio* могла имѣть мѣсто лишь въ отношеніи къ совершеннолѣтнимъ римскимъ гражданамъ (14 лѣтъ, *puberes*) мужского пола. Измѣненія въ этомъ отношеніи произошли при Антонинѣ Піѣ, который во 1-хъ, дозволилъ удочереніе, а во 2-хъ, разрѣшилъ усыновлять и малолѣтнихъ, *sui juris*, подъ условіемъ, во первыхъ, выдать собственное имущество несовершеннолѣтняго его настоящимъ наследникамъ, если *arrogatus* умретъ не достигнувъ совершеннолѣтія; во 2-хъ, въ случаѣ смерти усыновителя, изъ его имущества малолѣтнему усыновленному поступало законной долей четверть

имущества (*quarta divi Pii*) Въ дѣлахъ предупрежденія растраты усыновителемъ имущества усыновленнаго Юстиніанъ призналъ за усыновителями лишь право пользованія имуществомъ усыновленнаго и доходами съ него (*Usus fructus*), а не собственность. Юстиніанъ же призналъ допустимымъ аррагацію женщинъ.

Adoptio—т. е. усыновленіе лицъ *alieni juris*, совершалось передъ магистратомъ путемъ тройной *mancipatio* и *in jure cessio*, на основаніи правила законовъ XII таблицъ, что въ случаѣ троекратной отдачи сына въ кабалу, онъ освобождался изъ подъ *patria potestas*. Порядокъ *adoptio* былъ таковъ: отецъ продавалъ сына въ кабалу по *mancipatio* до вѣренному лицу; этотъ послѣдній по *manumissio vindicta* отпускалъ сына семьи на свободу; такая *mancipatio* совершалась трижды, и послѣ третьей *mancipatio*, когда слѣдовательно по закону XII таблицъ *patria potestas* уже прекращалась, выступалъ усыновитель (*adoptator*) и предъявлялъ передъ магистратомъ *vindicatio in patriam potestatem* противъ покупателя. Послѣдній не опровергалъ этого заявленія, и на основаніи его *confessio in jure* преторъ присуждалъ усыновляемаго, какъ сына, усыновителю. Юстиніанъ существенно измѣнилъ характеръ *adoptio*, признавъ излишнимъ всѣ формальности и ограничивъ процедуру усыновленія простымъ заявленіемъ о *datio in adoptionem* отца передъ судомъ въ присутствіи усыновляемаго и съ занесеніемъ этого заявленія въ протоколъ. Кромѣ того теперь, въ случаѣ усыновленія стороннимъ лицомъ (не родственникомъ), съ этимъ актомъ Юстиніанъ не сталъ связывать ни установленія *patria potestas*, ни вступленія въ семью усыновителя; усыновленный, оставаясь въ прежней семьѣ и во власти своего естественнаго *paterfamilias*, получалъ лишь право наследованія послѣ усыновителя *ex lege*. Прежняя *adoptio plena* (съ *patria potestas*) осталась теперь лишь въ случаѣ усыновленія восходящими родственниками.

Отношенія отца къ дѣтямъ (*patria potestas*).

Patria potestas заключала въ себѣ безусловное подчиненіе дѣтей старшему домохозяину (отцу или восходящему родственнику безразлично). Но она отличалась отъ *potestas dominica* (власть надъ рабами) тѣмъ, что прежде всего сыновья семьи признавались свободными римскими гражданами, обладателями *jus suffragii* и *honorum* въ неограниченномъ объемѣ. Только въ области гражданского оборота права ихъ были ограничены, и дѣятельность дѣтей здѣсь долгое время была простымъ замѣстительствомъ старшаго домохозяина. Власть надъ *fili familias* домохозяина въ старину была неограничена ничѣмъ и юридически ни-

чѣмъ не отличалась отъ правъ хозяина на все семейное имущество. Однако уже законы XII таблицъ дозволяли домохозяевамъ выбрасывать изъ новорожденныхъ дѣтей только уродовъ (*monstra*). Домовладка могъ продать, заложить своихъ дѣтей, отдать ихъ въ кабалу, взрослыхъ сыновей женить, дочерей выдавать замужъ. Власть отца продолжалась на жену сына и на его дѣтей. Сынъ не имѣлъ ничего своего; все принадлежало старшему домохозяину. Имѣя юридическое право совершать всѣ сдѣлки цивильнаго права, сынъ совершалъ ихъ только въ пользу отца, не лично для себя. Правда, уже въ старину не рѣдко отецъ выдѣлялъ сыну для веденія послѣднимъ хозяйства часть изъ семейнаго имущества; однако и эта часть имущества—*peculium*— считалась собственностью отца.

Ограниченія patriae potestatis законами появились уже въ императорской періодъ. Александръ Северъ уничтожилъ право отца на жизнь дѣтей (*jus vitae ac necis*), признавъ за ними лишь право примѣнять къ дѣтямъ домашнія мѣры исправленія и обязавъ отцовъ въ серьезныхъ случаяхъ предъявлять обвиненія противъ дѣтей общимъ судебнымъ порядкомъ. Константинъ Великій въ 319 году призналъ дѣтубійство преступленіемъ, влекущимъ для виновнаго ту же кару, какъ и за отцеубійство (*parricidium*).

При императорахъ были ограничены и другія личныя права домовладыкъ-отцовъ. Въ 374 году Граціанъ запретилъ оставлять дѣтей безъ призора. Еще Адрианъ объявилъ продажу дѣтей недозволенною допуская ее лишь въ случаѣ крайняго обнищанія отца. Диоклетіонъ запретилъ ее безусловно, а Юстиніанъ объявилъ незаконной отдачу дѣтей въ кабалу лицу потерявшему отъ нихъ проступковъ (*noxae deditio*).

Равнымъ, образомъ въ императорской же періодъ наступили измѣненія въ имущественномъ положеніи дѣтей семьи, одновременно съ ослабленіемъ власти старшихъ домохозяевъ и распаденіемъ сложныхъ семей. Уже при Августѣ сынъ-*miles* имѣлъ право приобрѣтать на войнѣ или для потребностей военной службы *свое собственное* имущество, равно какъ и завѣщать его по своему усмотрѣнію (*peculium castrense*). Адрианъ распространилъ то же право на лицъ, оставившихъ военную службу, а Константинъ призналъ право на такой пекулій за всѣми, кто служилъ на придворной службѣ, позднѣе на адвокатовъ и лицъ духовнаго званія (*peculium quasi castrense*). Позднѣе за сыновьями семьи стали признавать право на обладаніе своимъ особымъ имуществомъ уже независимо отъ ихъ общественнаго положенія (какъ было въ первыхъ двухъ случаяхъ установленія пекулія—*castrense* и *quasi castrense*). Такъ уже Константинъ, въ 319 году, призналъ за дѣтьми право

собственности на *bona materna*, т. е. на имущество, доставшееся имъ отъ ихъ матери. Аркадій и Гонорій распространили это правило на имущество, доставшееся дѣтямъ вообще отъ родственниковъ съ материнской стороны. Наконецъ, Юстиніанъ призналъ за сыномъ право собственности вообще на все то имущество, которое приобрѣтено имъ *не отъ отца* и не на его средства. (*bona adventicia*). При этомъ, въ отличіе отъ *peculium castrense* и *quasi castrense*, *bona adventicia*, хотя и признавались за собственностью дѣтей, однако находились въ пользованіи и завѣдываніи старшихъ домохозяевъ. Только по исключенію *bona adventicia* могли оставаться въ *ususfructus* и *gubernatio* сына, именно, когда это имущество было приобрѣтено послѣднимъ противъ воли на то отца или подъ условіемъ (отъ отчуждателя), чтобы отецъ не вмѣшивался въ пользованіе сына этимъ имуществомъ (*bona adventicia irregularia*).

Защищалась *patria potestas* прежде всего путемъ *vindicatio filii*—искомъ о возвратѣ дѣтей отъ всякаго третьяго лица, самовольно захватившаго сына или дочь отца; другимъ искомъ былъ *interdictum de liberis exhibendis*, на случай, когда кто-либо мѣшалъ отцу осуществлять свою власть надъ дѣтьми.

Прекращалась *patria potestas* смертью отца домовладыки, а для дочери—выходомъ ея замужъ *cum manu*. Были случаи лишенія отца его власти надъ дѣтьми, что имѣло мѣсто, когда отецъ терялъ свободу или римское гражданство, а равно когда дѣти получали почетное званіе или должность, напримѣръ, когда дочь становилась весталкой сынъ—*Flamen Dialis*, или, въ императорскій періодъ, назначенъ былъ преторіанскимъ префектомъ, епископомъ, вообще (съ Юстиніана) получалъ высшую духовную или свѣтскую должность. Наконецъ, *patria potestas* могла быть прекращена и по волѣ отца, путемъ троекратной маниципации. Впослѣдствіи, по *lex Anastasiana* 502 года, для эмансипации сына признавалось достаточнымъ императорскаго рескрипта. Юстиніанъ замѣнилъ прежній сложный актъ троекратной *mancipatio* простымъ заявленіемъ передъ судомъ съ записью о томъ въ протоколѣ (*emancipatio Justiniana 531 г.*), оставивъ въ силѣ и введенную Анастасіемъ эмансипацию *per rescriptum principis*.

Опека и попечительство.

Бываютъ у людей состоянія, когда они оказываются совершенно или отчасти неспособными къ защитѣ своихъ интересовъ и личныхъ, и имущественныхъ. Пока въ Римѣ лицо оставалось *persona alieni juris*, не было возможности говорить о самостоятельной области его интересовъ:

его личность въ частноправномъ отношеніи поглощалась въ *patria potestas* или въ *manus mariti*. Потребность въ особой охранѣ личности, неспособной къ самозащитѣ, наступала лишь съ момента, какъ такой субъектъ становился *sui juris*. Въ жизни индивида такія состоянія неспособности къ защитѣ своихъ интересовъ могли быть или нормальными, свойственными человѣческой природѣ; таковы—малолѣтство лица и его полъ; или же они были аномальными, болѣзненными явлениями организма, слѣдовательно случайными, таковы—душевные болѣзни, мотовство. (Несовершеннолѣтіе здѣсь приходится выдѣлить, ибо оно первоначально не признавалось нуждающимся въ вспомогательной охранѣ личности и имущества, и никогда не подводилось римлянами подъ первую категорію).

Различіе въ указанныхъ состояніяхъ соотвѣтствуетъ различію институтовъ опеки (*tutela*) и попечительства (*cura*).

Опека (*tutela*).

Опека представляла собою охраненіе личности и имущественнаго положенія лицъ, которые не признавались по возрасту своему или полу способными успѣшно защищать свои интересы. Охраненіе интересовъ опекаемаго при этомъ являлось впрочемъ не единственной цѣлью опеки: опека устанавливалась и въ пользу тѣхъ, кто имѣлъ право наслѣдованія въ имуществѣ опекаемаго, чтобы послѣднее не было расхищено и растрачено. Въ силу этого именно и призывались обыкновенно къ наблюденію за личностью и имуществомъ опекаемаго его ближайшіе родственники. Только много позднѣе, съ распаденіемъ родовыхъ и агнатическихъ связей, въ опекѣ на сцену выступила новая идея, необходимости, въ интересахъ государственнхъ, охранять лицъ, не имѣющихъ защиты въ семьѣ.

Въ исторіи развитія опеки первоначально опека назначалась по завѣщанію домохозяиномъ. Какъ гласитъ въ этомъ отношеніи текстъ XII таблицъ—*„uti legassit super pecunia tutelave suae rei, ita jus esto“*. При отсутствіи завѣщанія наступала опека по закону (*tutela legitima*), по которой опекуномъ назначался ближайшій наслѣдникъ къ имуществу опекаемаго. Въ случаѣ, когда не оказывалось ни завѣщательнаго распоряженія объ опекѣ, ни родственниковъ не было, тогда по закону *Atilia* (311 г. до Р. Хр.) опекуна назначали, главнымъ образомъ по распоряженію городского претора, а въ провинціяхъ (по *lex Julia et Titia*) по указаніямъ правителей провинціи (*tutela dativa*). Опекунами могли быть лица *sui juris*, не моложе 25 лѣтъ. Начиная съ императорскаго періода, и женщины могли быть опекунами, но

лишь надъ собственными дѣтьми и внуками, пока сами снова не выходили замужъ. Пока опека не была *munus publicum*, отъ нея легко можно было отказываться; позднѣе отказъ отъ опеки былъ затрудненъ, и право выработало рядъ случаевъ, когда только допускался отказъ отъ опеки (*excusatio tutoris*), напр. возрастъ болѣе 70 лѣтъ, болѣзнь, наличность не менѣе 3 дѣтей, неграмотность и др.

По общему правилу опекунъ управлялъ имуществомъ малолѣтняго, считаясь въ этомъ отношеніи какъ бы *domini loco*. До 7 лѣтъ малолѣтніе совершенно замѣнялись опекунами во всѣхъ актахъ и сдѣлкахъ, съ 7 же лѣтъ опекаемые совершали сдѣлки сами, лишь при непосредственномъ участіи и согласіи опекуна (*tutoris auctoritas*). Съ наступленія *pubertas* (14 лѣтъ для мужчинъ) опека прекращалась. Если было у малолѣтняго нѣсколько опекуновъ, то управление имуществомъ опекаемаго дѣлилось между ними, или же для веденія всѣхъ дѣлъ избирался изъ ихъ среды лишь одинъ (*tutor gerens*), остальные же опекуны только контролировали дѣятельность перваго (*tutores honorarii*).

Обязанности опекуна заключались прежде всего въ охранѣ личности и имущества опекаемаго. До императорскаго періода опекуны обыкновенно все имущество опекаемаго обращали въ деньги, которые пускали въ оборотъ, не имѣя права однако совершать безвозмездныя сдѣлки. Съ 195 года по Р. Хр. отчужденіе недвижимостей стали дозволить опекуну только съ разрѣшенія на то со стороны магистрата; позднѣе (съ Константина) постановлено было, чтобы опекунъ испрашивалъ такое разрѣшеніе каждый разъ, какъ отчуждалъ *что-либо* изъ имущества опекаемаго.

Принимая опеку, *tutor* долженъ былъ составить опись и инвентарь имущества опекаемаго, по которому и долженъ былъ сдать его дѣлкомъ при окончаніи опеки. Для обезпеченія интересовъ малолѣтнихъ на случай растраты ихъ опекуномъ, на имущество послѣдняго налагалось запрещеніе при вступленіи его въ должность; онъ долженъ былъ представить *satisfactio rem pupilli salvam fore*. Въ случаѣ недостаточности такого обезпеченія отвѣтственность подала на магистратъ, которымъ опекунъ былъ назначенъ. Освобождены отъ дачи *satisfactio* такой были лишь одни *tutores testamentarii*.

Опека надъ женщинами. Этотъ институтъ въ основѣ своей имѣлъ признаніе женщинъ въ старину неспособными къ самозащитѣ (съ оружіемъ въ рукахъ), какъ это дѣлали *cives romani*. Позднѣе въ основу такой опеки легла другая цѣль, именно желаніе сохранить имущество въ извѣстномъ родѣ; агнаты, въ качествѣ опекуновъ, наблюдали за тѣмъ, чтобы женщины не передавали имущества въ чужой

родъ. Юристы времятъ имперіи, когда, со времени *lex Claudia*, была отмѣнена опека агнатовъ надъ женщинами, старались объяснить необходимость опеки надъ женщинами ихъ природными свойствами—*propter debilitatem sexus*.

Опека надъ женщинами существовала до III вѣка по Р. Хр. и первоначально ей были подчинены всѣ женщины, кромѣ лишь нѣкоторыхъ исключеній (напр. весталки, женщины съ тремя дѣтьми по *lex Julia et Papia Poppaea* и др.).

Ульпианъ въ слѣдующихъ словахъ указываетъ на различіе опеки надъ женщинами отъ опеки надъ малолѣтними:—*„Pupillorum pupillarumque tutores et negotia gerunt et auctoritatem interponunt; mulierum autem tutores auctoritatem dumtaxat interponunt“*.

Первоначально, по всей вѣроятности, объёмъ правомочій опекуновъ надъ женщинами былъ тотъ же, какъ и надъ малолѣтними; скоро однако здѣсь положеніе стало инымъ. Женщина по достиженіи совершеннолѣтія сама управляла своимъ имуществомъ, но безъ разрѣшенія опекуна она не могла обязываться по сдѣлкамъ. Подъ конецъ республики разрѣшеніе опекуна при этомъ получило характеръ простой формальности, такъ какъ преторъ принуждалъ опекуна утверждать *всѣ* сдѣлки женщинъ. Юстиніанъ призналъ полную дѣеспособность женщинъ; онѣ могли теперь составлять завѣщанія, вступать въ договоръ наравнѣ съ мужчинами. Соответственно этому, при Львѣ Философѣ у женщинъ была отнята привилегія, по которой имъ дозволялось ранѣе не знать законовъ.

Попечительство (*cura*).

Первоначально функціи куратора (попечителя) были тѣ же, что опекуна, только попечительство устанавливалось не надъ малолѣтними (или приравниваемыми къ нимъ женщинами), а надъ безумными и расточителями общесемейнаго имущества (*cura furiosi, e. prodigi*). По законамъ XII таблицъ кураторами были агнаты и *gentiles*, (ближайшіе наслѣдники); имъ принадлежало управление имуществомъ лица, состоявшаго подъ попечительствомъ. Различіе между *tutela* и *cura* состояло въ томъ, что *cura* не ограничивалась извѣстнымъ срокомъ, а зависѣла отъ психическаго состоянія лица. Съ теченіемъ времени *curatores* все чаще начинаютъ назначаться не изъ ближайшихъ родственниковъ состоящаго подъ попечительствомъ лица, а избираются правительствомъ (преторомъ) изъ заслуживающихъ довѣрія римскихъ гражданъ. Императоры проводили ту мысль, что она естественные попечители всѣхъ слабыхъ и нуждающихся въ защитѣ. На этомъ основаніи

при Юстинианѣ было установлено попечительство надъ глухими, нѣмыми, неизлѣчимо больными—*cura debilium personarum* въ общемъ по содержанию своему (по не сроку) очень схожее съ опекой надъ малолѣтними.

Cura minorum. Практика повседневной жизни въ Римѣ, какъ мировомъ центрѣ, показала, что *puberes*, т. е. лица съ 14 лѣтняго возраста, постоянно терпѣли по неопытности своей крупныя убытки, благодаря умышленному вовлеченію ихъ въ невыгодныя сдѣлки. Въ цѣляхъ прекратить это нестроеніе, въ 204 г. до Р. Хр. изданъ былъ *lex Plaetoria*, которымъ было постановлено, что *minor XXV annis* могъ получить себѣ отъ претора попечителя по *особымъ причинамъ* (напр. *propter lasciviam*). Маркъ Аврелій обобщилъ это правило въ томъ смыслѣ, что предоставилъ всякому, недостижему 25 лѣтъ, право просить себѣ постоянного попечителя, безъ указанія причинъ, которыми вызвана эта просьба, (*non redditis causis*). Хотя попечительство такое до 25 лѣтняго возраста и не признавалось обязательнымъ, однако вступавшіе въ сдѣлки съ лицами моложе 25 лѣтъ (несовершеннолѣтними) требовали согласія на нее попечителя, опасаясь иначе *exceptio legis Plaetoriae*, имевшо права *minor'a* требовать расторженія невыгодной для него сдѣлки. Поэтому по обычаю *cura minorum* стала примѣняться въ жизни постоянно. Только начиная съ Карагаллы и окончательно при Юстинианѣ стали считать возможнымъ по достиженіи 20 лѣтъ за мужчинами и 18 за женщинами, чтобы они просили о снятіи съ нихъ *cura minorum*, если докажутъ способность самостоятельно вести свои дѣла (*venia aetatis*).

Вещныя права.

Объектъ права.

Объектами права, т. е. тѣми благами, въ отношеніи которыхъ лицо можетъ приобрѣтать право исключительнаго воздѣйствія, римляне признавали долгое время лишь *res quae tangi possunt*, т. е. вещи тѣлесныя. Вещи безтѣлесныя сначала подводились подъ понятіе правъ и требованій, и лишь въ періодъ классическихъ юристовъ образовали самостоятельный объектъ вещнаго права (см. *L. 1 Dig. de divis. rer. 1. 8.*)

Сообразно самой природѣ объектовъ правъ, поскольку здѣсь она имѣла вліяніе на юридическія послѣдствія обладанія ими, римляне раз-

личали: *вещи оборотныя* (*res quae in commercio sunt*) отъ *вещей внѣ оборотныхъ* (*res quae extra commercium, res nullius*). *Res extra commercium* дѣлились въ свою очередь на а) *res divini juris* т. е. вещи, принадлежащія богамъ; сюда относились: 1) вещи государственнѣмъ актомъ посвященныя богамъ и освященныя понтифами: *res sacrae* (напр., храмы); 2) вещи, посвященныя подземнымъ божествамъ (*res religiosae*), напр., мѣста погребенія, и 3) *res sanctae*—получившія сакральное значеніе по особому своему служебному положенію (напр., ворота города, городскія стѣны и т. п.). б) Къ *res extra commercium* причислялись равнымъ образомъ тѣ объекты, пользованіе которыми, по ихъ природѣ, было свободно для всѣхъ—таковы: море, воздухъ, текучая вода, (*res omnium communes*), равно в) вещи, принадлежащія государству и предназначенныя для общаго всѣхъ пользованія (*res usui publico destinatae*) напр., публичныя дороги, гавани, театры, бани и др. д) *вещи ничьи* (*res nullius*) отъ природы напр., рыбы, дикія птицы, или покинутыя хозяевами (*derelictae*), что касается вещей, могущихъ быть объектами права, то здѣсь прежде всего римляне различали вещи *движимыя* и *недвижимыя* (*res mobiles et immobiles*); изъ нихъ первыя существуютъ отдѣльно въ природѣ, какъ нечто самостоятельное (*pecus, columna, aes rude etc.*); недвижимости, напротивъ, обозначались лишь условно въ своемъ объемѣ, составляя въ природѣ всѣ одно цѣлое (*fundus, ager*), или существуя лишь въ непосредственной и неразрывной связи съ *fundus* (*villa, insula etc.*).

Движимости дѣлились: а) на вещи *потребляемыя*, (*res quae usu consumuntur, minuuntur, tolluntur*) и *непотребляемыя*. Это дѣленіе было установлено сообразно съ хозяйственнымъ назначеніемъ вещи, т. е. смотря по тому, служить ли она сама для пользованія путемъ ея уничтоженія (масло, мясо, деньги) или же пользованіе ею производится *salva rei substantia* (книга, ножъ); б) вещи *родовыя* и *видовыя* (*res fungibiles, non fungibiles*) (замѣнимыя и незамѣнимыя) *Родовыя* вещи (*genus*) тѣ, которыя имѣютъ въ оборотѣ значеніе по своему количеству и качеству (*res quae pondere, numero, mensura constant*), а не по особеннымъ индивидуальнымъ свойствамъ своимъ; почему и допускаютъ замѣну одна другой (масло, хлѣбъ, зерно). *Видовыя* вещи тѣ, значеніе которыхъ для оборота заключается въ особыхъ свойствахъ, качествахъ именно даннаго объекта (рабъ, Стягъ, картина, ваза); в) *вещи дѣлимыя* и *недѣлимыя*. *Res dividuae* назывались тѣ, въ которыхъ отдѣльныя части ихъ сохраняли свою сущность и цѣнность (вино, мука). *Недѣлимыя* (*res individuae*) тѣ, у которыхъ отдѣльныя части ихъ или утрачиваютъ свое экономическое значеніе цѣлаго, или терпятъ несоотвѣтственное уменьшеніе (цѣнности ваза, лошадь).

По взаимной связи, различались *вещи главные* и *придаточныя* (*accessoria*). Главной признавалась та вещь, ради которой въ хозяйствѣ даннаго лица существовали другія—придаточныя, не имѣющія самостоятельнаго хозяйственнаго назначенія.

Придаточными считались вещи, которыя или составляли часть главной, соединялись съ ней (*vincta fixaque*), или же были *quasi partes*, т. е. имѣли отдѣльное бытіе и дѣльность, но служили предметомъ пользованія вмѣстѣ съ главной вещью (*quae uno spiritu continentur*)—принадлежности ихъ, напр. паруса на кораблѣ, колесо и *quadriga*, мечъ и ножны.

Изъ числа приращеній должно выдѣлить *плоды* (*fructus*)—т. е. произведенія отъзывѣтной вещи, представляющія ея нормальный хозяйственный доходъ. Они становятся самостоятельной вещью съ момента ихъ отдѣленія отъ плодоприносящей вещи (*fructus separati*); до этого момента (*fructus pendentes*) являются *частью* главной вещи. Къ такимъ *fructus naturales* приравнивался хозяйственный доходъ отъ обычнаго пользованія дѣльностями (наемная плата, процентъ капитала и другіе)—*fructus civiles*.

Res mancipi et nec mancipi. Различіе этого древняго дѣленія вещей особенно отражалось на способахъ приобрѣтенія: *res nec mancipi* приобрѣтались путемъ простой нормальной передачи ихъ (*traditio*) во владѣніе приобрѣтателя, тогда какъ передача *res mancipi* могла совершаться лишь путемъ торжественной обрядовой *mancipatio* или *in jure cessio*. *Res mancipi*, по свидѣтельству Ульпіана были: земельные участки и дома въ Италіи, сельскіе сервитуты, рабы и четвероногіи домашній скотъ (*quae dorso collove domantur*).

Установить принципъ, лежащій въ основаніи этого дѣленія не удалось до сихъ поръ, не смотря на множество сдѣланныхъ въ этомъ отношеніи попытокъ. Можетъ быть (Mommsen, Padeletti, Sohm) *res mancipi* потому такъ обособились, что они были важнѣйшимъ имуществомъ древне римскаго хозяйства. Другіе ученые думаютъ, что *res mancipi* служили основаніемъ *sensus*, введеннаго Сервіемъ Тулліемъ (*familia*—въ противоположность *res unia*). Voigt видитъ въ этомъ дѣленіи вещей правительственную мѣру къ поднятію падавшаго сельскаго хозяйства посредствомъ устраненія отъ него конкурентовъ-перегриновъ, наводнившихъ Римъ послѣ счастливыхъ войнъ (*mancipatio* и *in jure cessio* были для нихъ недоступны), и относить установленіе этого различія къ началу VII в. отъ основ. Рима.

Только при Юстинианѣ было уничтожено различіе между *res mancipi* и *res mancipi* и разные способы приобретенія тѣхъ и другихъ ¹⁾.

Исторія вещныхъ правъ въ Римѣ.

Вещныя права—это права, въ силу которыхъ лицо приобретаетъ непосредственное юридическое господство надъ вещью.

Первоначально вещныя права выражались въ одномъ полномъ и безусловномъ *пользованіи* вещью, т. е. въ отношеніи, при которомъ непосредственное фактическое воздѣйствіе на вещь (владѣніе) являлось наиболѣе существеннымъ элементомъ. Въ силу этого владѣніе (*possessio*) являлось синонимомъ исключительнаго права лица пользоваться и господствовать (хозяйничать) надъ даннымъ объектомъ. Лишь съ теченіемъ времени владѣніе отдѣляется отъ собственности и выдѣляется въ самостоятельный институтъ, рядомъ съ правомъ собственности и другими вещными правами,—не ранѣе какъ въ обществѣ укоренилось сознаніе возможности лицу имѣть исключительное право на пользованіе и распоряженіе вещью, безъ перемѣнной наличности физическаго непосредственнаго воздѣйствія на нее, которое можетъ быть у другого лица одновременно.

Вмѣстѣ съ тѣмъ самое право на пользованіе вещью, не допускающее существованія одновременно такого же права на нее со стороны другого лица, стало основнымъ вещнымъ правомъ—правомъ собственности; только при наличности его позднѣе было признано возможнымъ существованіе *иныхъ* (производныхъ отъ собственности) вещныхъ правъ по тому же объекту.

Въ первое время въ Римѣ, въ слабо организованной *civitas*, при господствѣ союзовъ родственной зашитѣ (*gens, familia*) отдѣльныя лица едва-ли были въ состояніи имѣть свою личную собственность; приобретать и защищать такую были тогда въ силахъ лишь эти организаціи, въ которыхъ *pater familias* и родоначальники—старѣйшины завѣдывали и управляли именно родовымъ или семейнымъ имуществомъ, а не своимъ личнымъ. Индивидуальнаго ¹⁾ собственнаго, и то пер-

¹⁾ По описанію Гая (Gai I. 119) манципация совершалась слѣдующимъ образомъ: въ присутствіи 5 свидѣтелей, полноправныхъ римскихъ гражданъ, *libripens* (вѣсовщикъ) отвѣшивалъ продавцу нечекавденную мѣду (*aes rude*), служившую покупной цѣной (указаніе на древность акта, возникшаго еще до введенія денегъ въ Римѣ). Покупщикъ, взявши въ руки (или прикасаясь рукой) покупаемую вещь, проносилъ установленную торжественную формулу, въ которой онъ утверждалъ, что продаваемая вещь принадлежитъ ему по праву квинтиской собственности; приобретатель давалъ отчуждателю кусокъ мѣды (*pretium*), и приобретение совершалось.

имныхъ сосѣдскихъ отношеній, или въ интересахъ общественныхъ. Въ этомъ отношеніи уже въ XII таблицахъ имѣются указанія на такіе случаи *законнаго ограниченія права собственности на недвижимости*. Такъ, напр., здѣсь имѣются правила, по которымъ собственникъ земельного участка долженъ позволять сосѣду каждый третій день приходить на его землю для собиранія тѣхъ плодовъ, которые падаютъ на нее съ близко растущихъ деревьевъ сосѣда; не долженъ измѣнять естественнаго стока воды во вредъ сосѣду; онъ не долженъ застраивать или запахивать пограничную полосу земли (межу) въ 2¹/₂ (фута) и такъ далѣе.

Субъектами квинтской собственности могли быть только *cives* и *Latini*; за перегинами не признавалось право имѣть квинтскую собственность.

Подобно тому, какъ не каждый могъ быть субъектомъ права квинтской собственности, и приобрѣтеніе послѣдней дозволялось въ нѣкоторыхъ случаяхъ лишь путемъ точно указанныхъ обрядовыхъ словъ и дѣйствій. Въ этомъ отношеніи сверхъ того большое значеніе имѣло различіе *res mancipi* отъ *res nec mancipi*.

Res mancipi могли быть приобрѣтены въ собственность отъ частныхъ лицъ только посредствомъ такъ называемой *mancipatio, in jure cessio, usucapio*, наслѣдованія и какъ легать. (Два послѣдніе способа приобрѣтенія собственности будутъ изложены особо).

О *mancipatio* (отъ которой получили названіе *res mancipi*), способъ ея совершенія, мы говорили выше (см. стр. 65 и 66 примѣч. 1-е).

Совершавшаяся въ присутствіи 5 свидѣтелей (вѣроятно, соотвѣтственно 5 классамъ населенія по реформѣ Сервія Туллія, какъ представителей всего народа), вѣсовщика, посредствомъ совершенія извѣстныхъ обрядовыхъ словъ и дѣйствій, *mancipatio* скоро (съ введеніемъ чеканной монеты) стала лишь *imaginaria venditio*, простымъ абстрактнымъ актомъ перенесенія права собственности. При этомъ по общему правилу, что никто не можетъ передать другому болѣе правъ, чѣмъ самъ имѣетъ (*nemo ad alium plus juris transferre potest, quam ipse habet*),—приобрѣтатель вещи получалъ на нее собственность въ томъ лишь случаѣ, если отчуждатель былъ самъ квинтскимъ собственникомъ мандицируемой вещи. Эта *auctoritas* отчуждателя за нимъ подразумѣвалась, и если вещь отъ приобретателя была отобрана по суду (*rei vindicatio*) настоящимъ ея квинтскимъ собственникомъ, лишенный вещи приобретатель (потерпѣвшій *evictio*) имѣлъ право предъявить противъ отчуждателя особый искъ—*actio auctoritatis*, по которому взыскивалась двойная стоимость отчужденной вещи.

In jure cessio.—Это фиктивный иск передь магистратомъ о правѣ собственности. Приобрѣтатель вещи возбуждалъ передь преторомъ rei vindicatio, искъ (путемъ sacramentum in rem) о правѣ собственности на приобретаемый предметъ. Отвѣтчикъ по такому иску не возражалъ, и преторъ присуждалъ вещь истцу-приобрѣтателю. Этимъ путемъ возможно было приобретѣніе въ собственность и res nec mancipi.

Равнымъ образомъ какъ для res mancipi, такъ и для res nec mancipi доступенъ былъ третій способъ приобретѣнія права собственности, именно путемъ *usus*, т. е. давности владѣнія. Согласно правилу законовъ XII таблицъ—*usus auctoritas fundi biennium, caeterarum rerum annuus esto*—для приобретѣнія вещей въ собственность по давности первоначально требовалась лишь наличность пользованія (и владѣнія) ими въ теченіе года для движимыхъ и двухъ лѣтъ для недвижимыхъ вещей. Требованіе наличности *bona fides, justus titulus etc.*, появилось уже позднѣе, вѣроятно подь влияніемъ *jus honorarium*.

Равнымъ образомъ общимъ для res mancipi и nec mancipi способомъ приобретѣнія права собственности была *occupatio*—захватъ безхозяйнаго и вражескаго имущества (*occupatio bellica*), приобретѣніе плодовъ, приращенія; но эти способы получали свое юридическое развитіе уже позднѣе.

Наконецъ, только для res nec mancipi былъ еще доступенъ одинъ способъ приобретѣнія права собственности, именно *передача (traditio)*, но лишь такая, въ которой волѣ лица отчудить свою вещь въ собственность другому соответствовало желаніе приобретателя получить себѣ эту вещь въ собственность (*animus transferendi dominii—animus acquirendi dominii*).

Собственность peregrиновъ. Съ пуническихъ войнъ, благодаря усиленію сообщенія съ иностранцами и установленію международными договорами торговыхъ и иныхъ связей Рима съ ними, пришлось признать и за peregrинами—этими *hostes* стараго времени, право собственности на приобретаемыя ими вещи, и дать охрану этому институту въ предѣлахъ римской территоріи. *Praetor peregrinus* и занялся этимъ, давъ въ своемъ эдиктѣ peregrинамъ защиту права ихъ собственности особыми для того созданными исками (вѣроятно, *actiones fictitiae*, на подобіе служившихъ для защиты квинтиской собственности). Подробностей по этому вопросу до насъ не сохранилось (см. *Gai* II, 40).

Собственность на praedia provincialia. Римскіе юристы (*Gai* II, 7) признавали собственность на *solum provinciale* за римскимъ народомъ, а за частными лицами, которыя владѣли участками на этой землѣ (б. ч. peregrины) лишь владѣніе или сервитуты, *possessio tantum vel ususfructus*. При разсмотрѣніи вопроса однако оказалось, что такое

„владѣніе“ провинціальными недвижимостями и по содержанію, и по способамъ его приобрѣтенія, наконецъ, и по защитѣ своей скорѣе приближалось къ праву собственности; причемъ и здѣсь, какъ при собственности peregrinorum, обычнымъ способомъ приобрѣтенія правъ была неформальная *traditio*. Условія и способы какъ пользованія, такъ и защиты правъ владѣльцевъ этихъ провинціальныхъ недвижимостей были устанавливаемы правителями провинцій въ ихъ эдиктахъ, и до насъ не дошли.

Въ интересахъ, по всей вѣроятности, римскихъ гражданъ, преторы обратили вниманіе на краткосрочность римскаго *usus* (его они, вѣроятно, примѣняли по фикціи, и къ *solum provinciale*), который былъ прямо недопустимымъ въ обширной территоріи провинцій при плохихъ средствахъ сообщенія того времени (2 года для недвижимостей). Желая помочь здѣсь интересамъ владѣльцевъ *solum provinciale*, магистраты работали (вѣроятно, во II вѣкѣ по Р. Хр.) новый институтъ давностнаго владѣнія, такъ называемый *longi temporis praescriptio*. Создавая его, правители провинцій стали признавать лицъ, владѣвшихъ провинціальной недвижимостью *bona fide* 10 лѣтъ *inter praesentes* (т. е. когда интересенты жили оба въ одной провинціи) и 20 лѣтъ *inter absentes*, достойными защиты путемъ *exceptio* (вѣрнѣе *praescriptio*) *longi temporis* противъ исковъ прежнихъ хозяевъ того же имущества. При этомъ допускалась *accessio temporis*, т. е. къ владѣнію каждаго лица присчитывалось владѣніе его предшественника, если оно удовлетворяло всемъ условіямъ приобрѣтательной давности. Съ теченіемъ времени это *longi temporis praescriptio* стали разсматривать уже не только средствомъ процессуальной защиты давностнаго владѣльца противъ собственника, но настоящей приобрѣтательной давностью, создающей искъ противъ 3-хъ лицъ о возвратѣ имущества.

Преторская (бонитарная) собственность.

Съ развитіемъ оборота и усиленіемъ сношеній съ peregrinami, защищавшимися въ ихъ собственности эдиктами претора peregrinorum и правителей провинцій, стало наблюдаться своеобразное явленіе, а именно, что римскому гражданину, съ его строго формальной собственностью *ex jure Quiritium*, часто было невозможно или по крайней мѣрѣ стѣнительно, изъ за массы формальностей, приобрѣтать собственность, особенно на *res mancipii*; между тѣмъ въ аналогичныхъ случаяхъ peregrini съ своимъ эластичнымъ правомъ совершали свои неформальные сдѣлки безпрепятственно, быстро и съ добавленіемъ такихъ условій и сроковъ, какихъ первоначально не было возможности добавлять при за-

ключеніи, напр., *mancipatio* или *in jure cessio*. Сказанное въ особенности относится именно къ *res mancipi*, главнымъ образомъ къ рабамъ, ставшимъ въ концѣ республики наиболѣе ходкимъ и важнымъ предметомъ торговаго оборота. Желая сдѣлать положеніе римскихъ гражданъ, при заключеніи ими сдѣлокъ, не хуже положенія peregrinovъ, преторы въ эдиктѣ своемъ (I вѣка до Р. Хр.) общали лицу, которое приобрѣло *res mancipi* отъ квинтискаго собственника *посредствомъ простой traditio*, безъ соблюденія обязательныхъ *mancipatio* или *in jure cessio*,—защиту противъ *rei vindicatio* отчуждателя (продолжавшаго при этомъ быть квинтискимъ собственникомъ) посредствомъ *exceptio rei venditae et traditae*, или же путемъ *exceptio doli generalis*. Мало того, въ I вѣкѣ до Р. Хр. преторъ Публицій опубликовалъ въ своемъ эдиктѣ правило, въ силу котораго онъ далъ особый искъ (*actio Publiciana*) тому, кто приобрѣлъ *res mancipi* отъ квинтискаго собственника путемъ простой *traditio*, безъ соблюденія предписанныхъ формальностей. Въ основу этого иска положена была фикція давности; именно, въ немъ предписывалось судья предположить, что истецъ уже приобрѣлъ спорный объектъ въ собственность по давности. Мало того Публицій далъ примѣненіе своего иска еще на одинъ случай, гдѣ оказалось необходимымъ защитить интересы римскихъ гражданъ въ торговомъ оборотѣ. При массѣ сдѣлокъ, повседневно заключававшихся въ Римѣ между лицами, другъ другу незнакомыми, бывали часто случаи, когда лицо приобретало имущество законными способами, будучи вполне убѣждено, что оно стало законнымъ собственникомъ (*bona fide*); между тѣмъ позднѣе обнаруживалось, что отчуждателемъ ему этого имущества былъ не собственникъ и не уполномоченный послѣднимъ. Въ такомъ случаѣ у приобретателя не было на вещь ни квинтиской, ни бонитарной (преторской) собственности. Для защиты такихъ *добросовѣстныхъ владѣльцевъ* равнымъ образомъ примѣнена была *a. Publiciana*, съ тѣмъ лишь ограниченіемъ, что ею нельзя было пользоваться противъ собственника и того, кто ранѣе захватилъ самъ спорную вещь въ добросовѣстное же владѣніе.

Значеніе установленія *a. Publiciana* было очень велико. Благодаря этому иску, въ рукахъ приобретателя *res mancipi* по *traditio* оказалось вещное право, настолько могучаго типа, что оно съ успѣхомъ могло быть противопоставлено квинтиской собственности, оставшейся у традента. Вещь такимъ образомъ оставалась *in bonis* ея приобретателя; откуда и самый созданный такимъ образомъ на повомъ искѣ институтъ получилъ наименованіе *бонитарной или преторской собственности*. Постепенно онъ былъ распространенъ на случаи простой передачи не только *res nec mancipi*, но и *res mancipi* между римлянами и peregrinami. Право квинтиской собственности оставалось при этомъ за отчуждате-

лемъ, но теперь оно стало *nudum jus*, безсильнымъ въ отношеніи къ бонитарному собственнику. Возникъ такимъ образомъ *дуализмъ* собственности—квиритской и преторской (бонитарной).

Со времени дараванія Каракаллою гражданства всѣмъ жителямъ римской имперіи, утратило свое бытіе особое право собственности перегриновъ; со времени уравненія провинціальныхъ земель съ Италіей, при Діоклетіанѣ и Константинѣ, прекратило свое бытіе особое право собственности на провинціальные недвижимости. Наконецъ, Юстиніанъ спеціальными конституціями своими, именно указомъ 530 г. „*de nudo ex jure Quiritium tollendo*“, отмѣнилъ давно уже ставшую анахронизмомъ квиритскую собственность, и указомъ 531 г. выбросилъ изъ права дѣленіе вещей на *res mancipi et res mancipi*, а съ ними вмѣстѣ и *mancipatio* съ *in jure cessio*, какъ способы пріобрѣтенія права квиритской собственности (впрочемъ тоже еще задолго до этого времени ставшіе анахронизмомъ).

Способы пріобрѣтенія права собственности.

Послѣ реформъ императорскаго періода, установившихъ единое право собственности, было поставлено римскими юристами на новую почву ученіе о способахъ пріобрѣтенія этого права; причемъ за основу ученія принято было дѣленіе самыхъ способовъ пріобрѣтенія на двѣ группы—первоначальныхъ и производныхъ.

Occupatio. Во главѣ первоначальныхъ способовъ пріобрѣтенія правъ собственности должно быть поставлено *occupatio rei nullius*, т. е. *захватъ* ничьихъ вещей. Дикіе звѣри, птицы, рыбы и другія *res nullius* становились собственностью того, кто первый захватывалъ ихъ, путемъ *apprehensio*, въ свое хозяйственное пользованіе живыми или мертвыми.

Тѣ же правила объ *apprehensio* какъ моментъ, съ котораго пріобрѣтается собственность, примѣнялись къ случаямъ захвата *res derelictae*, а равно къ *res nullius* иного типа—каковы: острова на морѣ, камни, раковины и т. п. предметы.

Кладъ, т. е. скрытое сокровище, собственникъ котораго неизвѣстенъ, разсматривался какъ *res derelicta*, но по рескрипту Адріана дѣлился пополамъ между находчикомъ его и владѣльцемъ участка, на которомъ найденъ.

Военная добыча, какъ все вражеское, почиталась за *res nullius*; она однако не прямо поступала въ собственность захватчика; каждый солдатъ присягалъ въ томъ, что отдастъ полководцу всю свою добычу,

кромѣ малодѣльныхъ вещей: за утайку грозило строгое наказаніе. Изъ захваченнаго часть шла въ пользу государства, остальное *раздавалось* полководцемъ солдатамъ—участникамъ похода.

Рядомъ съ случаями такой непосредственной, такъ сказать, *occupatio*, римское право знало еще случаи *овладѣнія посредствомъ своихъ вещей*.

Каждый получалъ право собственности на тѣ предметы, которые создавались безъ его личной дѣятельности, приращеніемъ къ его вещамъ (*accessio*), или производились послѣдними. Относящимися сюда способами приобрѣтенія права собственности были: наростаніе, приплодъ и (отчасти) спецификація.

Наростаніе было возможно къ недвижимостямъ и къ движимостямъ. Въ отношеніи *недвижимостей* Римляне знали 1) *alluvio*, зъ силу котораго земля, постепенно намываемая къ берегу, становилась собственностью берегового владѣльца; 2) *avulsio*—то же правило на случай, когда дѣйствіемъ текучей воды прибывался къ берегу сразу крупный кусокъ земли и прочно прикрѣплялся корнями деревьевъ и растеній; 3) *insula in flumine nata*—островъ, возникшій на рѣкѣ (*flumen publicum*) дѣлился между береговыми владѣльцами по линіи, идущей по срединѣ рѣки, параллельно берегамъ 4) *alvei mutatio*—покинутае рѣкою русло дѣлилось между прибрежными владѣльцами.

Кромѣ этихъ способовъ приобрѣтенія собственности, обусловленныхъ дѣйствіемъ текучей воды, римское право знало еще три случая *accessio*, всѣ основанные на одномъ общемъ правилѣ—*superficies solo cedit*; это были: 1) *inaedificatio*—строеніе на чужой землѣ, которое поступало, въ собственность хозяина послѣдней; 2) *implantatio*—кусты и деревья посаженные на чужой землѣ, поступали въ собственность хозяина послѣдней; 3) то же правило относилось къ случаямъ засѣва чужого поля (*satio*).

Наростаніе или соединеніе движимостей (accessio) совершалось въ различныхъ формахъ. Сюда относятся: смѣшеніе жидкостей и сыпучихъ тѣлъ (*commixtio, confusio*), сковка металловъ (*adplumbatio, adferruminatio*). Вопросы, относящіеся сюда, Римляне рѣшали слѣдующимъ образомъ: если при такомъ соединеніи нельзя было отличить главной вещи отъ придаточной, то признавалось *condominium* (общая собственность), въ которой распоряженіе цѣлымъ могло быть совершаемо лишь съ общаго согласія совладѣльцевъ; независимо же каждый могъ распоряжаться лишь своей долей *pro indiviso*. Если такое отличіе могло быть установлено, собственникъ главной вещи признавался собственникомъ и придаточной; такъ напр., кто окрасилъ свою ткань чужимъ пурпуромъ, тотъ оставался по прежнему собственникомъ и окра-

шенной ткани, хотя бы цѣна пурпура превышала стоимость самой ткани.

Спецификація—такъ называлась переработка матерьяла, вслѣдствіе которой возникала новая вещь въ хозяйствѣ. Вопросъ возбуждался здѣсь на случай, когда новая вещь цѣликомъ или въ части была сдѣлана изъ чужого матерьяла. Долгое время здѣсь дѣло рѣшалось съ точки зрѣнія *accessio*. Лишь въ началѣ императорскаго періода возникъ въ данномъ отношеніи знаменитый споръ Прокуліанцевъ съ Сабиніанцами; послѣдніе признавали право собственности на новую вещь за собственникомъ матерьяла, придавая главное значеніе матеріи, а не ея формѣ; Прокуліанцы, напротивъ, основывалась на томъ, что старая вещь исчезла и явилась *новая*, считали ея собственникомъ спецификанта, по праву захвата *rei nullius*. Юстиніанъ далъ здѣсь *mediam sententiam*, постановивъ, что новая вещь поступаетъ въ собственность спецификанта только въ томъ случаѣ, когда нѣтъ возможности привести ее въ первобытное состояніе, (напр., ваза изъ мрамора), если же вещь можно привести въ прежній видъ (напр., вазу изъ серебра), она признается собственностью хозяина матерьяла; въ первомъ случаѣ спецификантъ долженъ вознаграждать хозяина въ размѣрѣ, насколько самъ обогатится отъ спецификаціи.

Приобрѣтеніе плодовъ. По общему правилу плоды становились, съ момента отдѣленія ихъ отъ плодоприносящей вещи, собственностью хозяина послѣдней. При этомъ къ хозяину по своимъ правамъ на плоды приравнивался и добросовѣстный владѣлецъ, что измѣнено было позднѣе (при Юстиніанѣ) въ томъ смыслѣ, что стали признавать за добросовѣстнымъ владѣльцемъ право собственности только на *fructus consumpti*—т. е. на плоды, имъ уже потребленные.

Овладѣніе чужими вещами. Въ этой группѣ способовъ приобретенія права собственности издавна главную роль играла *передача* (*traditio*). Теорія Юстиніанова права главнымъ условіемъ перехода права собственности ставитъ здѣсь, кромѣ перехода объекта во владѣніе приобретателя, еще и соглашеніе воль контрагентовъ на такой переходъ собственности. Въ силу этого, напр., не можетъ состояться приобретеніе собственности по *traditio*, если вещь передается по ошибкѣ не тому лицу, которому традентъ былъ намѣренъ ее передать (*error in persona*), или если передана не та вещь, которую согласились передать (*error in re*). Въ томъ случаѣ, когда передача совершается кому угодно, кто захочетъ взять (напр. бросаются деньги въ народъ), *error in persona* нѣтъ, и *traditio* дѣйствительна.

Давность. Конститутіей 531 года (той же, которой были отмѣнены *mancipatio* и *in jure cessio*). Юстиніанъ слилъ древнюю *usucap-*

pio и примѣнявшуюся для провинціальныхъ недвижимостей *longi temporis praescriptio* въ одинъ институтъ *давности*, согласно которому движимое имущество приобрѣталось по давности черезъ 3 года владѣнія имъ, а недвижимости черезъ 10 лѣтъ въ томъ случаѣ, когда собственникъ и узуклиентъ жили въ одной и той же провинціи (*inter praesentes*) и черезъ 20 лѣтъ, если они жили въ разныхъ провинціяхъ (*inter absentes*); мѣстонахождение самой недвижимости при этомъ безразлично. Кромѣ того (согласно правиламъ, выработаннымъ въ преторскомъ адпктѣ), требовалось при этомъ, чтобы владѣніе узуклиента было добросовѣтнымъ (*bonae fidei possessio*), основаннымъ на *justus titulus*, и самое имущество доступнымъ для *usucapio* (*res habilis*; не могли быть, напр., приобрѣтаемы по давности: *res furtivae*—украденныя вещи, *res extra commercium* и др.). Въ 528 году Юстиніанъ установилъ *longissimi temporis praescriptio*, по которой все иски погашались спустя 30 лѣтъ съ открытія права на нихъ. При этомъ съ пожеланіемъ иска для интересента возникало и самое право, т. е. давность стала приобрѣтательной; единственнымъ ея условіемъ была лишь *bona fides*.

Спеціальными исками въ защиту права собственности были: *rei vindicatio* и *actio negatoria*. Изъ нихъ *rei vindicatio* направлялась на *возвратъ* вещи ея собственнику отъ владѣющаго ею несобственника. Предъявляя *rei vindicatio*, истецъ долженъ былъ доказать, что онъ-собственникъ и приобрѣлъ вещь законнымъ способомъ отъ собственника ея, а если и этотъ приобрѣлъ вещь производно, то слѣдовало доказывать, что предшественникъ тоже былъ собственникомъ и т. д. (*probatio diabolica*). Въ виду крайней сложности и трудности такого доказыванія (особенно съ удлинениемъ сроковъ давностнаго владѣнія), собственники предпочитали пользоваться *a. Publiciana* въ тѣхъ случаяхъ, когда отвѣтчикомъ не былъ добросовѣстный владѣлецъ, ибо противъ послѣдняго *a. Publiciana* не примѣнима. *Actio negatoria* предъявлялась въ томъ случаѣ, когда вещь оставалась у собственника, а другое лицо только нарушило свободное пользованіе вещью, или присвоивало себѣ правомочія (напр. сервитуты), ему не предоставленны. При этомъ искъ *владѣющаго собственника*, послѣдній долженъ былъ доказать свое право собственности, которое предполагалось неограниченнымъ, противное доказывать было уже обязанностью отвѣтчика.

Въ виду сложности доказыванія и этого иска, собственники, при нарушеніи ихъ спокойнаго пользованія имуществомъ, предпочитали защищаться противъ нарушителей поссессорными интердиктами, гдѣ исключался самый вопросъ о правѣ.

Сервитуты.

Сервитутомъ называется абсолютное право пользованія извѣстной служебной стороной чужой вещи. Дѣлились они на двѣ большихъ группы, именно на *вещные сервитуты* (*servitutes praediorum*), субъектомъ которыхъ являлся всякій, кто былъ обладателемъ извѣстной недвижимости, и сервитуты *личныя* (*servitutes personarum*), принадлежавшіе пожизненно точно опредѣленному индивиду, не переходя къ его наслѣдникамъ. Вещные (или предіальные) сервитуты дѣлились на сельскіе и городскіе, смотря по тому, гдѣ какіе впервые (или чаще) появлялись: въ застроенныхъ или незастроенныхъ участкахъ (*servitutes praediorum rusticorum—servitutes praediorum urbanorum*). Для наличности вещнаго сервитута необходима была наличность у двухъ различныхъ хозяевъ двухъ участковъ земли; одинъ участокъ являлся объектомъ сервитутнаго права (*praedium serviens*), хозяинъ же другого являлся субъектомъ сервитутнаго права (*praedium dominans*); при этомъ сервитутъ является какъ бы принадлежностью господствующаго участка, переходя вмѣстѣ съ нимъ ко всякому новому хозяину послѣдняго.

Древнѣйшими изъ сервитутовъ были *сельскіе* и изъ послѣднихъ четыре, именно—*iter* (право прохода и проѣзда верхомъ черезъ участокъ сосѣда), *actus* (право прогона тамъ же скота), *via* (т. е. право сверхъ того провозить черезъ сосѣдній участокъ по дорогѣ тяжело нагруженныя повозки), и *aqueductus* (право провести воду черезъ участокъ сосѣда). Эти четыре сервитута считались въ старину за *res mancipii*, что уже одно указываетъ на появленіе ихъ въ тѣ далекія времена, когда еще не умѣли отличать право на вещь отъ обладанія самою вещью, и считали три первыхъ сервитута правами *in natura* на ту полосу земли, которой пользовались для реализаціи содержанія сервитутнаго права, а *aqueductus* разсматривали, какъ право и на полосу земли, и на самый водопроводъ. При подобной юридической конструкціи сервитуты эти, собственно говоря, были какъ бы правомъ собственности на часть чужой вещи. Признаніе сервитутовъ не правомъ на часть изъ чужой недвижимости, а особымъ вещнымъ правомъ, вѣроятно, совпало съ появленіемъ личныхъ сервитутовъ и созданіемъ новыхъ вещныхъ сервитутовъ, уже не стоявшихъ въ связи съ опредѣленной частью чужой вещи (таковы напр., *servitutes pecoris pascendi* право пастбы скота, *agreae fodiendae*—добычи песку, *cretae eximendae*—камеломня на чужой землѣ, *pecoris ad aquam appulsus*—водопоя etc).

Городскіе сервитуты какъ результатъ отношеній сосѣдей при скученномъ проживаніи на застроенныхъ участкахъ, по всей вѣроятности

получили свое развитіе уже въ началѣ императорскаго періода, ко времени усиленія роста города Рима. На это указываетъ и самое содержаніе ихъ, касающееся главнымъ образомъ вопроса о правѣ дѣлать пристройки къ чужимъ строениямъ (*jura parietum*), или права пользоваться свѣтомъ и видомъ съ сосѣдскаго участка (*jura luminum*). Изъ числа сервитутовъ первой группы укажемъ: *servitus oneris ferendi* — право опереть свое строеніе на стѣну сосѣдняго зданія; *serv. tigni immittendi* — право вогнать балку въ стѣну сосѣда. Изъ *jura luminum* приведемъ здѣсь: *servitus ne luminibus, ne prospectui officiat*, т. е. право требовать отъ сосѣда, чтобы тотъ не загораживалъ чѣмъ либо свѣтъ или видъ, *servitus altius non tollendi*, — право требовать, чтобы сосѣдъ не строилъ своихъ зданій выше уговореннаго.

Личныя сервитуты. Время появленія ихъ въ точности не извѣстно; однако считать ихъ явленіемъ новымъ для римской жизни не представляется достаточно основательнымъ. Сервитуты такіе легко могли оказаться въ обладаніи старшихъ домохозяевъ еще и во времена, когда агнатическія узы были крѣпки. Все же однако тонкость представленія о возможности пожизненно пользоваться *чужимъ* имуществомъ показываетъ на довольно развитое правосознаніе творцовъ этого вида сервитутовъ, т. е. на время расцвѣта дѣятельности римскихъ преторовъ и юристовъ. Въ виду этихъ соображеній, а равно архаичности названій большей части личныхъ сервитутовъ, можно съ довольно большой вѣроятностью признать за время появленія ихъ средину ш в. до Р. Хр.; причемъ, конечно, возникали и развивались личные сервитуты въ извѣстной послѣдовательности.

Юстиніаново право знало четыре вида личныхъ сервитутовъ, а именно:

1) *Ususfructus*, — который юристы опредѣляли, какъ „*jus alienis rebus utendi fruendi salva rei substantia*,“ — т. е. какъ право пожизненнаго пользованія не только чужой вещью, но и ея плодами, подъ условіемъ сбереженія самой вещи въ цѣлости и сохранности и не измѣненія ея хозяйственнаго назначенія.

2) *Usus* — сервитутъ, коимъ представлялось лицу право пожизненнаго пользованія вещью какъ таковою, изъ доходовъ же отъ плодовъ дозволялось брать лишь столько, сколько нужно пользователю для *личной* потребности, не болѣе. Въ то время какъ осуществленіе узурфрукта дозволено было переносить на другихъ лицъ, *usuarius* этого дѣлать не имѣлъ права.

3) *Habitatio*, 4) *operae servorum et animalium* — сервитуты, возникшіе сравнительно позднѣе двухъ первыхъ. Представляя собою особый видъ *usus*, права эти возникли путемъ толкованія въ духовныхъ

завѣщаніяхъ, соотвѣтствующихъ мѣстъ, помѣщаемыхъ въ цѣляхъ доставленія завѣщателями извѣстнымъ лицамъ содержанія или пропитанія. При *habitatio* цѣль эта достигалась представленіемъ лицу права пожизненнаго проживанія въ домѣ или получения дохода съ послѣдняго отдалей его въ наймы. При *operae servorum et animalium* та же цѣль осуществлялась путемъ пользования самого уполномоченнаго рабочей силой рабовъ и животныхъ или возмездной отдачей ихъ въ наймы другимъ.

Установленіе сервитутовъ могло быть совершаемо различными способами. Въ старину вещные сервитуты (*iter, via, actus, aqueductus*), какъ *res mancipi*, устанавливались путемъ *mancipatio, in jure cessio* и *давностью usucapio (servitutis)*. Два послѣдніе способа примѣнялись впрочемъ и къ установленію остальныхъ видовъ сервитутовъ. Однако *usucapio servitutis* продержалась не долго, и по *lex³ Scribonia* было запрещено приобрѣтать сервитуты по давности. Взамѣнъ этого преторы допустили *longa possessio* или *diuturnus usus*; онъ состоялъ въ томъ, что сервитутъ приобрѣтался лицомъ, фактически спокойно осуществлявшимъ его содержаніе въ теченіе 10 лѣтъ *inter praesentes* и 20 лѣтъ *inter absentes*, владѣя *neg vi, nec clam, nec precario* по отношенію къ хозяину *praedium serviens*; *justus titulus* и *bona fides* при этомъ не требовались. Затѣмъ на провинціальныхъ земляхъ сервитуты устанавливались простымъ неформальнымъ соглашеніемъ (*pactionibus*) или стипуляціоннымъ договоромъ (*stipulationibus*. *Gai* II, 31). Въ виду удобства и простоты этихъ двухъ способовъ установленія сервитутовъ, преторы реципировали ихъ въ своихъ эдиктахъ для Рима и Италіи, давая въ защиту установленныхъ такими способами сервитутовъ *actiones utiles*, и вводя такимъ образомъ установленіе сервитутовъ путемъ *pactio* и *stipulatio* въ область *jus honorarium*. Съ Юстиніана, когда были отмѣнены *mancipatio* и *in jure cessio* и уничтожено различіе *jus civile* и *jus honorarium*, *pactiones* и *stipulationes* стали нормальными способами установленія сервитутовъ. Рядомъ съ ними еще имѣло мѣсто возникновеніе сервитутовъ при помощи распоряженій *mortis causa*, а равно въ силу судейской *adjudicatio* (особенно въ случаяхъ *judicia divisoria*).

Прекращались сервитуты 1) въ случаяхъ *гибели praedium serviens* или *dominans*, или гибели объекта пользования (при личныхъ сервитутахъ); 2) при *confusio* или *consolidatio* (при *usufructus*), т. е. когда *praedium serviens* и *pr. dominans* становились собственностью одного и того же лица, или когда субъектъ личнаго сервитута получалъ право собственности на объектъ сервитута; 3) въ случаѣ *отказа* отъ права на сервитутъ; 4) истеченіемъ *срока* или наступленіемъ условія, от-

мѣняющаго вещный сервитутъ; преторы допустили возможность неформальныхъ соглашеній (*pacta*) такого содержанія при установленіи сервитутовъ, и стали *jure praetorio* давать собственнику *exceptio pacti* противъ субъектовъ сервитутнаго права; 5) *non usus* т. е. непользование сервитутомъ въ теченіе давностнаго срока (1 г. для движимыхъ объектовъ и 2 г. для сервитутовъ по недвижимостямъ, а по Юстинианову праву для движимыхъ и недвижимыхъ, 10 лѣтъ *inter praesentes* и 20 лѣтъ *inter absentes*); для городскихъ сервитутовъ требовалось сверхъ того *usucapio libertatis*, т. е. чтобы хозяинъ *praedii servientis* весь срокъ давности провладѣлъ этимъ участкомъ въ состояніи, противоположномъ содержанію сервитута.

Защищаясь сервитуты въ сторону какъ *res mancipi* путемъ *rei vindicatio*. Съ развитіемъ сервитутовъ въ особое вещное право, послѣднее стало охраняться посредствомъ спеціальнаго иска—*actio confessoria*, при помощи котораго субъектъ сервитутнаго права защищался противъ всѣхъ нарушителей его правъ и требовалъ возстановленія соответствующаго его праву фактическаго состоянія. Предъявляя этотъ искъ лицо должно было доказать свое сервитутное право, для чего, при вещныхъ сервитутахъ, нужно было доказывать право собственности на *praedium dominans*.

Superficies.

Superficies называлось право наследственнаго неограниченнаго пользованія строеніемъ на чужой землѣ. Слѣды существованія этого своеобразнаго вещнаго права имѣются еще отъ республиканскаго Рима, гдѣ по свидѣтельству Тита Ливія (въ началѣ III в. до Р. Хр.) государство предоставляло частнымъ лицамъ мѣста для постройки на нихъ зданій (на *loci publica*, напр., на форумѣ), обязывая нанимателей за такое долгосрочное пользованіе вносить въ казну извѣстный оброкъ (*solarium*, *vectigal*). По образцу этихъ соглашеній стали такимъ же образомъ сдавать свои земли и частныя лица подъ выстройку навсегда или на долгій срокъ (напр. на 90 лѣтъ) за уплату ежегоднаго *solarium*. Такимъ путемъ установилось новое вещное правоотношеніе, получившее свою регламентацію по *jus honorarium*.

По содержанію своему *superficies* было однимъ изъ самыхъ обширныхъ вещныхъ правъ послѣ права собственности. Суперфициарь имѣлъ даже право распоряженія объектомъ своего права, могъ его завѣщать, продать. Собственнику принадлежало лишь право на *solarium*, который каждый данный суперфициарь долженъ былъ выплачивать каждому данному собственнику участка.

Для защиты superficies преторы установили иски, аналогичные rei vindicatio, a. confessoria и a. negatoria.

Emphyteusis.—Эмфитевта—это право наследственной сельско-хозяйственной аренды. Слѣды этого института (развившагося уже въ периодъ абсолютизма) имѣются уже въ республиканскомъ Римѣ, гдѣ казна и городскія общины часто сдавали свои земли въ наследственную аренду за оброкъ (vectigal); отчего и земли такія получили наименованіе agri vectigales. Пока vectigal платился исправно, арендаторъ такой получалъ отъ претора въ защиту *actio vectigalis* (аналогичную rei vindicatio), которая имѣла силу противъ третьихъ лицъ, а равно и противъ собственниковъ земли. Послѣдніе могли вытребовать такой ager vectigalis къ себѣ обратно посредствомъ rei vindicatio только въ случаѣ неплатежа арендаторамъ его оброка. Въ периодъ принципата (вѣроятно, послѣ Адріана) въ восточной половинѣ имперіи стали на такихъ же условіяхъ сдавать частныя необработанныя земли императора (fundi patrimoniales) за извѣстную плату (сапон) въ вѣчную наследственную аренду, получившую здѣсь названіе *emphyteusis*. Позднѣе оба института эти слились подъ общимъ наименованіемъ эмфитевты. Субъектъ этого вещнаго права получалъ себѣ не только всѣ плоды земли, но и весь доходъ съ нея, имѣя право даже измѣнять способъ веденія хозяйства на землѣ, подъ условіемъ лишь, чтобы этимъ не былъ ухудшенъ самый объектъ пользованія. Въ защиту эмфитевты давалась *actio in rem vectigalis*, аналогичная rei vindicatio, а равно a. confessoria и a. negatoria utiles.

Неплатеж сапон'а давалъ собственнику участка право согнать эмфитевту и получить полную собственность на участокъ.

Залоговое право.

Всѣ разсмотрѣнныя выше вещныя права имѣютъ содержаніемъ своимъ право пользованія самой вещью, ея плодами и доходами. Кроме того въ Римѣ существовало еще вещное право особаго типа, въ силу котораго лицо приобрѣтало исключительное право на цѣнность чужого имущества; причемъ осуществленіе этого права ставилось въ зависимость отъ наступленія извѣстнаго условія. Это было такъ называемое *залоговое право*.

Древнее jus civile не знало залогового права, какъ средства реального обезпеченія долга. Въ старину, если требовалась вещная гарантія долга, заемщикъ прямо отчуждалъ (по mancipatio) свою вещь кредитору за опредѣленную сумму, заключая одновременно съ mancipatio неформальное pactum fiduciae, по которому кредиторъ покуп-

ицилъ вещи обязывался продать послѣднюю обратно за сумму, какую самъ за нее уплатилъ продавцу (*fiducia cum creditore*). Такимъ образомъ и при *fiducia* кредиторъ (покупщикъ) продолжалъ оставаться собственникомъ вещи, и *принудить* его продать послѣднюю обратно не было (первоначально) возможнымъ; должникъ могъ (и поздѣе) только предъявить къ кредитору личный искъ—*actio fiduciae*—о возмѣщеніи убытка (если таковой имъ былъ повнесенъ), и тогда кредиторъ (покупщикъ), нанесшій этотъ убытокъ неисполненіемъ *actum fiduciae*, кромѣ возмѣщенія убытка, становился *infamis*.

Такимъ образомъ *fiducia cum creditore*, отлично обезпечивая интересы вѣрителя, нисколько не гарантировала должнику обратнаго поступленія въ его собственность вещи, манципированной имъ кредитору за долгъ. Кромѣ того *fiducia*, въ связи съ *mancipatio*, какъ *civile negotium*, не была возможна въ сдѣлкахъ между гражданами и перегринами, была негодна для международного оборота. Въ сдѣлкахъ устано-вить болѣе эластичный способъ обезпеченія сдѣлокъ, доступный и для перегриновъ, введенъ былъ, рядомъ съ *fiducia*, новый институтъ—*pignus*. Сущность послѣдняго состояла въ томъ, что должникъ, продолжая оставаться собственникомъ своей вещи, передавалъ ее *во вѣдѣніе* кредитору на время до уплаты долга. Иногда передача такая сопровождалась дополнительнымъ соглашеніемъ сторонъ о передачѣ вещи кредитору въ собственность, если должникъ своевременно не уплатитъ долга (*lex commissoria*); часто добавлялось соглашеніе и другого рода—*actum de vendendo*,—по которому должникъ уполномочивалъ кредитора, на случай своей несправности, продать вещь и изъ вырученной суммы удовлетворить его требованіе, а остатокъ передать должнику. Въ случаѣ уплаты долга должникъ по *actio pignoratitia digesta* могъ требовать возвращенія вещи отъ залогобрателя. Первоначально *pignus* было только фактическимъ отношеніемъ; почему залогодатель могъ по *rei vindicatio* вытребовать свою вещь отъ кредитора. Кромѣ того послѣдній не имѣлъ достаточной защиты противъ *вещныхъ* исковъ со стороны третьихъ лицъ: ему давалась лишь защита его *владѣнія*. Правда, со временемъ залогобратель получалъ нѣкоторую охрану въ эдиктѣ преторовъ, защитившихъ его отъ *rei vindicatio* закладывателя. Но все же и поздѣе кредиторъ такой былъ безсиленъ противъ должника, если заложенная вещь какимъ либо образомъ обратно попадалась въ руки послѣдняго.

И здѣсь преторы, идя навстрѣчу запросамъ жизни, сумѣли создать третій видъ залогового права, такъ называемую *ипотеку*. При установленіи ипотеки вещь оставалась по прежнему у ея хозяина должника; кредиторъ имѣлъ лишь право преимущественнаго удовлетворенія

своей претензіи изъ цѣнности этой вещи, при неисправности должника, для чего, во 1-хъ, имѣлъ право требовать выдачи вещи этой себѣ какъ отъ собственника, такъ и отъ третьихъ лицъ, во 2-хъ, могъ продать ее для удовлетворенія своей претензіи.

Возникновеніе новой формы залогового права связано съ исторіей аренды сельскихъ участковъ (*praedia rustica*). При этомъ уже во времена 3-й Пунической войны (при Катонѣ Старшемъ) было въ обычаѣ, чтобы арендаторъ, при заключеніи аренды, въ обезпеченіе исправнаго взноса наемной платы, закладывалъ собственнику земли весь свой инвентарь и все свое имущество, какое привозилъ съ собою въ арендуемый участокъ (*investa et illata*), съ условіемъ не вывозить этого инвентаря, пока не заплатитъ арендной платы сполна. При неисправности арендатора хозяинъ участка вступалъ во владѣніе инвентаремъ, и если арендаторъ этому оказывалъ препятствіе, то въ силу *interdictum Salvianum* (неизвѣстнаго времени) хозяинъ получалъ противъ него даже владѣльческую защиту; однако противъ стороннихъ захватчиковъ инвентаря этотъ интердиктъ не имѣлъ силы. Сравнительно позднѣе преторами созданъ былъ особый искъ—*actio Serviana*, при помощи котораго хозяинъ земли получилъ защиту своего владѣнія *investa et illata* и противъ третьихъ лицъ. Съ этого времени залогъ сельско-хозяйственнаго инвентаря сдѣлался настоящимъ вещнымъ правомъ. Съ теченіемъ времени преторы распространили область его примѣненія и на другіе случаи аренды, даже на другіе случаи примѣненія залогового права, создавъ и развивъ такимъ образомъ общій искъ изъ ипотеки—*Serviana in rem acto utilis* (*quasi Serviana actio*) или вообще *actio hypothecaria in rem*. Искъ этотъ стали примѣнять какъ въ отношеніи къ перебринамъ (напр., при *praedia provincialia*), такъ равно въ отношеніи къ движимымъ вещамъ вообще.

Однако и при ипотекахъ кредиторъ первоначально не имѣлъ самостоятельнаго права удовлетворить свою претензію, при неисправности должника, черезъ отчужденіе залога, изъ вырученной при продажѣ его суммы (*jus vendendi*). Для полученія этого права (какъ и при *pignus*) онъ долженъ былъ вступить съ должникомъ въ предварительное соглашеніе. Для этого одновременно съ установленіемъ ипотеки контрагенты заключали *pactum de vendendo* или *lex commissoria*. Такъ дѣло обстояло еще при Гаѣ и Яволенѣ. На практикѣ впрочемъ *lex commissoria* (т. е. уговоръ о переходѣ вещи въ собственность залогобрателя, въ случаѣ неисправности должника) не встрѣтилъ сочувствія въ обществѣ, и Константинъ даже прямо запретилъ его примѣненіе. Наоборотъ, *pactum de vendendo* уже классическими юристами стало разсматриваться, какъ необходимая принадлежность залогового права, которая

неизбѣжно предполагалась при послѣднемъ, если даже контрагенты забыли сдѣлать о немъ соглашеніе. Напротивъ, если стороны не желали такого *jus distrahendi* при залогѣ, онѣ должны были установить о томъ специальное соглашеніе (*pactum de non distrahendo*). Мало того, позднѣе право продажи стали признавать настолько необходимой принадлежностью залогового права, что юристы самое *pactum de non distrahendo* допускали не въ смыслѣ запрещенія продавать залогъ, а какъ обязанность залогопринимателя *прежде продажи троекратно напомнить должнику объ уплатѣ долга*.

Съ развитіемъ въ преторскомъ правѣ института ипотеки, послѣдняя оказала сильное вліяніе на *pignus*; здѣсь именно, подѣ вліяніемъ права кредитора по *actio quasi Serviana* требовать обратной выдачи заложенныхъ ему вещей какъ отъ должника, такъ и отъ третьихъ лицъ,— преторы приспособили формулу этой *actio hypothecaria* такимъ образомъ, что она стала пригодной и для защиты *pignus*. Этими *hypotheca* и *pignus* по юридической природѣ своей были такъ приближены другъ къ другу, что стали какъ бы одной формой залога, лишь подѣ двумя разными названіями. Благодаря этому, стали допускать *pignus* безъ передачи вещей во владѣніе кредитора, а ипотеку съ такой передачей. Въ результатѣ уже юристы классическаго періода права прямо заявляли, что „*inter pignus et hypothecam nominis tantum sonus differt*“.

Владѣніе.

Являясь въ нормальномъ видѣ своемъ *фактическимъ воздѣйствіемъ лица на вещь, каковое даетъ возможность пользованія послѣдней согласно ея назначенію въ хозяйствѣ даннаго индивида*, владѣніе содѣйствуетъ охраненію и установленію желательнаго съ точки зрѣнія производства и юридически правильнаго *status quo*. Оно предупреждаетъ такіа посягательства на фактическое положеніе, которыя экономически вредны по цѣли и средствамъ, или же во всякомъ случаѣ по средствамъ и приѣмамъ достиженія владѣнія.

Исторія римскаго владѣнія показываетъ намъ однако, что такого конечнаго вида оно не имѣло и въ Юстиніановомъ правѣ. Дѣйствительно, историческія измѣненія института юридически защищаемаго владѣнія означали постепенное уменьшеніе числа случаевъ, гдѣ право прежде допускало поведеніе произвольнаго и кулачнаго характера и постепенное расширеніе области обязательнаго мира; но до пол-

ной защиты фактического воздѣйствія лица на вещь здѣсь не дошло. И въ императорской періодъ право ограничивалось охраной фактической принадлежности вещи къ составу хозяйства даннаго субъекта лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдній являлся *вещно-управомоченнымъ* на то, или вель себя какъ вещно-управомоченный, или, наконецъ, фактически воздѣйствовалъ на объектъ въ интересахъ вещно-управомоченнаго лица.

Исторія развитія защиты владѣнія въ Римѣ тѣсно связана съ развитіемъ *jus honorarium* и въ частности съ усиленіемъ значенія преторовъ въ созданіи права. Имѣя своею основною задачей охраненіе общественнаго порядка и правильности его теченія, преторы прежде всего выступили противъ такихъ явленій, которыми вносились смута въ мирное теченіе жизни гражданъ и ихъ взаимныя сношенія; особенно нежелательны были здѣсь всякаго рода насильственные дѣйствія однихъ лицъ надъ другими, хотя бы и проявляемыя въ цѣляхъ самозащиты. Дѣло въ томъ, что уже со середины республики колоссально разившійся торговый оборотъ повлекъ за собою переполненіе Рима паломниками, сдѣлки которыхъ съ римлянами и между собою оставались не защищенными по *jus civile*; тоже явленіе наблюдалось и въ отношеніи пользованія провинціальными недвижимостями. Между тѣмъ по сдѣлкамъ такимъ постоянно пріобрѣтались вещи въ фактическое обладеніе, которое однако продолжало оставаться не защищеннымъ правомъ, и потому субъектамъ такого владѣнія ежеминутно грозила опасность, что другой можетъ безнаказанно захватить эти вещи себѣ въ обладеніе или помѣшать спокойному пользованію ими: право не давало владѣльцамъ такимъ никакой защиты. Такимъ субъектамъ въ защиту своего обладанія вещью противъ нарушеній его со стороны третьихъ лицъ оставалась одна дорога — *via facti* — та же самопомощь, которая такъ легко могла привести къ *bellum omnium contra omnes* и къ полному нарушенію общественной тишины и порядка.

Борясь со всякими проявленіями насилія и самоуправства, преторы и въ такихъ случаяхъ, основываясь на своемъ *imperium*’ѣ, озаботились о возстановленіи имущественнаго *status quo* въ области владѣнія вещами. Здѣсь преторы выступили прежде всего защитниками существующаго состоянія вещейъ отъ его самовольныхъ нарушеній, косвенно способствуя этимъ защитѣ господства надъ вещами тѣхъ лицъ, которыя не были въ силахъ имѣть *dominium ex jure Quiritium*, фактически, по отношеніямъ своимъ къ вещи, являясь однако совершенно въ одинаковыми положеніи съ собственниками.

Рядомъ съ стремленіемъ бороться противъ насилій и самоуправствъ въ интересахъ идеи защиты общественнаго порядка, преторы на-

чинають сознавать необходимость охраны спокойнаго пользованія вещами за тѣмъ, кто фактически является имѣющимъ все признаки хозяина послѣдней. Если все поведеніе лица показывало, что онъ ведетъ себя какъ собственникъ, этого факта признано было достаточнымъ, чтобы никто самовольно не нарушалъ спокойнаго воздѣйствія такого лица на вещь. Если же такое фактическое господство нарушало чье-либо право, это лицо имѣло законныя средства для его устраненія; самовольничать же теперь никому не дозволялось.

Исходя изъ этихъ воззрѣній, преторы создали въ эдиктахъ свою цѣлую систему защиты *possessio* (владѣнія), какъ фактическаго господства лица надъ вещью, а римскіе юристы подвергли анализу вопросы о томъ, что считаетъ за юридическое защищаемое владѣніе и какимъ образомъ д. б. примѣняема здѣсь защита по *jus honorarium*.

Здѣсь прежде всего было установлено понятіе юридически защищаемаго владѣнія. Въ этомъ отношеніи юристы классическаго періода признали, что защищается не всякое владѣніе, въ смыслѣ фактическаго воздѣйствія лица на вещь, но именно лишь *possessio*, подъ которымъ понимали фактическое господство лица надъ вещью, приобретенное съ намѣреніемъ усвоить вещь, *cum animo rem sibi habendi*; по этому не признавались юридическими владѣльцами тѣ лица, которые хотя и господствовали фактически надъ вещью, но осуществляли это господство надъ ней не какъ надъ своею, а именно какъ надъ чужою вещью (напр., арендаторъ, поклажеприниматель, довѣренный); владѣніе этихъ лицъ признавалось за *detentio* и преторами не охранялось.

Кромѣ наличности такого *animus possidendi*, для пріобрѣтенія *possessio* требовался еще *corpus possessionis*, т. е. такое фактическое отношеніе (захватъ вещи), которое давало возможность лицу держать вещь въ своемъ обладаніи.

Possessio, въ отличіе отъ *detentio*, защищалась путемъ такъ называемыхъ *владѣльческихъ интердиктовъ* (*interdicta possessoria*); *detentio* преторами не защищалась. Отличительной чертою владѣльческихъ интердиктовъ было то обстоятельство, что они были совершенно чужды вопроса о правѣ, а касались исключительно факта. Основаніемъ ихъ служилъ фактъ владѣнія; дѣль ихъ заключалась въ возстановленіи фактическаго владѣнія; стороны могли спорить только объ этомъ фактѣ. Выигрышъ дѣла въ порядкѣ посессорномъ велъ лишь къ тому, что магистратъ возстановлялъ спокойное владѣніе истца, не входя въ разсмотрѣніе его законности или незаконности. Если же владѣніе было незаконнымъ, если право на него принадлежало не истцу, а отвѣтчику то послѣдній могъ начать новый процессъ о признаніи за нимъ этого права и передачѣ владѣнія ему. Такимъ образомъ понятіе *res judicata*

сюда не относилось. Мало того, если процессъ о правѣ заканчивался ранѣ владѣльческаго процесса, то послѣдній уже не продолжался, а считался прекращеннымъ (*petitorium absorbet possessorium*). Погашались поссессорные интердикты годичной давностью.

Владѣльческіе интердикты, примѣнявшіеся для защиты *possessio* были двухъ родовъ: 1) интердикты объ охраненіи владѣнія отъ нарушеній (*interd. retinendae possessionis*), и 2) интердикты о возстановленіи утраченнаго владѣнія (*int. recuperandae possessionis*).

а) *Интердиктовъ retinendae possessionis* было первоначально два: именно, одинъ для защиты владѣнія движимостями (*int. utrubi*) и другой для такой же защиты недвижимостей. (*int. uti possidetis*).

Interdictum utrubi, названный такъ по данной въ эдиктѣ формулѣ этого интердикта ¹⁾ давался въ защиту того, кто владѣль объектомъ въ теченіи большей части предшествующаго года, если только владѣніе это не было получено тайно, насильно или изъ милости отъ противника. Самостоятельное существованіе этого интердикта прекратилось при Юстиніанѣ, который распространилъ примѣненіе *int. uti possidetes* и на движимыя вещи.

Int. uti possidetis, единственный, оставшійся при Юстиніанѣ для защиты владѣнія отъ нарушеній, равнымъ образомъ получилъ свое имя отъ первыхъ словъ его формулы ²⁾.

Интердиктъ этотъ могъ быть предъявляемъ наличнымъ владѣльцемъ вещи къ тому, кто мѣшалъ ему спокойно владѣть ею; при этомъ *предполагается*, что онъ не получилъ владѣнія отъ противной стороны *vi, clam, precario*. Иначе такое порочное юридическое владѣніе не помогало въ данномъ процессѣ; наоборотъ, *владѣвшая* сторона *присуждалась* тогда къ передачѣ вещи во владѣніе противнику.

b) *Interdicta recuperandae possessionis*, т. е. направленные на возвращеніе вещи обратно во владѣніе, были слѣдующія:

Interdictum de vi, примѣнявшійся только къ недвижимостямъ, давался противъ лицъ, насильственно (*vi*) отнявшихъ имущество у его владѣльца. До Юстиніана при этомъ различали два вида *vis*—именно а) *vis armata*, т. е. вооруженное насиліе (*vi hominibus coactis armatisve*); при этомъ интердиктъ, безъ ограниченія времени его примѣненія какимъ-либо срокомъ, давался даже въ защиту лица, пріобрѣтшаго вещь себѣ во владѣніе *vi, clam, precario ab adversario*; б) *vis cottidiana*,— когда насиліе совершалось безъ примѣненія такихъ крайнихъ мѣръ,

¹⁾ «Utrubi hic homo (рабъ), quo de agitur, majore parte hujusce anni nec vi nec clam, nec precario ab altero fuit, quominus is eum ducat, vim fieri veto».

²⁾ Его формула гласила: *Uti eas aedes, quibus de agitur, nec vi, nec clam, nec precario ab altero possidetis, quominus ita possideatis, vim fieri veto*.

какъ въ первомъ случаѣ; при такой *vis cottidiana* интердиктъ примѣнялся лишь въ теченіи года съ дня *vis*, и не давался въ защиту лицъ, получившихъ вещь во владѣніе *vi, clam, precario ab adversario*. Юстиніанъ объединилъ эти два случая въ одинъ, давая *interdictum de vi* въ защиту лишь въ теченіи года со дня изгнанія; по истеченіи этого времени потерпѣвшій могъ требовать (равно какъ его наследники) съ насильника, посредствомъ *actio in factum*, только то, на сколько послѣдній обогатился отъ насилія (*quod ad eum pervenit*). При этомъ безпорочности владѣнія отъ потерпѣвшаго не требовалось; мало того, самый интердиктъ м. б. примѣняемъ даже въ случаѣ захвата недвижимости насильникомъ въ *отсутствіи* потерпѣвшаго.

Interdictum de precario. Лицо, получившее вещь въ пользованіе не на срокъ и не за плату, а изъ милости съ обязательствомъ выдать по первому требованію обратно (*precarium*), хотя и признавалось за *possessor'a*, однако обязано было немедленно возвращать вещь ея хозяину, по его на то выраженной волѣ. Въ защиту хозяина вещи противъ такого прекаріста, не возвращающаго своего прекарія обратно, и былъ установленъ интердиктъ *de precario*.

Наряду съ *possessio* источники признаютъ владѣніе правами или *quasi possessio*, но только въ отношеніи къ сервитутамъ. Владѣть сервитутомъ значило фактически осуществлять содержаніе сервитута, *какъ сервитуту*, т. е. какъ права, хотя бы и *sine optione juris*. Такъ, напр. кто постоянно проходилъ или проѣзжалъ черезъ землю сосѣда, созершая это не менѣе 30 дней въ предшествовавшемъ году *pec vi, pec clam, pec precario ab adversario*, тотъ признавался владѣющимъ сервитутомъ прихода, и въ свою защиту получалъ *interdictum de itinere actuque privato* ¹⁾.

Для защиты владѣнія личными сервитутами давались по аналогіи *interdicta retinendae* и *recuperandae possessionis utilia*.

Обязательственные права.

Обязательствомъ называется такое юридическое отношеніе между двумя лицами, въ силу котораго одно лицо имѣетъ право требовать отъ

¹⁾ Такіе же *int. de aqua, int. de fonte* давались въ случаѣ по крайней мѣрѣ однократнаго осуществленія соответствующаго дѣйствія (*aquam ducere, aquaehaustus*) въ предшествовавшемъ году *bona fide, pec vi, pec clam, pec precario ab adversario*.

другого опредѣленнаго субъекта совершенія или несовершенія извѣстнаго дѣйствія, поддающагося денежной оцѣнкѣ. Какъ выражались римскіе юристы, обязательство есть „*juris vinculum, quo necessitate adstringimur alicujus solvendae rei secundum nostrae civitatis jura*“.

По существу своему, обязательство производитъ связь только между тѣми лицами, которыми оно установлено или вызвано; поэтому *третьи лица* въ немъ не участвуютъ. По общему правилу римскаго права для того, чтобы привлечь къ участию въ обязательствѣ третье лицо, необходима была передача требованія этому послѣднему въ формѣ уступки или делегачіи. Только обязательства рабовъ и лицъ, состоящихъ подъ властью, переносили на имѣвшихъ власть выгоды, а не тяготы; *melior condicio nostra... per servos fieri potest, deterior fieri non potest* (Gai).

Съ теченіемъ времени изъ этого общаго правила допускались исключенія. Такъ, обязательства, въ которыя вступалъ опекунъ за своего подопечнаго, имѣли силу для этого послѣдняго. Затѣмъ при извѣстныхъ условіяхъ распространялись на лицъ, имѣвшихъ власть (старшихъ домохозяевъ) обязательства, заключенныя членами семьи, состоящими подъ ихъ властью. Въ этихъ случаяхъ преторъ давалъ *utiles actiones*: *actio quod jussu*, а. *de peculio*, а. *de in rem verso*, а равно *actio exercitoria*, а. *tributoria*, а. *institoria*. (см. выше II, стр. 25).

Равнымъ образомъ каждый, потерпѣвшій убытки отъ раба или лица *alieni juris*, имѣлъ право иска (*noxalis actio*) противъ старшаго домохозяина, въ составъ *familia* котораго входили эти лица; старшій домохозяинъ могъ освободиться отъ ответственности только путемъ уступки кредитору правъ своихъ на виновника убытковъ (*noxae datio*).

Предметомъ обязательства являлось всегда исполненіе чего либо. Это исполненіе должно быть фактически осуществимо, юридически и нравственно дозволенное, какъ выразился юристъ Павелъ: „*Obligationum substantia non in eo consistit, ut aliquid corpus nostrum aut servitutem nostram faciat, sed ut alium nobis obstringat ad dandum aliquid vel faciendum, vel praestandum*“. Другими словами, по своему внѣшнему выраженію исполненіе обязательства можетъ состоять въ передачѣ объекта въ собственность или сервитутъ (*dare*), въ дѣйствіи или воздержаніи отъ дѣйствія (*facere*), или въ предоставленіи другому выгоды и въ вознагражденіи за убытки (*praestare*).

Обязательственные отношенія между людьми сами по себѣ не существуютъ, а возникаютъ въ силу тѣхъ или иныхъ внѣшнихъ причинъ. *Такими основаніями возникновенія обязательствъ* (кроме спеціальнаго опредѣленія закона) могли быть добровольныя соглашенія—договоры, или же такіе факты, которые влекутъ за собою вознаграж-

деніе убытковъ. Римскіе юристы признавали два главныхъ основанія возникновенія обязательствъ—договоръ и правонарушеніе, т. е. дѣйствіе, несогласное съ правомъ. Въ обоихъ этихъ основаніяхъ обязательства создавались волею лица. Но возможно было, что имущественныя обязательства возникали помимо воли и дѣятельности лицъ, вслѣдствіе ихъ опредѣленнаго *положенія*, напр., въ качествѣ собственниковъ, хозяевъ и проч. Римскіе юристы старались подвести всѣ такіе случаи подъ категорію договоровъ или правонарушеній; они признавали *quasi-contractus* и *quasi-delicta*, но оставляли широкій просторъ для возникновенія новыхъ обязательствъ, не подходившихъ подъ основные типы ихъ; это были обязательства *ex variis causarum figuris*.

Отдѣльные виды обязательствъ.

Обязательства договорныя.

Обязательства древняго права (особенно договорныя) отличались слѣдующими особенностями: 1) Прежде всего всѣ они строго *формальны*; только тѣ изъ договорныхъ обязательствъ признаются защищаемыми по *jus civile*, которыя облечены въ опредѣленную форму, предписанную правомъ. 2) Всѣ обязательства были *односторонними*, въ томъ смыслѣ, что по нимъ для одного контрагента возникало лишь право требованія, а для другого соответствующая такому требованію обязанность. 3) Неисполненіе стороной принятой на себя обязанности считалось личной обидой, оскорбленіемъ кредитора, влекущимъ за собою *месть* обиженнаго; этимъ объясняются и жестокія послѣдствія, по законамъ XII таблицъ, несостоятельности должника при наличности нѣсколькихъ сокредиторовъ („*in partes secanto*“) равно какъ оковы и тяжкая кабала для должника).

Изъ договорныхъ обязательствъ древнѣйшее римское право (XII таблицъ) знало *пехит*. *Пехит*—представляло собою древнѣйшую форму обмена одной вещи на другую, почему путемъ *пехит*'а совершался цѣлый рядъ (позднѣйшихъ) договоровъ, напр., мѣна, продажа, заемъ. Совершался этотъ договоръ въ торжественной формѣ при помощи мѣди и вѣсовъ *per aes et libram*, въ присутствіи вѣсодержателя (*libripens*) и 5 свидѣтелей, т. е. въ той же формѣ какъ по *mancipatio* совершалась передача права собственности. Отличіе заключалось лишь въ произносимыхъ здѣсь словахъ (текстъ ихъ до насъ не

дошелъ) гдѣ, вѣроятно, помѣщалось выраженіе,— „damnas esto“, на-
мекъ на которое есть въ формулѣ l. a. per manus injectionem. (см.
выше ч. II, стр. 11—12).

На основаніи акта nexum должникъ въ случаѣ неплатежа под-
вергался всѣмъ послѣдствіямъ damnatio т. е. попалалъ по manus in-
jectio и addictio магистрата въ кабалу къ кредитору. Если должникъ
удовлетворялъ кредитора по его требованію, то удовлетвореніе такое
только въ томъ случаѣ погасило nexum, если совершено было въ той
же, какъ самъ nexum, формѣ, т. е. per aes et libram (nexi libratio)
—по общему правилу древняго права, что всякое обязательство должно
быть погашено тѣмъ же формальнымъ способомъ, какимъ было за-
ключено (actus contrarius).

Основываясь на правилѣ законовъ XII таблицъ о свободѣ со-
держанія договоровъ— „si nexum faciet mancipiumve, uti lingua nun-
cupasset, ita jus esto“, римскіе юристы издавна признали возможнымъ
по jus civile заключать договоры при помощи добавочныхъ условій,
которыя стороны были вправѣ включать въ устные формулы, произ-
носившіяся при заключеніи nexum'a. Содержаніемъ такихъ „добавоч-
ныхъ пунктовъ“ (nuncupations) могли быть всякаго рода соглашенія;
требовалось только, чтобы они находились въ связи съ содержаніемъ
nexum, и не противорѣчили смыслу послѣдняго. Такимъ образомъ при
помощи подобныхъ nuncupationes возможно было добавленіе къ nexum
условія, о платежѣ процентовъ о срокѣ платежа и т. п. Особенное
значеніе имѣло при mancipatio *fiducia* — дополнительное соглашеніе
съ кредиторомъ въ видахъ обезпеченія обратной выдачи вещи при
уплатѣ долга (*fiducia cum creditore*), или же для передачи вещи на
сохраненіе на извѣстное время (*fiducia cum amico*).

Stipulatio — Стипуляціей называлось словесное соглашеніе сто-
ронъ, совершаемое путемъ verba solemnna (sponsio et restipulatio).
Будущій кредиторъ спрашивалъ будущаго должника, обязуется ли тотъ
совершить извѣстное дѣйствіе, и получалъ утвердительный отвѣтъ. При
этомъ оба контрагента должны были въ переговорахъ своихъ непре-
мѣнно употребить глаголъ, spondeo; „spondesne mihi centum dare“—
спрашивалъ вѣритель— „spondeo“—отвѣчалъ ему должникъ. Съ моме-
нта произнесенія этихъ словъ договоръ признавался заключеннымъ. По-
этому и договоръ стипуляціи назывался *contractus verbalis*.

Самое основаніе, по которому отвѣтчикъ по стипуляціи прини-
малъ на себя обязательство, не указывалось; благодаря чему, стипуля-
ція была такой же абстрактной сдѣлкой, какъ и nexum, и при помо-
щи ея можно было дать юридическую силу соглашеніямъ самаго раз-
нообразнаго характера (пари, дареніе, неустойка, заемъ и т. д.); при-

чемъ въ формѣ ея можно было не только обѣщать выдачу определенной суммы денегъ, но равно передачу другой *certae rei*.

Въ случаѣ неисполненія обязательства кредиторъ въ защиту своего требованія имѣлъ искъ, носившій общее наименованіе *condictio*. Самое названіе это съ большой вѣроятностью указываетъ на то, что *legis actio per condictioem*, вѣроятно, и была установлена именно для защиты обязательствъ, возникавшихъ путемъ стипуляціи. Эта же *legis actio*, какъ мы говорили выше (II, стр. 13) введена была законами *Silia (de certa pecunia)* и *Calpurnia (de alia certa re)*, вѣроятно, около 2 вѣка до Р. Хр. Не слѣдуетъ думать однако, что и стипуляціонный договоръ установленъ былъ одновременно этими же законами. Уже въ *lex Aquilia* (287 г. до Р. Хр.) встрѣчаемся мы съ указаніями на стипуляцію, и при томъ какъ на договоръ, имѣвшій уже тогда форму вполне развитшагося правоотношенія. Что касается времени установленія стипуляціоннаго договора, то можно лишь замѣтить, что возникъ онъ, когда въ Римѣ уже были введены чеканныя деньги, т. е. во всеобщемъ случаѣ около IV вѣка до Р. Хр., уже *post* изданія законовъ XII таблицъ, возможно, путемъ репещіи изъ права греческаго.

Благодаря своей несложности и удобству, стипуляція скоро завоевала себѣ обширную область примѣненія. Мало того, при помощи этого договора скоро удалось создать сложные договоры съ нѣсколькими участниками на активной или пассивной сторонѣ. Въ этомъ отношеніи прежде всего стало возможнымъ устанавливать: а) *stipulatio ex multis correi* (корреальные обязательства). При этомъ если выступало нѣсколько кредиторовъ, каждый изъ нихъ задавалъ должнику одинъ и тотъ же вопросъ (1-й вѣритель спрашивалъ—*spondesne mihi centum dare?* Второй вѣритель спрашивалъ—*Spondesne mihi eosdem centum dare* и т. д. На все эти вопросы должникъ отвѣчалъ каждому—*spondeo*). Если выступало нѣсколько должниковъ, кредиторъ задавалъ имъ поочередно тѣ же вопросы, получая отъ каждого отвѣтъ—*spondeo*. Въ силу такой сложной стипуляціи каждый изъ *correi stipulandi* могъ взыскать долгъ съ любого изъ *correi promittendi*; причемъ уплата или получение долга однимъ изъ *correi* погашала обязательственныя отношенія и всѣхъ остальныхъ. Подобное привлеченіе лицъ въ обязательство могло быть установлено черезъ стипуляцію еще и такимъ образомъ, что устанавлился *добавочный* кредиторъ, какъ бы уполномоченный перваго (*adstipulatio*), или привлекался добавочный должникъ, на случаѣ несостоятельности главнаго обязаннаго (*adpromissio*).

Подъ вліяніемъ частыхъ сношеній съ перебрившими и развитіемъ преторскаго права стали упрощать формализмъ стипуляціи, которую, съ конца республики, дозволено было заключать и въ другихъ

словахъ, не только черезъ глаголь *spondere*. При Северахъ допущено было заключеніе ея даже на греческомъ языкѣ; равно не стало обязательнымъ, чтобы отвѣтъ должника былъ выраженъ тѣмъ же глаголомъ, какъ и вопросъ кредитора. вмѣстѣ съ тѣмъ въ концѣ періода принципата подъ вліяніемъ греческаго права все болѣе входитъ въ обычай при заключеніи стипуляціи для памяти составлять письменную запись о заключенномъ договорѣ (*cautio*); такая запись постепенно изъ средства доказательства превратилась въ *письменную форму* заключенія договора. Въ эпоху Северовъ присутствіе обоихъ контрагентовъ при составленіи такой *cautio* давало предположеніе въ пользу заключенія словесной стипуляціи. Постепенно самая стипуляція превратилась въ формальность, которая въ оборотѣ нерѣдко и совсѣмъ опускалась.

Литеральные договоры (*contractus litterales*).

Сравнительно рано въ Римѣ (вѣроятно послѣ пуническихъ войнъ), съ переходомъ къ мнѣвому хозяйству, вошло въ обычай, что *patres familias*, особенно изъ числа ведущихъ крупныя торговые обороты (*equites, publicani*), имѣли различныя *домовыя книги*, такъ называемыя *codices*. Однѣ изъ этихъ книгъ служили для составленія подробной описи имущества лица (*libelli patrimonii*, необходимая подготовка для *lustrum*), въ другихъ (*adversaria*) въ хронологическомъ порядкѣ записывался ежедневный приходъ и расходъ лица; наконецъ, существовали и *кассовыя книги* (*codices rationum*), куда въ систематическомъ порядкѣ вносились на лѣвую сторону все расходы (*pagina expensi*), а на правую сторону весь приходъ лица (*pagina asserti*). Книга эта служила для опредѣленія въ данный моментъ кассовой наличности, причемъ и самыя записи соотвѣтствовали дѣйствительно совершеннымъ полученіямъ и уплатамъ, являясь лишь какъ *nomina arcaria* средствомъ доказыванія послѣднихъ.

вмѣстѣ съ тѣмъ однако уже очень рано, вѣроятно первоначально при взаимныхъ сношеніяхъ римскихъ банкировъ (*argentarii*) между собою и по сдѣлкамъ ихъ со своими постоянными кліентами, начали пользоваться внесеніемъ актива или пассива въ кассовыя книги для установленія или погашенія обязательствъ, главнымъ образомъ въ цѣляхъ упрощенія и новаціи ряда сложныхъ между контрагентами денежныхъ расчетовъ.

Возможенъ, напр., былъ такой случай. По ранѣе заключеннымъ сдѣлкамъ лицо *A* состоитъ обязаннымъ уплатить лицу *B*, положимъ,

100; въ то же время этомъ *B.* самъ обязанъ уплатить тоже 100 своему вѣрителю *C.* И вотъ, по взаимному всѣхъ трехъ соглашенію, вмѣсто двойной передачи этихъ 100 изъ рукъ въ руки (отъ *A.* къ *B.* и отъ *B.* къ *C.*) лицо *C.* отмѣчаетъ въ своей кассовой книгѣ, въ рубрикѣ *acceptum*, получение уплаты съ *B.*, а въ *graphum expensum* пишетъ 100 на *A.* Такимъ образомъ, въ силу записи въ *codex rationum*, совершается такъ называемая *transcriptio a persona in personam* — переносъ долга съ одного лица на другое; возникаетъ новое обязательство, между *A.* и *C.*, основанное на записи въ кассовой книгѣ. Соответственные отмѣтки, конечно, дѣлали въ своихъ книгахъ *A.* и *B.*, изъ которыхъ первый отмѣчалъ у себя, въ рубрикѣ *acceptum*, 100 съ *C.* и въ рубрикѣ *expensum* 100 на *B.*; этотъ же послѣдній выбывалъ изъ долговыхъ расчетовъ, отмѣтивъ въ книгахъ своихъ получение 100 съ *A.*

Рядомъ съ такими случаями *transcriptiones a persona in personam* возможны были по кассовымъ книгамъ соглашенія объ обновленіи ряда обязательствъ между тѣми же контрагентами въ одно новое (*transcriptio a re in personam*).

Бывали случаи, когда, благодаря частымъ торговымъ сношеніямъ между двумя лицами, у нихъ возникалъ цѣлый рядъ обязательствъ, по которымъ въ однихъ кредиторомъ былъ одинъ, а въ другихъ другой изъ нихъ. Желая выяснитъ конечный результатъ этого ряда сдѣлокъ, контрагенты производили расчетъ (*saldo*), по которому, положимъ, выяснялось, что въ результатъ всѣхъ обязательствъ первый имѣлъ требованіе со второго въ 100. Тогда контрагенты „сносили со счетовъ“ всѣ прежнія обязательства и писали новое, именно первый писалъ въ рубрикѣ *expensum* 100 на второго, а второй въ своей книгѣ *acceptum* 100 отъ первого. И здѣсь обязательство возникало исключительно въ силу записи его по кассовымъ книгамъ (*expensi latio*), равно какъ и прекращалось, благодаря отмѣткѣ въ книгѣ объ уплатѣ (*accepti latio*). Уже самая процедура заключенія такого рода сдѣлокъ показываетъ на возможность совершения ихъ между отсутствующими, *inter absentes*. Въ защиту такой *expensilatio* давался искъ, *condictio certi*, ибо предметомъ долга всегда была *certa pecunia*.

Въ началѣ императорскаго періода, когда у знатныхъ римлянъ веденіе хозяйства было возложено на рабовъ, а денежные расчеты производились черезъ *argentarii*, постепенно *codices accepti et expensi* выходятъ изъ обычая въ семейномъ оборотѣ, оставшись въ употребленіи лишь у банкировъ; вмѣстѣ съ тѣмъ и *contractus litterales* перестали примѣняться въ сдѣлкахъ между частными лицами, а при Юстиніанѣ и совсѣмъ вышли изъ употребленія. Сверхъ того *expensilatio*, какъ сдѣлка гражданского права, не могла быть примѣняема

перегринами. ¹⁾ Взаимнъ того въ оборотъ перегриновъ (на востокъ, главнымъ образомъ въ Греціи) все болѣе развивается другая форма письменныхъ договоровъ, такъ называемыя синграфы и хирографы. *Syngraphum*— это былъ документъ, гдѣ говорилось отъ лица кредитора о заключенномъ обязательствѣ и его содержаніи; получалъ онъ обязательную силу лишь въ томъ случаѣ, если подъ нимъ подписывались свидѣтели заключенія сдѣлки. *Chirographum* это была долговая росписка отъ имени должника и имъ подписанная. Эти документы стали составляться и римлянами, являясь, собственно говоря, лишь *доказательствомъ* заключенной сторонами сдѣлки.

При Юстиніанѣ такія росписки о долгахъ призывались именно лишь средствомъ доказыванія передачи денегъ кредиторами вѣрителю; но противъ дѣйствительности такой передачи можно было въ теченіе двухъ лѣтъ выставлять *exceptio non numeratae pecuniae*. Слѣдовательно только послѣ двухъ лѣтъ росписка получала безспорный характеръ и являлась какъ бы самостоятельной формой договора, а не простымъ доказательствомъ заключенія обязательства (*Instit. III. 21*).

Договоры *juris gentium*.

Всѣ указанные выше способы заключенія договоровъ были хороши для Рима того времени его существованія, когда жизнь общества была проста и несложна и сношенія съ перегринами только начинались. Но когда, съ середины республики, Римъ постепенно становится мировымъ центромъ, завязавъ торговые сношенія со всѣмъ извѣстнымъ тогда культурнымъ міромъ, къ этому времени примѣнявшіяся въ Римѣ нормы гражданского права оказались слишкомъ національными, да и вообще тѣсными и не пригодными для регламентаціи новыхъ условій и запросовъ жизни и быта. Особенно настоятельной явилась реформа въ области договорной, гдѣ стали крайне тѣсными и формализмъ, и излишняя обрядность старыхъ сдѣлокъ, а равно возникла настоятельная необходимость, въ интересахъ самихъ же римскихъ гражданъ, включить возможно большее число сдѣлокъ изъ перегринскаго общенароднаго права, т. е. *jus gentium*, въ область права римскаго.

Въ этой реформѣ древне римской договорной системы на началахъ *jus gentium* главнѣйшую роль сыграли преторы съ ихъ эдиктами, а

¹⁾ Сабинянцы впрочемъ утверждали, что *transcriptio a re in personam* для перегриновъ была доступна.

равно юристы вообще, которымъ ихъ трудами по разработкѣ права удалось систематизировать въ стройное цѣлое все появившееся постепенно и въ эдиктахъ магистратовъ безконечное разнообразіе обязательственныхъ отношеній.

Реформѣ системы римскихъ договорныхъ обязательствъ помогло то обстоятельство, что около половины II в. до Р. Хр. старый узкоформальный легисакціонный процессъ постепенно началъ замѣняться эластичнымъ и вполне отвѣчавшимъ новымъ запросамъ жизни процессомъ формулярнымъ. Теперь освобожденные отъ узкихъ рамокъ стараго цивильнаго права преторы энергично принялись создавать, развивать и охранять въ своихъ эдиктахъ новые договоры, отчасти создаваемые ими, но первоначально главнымъ образомъ реципируемые ими въ ихъ эдикты изъ *обычнаго* права, ибо съ теченіемъ времени въ Римѣ сама народная жизнь создала и примѣняла уже въ оборотѣ рядъ договоровъ, выработанныхъ, именно жизнью, безъ посредства какого либо законодательнаго акта. Такимъ путемъ, на примѣръ, возникли и существовали въ римской жизни договоры: купли, продажи, найма, довѣренности и др. вмѣстѣ съ тѣмъ преторы, изучая *jus civile*, часто создавали новыя договорныя отношенія по общему духу закона, а иногда путемъ реципіи нормъ *juris gentium*. Наконецъ, время отъ времени, хотя въ общемъ и рѣдко, издавались въ Римѣ спеціальныя законы по вопросамъ частнаго права, на основаніи смысла которыхъ возникали и новыя обязательства (напр. *lex Aquilia* и др.). Въ этой творческой дѣятельности преторовъ постоянно помогали юристы, особенно крупной заслугой которыхъ здѣсь было сведеніе всей массы договоровъ и обязательствъ вообще въ ту или другую систему. Благодаря этому, явилась возможность научной обработки всей безконечной массы сдѣлокъ. Такимъ именно путемъ возникла и была разработана знаменитая система дѣленія обязательствъ (принятая въ концѣ концовъ и Юстиніаномъ), по ихъ происхожденію, на обязательства договорныя, изъ правонарушеній, какъ бы изъ договоровъ и какъ бы изъ правонарушеній.

Что касается договорныхъ обязательствъ *obligationes ex contractu*, то юристы, изучая преторскій эдиктъ, нашли возможнымъ раздѣлять ихъ на группы, положивъ въ ихъ основу *порядокъ заключенія договоровъ*. Съ этой точки зрѣнія договоры *juris gentium*, какъ они были разработаны въ преторскомъ эдиктѣ, были раздѣлены на двѣ основныя группы, а именно *contractus reales* т. е. договоры, которые возникали съ момента передачи однимъ лицомъ другому вещи, и *contractus consensuales*, т. е. договоры, возникавшіе путемъ простого о томъ соглашенія контрагентовъ. Однако рядомъ съ этими дву-

мя основными группами договоров юристамъ пришлось обходить еще группу такъ называемыхъ *contractus innominati*, безыменныхъ контрактовъ. Это была группа договорныхъ соглашеній, которыми староны предоставляли другъ другу взаимныя услуги или имущественныя выгоды; другими словами, одни договоры этой группы были похожи на реальные, а другіе на консесуальные контракты, но отличались во многомъ отъ нихъ и по содержанію и по способу защиты. Наконецъ, съ точки зрѣнія исковой защиты, были признаны еще существующими *acta et obligationes naturales*—отношенія, не порождаяшія исковъ въ свою защиту.

Contractus reales.

Преторское право выработало по *jus civile* четыре вида реальныхъ договоровъ, именно *mutuum, commodatum, depositum, et contractus pignoratiticius*. Всѣ договоры эти отличаются другъ отъ друга не формой, не порядкомъ ихъ заключенія, такъ какъ всѣ они совершаются именно однообразно—путемъ передачи вещи однимъ контрагентомъ другому. Различіе ихъ создано по содержанію этихъ договоровъ, по той цѣли, для которой вещь передана однимъ лицомъ своему контрагенту. Вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ эти договоры въ отличіе отъ формальныхъ контрактовъ, были *двусторонними (contractus bilaterales)*, т. е. такими, по которымъ и права, и обязанности возникали для обѣихъ сторонъ. Только одинъ изъ нихъ—*mutuum* (кстати сказать, древнѣйшій изъ всѣхъ, по времени возникновенія) остался, какъ и договоры стараго формального права, (*contractus stricti juris*) одностороннимъ договоромъ, порождая право для одного и обязанности для другого контрагента.

1) *Mutuum*—заемъ. Это былъ договоръ, состоявшій въ передачѣ денегъ или другихъ замѣняемыхъ вещей (*res quae pondere, numero mensura consistunt*) въ собственность получателя съ тѣмъ, чтобы послѣдній потомъ возвратилъ обратно вещи того же качества въ томъ же количествѣ (*tantundem ejusdem generis*). Съ согласія кредитора должникъ могъ возвратитъ меньшее количество вещей, но никакъ не большее. Возвращеніе большаго должно было составлять предметъ особой стипуляціи.

Существеннымъ условіемъ *mutuum* была передача права собственности. Поэтому передавать могла только лица *sui juris* и дѣеспособныя,

имѣющія право отчужденія. На основаніи указа сената, изданнаго при Веспасіанѣ (конецъ 1-го вѣка по Р. Хр.)—такъ называемаго *Senatus consultum Macedonianum*, было запрещено давать деньги займа для *filius familias*; если кто либо давалъ всетаки лицу *alieni juris* деньги займа, такой *mutuum* хотя и признавался, но *filius familias* могъ представить противъ вѣрителя *exceptio sciti Macedoniani*, даже послѣ освобожденія своего изъ подъ *patria potestas*, и отказаться платить долгъ.

Въ обычномъ займѣ право кредитора требовать уплаты денегъ охранялось посредствомъ *condictio certi*, а на возвращеніе прочихъ вещей путемъ *condictio triticaria* (*triticum*—пшеница; терминъ произошелъ отъ примѣрной формулы въ эдиктѣ, данной на случай, гдѣ объектомъ займа былъ указанъ *triticum*).

2) *Commodatum*. Договоръ ссуды состоятъ въ передачѣ вещи для пользованія другому лицу, обязанному черезъ извѣстный срокъ возвратить эту же самую вещь обратно въ цѣлости и сохранности. Въ этой сдѣлкѣ безмездность отличала ея отъ договора найма, а срочность отъ прекарія. Изъ этого договора возникали обязанности для обѣихъ сторонъ: ссудоприематель (*commodatarius*) обязанъ былъ пользоваться вещью согласно ея назначенію въ хозяйствѣ, или по уговору о томъ съ контрагентомъ, и возвратить ее по истеченіи срока обратно въ неповрежденномъ видѣ, отвѣчая при этомъ за всякую порчу или уничтоженіе вещи, если онъ не откосился и не берегъ послѣдней, какъ охраняютъ свое имущество хорошіе хозяева (*diligentia boni patris familias*). Въ свою очередь ссудоприематель могъ требовать со своего контрагента (по *actio commodati contraria*) возмѣщенія издержекъ, произведенныхъ имъ для сохраненія вещи, и убытковъ, если таковыя причинила вещь, данная въ ссуду, благодаря ея завѣдомой для хозяина недобракачественности (напр., данный въ ссуду больной быкъ, о болѣзни котораго зналъ ссудодатель, заразилъ стадо ссудоприемателя). Въ то же время ссудодатель (*commodans*) по *actio commodati directa* имѣлъ право требовать отъ контрагента выдачи предмета ссуды обратно по истеченіи срока договора, а равно возмѣщенія тѣхъ убытковъ, какіе наступятъ, если ссудоприематель вернулъ по своей винѣ (хотя бы по *culpa levis*) вещь въ худшемъ видѣ, чѣмъ какой она была сдана ему хозяиномъ.

3) *Depositum*. Поклажа есть договоръ, при которомъ одно лицо передаетъ другому движимую вещь на храненіе, обязывая контрагента вернуть эту вещь, по требованію о томъ, обратно въ цѣлости и сохранности.

Безмездность этого договора отличала его отъ найма услугъ; отъ ссуды *depositum* отличался тѣмъ, что въ немъ лицо, принимающее

вещь на хранение (*depositarius*), обязано было именно *хранить*, а не пользоваться переданнымъ. Передавать на хранение можно было лишь вещи, индивидуально опредѣленные ¹⁾.

Принявшій вещь на хранение не могъ пользоваться ею и обязанъ былъ возвратить поклажу *cum omni causa*, т. е. съ плодами и приращеніями, отвѣчая лишь за тѣ убытки отъ порчи или уничтоженія вещи, какіе произошли по небрежности его, выходящей изъ предѣловъ обычной заботливости, обыкновенно примѣнявшейся поклажепринимателемъ въ его собственномъ хозяйствѣ (*diligentia quam in suis rebus*), т. е. отвѣчая лишь за грубую небрежность (*culpa lata*). Возвращеніе вещи и возмѣщеніе такихъ убытковъ обезпечивалось поклажедателю путемъ *actio depositi directa*. Въ свою очередь депозитарь по *actio depositi contraria* могъ взыскивать съ контрагента возмѣщеніе убытковъ своихъ по охраненію вещи, или понесенныхъ имъ, благодаря порокамъ вещи, взятой на хранение (напр., взятый на хранение рабъ его обокралъ).

4) *Pignus* или *contractus pigneraticius*—*закладной договоръ*. Онъ устанавливался передачею вещи во владѣніе кредитору въ обезпеченіе уплаты; причемъ кредиторъ являлся по этому договору обязательнымъ возвратить заложенную ему вещь обратно въ цѣлости и сохранности въ случаѣ уплаты долга, или же возвратить *superfluum*, какой остается по удовлетворенію долга изъ цѣнности заложенной вещи.

Въ силу этого договора о залогѣ, сопровождающаго установленіе *pignus*, какъ вещнаго правоотношенія, залогодатель по *actio pigneraticia directa* получалъ право, по уплатѣ имъ главнаго долга, требовать возвращенія себѣ заложенной вещи и возмѣщенія убытковъ, если таковыя будутъ причинены вещи залогопринимателемъ, благодаря отсутствію у послѣдняго такой заботливости къ залого, какую онъ самъ обыкновенно проявлялъ къ своему собственному имуществу (*diligentia quam in suis rebus*). Въ то же время залогобратель по *actio pigneraticia contraria* могъ требовать себѣ возмѣщенія расходовъ по сбереженію заложенной вещи или убытковъ, причиненныхъ ему даже по *culpa levis* залогодателя.

Contractus innominati, безымянные договоры.

Безымянными договорами называлась въ Юстиніановомъ правѣ (вѣрнѣе, терминъ самый *contractus innominati* возникъ уже въ средніе

¹⁾ Позднѣе признана была возможность установленія депозита вещей замѣнимыхъ и не обособленныхъ отборомъ, напр., въ отдѣльное помѣщеніе, *depositum quantitalis*. При этомъ хранитель являлся обязаннымъ къ выдачѣ лишь вещей того же рода—*tantumdem in genere*, не *in specie*, ставъ собственникомъ имъ полученнаго (*depositum irregulare*). Такой видъ *depositum* отличался отъ *mutuum* только намѣреніемъ сторонъ и цѣлью заключенія договора.

вѣка) группа договорныхъ отношеній, не получившихъ постоянного названія, содержаніемъ которыхъ являлись соглашенія лицъ о *передать вещи*.

Послѣ введенія въ преторскій эдиктъ четырехъ указанныхъ выше *contractus reales*, для каждаго изъ которыхъ созданы были спеціальныя иски, вся масса остальныхъ договорныхъ правоотношеній, по которымъ обѣ стороны взаимно обязывались предоставить одна другой извѣстное благо, именно въ разчетъ получить соотвѣтственное *praestatio* контрагента,—защищалась преторами довольно своеобразно; именно лицо, совершившее по уговору въ пользу другого извѣстное *praestatio*, въ случаѣ если обѣщаннаго за то соотвѣтственнаго *dare* или *facere* не получало, имѣло право искастись противъ неисправнаго контрагента о возвращеніи послѣднимъ того, *чѣмъ онъ неосновательно обогатился*, т. е. предъявить *condictio*, носившую здѣсь наименованіе *condictio sine causa* (*искъ изъ неосновательнаго обогащенія*). Такимъ образомъ при подобныхъ соглашеніяхъ о взаимныхъ *praestationes* собственно по *condictio* охранялись не самые договоры, а требовалось обратнo лишь неосновательное обогащеніе на чужой счетъ.

Искъ о понужденіи исполнить такое условленное *взаимное* обязательство давался преторами въ классическомъ правѣ только въ отдѣльныхъ случаяхъ, безъ опредѣленной руководящей идеи. Въ этихъ дѣлахъ именно давалась *actio incerti*, содержаніе которой излагалось въ формулѣ *praescriptis verbis*. Въ эдиктѣ о такой *actio praescriptis verbis* упомянуто было только въ одномъ случаѣ—*de aestimando*, т. е. на случай, когда оптовый продавецъ отпускалъ товаръ мелочному торговцу на продажу по условленной цѣнѣ (*aestimatio*)—съ тѣмъ, чтобы непроданное послѣдній могъ сдать обратно, оставивъ себѣ излишекъ противъ оцѣночной стоимости проданнаго, сколько напоругуетъ (*contractus aestimatorius*); этотъ искъ примѣнялся и для аналогичныхъ случаевъ. Вместе съ тѣмъ юристы прибѣгали въ другихъ случаяхъ *contractus innominati* къ примѣненію *actiones in factum*. Словомъ, до Юстиніана здѣсь еще не было установлено ни систематизаціи безымянныхъ договоровъ, ни одной общей для всѣхъ ихъ *actio praescriptis verbis*. Такой общій искъ для всѣхъ *contractus innominati*, вѣроятно, подъ влияніемъ рецепціи правилъ греческаго права о такъ называемыхъ *синаллагматическихъ сдѣлкахъ* (т. е. о взаимныхъ *praestationes*, по которымъ требованіе возникало послѣ выполненія однимъ изъ контрагентовъ своей *praestatio*), подъ наименованіемъ *actio praescriptis verbis* или *actio in factum civilis*, установленъ былъ уже въ Юстиніановомъ правѣ. Только съ этого времени *синаллагматическія сдѣлки* стали *контрактами* и при томъ изъ группы реальныхъ догово-

ровъ, ибо здѣсь право на искъ возникало для контрагента лишь съ момента доставленія res какъ его *causae debendi*. (см. ниже стр. 107).

Въ цѣляхъ систематизаціи всей массы указаннымъ способомъ охраняемыхъ *contractus innominati* въ правѣ Юстиніана была установлена такая схема: *do ut des, do ut facias, facio ut des u facio ut facias*—сообразно съ содержаніемъ взаимныхъ *praestationes* участниковъ сдѣлки. Примеромъ такого *contractus innominatus* (перваго типа по схемѣ) можно указать договоръ *мѣны* (*permutatio*) т. е. соглашеніе, по которому одно лицо давало другому въ собственность свою вещь за получаемую взаменъ въ собственность же вещь своего контрагента.

Однако и послѣ созданія общей *actio in factum civilis*, для защиты *contractus innominati*, не утратили своего значенія *condictiones sine causa*, которыя возможно было и позднѣе примѣнять при безымянныхъ договорахъ для возврата обратно сдѣланной уже *praestatio*. *Condictio sine causa* не имѣла мѣста только въ томъ случаѣ, когда взаимная *praestatio* стала невозможной безъ вины въ томъ получателя (напр., при мѣнѣ обѣщанная взаменъ вещь погибла отъ несчастнаго случая).

Contractus consensuales.

Договоры этой группы (всѣ двусторонніе) признавались заключенными съ момента изъявленія соглашенія сторонами на совершеніе одного изъ нихъ; причемъ былъ вполне безразличенъ самый *способъ* изъявленія такой воли (устно, письменно, знаками и т. д.). Такие договоры могли быть совершаемы между отсутствующими, и были *negotia bonae fidei*, почему на каждого контрагента возлагалась обязанность совершить *quidquid dare facere oportet ex fide bona*.

Преторскій эдиктъ зналъ слѣдующіе *виды консенсуальныхъ договоровъ*: *emptio—venditio, locatio—conductio, societas* и *mandatum*.

Emptio—venditio, купля—продажа. Имъ назывался договоръ, по которому одно лицо обязывалось передать вещь въ собственность другому, а послѣдній, въ свою очередь, обязывался передъ первымъ уплатить ему за это извѣстную сумму денегъ. Продавать можно было вещи какъ движимыя, такъ и недвижимыя, если онѣ—*res in commercio*. Отсюда не исключались и такія вещи, бытіе и передача которыхъ возможны только въ будущемъ (*emptio rei speratae*), или появленіе которыхъ предполагалось гадательно, (напр., продажа будущаго улова рыбы, урожай на корню и др.).

Цѣну покупки должно было выражать въ опредѣленной суммѣ денегъ; причемъ самый договоръ почитался заключеннымъ именно съ момента, какъ контрагенты пришли къ соглашенію о цѣнѣ и предметѣ купли продажи. При этомъ не требовалось непременно, чтобы *pretium* былъ *justum*, т. е. чтобы цѣна соотвѣтствовала дѣйствительной стоимости вещи. Только уже Диоклетіанъ установилъ правило о *laesio enormis*, по которому продавшій вещь дешевле болѣе чѣмъ вдвое, сравнительно съ ея дѣйствительной стоимостью, имѣлъ право требовать отъ покупателя или расторженія договора, или доплаты разницы противъ дѣйствительной цѣны вещи.

Изъ договора купли—продажи возникало два иска—одинъ въ пользу продавца, *actio venditi*, другой въ пользу покупателя а. *empti*. Посредствомъ а. *venditi* продавецъ имѣлъ возможность требовать съ своего контрагента прежде всего уплаты покупной цѣны за свою вещь, а равно всѣхъ издержекъ по сохраненію вещи съ момента заключенія договора и до дня передачи владѣнія покупкой. Покупатель путемъ *actio empti* могъ требовать съ продавца передачи покупки съ ея плодами и доходами, т. е. *cum omni causa*, вознагражденія за убытки, причиненные продавцомъ купленной вещи, хотя бы и влѣдствіе легкой небрежности (*culpa levis*) въ обращеніи съ нею, наконецъ, возмѣщенія за *evictio*, т. е. если позднѣе окажется, что вещь продавцу не принадлежала, и *verus dominus* ее отберетъ отъ покупателя себѣ. Кромѣ того въ эдиктахъ эдиловъ была установлена специальная отвѣтственность продавца рабовъ и животныхъ за *скрытые* недостатки проданнаго, если онъ объ этихъ *vitia* умолчалъ при продажѣ. Въ такихъ случаяхъ покупателю для защиты его интересовъ было предоставлено на выборъ два иска, а именно а) *actio redhibitoria*, по которой, въ теченіе шести мѣсяцевъ (*utiles*) покупатель имѣлъ право требовать возврата себѣ уплаченной имъ суммы за купленную вещь, передавая послѣднюю продавцу обратно,—и б) *actio quanti minoris*; по ней покупатель могъ требовать соотвѣтственнаго уменьшенія цѣны за покупку. Начиная со времени Лабена прамѣненіе обоихъ исковъ было распространено на всѣ случаи купли—продажи вообще, не только рабовъ и животныхъ.

Съ момента совершенія купли—продажи индивидуально опредѣленныхъ вещей рискъ за случайную гибель покупки (*periculum rei*) переходилъ на покупателя, который все равно долженъ былъ уплатить полную стоимость вещи, хотя бы послѣдняя погибла даже до перехода ея во владѣніе *emptor'a*, если только гибель вещи произошла не по винѣ продавца.

Locatio—conductio—договоръ найма; онъ состоитъ въ томъ, что одно лицо обязывается предоставить другому свое имущество или свои услуги за опредѣленное вознагражденіе. Различалось три вида найма, именно а) *locatio conductio operarum*, *наемъ услугъ*,—соглашеніе, въ силу котораго locator, т. е. нанимаемый, обязывался доставить своимъ трудомъ извѣстныя услуги нанимателю (*conductor*), въ теченіи опредѣленнаго времени за выговоренное вознагражденіе. Последнее можетъ быть истребовано съ неисправнаго нанимателя путемъ *a. locati*; тогда какъ наниматель могъ путемъ *a. conducti* требовать отъ нанятаго лица добросовѣстнаго выполненія принятыхъ на себя обязанностей. Предметомъ найма услугъ могло быть только выполненіе такихъ работъ, которыя содержаніемъ своимъ имѣли физическій трудъ лица; одна умственная работа (*operae liberales*) предметомъ *locatio conductio operarum* быть не могла; въ такихъ случаяхъ гонораръ (*honorarium*) взыскивался въ Римѣ путемъ *cognitio extra ordinem*, магистратомъ *ex officio*.

б) *Locatio—conductio operis*—*подрядъ, заказъ*, договоръ въ силу котораго лицо беретъ на себя обязанность выполнить за вознагражденіе извѣстное предпріятіе. При этомъ самый матерьялъ для работъ долженъ былъ дать заказчикъ; иначе, по воззрѣніямъ римскихъ юристовъ, возникалъ уже договоръ купли—продажи. Обязанностью подрядчика (*conductor*) было выполненіе предпріятія своевременно и въ исправномъ видѣ. Наниматель (здѣсь—*locator*) долженъ былъ за это уплатить денежную плату, отвѣчая въ этомъ по *a. locati* передъ подрядчикомъ.

с) *Locatio—conductio rerum*—*наемъ вещей*. Это договоръ по которому одно лицо (*conductor*) получаетъ отъ другого (*locator*) въ возмездное пользованіе вещь на извѣстный срокъ. Согласно договору *locator* обязанъ передать пользованіе вещью въ пригодномъ для того видѣ, отвѣчая за все недостатки вещи, которые имъ были скрыты при передачѣ вещи. Въ этомъ отношеніи наниматель (*conductor*) имѣлъ *a. conducti*, по которой могъ требовать *evictio*, если *res locata* отбиралась настоящимъ собственникомъ до срока отъ нанимателя. *Conductor* обязанъ былъ бережно пользоваться вещью, *salva rei substantia*, и возвратитъ ее въ срокъ хозяину въ исправномъ видѣ, отвѣчая и за *culpa levis*. Въ этомъ отношеніи *locator* имѣлъ *a. locati* для охраны своихъ интересовъ противъ неисправнаго нанимателя.

Societas, *договоръ товарищества*—это договоръ по которому нѣсколько лицъ соединяются трудомъ своимъ и имуществомъ для достиженія общей цѣли. Смотря по объему и цѣли установленія, римское (Юстинианово) право различало нѣсколько видовъ товарищества,

а именно: 1) *Societas omnium bonorum*, т. е. соглашение товарищей объединить все свое настоящее и будущее имущество для достижения известных (главнымъ образомъ торговыхъ и промышленныхъ) цѣлей. 2) *Societas quaestus*—гдѣ товарищи согласились объединять свое имущество, которое приобретается отъ общей промышленной дѣятельности ихъ; такого рода *societas* считалась нормальнымъ типомъ товарищескаго соглашения, и въ случаѣ если *societas* была заключена *simpliciter*, безъ ближайшаго опредѣленія, то она толковалась какъ подобнаго рода общее промышленное товарищество. 3) *Societas negotiationis*—случай, когда товарищество создавалось для одного какого либо *промысла*, преимущественно торговаго, распространяясь на активъ и пассивъ послѣдняго, но не на остальное имущество товарищей, которое оставалось частнымъ ихъ имуществомъ cadaго. Наконецъ, 4) *Societas unius rei*—объединеніе для совмѣстнаго заключенія одной сдѣлки, напр., объединеніе для совмѣстной покупки партіи товара, или соединеніе подходящихъ лошадей разныхъ хозяевъ для продажи ихъ какъ *quadriga*, и т. д.

Договоромъ товарищества устанавливалась взаимная связь контрагентовъ лишь между собою; въ отношеніяхъ же къ стороннимъ лицамъ *socii* разсматривались какъ отдѣльные лица, хотя бы они и дѣйствовали въ интересахъ всей *societas*. Другими словами, товарищество не разсматривалось какъ юридическое лицо, отличаясь этимъ отъ римскихъ корпорацій и *societates publicanorum*, которые считались за лицъ юридическихъ.

Самый размѣръ и характеръ соединившагося имущества, равно доля участія товарищей въ выгодахъ предпріятія, опредѣлялись ихъ личнымъ о томъ соглашеніемъ въ договорѣ; не дозволено было лишь создавать товарищество, въ которыхъ бы одни товарищи получали лишь выгоды, а другіе *socii* только убытки (*societas leonina*). Если о размѣрѣ и характерѣ отвѣтственности товарищей въ договорѣ не было ничего указано, законъ признавалъ всѣхъ *socii* поровну участвующими и въ убыткахъ, и въ доходахъ *societatis*. Требованіе товарищей о распредѣленіи между ними убытковъ и доходовъ согласно размѣру, установленному по договору, охранялось посредствомъ *actio pro socio*. Каждый товарищъ, совершая известную дѣятельность въ пользу *societas*, долженъ былъ примѣнять такую же степень заботливости, какъ къ личнымъ своимъ дѣламъ, отвѣчая по этому передъ своими *socii* за убытки, причтенные товариществу отъ его *culpa lata*.

Прекращалась *societas*, какъ *личное* отношеніе для *всѣхъ* *socii* съ момента смерти *однаго* изъ нихъ; но оставшіеся въ живыхъ, конечно, могли возобновить *societas* между собою. Такое же послѣдствіе

влекъ за собою отказъ отъ товарищества или выходъ изъ него одного изъ товарищей, а равно его *capitis deminutio*.

Mandatum—такъ называлось соглашеніе, по которому одно лицо (*mandator*) поручало другому (*mandatarius*) исполнить что-либо (сдѣлать, купить, продать), а другое лицо соглашалось безмездно выполнить данное ему порученіе. Согласно содержанію этого договора поручающій по *actio mandati directa* имѣлъ право требовать отъ своего контрагента, чтобы тотъ выполнялъ принятое на себя порученіе съ возможнымъ стараніемъ хорошаго хозяина (*diligentia boni patris familias*), т. е. взыскивая за всякій убытокъ, хотя бы происшедшій отъ легкой небрежности мандатарія. Этотъ послѣдній съ своей стороны по *a. mandati contraria* могъ требовать съ своего контрагента (*mandator*) возмѣщенія убытковъ и расходовъ, понесенныхъ при исполненіи его порученія. Отсутствіе вознагражденія составляло необходимое условіе мандата и отличало этотъ договоръ отъ *locatio-conductio*. Даже при императорахъ, когда въ нѣкоторыхъ случаяхъ стали за *mandatum* давать вознагражденіе (напр. адвокатамъ), это послѣднее, какъ *honorarium* можно было требовать не путемъ *a. mandati*, а лишь *extra ordinem*.

Pacta.

Установивъ указанныя выше группы договоровъ, римскіе юристы отнесли всѣ прочія сдѣлки, не подходящія подъ который-либо изъ видовъ *contractus*, въ общую неопредѣленную группу *pacta, pactiones*, отказавъ имъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ искovou зашитѣ (*nudum pactum actionem non parit*). Однако такое неопредѣленное положеніе *pacta* далеко не отвѣчало условіямъ и запросамъ все болѣе развивавшагося въ Римѣ оборота, и скоро мы замѣчаемъ здѣсь, какъ постепенно изъ этихъ *pacta* начинаютъ выдѣляться разнаго рода сдѣлки, получающія такъ или иначе процессуальную охрану своего существованія.

Здѣсь прежде всего было признано, что всѣ сдѣлки, не имѣющія самостоятельнаго существованія, но созданныя въ видѣ принадлежностей или составныхъ частей при главномъ соглашеніи тѣхъ же контрагентовъ (*pacta adjecta*), должны быть защищаемы тѣми же исками, какіе даны для охраны главнаго соглашенія между сторонами. Случаи охраны исками такихъ *pacta adjecta* были признаны уже по древнему *ius civile*, напр., обязательства объ уплатѣ процентовъ при займѣ. Особенно часто примѣнялись такія дополнительныя соглашенія при

emptio—venditio, изъ числа которыхъ мы укажемъ здѣсь, напримѣръ; 1) *lex commissoria* т. е. соглашеніе о томъ, что продавецъ можетъ отказаться продать вещь, если покупатель не внесетъ за нее своевременно плату, причемъ послѣдовавшіе уже частичные взносы платы остаются за продавцемъ. 2) *Pactum displicentiae*—соглашеніе о томъ, что покупатель можетъ въ теченіи опредѣленнаго срока отступиться отъ договора купли продажи, если купленная вещь ему не понравится. Добавленныя къ главному договору уже *postea* его заключенія *pacta adjecta* однако не охранялись некомъ, а въ защиту ихъ давалась одна *exceptio*.

Кромѣ такихъ *pacta adjecta* съ теченіемъ времени сами преторы въ своихъ эдиктахъ дали процессуальную защиту цѣлому ряду сдѣлокъ, получившихъ послѣ этого наименованіе *pacta praetoria*. Важнѣйшимъ изъ такихъ *pactum* былъ такъ называемый 1) *constitutum*, т. е. обѣщаніе уплатить уже существующій долгъ, причемъ возможно было установить и новыя дополнительныя условія, напр. о срокѣ, даже объ измѣненіи предмета исполненія (*aliud pro alio*, напр. вмѣсто хлѣба деньги). Главнымъ случаемъ *constitutum* былъ *constitutum debiti proprii*; но допускался и *constitutum debiti alieni*—т. е. обѣщаніе уплатить чужой долгъ (видъ поручительства). Въ защиту *constitutum* давалась *actio de pecunia constituta*. 2) *Receptum*—Въ преторскомъ эдиктѣ подъ этимъ общимъ наименованіемъ („de receptis“) была дана охрана цѣлому ряду *pacta*, а именно: 1) *Receptum arbitrii*.—Такъ называлось соглашеніе сторонъ о переносѣ ихъ спора на рѣшеніе третейскаго судьи. Преторъ сдѣлалъ для арбитра обязательнымъ дать рѣшеніе, разъ тотъ согласился быть третейскимъ судьей. Нека при этомъ не было установлено; но преторъ принуждалъ третейскаго судью выполнить свою обязанность, налагая на него иначе штрафъ или производя *ignominia capio*. 2) *Receptum nautarum, cauponum, stabulariorum*. Согласно преторскому эдикту хозяева кораблей, гостинницъ и постоялыхъ дворовъ были обязаны отвѣчать за цѣлость имущества остановившихся у нихъ путешественниковъ, даже если вещи эти будутъ утрачены не по винѣ этихъ хозяевъ. Освобождались *nautae, caupones et stabularii* отъ такой отвѣтственности лишь, если докажутъ, что вещь погибла подѣйствіемъ непреодолимой силы (*vis major*).

3) *Receptum argentarii*. Такъ называлось обѣщаніе банкира уплатить за счетъ своего кліента третьему лицу известную сумму денегъ (или иную цѣнность). Здѣсь все отношеніе основывалось на обѣщаніи уплатить, даннымъ банкиромъ, а самая *causa*, то основаніе, въ силу котораго банкиръ (*argentarius*) принялъ на себя эту обязанность, значенія не имѣла; такимъ образомъ этотъ *receptum* былъ сдѣлкой абстракт-

ной. Третье лицо получало при такомъ *receptum* особый искъ противъ *argentarius'a*—*actio recepticia*.

Наконецъ, постепенно специальными законами создана была защита отдѣльныхъ *pacta*, которыя послѣ этого стали называться *pacta legitima*. Изъ числа *pacta* этого рода упомянемъ здѣсь: 1) *Donatio*—обѣщаніе подарить. Первоначально такая сдѣлка облекалась въ форму *stipulatio*, безъ которой не признавалась обязательной. Императоры Констанцій, Хлоръ и Константинъ признали обязательнымъ обѣщаніе подарить въ томъ случаѣ, если оно было занесено въ судебный протоколъ (*insinuatio*). Эту формальность (*insinuatio*) Юстиніанъ призналъ необходимой только въ томъ случаѣ, если дареніе превышало сумму въ 500 солидовъ; обѣщанія же даренія на меньшую сумму были признаны имъ обязательными и безъ соблюденія такой *insinuatio*.

2) *Pactum dotis* (иначе *pollicitatio dotis*)—неформальное обѣщаніе выдать приданое было съ 428 г. закономъ Феодосія II признано обязательнымъ для контрагентовъ и подлежащимъ исковой охранѣ.

Obligaciones quasi ex contractu.

Рядомъ съ *contractus* и *pacta* римскіе классическіе юристы (напр. Гай), а за ними Юстиніанъ, создали еще категорію обязательствъ изъ дѣйствій дозволенныхъ, которыя хотя и возникали не въ силу соглашенія воли контрактовъ, но по характеру своему приближались къ договорнымъ обязательствамъ. Изъ числа этихъ *obligaciones quasi ex contractu*, извѣстныхъ Юстиніанову праву, приведемъ здѣсь:

1) *Negotiorum gestio*, *веденіе чужихъ дѣлъ безъ порученія*. Бываютъ случаи, когда лицо самовольно берется за веденіе чужихъ дѣлъ безъ вѣдома о томъ хозяина, что чаще всего совершается въ интересахъ поддержанія имущественнаго благосостоянія послѣдняго отъ возможнаго ущерба. Такъ, напр., поддерживается разрушающійся домъ, кормятся скотъ другого лица, вносятся экстренные платежи за отсутствующаго и т. д. Изъ такихъ фактически возникшихъ отношеній происходятъ взаимныя обязательства между хозяиномъ и *negotiorum gestor'омъ*. Послѣдній взявшійся добровольно за веденіе чужихъ дѣлъ, тѣмъ самымъ обязывается добросовѣстно выполнить эту свою дѣятельность, отвѣчая по ней передъ хозяиномъ (по *a. negotiorum gestorum directa*) даже за *culpa levis*. Съ своей стороны *negotiorum gestor* (по *a. negotiorum gestorum contraria*) имѣетъ право требовать съ хозяина возмѣщенія всѣхъ своихъ издержекъ, затраченныхъ имъ съ *пользой* для хозяйства *dominus'a*. Такимъ образомъ, хотя *negotiorum*

gestio и устанавливалась не въ силу соглашенія о томъ сторонъ, однако порождала между интересентами отношенія, сходныя съ тѣми, какія возникали изъ договора *mandatum*.

2) *Condictiones sine causa*.—Таково общее названіе кондикцій имѣющихъ своимъ содержаніемъ возвратъ обогащенія одного лица на счетъ другого безъ достаточнаго къ тому юридическаго основанія (*causa*). По Юстиніанову праву во всѣхъ случаяхъ такого неосновательнаго обогащенія давался потерпѣвшему противъ обогатившагося на его счетъ лица искъ, носившій общее наименованіе *condictio sine causa*. Въ силу таковой исковой защиты была признана у обогатившагося личность обязательства (возвратить свое обогащеніе), основаннаго не на *voluntate* сторонъ, а на самомъ фактѣ неосновательнаго обогащенія.

Смотря по обстоятельствамъ дѣла, въ нѣкоторыхъ случаяхъ *condictio sine causa* имѣла особыя названія. Такъ Юстиніаново право знало: 1) *Condictio indebiti*—обязательство возвратить обратно полученное отъ другого въ уплату по ошибкѣ, за несуществующей на самомъ дѣлѣ долгъ; 2) *Condictio causa data, causa non secuta*—обязанность возвратить уплаченное въ ожиданіи наступленія въ будущемъ извѣстнаго дозволеннаго результата, когда на дѣлѣ этотъ результатъ не наступилъ (положимъ, жениху выдана извѣстная сумма *dotis nomine*; если бракъ не состоялся, женихъ по такой *condictio* долженъ возвратить обратно имъ полученное, какъ *dos*); 3) *Condictio ob injustam causam*—обязанность возвратить полученное вопреки предписаніямъ закона (напр., взятка, лихвенные проценты); 4) *Cond. ob turpem causam* обязательство возвратить полученное, если полученіе по даннымъ условіямъ представляется противнымъ нравственности (напр. выданы деньги, чтобы лицо не проституировало свою дочь.) (Сравни. выше стр. 99—100).

Obligaciones naturales.

Такъ римляне называли своеобразныя обязательственныя отношенія, исками не защищенныя, но имѣющія все же извѣстное юридическое значеніе. Такъ въ этомъ отношеніи прежде всего по *obligatio naturalis* требовать выполненія было нельзя, но разъ должникъ свой долгъ платилъ, онъ ужъ не могъ требовать уплаченнаго обратно, какъ *indebitum*. Затѣмъ долгъ по *obligatio civilis* могъ быть погашенъ (зачтенъ) долгомъ по *obligatio naturalis*, если оба они существовали между тѣми же лицами. Что касается возникновенія обязательствъ этого рода, то римскіе юристы указывали только частные случаи, когда

между лицами существовало *obligatio naturalis*. Впервые возникли такія обязательства въ дѣлахъ смягченія *rigor juris* въ области семейныхъ отношеній лицъ *sui* и *alieni juris*, именно изъ дѣлъ *filius familias*, не имѣющаго *peculium castrense*, съ домовладыкой. Если малолѣтній вступалъ въ *negotia onerosa* безъ *auctoritas* опекуна, ис-каться противъ него не дозволялось, но уплаченное имъ не было *indebitum*; то же правило примѣнялось къ *filiis familias*, занявшимъ деньги вопреки *setum Macedonianum*.

Обязательства изъ правонарушеній (*obligationes ex delicto*).

Правонарушеніемъ называется причиненіе однимъ лицомъ другому ущерба умышленно (*dolo malo*) или по преступной неосторожности (*culpa*). Въ области правонарушеній должно различать двѣ группы: *crimina publica* и *delicta privata*; изъ нихъ первыя составляютъ правонарушенія, направленные противъ государства, противъ его интересовъ (*salus rei publicae*); они преслѣдуются по обвиненію преступника любымъ гражданиномъ (*actio popularis*) въ уголовномъ порядкѣ судопроизводства, и влекутъ за собою для виновнаго уголовное наказаніе. *Delicta privata*, какъ результатъ злой воли, наносящей объективный вредъ, нарушаютъ личные или имущественные интересы потерпѣвшаго субъекта. *Delicta privata* могутъ быть преслѣдуемы только этимъ послѣднимъ (или его представителемъ), по его инициативѣ, посредствомъ предъявленія частно-правовой *actio*, имѣющей содержаніемъ своимъ уплату потерпѣвшему частнаго штрафа, какъ возмездія за несправедливость и вмѣстѣ съ тѣмъ вознагражденія за понесенные отъ *delictum* убытки.

Границы области *delicta privata* въ Римѣ колебались; причѣмъ здѣсь съ теченіемъ времени область ихъ признанія все болѣе сокращалась, уступая мѣсто признанію взаимъ того *delicta publica*.

Furtum. Первоначально этимъ терминомъ охватывалась весьма обширная область преступленій противъ имущества; именно подъ *furtum* разумѣлся всякій умышленной захватъ чужой движимости въ дѣлахъ присвоенія. Сюда такимъ образомъ входили и грабежь, и разбой, и другія преступленія, обособившіяся позднѣе отъ кражи.

По законамъ XII таблицъ отличались два вида *furtum*, именно *furtum manifestum* и *non manifestum*. Виновный въ первомъ изъ нихъ, т. е. когда захватывался на мѣстѣ преступленія (*in flagranti*), подвергался бичеванію и отдавался (*addictio*) въ кабалу потерпѣвшему, причѣмъ послѣдній могъ даже продать его въ рабство. Если преступ-

никъ былъ захваченъ на мѣстѣ ночью, его могли безнаказанно убить; то же дозволялось, если ворующій днемъ сопротивлялся съ оружіемъ противъ потерпѣвшаго. Виновный въ *furtum nec manifestum*, т. е. захваченный уже позднѣе и въ другомъ мѣстѣ (не съ поличнымъ), отвѣчалъ только штрафомъ (*poena dupli*) и долженъ былъ выдать украденное.

Въ случаѣ если пришлось совершить обыскъ (въ присутствіи свидѣтелей) и вещь украденная дѣйствительно была найдена при этомъ, тогда хозяинъ помѣщенія, гдѣ найдено поличное, отвѣчалъ за такъ называемое *furtum conceptum* штрафомъ втрое противъ стоимости вещи; при этомъ, если уплатившій эту *poena tripli* самъ найдетъ дѣйствительнаго похитителя вещи, то можетъ взыскивать съ него свои убытки (*poena tripli*). Этотъ случай назывался *furtum oblatum*. Въ законахъ XII таблицъ имѣются указанія на одинъ своеобразный способъ обыска при кражѣ, въ особой торжественной формѣ—такъ называемое *quaestio cum lance et licio*—вѣроятно, пережитокъ эпохи господства сакрального права. Формальность заключалась въ томъ, что желающій предпринять обыскъ долженъ былъ явиться въ домъ голымъ, опоясаннымъ льняной тканью и держа на головѣ сосудъ (какъ говоритъ Гай— „*nudus licio cinctus lanceam habens*, *lanx* это особый плоскій, какъ тарелка, сосудъ). Если при обыскѣ *lance et licio* украденная вещь находилась, то домохозяинъ отвѣчалъ какъ *fur manifestus*.

Въ преторскомъ правѣ область *furtum* измѣнилась. Съ одной стороны, преторы распространяли понятіе о *furtum* на недвижимыя вещи; они же стали признавать возможнымъ воровство собственной вещи (напр., при залогѣ), *furtum usus* и *furtum possessionis*, т. е. противозаконное пользованіе или владѣніе вещью безъ разрѣшенія ея хозяина. Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнилось наказаніе за *furtum manifestum*, за который *всегда* стали взыскивать лишь *in quadruplum*. Результатомъ *furtum* для потерпѣвшаго теперь возникаетъ возможность предъявленія, кромѣ стараго цивильнаго иска—*actio furti*, при помощи котораго взыскивался *штрафъ* за преступленіе съ виновнаго, а равно его пособниковъ и укрывателей,—еще *condictio furtiva*. Эта послѣдняя направлялась на возвращеніе украденнаго и возмѣщеніе убытковъ.

Въ концѣ республики изъ *furtum* былъ выдѣленъ особый видъ деликта—*rapina* грабежъ. Именно въ 63 г. до Р. Хр., когда во время гражданскихъ войнъ чрезмѣрно усилились грабежи и сдѣлались очень часты нападенія разбойничьихъ шайкъ, преторъ Лукуллъ издалъ въ своемъ эдиктѣ правило о примѣненіи особаго иска—*actio vi bonorum raptorum* противъ тѣхъ, кто захватывалъ чужое имущество при помощи вооруженныхъ людей. По этому иску виновный (кромѣ уголовной

кары) долженъ былъ платить штрафъ *in quadruplum*. Этотъ искъ погашался въ теченіи года, послѣ котораго можно было требовать только возвращенія отнятаго и возмѣщенія убытковъ. При императорахъ для понятія *garina* не требовалось непременно, чтобы грабежъ былъ произведенъ *manu militari*; равно онъ признавался и въ случаѣ насильственного отнятія вещей не шайкой, а отдѣльнымъ лицомъ.

Damnum injuria datum—Умышленное поврежденіе чужого имущества. Уже въ законахъ XII таблицъ содержался рядъ отдѣльныхъ правилъ касательно отвѣтственности за поврежденіе чужого имущества съ весьма разнообразной степенью взысканія за разные случаи такихъ *delicta*, начиная отъ смертной казни (за поджогъ дома или „зарода“ хлѣба около строенія) и до пени въ 25 ассовъ (напр., за порубку дерева); но (кажется) общихъ положеній по этому вопросу еще не было выработано, или во всякомъ случаѣ ихъ мы не знаемъ. Общія правила объ отвѣтственности за умышленное поврежденіе чужого имущества были выработаны въ срединѣ III вѣка до Р. Хр., съ изданіемъ извѣстнаго *lex Aquilia*, правила котораго о послѣдствіяхъ *damnum injuria datum* реципированы были и въ Юстинианово законодательство.

Вопросу о *damnum* были посвящены 1-я и 3-я главы закона Аквилія. 1) Изъ нихъ первая глава гласила, что кто убилъ чужого раба или животное (*pecus*), тотъ повиненъ уплатить ихъ хозяину высшую стоимость ихъ за послѣдній годъ. Третья глава опредѣляетъ, что за раненіе раба или животнаго (*pecus*), а равно за поврежденіе и уничтоженіе другихъ вещей, виновный долженъ уплатить высшую ихъ стоимость за послѣдніе 30 дней. *Lex Aquilia* условіемъ примѣненія этихъ правилъ постановилъ лишь совершеніе *damnum no injuria*, т. е. вопреки праву. Однако позднѣйшая практика эту *injuria* стала здѣсь толковать, какъ умышленное причиненіе *damnum* не только *dolo malo*, но даже и по *culpa levis*. Первоначально признавали возможнымъ примѣненіе иска изъ *lex Aquilia* лишь въ случаяхъ *damnum corpore corpore datum*, т. е. при тѣлесномъ воздѣйствіи на тѣлесную же вещь; однако вскорѣ признано было возможнымъ по аналогіи (*actio utilis legis Aquiliae*) примѣненіе этого иска и въ случаяхъ *damnum nec corpore corpori datum*, (напр., я велѣлъ чужому рабу взлѣзть на дерево, откуда тотъ упалъ и расшибся), а равно въ случаяхъ *damnum*

2) Вторая глава содержала правила объ отношеніяхъ *stipulator'a* къ *adstipulator'у*; именно, если *adstipulator*, т. е. дополнительный кредиторъ, обязанный полученное отъ должника передать главному вѣрителю, взаимнѣ такого полученія, освобождать должника, путемъ *asserptilatio*, отъ отвѣтственности, то онъ долженъ былъ возмѣстить главному вѣрителю понесенный послѣднимъ ущербъ отъ такой *asserptilatio*.

corpore nec corpori datum (напр. я развязалъ, движимый состраданіемъ, чужого раба, а тотъ сбѣжалъ). Мало того, actiones utiles ex lege Aquilia были предоставлены, кромѣ собственниковъ, и другимъ потерпѣвшимъ (напр. узуфруктуару, добросов. владѣльцу и др.)

Injuria—въ обширномъ смыслѣ слова, это всякаго рода противозаконная дѣятельность (quod non jure fit). Какъ *terminus technicus* уже XII таблицъ примѣняютъ это выраженіе для означенія *личной обиды*. Необходимымъ условіемъ признанія наличности послѣдней былъ *animus injurandi*, т. е. намѣреніе нанести своими дѣйствіями обиду другому. Этотъ *animus injurandi* могъ проявиться въ словахъ и въ дѣйствіяхъ, сообразно съ тѣмъ, различали *словесную обиду* и *обиду дѣйствіемъ*. Этотъ послѣдній видъ *injuria* первоначально былъ очень обширенъ, такъ какъ сюда законы XII таблицъ подводили членовредительство. За членовредительство наказанія здѣсь были различны, именно за *membrum ruptum*, т. е. за поврежденіе конечности, полагался талионъ—т. е. причиненіе такого же увѣчья виновнику, если потерпѣвшій не мирится съ послѣднимъ; за *os fractum*, (поврежденіе костей головы или туловища) потерпѣвшій получалъ, по *actio injuriarum*, пеню съ виновного въ 300 ассовъ, а если потерпѣвшій былъ рабъ, тогда половину (150 ассовъ), которую взыскивалъ его домовладыка-хозяинъ. За мелче тяжкія обиды дѣйствіемъ полагалось 25 ассовъ штрафа, за учиненіе наговора, заклинанія во вредъ другому (*malum carmen*) полагалось тѣлесное наказаніе.

Впослѣдствіи въ эдиктахъ преторовъ измѣнился взглядъ на *injuria*. Денежныя штрафы и уголовныя наказанія были отмѣнены; вмѣстѣ съ тѣмъ теперь было установлено общее понятіе о личной обидѣ и созданъ былъ противъ обидчиковъ новый искъ—*actio injuriarum aestimatoria*, въ которомъ не было таксаціи размѣра пени за обиду, а судья по своему усмотрѣнію назначалъ штрафъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Самое понятіе *injuria* распространено было на всякое слово и дѣйствіе, въ которомъ заключалось посягательство на честь (*ne quid infamandi causa fiat*). Сюда относились: брань, пасквили (*carmen famosum*), уличныя преслѣдованія женщинъ, неприличныя слова и др..

Lex Cornelia de injuriis (при Суллѣ) и позднѣйшія императорскія постановленія выдѣлили болѣе тяжкіе виды *injuria* и признали ихъ за уголовныя преступленія (влекуція за собою ссылку); при этомъ обиженный могъ или предъявлять прежній гражданскій искъ (*actio injuriarum*), или же возбуждать дѣло въ порядкѣ уголовномъ.

Dolus—*обманъ, мошенничество*. Если кто *dolo malo* нанесъ другому лицу имущественный ущербъ, онъ обязанъ былъ по *actio doli* возмѣстить потерпѣвшему его убытки. Кромѣ того *actio doli* влекла

для отвѣтчика *infamiam*, если однако была предъявлена въ теченіи года со дня преступленія; по истеченіи этого срока *infamia* не имѣла мѣста. Созданъ былъ этотъ искъ въ концѣ республики другомъ Цицерона преторомъ Аквиліемъ Галломъ (въ 66 г. до Р. Хр.)

Metus—Угрозы. Подъ именемъ *metus* разумѣется здѣсь вовлеченіе въ невыгодную сдѣлку угрозой причиненія иначе еще большихъ невыгодъ. До конца республики юристы признавали сдѣлку, заключенную подъ вліяніемъ угрозъ, все же существующей: *tamen coactus voluit* говорили они. Въ концѣ республики, въ I вѣкѣ до Р. Хр., преторъ Октавій создалъ для лица, потерпѣвшаго отъ принужденія, *actio quod metus causa*, въ силу которой потерпѣвшій, если вынужденъ былъ отдать что-либо, могъ вытребовать это себѣ обратно, или же взыскать съ неотдающаго четверную стоимость переданнаго (*in quadruplum*); самая же сдѣлка, заключенная подъ вліяніемъ *metus*, признавалась ничтожной, и требованіе насильника по ней отражалась путемъ *exceptio metus*.

Obligaciones quasi ex delicto.

По общему правилу отвѣтственность за неправомѣрные дѣйствія падала на лицо, виновное въ томъ по *dolus* или *culpa*. Римское право признавало однакоже случаи, когда къ отвѣтственности передъ потерпѣвшимъ привлекался субъектъ за *чужія* дѣянія, именно за вредъ, причиненный животнымъ или рабомъ, наконецъ за неосторожность.

Все эти случаи, изъ которыхъ нѣкоторые были извѣстны еще законамъ XII таблицъ (таковы а. *de pauperie* и *de pastu*), юристы классическаго времени подвели въ одну общую группу *obligaciones quasi ex delicto*. Главнѣйшіе изъ нихъ суть:

1) *actio de pauperie*. Если домашнее животное причинило ущербъ кому либо своими дѣйствіями *contra naturam*, т. е. дѣйствуя аномально (лошадь укусила, корова лягнула etc), тогда его хозяинъ долженъ былъ или вознаградить ущербъ, или выдать животное потерпѣвшему.

2) *A. de pastu*—Случаи потравы; при этомъ хозяинъ животнаго долженъ былъ возмѣстить потраву.

3) *Actio noxalis*. Если сынъ или рабъ учинили *delictum*, тогда потерпѣвшій предъявлялъ деликтный искъ прогивъ ихъ *paterfamilias*, который долженъ былъ или уплатить положенный за данное правонарушеніе штрафъ, или же выдать виновнаго головой въ кабалу потерпѣвшему (*noxae datio*).

4) *Actio de dejectis et effusis*. Въ случаѣ, если что-либо было выброшено или вылито на улицу или дорогу изъ оконъ дома такимъ образомъ, что прохожій отъ этого понесъ ущербъ, тогда потерпѣвшій могъ искаться объ убыткахъ своихъ со всѣхъ квартирохозяевъ дома, изъ котораго совершено было такое *effusio* или *ejectio*.

5) *Actio de posito et suspensio*. Если на выступѣ строенія надъ улицей или дорогой будетъ поставлена или повѣшена вещь, грозящая при паденіи своемъ причинить ущербъ прохожимъ, всякій гражданинъ могъ возбудить этотъ искъ противъ хозяина квартиры, гдѣ вещь такъ выставлена или подвѣшена (*actio popularis*), и виновный въ небрежности подвергался штрафу въ 10 *aurei* (10000 сестерцій). Если при этомъ произошелъ черезъ паденіе вещи дѣйствительно *damnum*, виновный отвѣчалъ по *actio legis Aquiliae*.

6) Равнымъ образомъ къ *obligationes quasi ex delicto* причислялся случай отвѣтственности судьи, который по небрежности или медленности въ веденіи процесса причинялъ убытки тяжущимся. Искъ противъ такого судьи (*judex qui litem suam fecit*) былъ *actio in factum*.

Наслѣдственное право.

Совокупность нормъ, опредѣляющихъ порядокъ перехода имущества послѣ смерти лица въ другія руки, называется *наслѣдственнымъ правомъ*. Со смертью лица не прекращается та связь по имуществу съ хозяйствами другихъ лицъ, которая установлена была при его жизни. Имущественно-правовыя отношенія, равно какъ сакральныя, въ интересахъ общегосударственныхъ (*ne cultura turbetur*), признавались продолжающимися свое существованіе, согласно цѣли ихъ установленія, независимо отъ жизни даннаго индивида; субъекты мѣняются—эти отношенія остаются. Всѣ эти непрекращающія своего бытія со смертью субъекта правоотношенія составляютъ ту часть имущества послѣдняго, которая подъ общимъ именемъ *наслѣдства* способна къ переходу, въ совокупности правъ и обязанностей, на новаго субъекта—*наслѣдника* умершаго.

Идея наслѣдственнаго преемства лицъ въ имущественныхъ правоотношеніяхъ зародилась, благодаря главнымъ образомъ семейно—родовымъ формамъ быта древняго Рима. Какъ мы уже говорили, въ старину въ Римѣ индивида заслоняли сложная семья и родъ. Старшій домохозяинъ являлся, правда, неограниченнымъ владыкой и повелите-

лемъ внутри своей familia; однако долгое время и онъ сливался съ послѣдней въ томъ смыслѣ, что все, что бы онъ не дѣлалъ, онъ дѣлалъ не для себя, а для familia; все имущество, напр., домъ, земельный участокъ, рабы, сельско-хозяйственный инвентарь, принадлежало не ему лично, а всей familia, въ ея совокупности. Поэтому и смерть paterfamilias первоначально не измѣняла ничего въ имущественномъ состояннн семьи: выбывалъ одинъ старшій домохозяинъ; на его мѣсто тѣмъ самымъ вступалъ старѣйшій въ семьѣ, которая продолжала свое прежнее бытiе. Она не дробилась первоначально между *filiu familiae* умершаго (см. выше I, стр. 8), являясь экономически прежней имущественной массой, а политически—союзомъ семейной защиты, незамѣтно переходящимъ въ родовую организацію.

Только съ постепеннымъ ослабленiемъ родового быта и усиленiемъ значенiя въ семьѣ ея старшаго домохозяина наступаетъ та эволюція въ семьѣ и въ наслѣдованнн, картинъ которой даютъ намъ законы XII таблицъ. Теперь paterfamilias признается уже субъектомъ права, обособившимся отъ своей familia и безконтрольно завѣдующимъ общесемейнымъ имуществомъ. Въ то же время старшему домохозяину предоставляется возможность приобрѣтенiя, рядомъ съ общесемейнымъ имуществомъ (familia), личнаго своего имущества (resunia). Теперь уже наблюдается иная судьба общесемейнаго имущества въ случаѣ смерти домохозяина. При этомъ происходитъ *дробленiе* сложной семьи на столько новыхъ, сколько было у умершаго нисходящихъ; между всѣми ими теперь поровну дробится активъ и пассивъ такой familia, и на мѣсто одной прежней сложной семьи возникаетъ *рядъ* самостоятельныхъ новыхъ familiae. Здѣсь такимъ образомъ мы не наблюдаемъ еще наслѣдованiя въ собственномъ смыслѣ слова, а лишь простое естественное дробленiе сложной семьи на рядъ новыхъ равнымъ образомъ сложныхъ семей. Наслѣдованiе какъ таковое наступало, по правиламъ законовъ XII таблицъ, когда paterfamilias умиралъ, не оставивъ послѣ себя нисходящихъ въ составѣ familia. Въ такихъ случаяхъ законъ воспоминаетъ старый порядокъ родового „наслѣдованнн“, и призываетъ *ближайшаго агната* къ захвату familia, т. е. поворачиваетъ семейное имущество на ту дорогу, какой оно шло до ослабленiя родового начала. Если же не было и агнатовъ, законъ, слѣдуя старинѣ, призываетъ къ наслѣдству *родъ* (gens), въ которомъ числился умершій.

Таковъ былъ *законный* порядокъ наслѣдованнн общесемейнымъ имуществомъ, какъ онъ указанъ правилами XII таблицъ; никакихъ произвольныхъ измѣненiй въ немъ paterfamilias не могъ сдѣлать, если въ составѣ familia его были нисходящiе. Общесемейное имущество

подчинялось его распоряженіямъ, пока онъ живъ, и имѣло свою самостоятельную судьбу послѣ его кончины. Иное дѣло *pecunia*—то благопріобрѣтенное домохозяиномъ имущество, которое не служило для нуждъ семьи и не входило въ сельско-хозяйственный инвентарь. Этими вещами *paterfamilias*, по смыслу тѣхъ же XII таблицъ, могъ свободно и безконтрольно распоряжаться какъ при жизни, такъ и на случай своей смерти.—„*Uti paterfamilias legasset super pecunia tutelave suae rei, ita jus esto*“.—Сопоставляя это правило съ другимъ постановленіемъ тѣхъ же законовъ о наследованіи, гдѣ мы читаемъ—„*agnatus proximus familiam habeto*“,—можно прийти къ тѣмъ важнѣйшимъ выводамъ: что 1) домохозяинъ при наличности *heredes domestici (sui)* могъ на случай смерти дѣлать *лишь завѣщательные отказы (legata)*, въ смыслѣ передачи отдѣльныхъ цѣнностей изъ своей *pecunia*; 2) *familia* т. е. общесемейное имущество, при наличности другихъ членовъ въ семьѣ кромѣ *paterfamilias*, слѣдовало своей самостоятельной судьбѣ, не подчиняясь волѣ *paterfamilias*. 3) Распорядиться общесемейнымъ имуществомъ на случай своей смерти старшій домохозяинъ могъ лишь при отсутствіи въ семьѣ его нисходящихъ.

Право распоряжаться общесемейнымъ имуществомъ было пріобрѣтено старшими домохозяевами только исподволь и главнымъ образомъ путемъ *обхода* строгихъ на этотъ счетъ постановленій *jus civile*.

Въ этомъ отношеніи прежде всего такое право было признано въ дѣлахъ сакральныхъ (сохраненіе семейнаго культа) за безпотомными *patresfamilias*, смерть которыхъ грозила прервать *familia* и ея общій семейный культъ. Это достигалось путемъ *усыновленія* римскаго гражданина, что первое время совершалось два раза въ годъ передъ народнымъ собраніемъ (*calatis comitiis*) или же, во время войны, передъ войскомъ (*in procinctu*).

Съ развитіемъ въ Римѣ торгового оборота, т. е. во времена не раніе пуническихъ войнъ, когда *paterfamilias* окончателно захватываетъ въ свои руки *familiam*, т. е. прежнее общесемейное имущество, становится обычнымъ въ Римѣ отчужденіе и распоряженіе послѣднимъ (*familia*), подведеннымъ теперь, въ его составныхъ частяхъ, подъ понятіе *res mancipi*. Свободно распоряжаясь и отчуждая эти *res mancipi* при жизни своей, *patresfamilias*, воспользовавшись развитіемъ примѣненія въ рядѣ сдѣлокъ неформальныхъ соглашеній (*factum fiduciae*), охранявшихся преторами, нашли возможнымъ, при помощи *mancipatio*, распоряжаться семейнымъ имуществомъ и на случай смерти, иногда даже съ нарушеніемъ при этомъ строгихъ правилъ о законномъ на-

слѣдованіи XII таблицъ.

Совершалось это такимъ образомъ. Paterfamilias, въ присутствіи пяти свидѣтелей и вѣсовщика (libripens) продавалъ свою familia близкому лицу (familiae emptor), который съ момента продажи становился собственникомъ имущества. При этомъ одновременно по fiducia отчуждающій объяснял истинную цѣль заключенія такой mancipatio, уговариваясь съ familiae emptor'омъ, чтобы тотъ вступалъ въ фактическое осуществленіе своихъ правъ лишь послѣ смерти отчуждателя.

Съ теченіемъ времени римская юридическая практика изъ этой грубой формы распоряженія имуществомъ inter vivos сумѣла создать уже настоящее завѣщаніе, какъ одностороннее изъявленіе воли на случай смерти, съ указаніемъ своего heres. Достигнуто было это тѣмъ, что содержаніе fiducia стали добавлять въ видѣ такъ называемой *манципацио* при манципацин, ставшей теперь простымъ лишь обрядомъ при testamenti factio. Совершалось теперь самое производство завѣщанія слѣдующимъ образомъ. Въ присутствіи пяти свидѣтелей и вѣсовщика, familiae emptor, ударяя кускомъ мѣди о вѣсы говорилъ verba solemnna: familiam pecuniamque tuam endo mandata tua custodelaque mea esse ajo, et ea quo tu jure testamentum facere possis secundum legem publicam hoc aere aeneaque libra esto mihi empta“. (Gai II, 104—по издан. Girard—Textes de droit romain). Послѣ этихъ обрядностей добавлялась теперь еще *манципацио*; состояла она первоначально въ томъ, что немедленно при той же обстановкѣ завѣщатель словесно изъявлялъ свою послѣднюю волю, обязательно назначая себѣ heres'a. Позднѣе устную форму mancipatio замѣняли письменной, и тогда послѣ акта mancipatio завѣщатель предъявлялъ тѣ таблички, на которыхъ была имъ письменнo изложена послѣдняя воля (tabulae testamenti) и произносилъ verba solemnna:—„Haec ita ut in his tabulis cerisque scripta sunt, ita do, ita, lego, ita testor itaque vos, quirites, testimonium mihi perhibitote“.

Такимъ образомъ и въ этой своей болѣе усовершенствованной формѣ духовное завѣщаніе все еще совершалось въ обходъ закона, подъ прикрытіемъ сдѣлки между живыми, заключаемой посредствомъ mancipatio.

Преторское право. Признаніе за лицомъ свободы завѣщательныхъ распоряженій сдѣлано было преторомъ (вѣроятно, въ концѣ республики), постановившимъ въ своемъ эдиктѣ, что если кто-либо предъявитъ ему письменное завѣщаніе, запечатанное печатями семи свидѣтелей, (т. е. прежнихъ 5 testes, familiae emptor'a и libripens'a), то онъ дастъ такому лицу *bonorum possessio secundum tabulas*, какъ если бы такому теста-

менту предшествовала mancipatio. Съ этого момента все наследственное право въ Римѣ вступило на новый путь: за лицомъ была признана тѣмъ самымъ свобода распоряженія своимъ имуществомъ, причемъ, какъ мы увидимъ ниже, значеніе семейной связи и общесемейнаго имущества было въ жизни на столько утрачено, что пришлось специальными правилами права охранять интересы семьи отъ злоупотребленія свободой завѣщательныхъ распоряженій (portio legitima, praeteritio, необходимое наследованіе).

Тоже раскрытіе личности изъ подъ гнета сложной семьи и стремленіе защитить интересы простой семьи наблюдаемъ мы въ несравненно болѣе раннее время у преторовъ въ области нормировки ими порядка наследованія безъ завѣщанія.

Здѣсь преторами, ко времени развитія jus gentium, обращено было особенное вниманіе на полное несоотвѣтствіе положеній законовъ XII таблицъ о порядкѣ наследованія ab intestato, основаннаго на охранѣ интересовъ агнатовъ и сложной семьи, съ новыми условіями римской семейной жизни и быта. Начиная со второй половины республиканскаго періода, gens утрачиваетъ всякое значеніе въ правѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ въ семьяхъ все болѣе наблюдается переходъ отъ сложныхъ familiae, къ естественнымъ семьямъ, возникающимъ и получающимъ самостоятельное юридическое бытіе или путемъ естественнаго дробленія familia послѣ смерти старшаго домохозяина, или эмансипаціей сыновей семьи изъ подъ patria potestas и созданія ими самостоятельныхъ familia. Жизнь теперь, другими словами, выдвигаетъ на первый планъ не агнатическое начало подвластнаго состоянія въ составѣ familia подъ рукою старшаго домохозяина, а начало естественнаго законнаго родства по крови—cognatio.

Новыя условія жизни дѣлають теперь несправедливымъ старое правило о допустимости къ наследованію лишь gentiles и агнатовъ, теперь уже стала казаться совершенно несправедливой возможность призванія отдаленнаго агната, даже гентила, къ наследству, когда послѣ умершаго оставались дѣти, только вышедшія изъ подъ patria potestas при жизни наследодателя.

Уступая запросамъ жизни, преторы въ эдиктахъ своихъ постепенно выработали, въ развитіе и дополненіе къ законному порядку призванія къ наследству, свой порядокъ successio ab intestato, основанный прежде всего на началѣ близости лицъ по кровному когнатическому родству. Реформа въ наследственномъ правѣ была произведена преторами не категорическимъ заявленіемъ въ эдиктѣ объ отмѣнѣ существовавшихъ ad hoc правилъ законовъ XII таблицъ; преторы этого сдѣлать не рискнули. Они пошли инымъ путемъ, а именно объявили,

что известнымъ лицамъ они предоставятъ владѣніе наследственнымъ имуществомъ (*bonorum possessio*) и будутъ защищать наследство за ними такъ же, какъ если бы они были наследниками по *jus civile*. Этимъ способомъ давали возможность скорѣе покончить съ неопредѣленнымъ состояніемъ имущества послѣ смерти его хозяина и дать ясность имущественнымъ отношеніямъ. Если же являлся другой субъектъ, имѣвшій *больше правъ* на получение наследства, послѣднее ему и передавалось, а *bonorum possessio* первого лица оставалось за нимъ *sine re*.

Затѣмъ преторъ пошелъ далѣе. По *jus civile* наследство открывалось для лица всего одинъ разъ. Если ближайшій наследникъ почему-либо не принималъ наследства, послѣднее не переходило къ слѣдующему по близости родственнику, а оставалось *sine herede*, и въ это время легко могло подвергнуться расхищенію. Въ цѣляхъ помочь противъ этаго зла практика стараго Рима ввела даже здѣсь своеобразный институтъ *usucapio pro herede*, посредствомъ котораго каждый сторонній, не *heres* могъ и безъ основанія (*sine titulo*), даже *mala fide*, завладѣть наследственнымъ имуществомъ и затѣмъ приобрести его въ собственность посредствомъ непрерывнаго владѣнія въ теченіи года по давности, въ составѣ всего актива и пассива.

Желая упорядочить такого рода положеніе вещей, созданное практикой на почвѣ гражданского права, преторъ объявилъ, что, если ближайшіе наследники, призываемые къ наследству, не примутъ его въ теченіи известнаго срока, то онъ даетъ *bonorum possessio* слѣдующимъ по порядку призванія лицамъ; за отказомъ или не вступленіемъ послѣднихъ въ наследованіе въ теченіи опредѣленнаго срока, призываются къ наследованію, путемъ признанія за ними *bonorum possessio*, слѣдующіе по близости наследники и т. д.

Самый порядокъ призванія къ наследству въ конечномъ его видѣ былъ выработанъ преторскимъ эдиктомъ (вѣроятно, не ранѣе 1 в. по Р. Хр.), какъ показали новыя изслѣдованія, путемъ крупныхъ замѣтowanій правилъ греческаго права, сюда относящихся (*Leist*). Преторская *bonorum possessio* являлась присужденіемъ владѣнія наследственнымъ имуществомъ со стороны претора лицамъ, заявившимъ свои претензіи; самый вопросъ о дѣйствительномъ *правомочіи* постулянта, въ смыслѣ безспорности его правъ на наследство по *jus civile*, при этомъ не обсуждался (по крайней мѣрѣ первое время введенія преторской *bonorum possessio*.) На основаніи своего эдикта преторъ прежде всего давалъ защиту владѣнія наследственнымъ имуществомъ тому, кто предъявлялъ ему *tabulae testamenti* запечатанныя печатами не менѣе 7 свидѣтелей. Если въ установленный срокъ никто не испрашивалъ

такой *bonorum possessio secundum tabulas*, владѣніе наслѣдствомъ представлялось призванному къ наслѣдованію *ab intestato* (b. poss. *intestati*).

Уже въ этомъ основномъ правилѣ эдикта, которымъ давались такія преимущества наслѣднику по завѣщанію и во времени, и въ порядкѣ самомъ призванія, сравнительно съ *heres ex lege*, видимъ мы явное стремленіе преторовъ вытѣнить и развить начало свободы распоряженія лица своимъ имуществомъ не только *inter vivos*, но и *mortis causa*, и тѣмъ самымъ по возможности ослабить старое начало законнаго наслѣдованія, гдѣ личность заглушена была сложной семьей и домовладѣйкой. Еще болѣе ясно видна также тенденція и въ самой системѣ призванія *ab intestato*, созданной преторскимъ правомъ.

Здѣсь прежде всего *bonorum possessio intestati* была установлена на началѣ призванія близкихъ къ умершему лицъ въ порядкѣ степеней ихъ родства, по 4 классамъ, съ установленіемъ для *heredes* этихъ опредѣленнаго срока для принятія наслѣдства (100 дней или одинъ годъ для восходящихъ и нисходящихъ), по истеченіи котораго наслѣдство переходило къ другому ближайшему наслѣднику.

Классы эти были:

1) *Unde liberi*—Сюда входили всѣ *sui heredes* наслѣдодателя, причемъ не только бывшіе *sub potestate* умершаго, но и тѣ, которые *были бы* его *sui heredes*, если бы для нихъ не наступила *capitis deminutio* (фиктивные *sui*), т. е. здѣсь уже рядомъ съ *legitimi* наслѣдуютъ ближайшіе когнаты. Этотъ классъ наслѣдованія былъ возможенъ только при наслѣдованіи *послѣ мужчины*. Наслѣдство дѣлилось при этомъ *in stirpes* (т. е. поколѣнно). При одновременномъ вступленіи въ наслѣдство эмансипированнаго съ лицами, бывшими *sub potestate* умершаго, соблюдалась такъ называемая *collatio bonorum*, т. е. эмансипированный д. б. сперва вноситъ въ составъ наслѣдства *свое* имущество; послѣ чего ихъ наслѣдственные доли опредѣлялись изъ всей этой общей массы.

2) *Unde legitimi*—Если не было наслѣдниковъ перваго класса, или они въ опредѣленный срокъ не вступали въ наслѣдство, тогда призывались *legitimi heredes* XII таблицъ, т. е. *sui heredes* и *agnati* (гентиловъ къ этому времени уже не было, за распаденіемъ римскихъ родовъ). Слѣдовательно, при пропускѣ срока, здѣсь вновь могли вступить въ наслѣдство нисходящее, но лишь *не* эмансипированные.

2) *Unde cognati*. Въ третьемъ классѣ призывались ближайшіе кровные родственники умершаго до 6 степени включительно. При этомъ ближайшая степень родства исключала отъ наслѣдованія дальнѣйшую,

причемъ однако не дѣлалось различія въ наслѣдованіи по мужской и женской линіямъ. Здѣсь же наслѣдовали дѣти—законныя и незаконныя послѣ ихъ матери. Такимъ образомъ въ этомъ классѣ sui призывались въ 3 разъ, а emancipati во второй.

4) *Unde vir et uxor*. По цивильному праву жена наслѣдовала мужу въ томъ только случаѣ, если бракъ былъ *cum manu*, въ которомъ она была *filiae loco*. Преторы установили специальный классъ для наслѣдованія послѣ пережившаго супруга, которое открывалось, лишь когда у умершаго не было наслѣдниковъ первыхъ трехъ классовъ. При этомъ было безразлично, какъ былъ установленъ самый бракъ, *cum manu* или *sine manu*.

Иски въ защиту наслѣдства. Наслѣдникъ по *jus civile* для защиты своихъ правъ имѣлъ специальный искъ *hereditatis petitio*. Искъ этотъ предъявлялся наслѣдникомъ противъ всякаго, кто владѣлъ *всѣмъ* наслѣдственнымъ имуществомъ по какому либо титулу (*pro hereditate, pro possessore*). Кроме того наслѣднику была представлена *actio familiae heredis*, когда одинъ изъ сонаслѣдниковъ хотѣлъ выдѣлить свою наслѣдственную долю *in natura* изъ всей *hereditas*. Наконецъ, по поводу отдѣльныхъ правъ, входившихъ въ составъ наслѣдственной массы, *heres* имѣлъ тѣ же вещные и обязательственные иски, какіе въ данномъ случаѣ были предоставлены и наслѣдодателю (*rei vindicatio, actio empti, etc.*)

Что касается преторскаго *bonorum possessor'a*, то ему прежде всего данъ былъ въ защиту специальный интердиктъ *quorum bonorum* для вытребованія отъ стороннихъ лицъ изъ ихъ владѣнія *отдѣльныхъ вещей*, входящихъ въ составъ наслѣдства. Постепенно однако преторы своимъ наслѣдникамъ стали давать тѣ же иски, какими пользовались *heredes* по *jus civile*, только въ отличіе иски эти были *a. utiles*.

Bonorum possessio contra tabulas. Признавая и проводя сами идею полной свободы личности распоряжаться своимъ имуществомъ и на случай смерти, преторы и римскіе юристы скоро замѣтили, что такая абсолютная свобода завѣщательныхъ распоряженій гибельно отражается на благосостояніи римскихъ семействъ. Дѣло въ томъ, что съ распаденіемъ сложныхъ семействъ сплошь и рядомъ въ Римѣ (къ концу республики) стало наблюдаться то печальное явленіе, что лица *sui juris*, составляя завѣщанія въ пользу стороннихъ, совершенно забывали въ нихъ своихъ дѣтей и ближайшихъ родственниковъ, помогавшихъ имъ создавать общее семейное имущество (*familia*). Въ цѣляхъ борьбы противъ такого злоупотребленія свободой завѣща-

тельных распоряженій было создано требованіе о томъ, чтобы въ *testamentum* завѣщатель, назначая своимъ наслѣдникомъ стороннее лицо (*extraneus*), ясно и опредѣленно исключать *sui heredes* отъ наслѣдованія (*exhereditatio*), въ опредѣленныхъ формальныхъ выраженіяхъ:— „*ex heredes sunt*.“ При этомъ требовалось, чтобы *paterfamilias* исключалъ своихъ сыновей *nominatim*, а остальныхъ членовъ семьи (женскаго пола) можно было исключать *inter caeteros* (*caeterae exheredes sunt*). Если *testamentum* былъ составленъ въ пользу *extraneus*'а съ упущеніемъ совершенія такой *exhereditatio* о *sui heredes* (*praeteritio*), тогда признавалось самое завѣщаніе а) недействительнымъ въ случаѣ *praeteritio* сыновей, и тогда наступала *bonorum possessio contratabulas* (наслѣдованіе безъ завѣщанія); б.) *praeteritio* имѣла послѣдствіемъ своимъ привлеченіе къ наслѣдованію въ равныхъ доляхъ съ *heres institutus* тѣхъ *heredes*, коихъ слѣдовало *exhereditare inter caeteros*.

Преторъ позднѣе въ эдиктѣ своемъ расширилъ область обязательной поименной *exhereditatio* на всѣхъ мужскаго пола дѣтей завѣщателя, въ томъ числѣ и эманципированныхъ, и только для женщинъ осталась достаточной *exhereditatio inter caeteros*.

Правила о *praeteritio* въ общемъ все же слабо охраняли интересы нисходящихъ отъ произвола домовладыки. Послѣдній легко могъ оставить ихъ нищими: а) назначивъ ихъ *heredes* въ минимальной долѣ наслѣдства, или же б) совершивъ формальную *exhereditatio*. Поэтому въ практикѣ центумвиральныхъ судовъ создано новое правило о материальномъ необходимомъ наслѣдованіи (уже въ императорскій періодъ). Въ основу новаго порядка вложено было то предположеніе, что если завѣщатель совершалъ формальное *exhereditatio*, лишалъ такъ или иначе своихъ дѣтей наслѣдства, то онъ этимъ нарушалъ свой *officium pietatis*, т. е. свойство всякаго разумнаго чловѣка—кормить и охранять своихъ дѣтей. А потому уже этотъ одинъ поступокъ явно даетъ указаніе на психическую ненормальность подобнаго завѣщателя (*color insaniae*) (тоже реценція изъ греческаго права.) На этомъ основаніи теперь стали давать ближайшимъ наслѣдникамъ покойнаго искъ объ уничтоженіи такого завѣщанія—*quaerela inofficiosi testamenti*. При этомъ право на требованіе такого иска было предоставлено безусловно всѣмъ нисходящимъ и восходящимъ родственникамъ наслѣдодателя; братьямъ же и сестрамъ послѣдняго—въ томъ только случаѣ, если имъ будетъ предпочтена въ завѣщаніи *persona turpis*, т. е. лицо, пользующееся въ обществѣ дурной репутаціей. Съ этихъ поръ для действительности завѣщанія было уже мало установленія *exhereditatio* ближайшихъ наслѣдниковъ; напротивъ, наслѣдодатель являлся обязаннымъ доказать въ отношеніи ихъ свои родствен-

ныя чувства и заботы оставленіемъ имъ изъ наслѣдства *известной обязательной доли (portio legitima)* равной по крайней мѣрѣ четвертой части законной доли наслѣдства (*ab intestato*).

Переходя къ разсмотрѣнію *законодательства императорскаго периода касательно наслѣдованія ab intestato и ex testamento*, мы видимъ здѣсь въ общемъ стремленіе императоровъ въ дѣятельности своей подражать преторамъ, умѣвшимъ реформировать и дополнять нормы права соотвѣтственно новымъ условіямъ и запросамъ жизни ихъ времени. Вмѣстѣ съ тѣмъ еще въ эпоху періода принципата, когда были сильны въ Римѣ республиканскія традиціи и вообще весь старый укладъ жизни, императоры рѣшительно взяли подъ свое покровительство правила преторскаго эдикта о *bonorum possessio*, и признали *bonorum possessor*’овъ преторскаго права наслѣдниками предпочтительно передъ *heredes* по *jus civile*, въ случаяхъ ихъ взаимныхъ столкновеній и споровъ о наслѣдствѣ. Въ этомъ отношеніи императоры стали энергично бороться противъ прежняго дуализма въ наслѣдственномъ правѣ, гдѣ возможно было, какъ мы видѣли, одновременное существованіе наслѣдниковъ и по *jus civile*, и по преторскому праву. Такъ здѣсь уже Антонинъ Пій одной своей конституціей категорически призналъ *bonorum possessio secundum tabulas* за *b. poss. cum re*, окончательно устранивъ этимъ конкурировавшихъ съ преторскимъ *heres ex testamento* наслѣдниковъ *ab intestato* по *jus civile* (тогда какъ раньше въ этихъ случаяхъ возникала *bonorum possessio sine re*).

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ области наслѣдованія *ex testamento* императоры обратили вниманіе на возможное упрощеніе формальностей при составленіи *духовныхъ завѣщаній*. Въ этомъ отношеніи Θεодосій II объявилъ и для цивильнаго завѣщанія излишней *nuncupatio*, чѣмъ слилъ и преторское, и цивильное завѣщанія въ одинъ институтъ. Въ Юстиніановомъ законодательствѣ стали просто лишь различать два вида *тестаментовъ* по способу ихъ составленія—именно *словесныя* и *письменныя* завѣщанія; причемъ въ обоихъ необходимыми условіями была наличность 7 *testes rogati* и *unitas actus*, т. е. совершеніе всего завѣщательнаго акта безъ перерыва (*uno contextu*), безъ вмѣшательства другихъ дѣйствій, въ присутствіи свидѣтелей.

Кромѣ этихъ нормальныхъ частныхъ завѣщаній еще болѣе упрощенная форма была дана для особыхъ случаевъ, когда составленіе завѣщанія не могло терпѣть отлагательства для совершенія всѣхъ формальностей. Такъ при деревенскихъ завѣщаніяхъ, *testamentum ruri conditum*, достаточно было пяти свидѣтелей, при *testamentum tempore pestis conditum*, во время моровой язвы, не требовалась *unitas actus* и т. д.

Составлять *testamenta* могли только лица дѣеспособныя. *Furiosi, prodigi, impuberes* не могли составлять *testamenta* даже съ разрѣшенія опекуна. Женщины первоначально равнымъ образомъ были лишены права дѣлать *testamenta*; этимъ думали охранить интересы ихъ *heredes legitimi*. По исключенію могли составлять завѣщанія *libertae* и тѣ *ingenuae*, которыя понесли *capitis diminutio*, именно подпали подъ *manus mariti*, а потомъ черезъ *remancipatio* и *manumissio* дѣлались *personae sui juris*. Выйдя изъ подъ опеки агнатовъ подъ опеку своего *manumissor'a*, который вмѣстѣ съ тѣмъ почитался и ея законнымъ *heres*, женщины уже могли съ *auctoritas postrema*, совершать свои завѣщанія. Адрианъ прямо постановилъ что *всѣ женщины* могутъ составлять завѣщанія съ разрѣшенія ихъ опекуновъ, причемъ, въ случаѣ отказа опекуна дать свою *auctoritas*, онъ, по жалобѣ женщины м. б. принужденъ къ этому судомъ. Мало того, преторскій эдиктъ (*ed. perpetuum*) сталъ давать *bonorum possessio secundum tabulas* по завѣщаніямъ женщинъ, составленнымъ безъ *auctoritas* попечителя; но только такая *bonorum possessio* была *sine re* по отношенію къ *legitimi heredes*. Съ отмѣной опеки надъ женщинами всѣ эти ограниченія прекратили свое существованіе, и Юстиніанъ, въ области *testamenti factio*, уравнивалъ женщинъ съ мужчинами.

Что касается *области ограниченія свободы завѣщательныхъ распоряженій*, то здѣсь Юстиніаномъ были установлены нѣкоторыя новыя правила относительно размѣра *portio legitima*, а равно касательно послѣдствій нарушенія правилъ о законной долѣ.

Въ этомъ отношеніи Юстиніанъ прежде всего возвысилъ размѣръ *portio legitima* лицамъ, которымъ ее должно было оставить, до половины ихъ законной доли, если она составляла меньше $\frac{1}{4}$ всего наслѣдства, и до $\frac{1}{3}$, если болѣе четверти. Вмѣстѣ съ тѣмъ было постановлено, что *quaerela inofficiosi testamenti* имѣеть мѣсто лишь когда интересенту не было ничего завѣщано; если же послѣдній хотя что-либо получалъ по завѣщанію, онъ не могъ уже требовать уничтоженія завѣщанія по такой *quaerela*, а лишь былъ въ правѣ путемъ *actio suppletoria* (или *ad supplendam legitimam*) просить судъ о пополненіи своей *portio legitima* до нормы.

Полную реформу правилъ о необходимомъ наслѣдованіи далъ Юстиніанъ въ своей 115 новеллѣ.

По правиламъ этой новеллы нисходящіе и восходящіе не только имѣли право на означенную *portio legitima*, но ихъ должно было назначать наслѣдниками. Лишеніе наслѣдства и обходъ теперь приравнены другъ къ другу и могли имѣть мѣсто лишь въ точно ука-

занныхъ въ самой 115-й новеллѣ случаяхъ, которыхъ было исчислено здѣсь, основанныхъ на особенно грубомъ нарушеніи долга къ завѣщателю,—для нисходящихъ 14 и для восходящихъ—восемь.

Послѣдствіемъ нарушенія при составленіи завѣщанія этихъ правилъ Nov. 115 является уничтоженіе завѣщанія въ той его части, гдѣ говорится о назначеніи наследниковъ, и открытіе наследованія *ab intestato*; но прочія части *testamenta* (легаты, назначеніе опеки и т. д.) оставались въ силѣ.

Крупныя реформы установлены были законами императорскаго періода въ области наследованія *ab intestato*. Въ этой области, продолжая тенденцію преторскаго эдикта, въ смыслѣ обособленія индивида изъ области агнатическихъ узъ и возвышенія значенія кровной когнатической связи, императоры прежде всего озаботились объ установленіи болѣе точныхъ правилъ касательно порядка наследованія между дѣтьми и матерью ихъ. Съ этой цѣлью было издано два сенатскихъ указа при Адрианѣ и Маркѣ Авреліи, а именно:

1) *Senatusconsultum Tertullianum* (при Адрианѣ) призналъ мать наследницей дѣтей, если послѣ нихъ не оставалось ни ихъ нисходящихъ, ни отца. Если у умершаго сына оставались только единокровныя сестры, то мать наследовала наравнѣ съ ними. Наконецъ, мать имѣла преимущество передъ всѣми восходящими. Первоначально эти правила *senatusconsultum Tertullianum* относились только къ женщинамъ, имѣвшимъ не менѣе трехъ дѣтей (*ius liberorum*); но императоры могли признавать это условіе излишнимъ. Этимъ указомъ такимъ образомъ матери были поставлены въ разрядъ *unde legitimi* преторскаго права, тотчасъ послѣ отца и единокровнаго брата.

2) *Senatusconsultum Orphitianum* (178 г. по Р. Хр.) узаконилъ право наследованія дѣтей послѣ матери въ классѣ *unde legitimi*. При этомъ не дѣлалось различія между законными и незаконными дѣтьми; тѣ и другіе получали наследство послѣ своей матери предпочтительно передъ всѣми родственниками.

Велѣдъ за этими *senatusconsulta* послѣдовала цѣлѣй рядъ императорскихъ конституцій, которыми все болѣе расширялись права когнатовъ путемъ установленія въ ихъ пользу разныхъ льготъ, въ цѣляхъ устраненія агнатовъ отъ наследованія. Эта послѣдняя цѣль и была достигнута въ концѣ концовъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ система наследованія *ab intestato* была установлена такая сложная и запутанная, что Юстинианъ, уже послѣ изданія *Corpus juris civilis*, рѣшилъ ее специально переработать. Это и было сдѣлано посредствомъ правилъ о новомъ порядкѣ наследованія *ab intestato*, опубликованныхъ въ новеллахъ 118 и 127-й.

Въ силу новаго порядка наслѣдованія по этимъ новелламъ теперь стали призываться только одни когнаты, безъ различія пола, въ порядкѣ ихъ близости къ умершему. Всѣ наслѣдники были раздѣлены на 4 класса; причѣмъ каждый классъ исключалъ дальнѣйшій, пока въ немъ были наслѣдники. Между классами установлена *successio ordinum*, т. е. наслѣдство, не приобрѣтенное наслѣдниками одного класса, открывалось наслѣдникамъ слѣдующаго класса. Затѣмъ въ каждомъ классѣ было установлено *successio graduum*, т. е. наслѣдство, не приобрѣтенное ближайшимъ родственникомъ, переходило къ слѣдующимъ по близости въ томъ же классѣ.

Классы эти были слѣдующіе:

1) *Нисходящіе* умершаго; здѣсь раздѣлъ наслѣдства производился *in stirpes*; имѣло мѣсто *право представленія*, т. е. дѣти ранѣе умершаго сына или дочери *заступали* мѣсто послѣднихъ и всѣ сообща получали ихъ долю наслѣдства.

2) За отсутствіемъ нисходящихъ, призывались ближайшіе по степени родства *восходящіе* умершаго, *полнородные* братья и сестры его и дѣти ранѣе умершихъ братьевъ и сестеръ. Раздѣлъ происходилъ *in capita*; только дѣти ранѣе умершаго брата получали всѣ его долю (право представленія).

3) За отсутствіемъ наслѣдниковъ въ первыхъ двухъ классахъ, призывались *неполнородные* (сводные) братья и сестры умершаго и, по праву представленія, дѣти умершихъ неполнородныхъ братьевъ и сестеръ.

4) Если и этихъ не было, призывались остальные *боковые родственники*; причѣмъ ближайшая степень исключала дальнѣйшую, а одинаково близкіе по родству къ умершему дѣлили *hereditas per capita*.

5) Если родственниковъ не было, призывался *пережившій супругъ*; однако *бѣдная вдова* могла во всякомъ случаѣ, и при другихъ *heredes*, требовать себѣ $\frac{1}{4}$ наслѣдства.

Если послѣ наслѣдодателя никто не дѣлался *heres*, ни *ex testamento*, ни *ab intestato*, то наслѣдство признавалось *выморочнымъ* — *bona vacantia*; причѣмъ по *lex Julia et Papia Pappaea bona vacantia* доставались римской казнѣ, становившейся *ipso jure* универсальной пріемницей умершаго. Позднѣе нѣкоторые юридическія лица присвоили себѣ это право на *bona vacantia* своихъ членовъ (таковы корпораціи корабельщиковъ, церкви, монастыри и др.).

По общему правилу права, каждый могъ принять наслѣдство или отказать отъ него. Однако въ Римѣ было двѣ категоріи наслѣдниковъ; однимъ изъ нихъ предоставлялось право отказать отъ *hereditas*, другимъ было неизбѣжно вступленіе въ наслѣдство (*heredes necessarii*).

Такими обязательными наследниками, даже против их воли, были въ старину всё *domestici heredes*, т. е. тѣ, которые входили въ составъ сложной семьѣ въ моментъ смерти домовладыки. Подобно тому какъ эти лица становились съ момента смерти домовладыки *sui juris*, независимо отъ своего желанія, такъ же точно дѣлались они, независимо отъ своего желанія, наследниками. Въ этомъ правилѣ еще очевидно наблюдается старое воззрѣнiе на *hereditas*, какъ на естественный переходъ *familia* изъ управления одного домовладыки къ другому, когда *familia* еще заслоняла собою личность индивида, и наблюдалось не наследованiе *лица*, а дробленiе сложной семьи на нѣсколько новыхъ. Съ развитiемъ свободы завѣщательныхъ распоряженiй домовладыка могъ путемъ *exhereditatio* освободить своихъ нисходящихъ отъ наследованiя; но разъ *exhereditatio* не было, *suus* становился *ipso jure* наследникомъ отвѣчающимъ по всемъ долгамъ умершаго.

Становясь *ipso jure* наследникомъ, *heres domesticus* не могъ по *jus civile* оградить себя отъ невыгодъ наследства, когда пассивъ послѣдняго былъ много выше актива. Желая устранить этотъ *rigor juris*, преторы пошли на помощь необходимымъ наследникамъ, предоставивъ имъ возможность воздержаться отъ наследства (*beneficium abstinendi*), благодаря чему, они уже не были обязаны отвѣчать по долгамъ наследодателя, какъ если бы они не были *heredes*; хотя *de jure* и здѣсь *domestici* продолжали считаться за наследниковъ по *jus civile*.

Благодаря этому *beneficium abstinendi*, необходимыми наследниками въ Юстиниановомъ правѣ, не имѣющими такого *beneficium'a*, остались лишь рабы, если наследодатель назначалъ ихъ наследниками *cum libertate*.

Если наследникъ выразилъ такъ или иначе свою волю вступить въ наследство (*aditio hereditatis*) т. е. словеснымъ заявленiемъ или фактически—такое его вступленiе почиталась актомъ безповоротнымъ. Послѣдствiемъ принятiя наследства являлось полное слитiе личнаго имущества наследника съ тѣмъ, которое получено имъ по наследству. *Heres* становился представителемъ *familiae defuncti*, заступалъ мѣсто умершаго въ качествѣ собственника, кредитора, должника и т. п., словомъ, въ имущественномъ отношенiи, начиная съ момента смерти наследодателя, *heres* заступалъ личность умершаго. Въ результатъ такого слитiя личностей и имущества послѣдствiя вступленiя въ наследство легко могли оказаться очень плачевны для *heres*, если отвѣтственность по долгамъ наследодателя превышала наследственный активъ. Въ этомъ отношенiи облегченiе для *heres* было установлено только при Юстинианѣ, когда наследнику было предоставлено право составить въ теченiи 3 мѣсяцевъ со дня открытiя наследства опись остав-

шагося имущества; опись эта, скрѣпленная подписями свидѣтелей и должностнымъ лицомъ, указывала размѣръ наслѣдственного актива и освобождала наслѣдника отъ обязанности платить по наслѣдственнымъ долгамъ выше этой суммы актива (*beneficium inventarii*).

Въ тѣхъ случаяхъ, напротивъ, когда *hereditas* (выгодная) попала въ руки совершенно задолжавшаго *heres*, наслѣдственные кредиторы, въ свою очередь, могли требовать, чтобы наслѣдственная масса была обособлена отъ личного имущества наслѣдника на время, пока изъ нея не будутъ удовлетворены претензіи наслѣдственныхъ кредиторовъ (*beneficium separationis*).

О т к а з ы.

Завѣщательные отказы, въ обширномъ смыслѣ слова, суть тѣ завѣщательныя распоряженія, при помощи которыхъ имущество наслѣдодателя переходило къ другому лицу черезъ посредство наслѣдника.

Основной формой такихъ распоряженій былъ *legatum* — завѣщательный отказъ въ собственномъ смыслѣ слова. Легаты были извѣстны уже закономъ XII таб., по которымъ домовладыкѣ было предоставлена полная свобода установленія легатовъ на *resunia*. Первоначально однако легаты могли быть установлены только въ самомъ завѣщаніи (по *nuncupatio*) и совершаемы исключительно въ пользу лицъ способныхъ быть и наслѣдниками (т. е., напр., нельзя было дать легата peregrинамъ). Устанавлились легаты въ точно выработанныхъ формальныхъ словахъ при *nuncupatio*; причемъ съ теченіемъ времени были созданы четыре формулы для установленія легатовъ, по которымъ самые легаты имѣли разную юридическую судьбу. Формы эти были:

1) *Legatum per vindicationem*—Этотъ легатъ устанавливался употребленіемъ выраженій *do, lego* (напр., „*Lucio Titio fundum meum Cornelianum do, lego*“). Такимъ образомъ предметы предоставлялись въ непосредственное распоряженіе легатарія, становившагося тѣмъ самымъ и собственникомъ ихъ (или управомоченными на сервитутъ), получая въ защиту своихъ правъ *rei vindicatio* (отсюда и самое названіе такого легата).

2) *Legatum per damnationem*, назначался въ словахъ— „*heres meus l. Tutio C dare damnas esto*“. Въ силу этого легата между *heres* и *legatarius* возникала *obligatio quasi ex contractu*, требовать удовлетвореніе по которой легатарій могъ, примѣняя *actio ex testamento*,

осуществлявшуюся въ періодъ легисакціоннаго процесса путемъ l. a. per manus injectionem.

3) *Legatum sinendi modo*, онъ назначался въ словахъ— „Heres meus damnas esto mensam argenteam *sumere* sibi que habere“, здѣсь наслѣдникъ обязанъ былъ лишь не препятствовать легатарію взять къ себѣ легированную ему вещь.

4) *Legatum per praeseptionem*—Онъ назначался словомъ *praescipito*. Точный смыслъ этого легата было споренъ у самихъ юристовъ классическаго періода. Такъ Сабиніанцы утверждали, что этотъ легать предоставляющій легатарію извѣстную вещь „впередъ“, возможенъ только въ пользу одного изъ сонаслѣдниковъ, которому такимъ способомъ выдѣлялись вещи не въ счетъ его наслѣдственной доли; Прокуліанцы, напротивъ, признавали такой легать допустимымъ и въ пользу третьихъ лицъ, не только наслѣдниковъ, и считали этотъ легать видомъ легата per vindicationem.

Первоначально при господствѣ формализма въ правѣ вообще, а въ наслѣдственномъ правѣ въ особенности, строго слѣдили за соблюденіемъ формы легата и соответствія формы этой съ дозволеннымъ подъ ней содержаніемъ. По этому малѣйшая ошибка въ примѣненіи должной формы легата (напр. легируется per vindicationem вещь, не находящаяся въ собственности завѣщателя), а тѣмъ болѣе нарушеніе формы, влекли за собою недействительность самаго легата. Уже много позднѣе, именно только при Неронѣ, была смягчена эта суровость формализма, и по *Senatus consultum Neronianum* было признано, что въ случаѣ ошибки въ формѣ, легать д.б. разсматриваемъ какъ *legatum per damnationem*, а закономъ Константина, Констанція и Констанца было дозволено устанавливать легаты въ любой формѣ. Еще раньше сенатскаго указа Нерона практика выработала (вѣроятно, во время, или немного позднѣе, возникновенія письменныхъ *testamenta* преторскаго права) составленіе легатовъ не въ словесной, а въ письменной формѣ, именно въ *кодициллѣ*. Тамъ называлось составленное въ письменной формѣ безъ свблуденія какихъ-либо формальностей, распоряженіе наслѣдодателя на случай смерти, безъ *institutio heredis*. При этомъ для признанія дѣйствительности легата, оставленнаго въ *кодициллѣ*, требовалось только одно, именно чтобы *heres* упомянулъ объ этомъ *кодициллѣ* въ своемъ завѣщаніи (*codicillus confirmatus*).

Предметомъ легата могли быть не только отдѣльныя вещи, но даже все имущество наслѣдодателя или часть наслѣдства *pro indiviso*. Такой отказъ наслѣдства устанавливался путемъ *partitio* или *legatum partitionis*; причемъ первоначально *всего* наслѣдства легировать не дозволялось, и всегда нужно было часть *hereditas* оставить наслѣдни-

ку. Въ силу *legatum partitionis* легатарій по *actio ex testamento* получалъ право требовать съ наслѣдника выдачи ему легированной части *изъ наслѣдственнаго актива* ($1/2$, треть наслѣдства и т. д.) При этомъ по долгамъ наслѣдодателя отвѣчалъ только *heres*, а не легатарій.

Первоначально завѣщатель (какъ и при составленіи завѣщанія) имѣлъ полную свободу въ назначеніи легатовъ, при помощи которыхъ. могъ раздать (по частямъ) весь наслѣдственный активъ, или оставить наслѣднику лишь ничтожную долю изъ послѣдняго.

Желая охранить интересы наслѣдниковъ, съ одной стороны, а съ другой, предупредить частые случаи отказа наслѣдниковъ, при такихъ условіяхъ, отъ невыгодныхъ для нихъ наслѣдствъ, что влекло за собою крушеніе и легатовъ, и переходъ наслѣдствъ *ab intestato*, законодательство Рима установило рядъ мѣръ, направленныхъ на то, чтобы и при легатахъ въ распоряженіи наслѣдника все же оставалась достаточная доля изъ имущества наслѣдодателя. Первымъ по времени правиломъ, ограничивавшимъ свободу легатовъ былъ, *lex Furia Testamentaria* (вѣроятно конца II в. до Р. Хр.); закономъ этимъ было дозволено легатарію получать по легату не болѣе 1000 ассовъ; если же кто бралъ болѣе, тотъ долженъ былъ уплатить наслѣднику штрафъ въ четверномъ размѣрѣ полученнаго излишка.

Жизнь скоро показала, что *Lex Furia* не достигъ той цѣли, ради которой былъ изданъ, ибо путемъ *ряда* легатовъ по 1000 ассовъ наслѣдодатель все равно могъ оставить своему наслѣднику лишь одно *inane nomen heredis*. Поэтому въ 169 году до Р. Хр. былъ изданъ *lex Voconia*. Запретивъ женщинамъ быть наслѣдницами по завѣщаніямъ гражданъ перваго класса, законъ этотъ далѣе предписалъ, что никто не могъ по легату получить болѣе, чѣмъ получалъ самъ наслѣдникъ. Этотъ законъ былъ уже ближе къ цѣли; хотя и здѣсь массовое назначеніе легатовъ могло сдѣлать наслѣдственную долю ничтожнаго размѣра. Твердыя и ясныя правила, хорошо ограждающія интересы наслѣдниковъ, были даны только по *lex Falcidia* (40 г. до Р. Хр.), по смыслу котораго въ распоряженіи наслѣдника *всегда* должна была оставаться одна четвертая часть наслѣдства (*quarta Falcidia*); такимъ образомъ теперь наслѣдникъ по завѣщанію сталъ имѣть какъ бы свою *portio legitima*, которой лишить его было нельзя. Правило о *quarta Falcidia* примѣнялось въ римскомъ правѣ до изданія Юстиніаномъ своей первой новеллы, которая разрѣшила завѣщателю указывать въ тестаментѣ, чтобы къ послѣднему *не примѣнялись* правила о *quarta Falcidia*.

Фидеикомиссы.

Сравнительныя ограниченія, которыми были обставлены легаты, каковы, напр., необходимость завѣщанія и упоминанія въ немъ о кодициллѣ, допустимость легата лишь въ пользу *cives*, а для гражданъ I класса—лишь въ пользу мужчинъ (*lex Voconia*)—все это вызвало на свѣтъ еще болѣе свободную форму отказовъ—именно *фидеикомиссы*.

Фидеикомиссомъ называлось неформальное обращеніе наслѣдодателя къ своему наслѣднику—по закону или по завѣщанію—безразлично, съ просьбой сдѣлать извѣстную выдачу въ пользу опредѣленнаго лица. Какимъ путемъ было выражено такое порученіе—словесно или въ кодициллѣ—тоже было безразлично. Такія просьбы сначала вовсе не обязывали наслѣдниковъ; да и наслѣдодатель, сознавая это, просто полагался на совѣтъ наслѣдника: *fidei ejus committebat*,—отсюда самое названіе *fidei commissum*. Такія свободныя отъ всякихъ формальностей и допустимыя въ отношеніи и къ peregrinamъ, и къ женщинамъ *fideicommissa* примѣнялись уже въ республиканскій періодъ. Законная охрана ихъ появилась лишь съ Августа, предписавшаго консуламъ разбирать въ порядкѣ *extra ordinem* дѣла о фидеикомиссахъ. Поздѣе (при Клавдіѣ) фидеикомиссы стали вѣдать два специальныхъ претора (*praetores fideicommissarii*), а въ провинціяхъ—провинціальныя наместники.

Результатомъ защиты и признанія неограниченной свободы фидеикомиссовъ явились тѣ же послѣдствія, что и указанія выше—при легатахъ. вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ видъ отказовъ сталъ служить римлянамъ преимущественно для обхода правилъ закона, запрещавшихъ дѣлать распоряженія *mortis causa* въ пользу извѣстныхъ лицъ (peregrины, женщины, напр., а равно холостые и бездѣтные послѣ *lex Julia et Papia Poppaea* и т. п.), или для лишенія наслѣдника актива наслѣдства. Въ результатѣ пришлось издать рядъ новыхъ законоположеній, ограничившихъ свободу установленія фидеикомиссовъ. Такъ по *oratio Hadriani* было постановлено отбирать въ казну фидеикомиссы, оставленный peregrину, и считать ничтожнымъ фидеикомиссы, назначенный для *persona incerta*. При Веспасіанѣ въ I в. по Рождествѣ Хр. по

S. C. Pegasianum на фидеикомиссы были распространены правила закона Юлія и Папія Пуппеа относительно ограниченной *coelibes* и *orbi*, равно какъ положенія о *quarta Falcidia*—для наслѣдниковъ *ex testamento*. То же правило о *quarta Falcidia* было распространено на *heres ab intestato* при Антонинѣ Піѣ. Наконецъ, Юстиніанъ совершенно объединилъ фидеикомиссы съ легатами, установивъ, что и тѣ и другіе д. имѣть во всемъ совершенно одинаковыя юридическія послѣдствія (531 г. по Р. Хр.).

Посредствомъ фидеикомиссовъ можно было передавать всевозможныя цѣнности и вещи; мало того, дозволялось путемъ фидеикомиссовъ просить наслѣдниковъ о выдачѣ всего или части наслѣдства (*fideicommissum hereditatis*). Первоначально при этомъ однако путемъ такого универсальнаго фидеикомисса не создавалось универсальнаго преемства. *Heres fiduciarius* могъ и долженъ былъ передать фидеикомиссару всѣ права и весь активъ наслѣдства, самъ же какъ *heres* продолжалъ отвѣчать по наслѣдственнымъ долгамъ. Для освобожденія отъ послѣднихъ *heres fiduciarius* обыкновенно, передавая наслѣдственный активъ фидеикомиссару особыми; стипуляціями обязывалъ послѣдняго вознаграждать его, *heres fiduciarius*, за всѣ платежи, какіе ему придется совершить по наслѣдственнымъ долгамъ.

Такимъ образомъ и универсальный фидеикомиссаръ не считался за *heres*. Только по *S. C. Trebellianum* (56 г. по Р. Хр.) признано было излишнимъ установленіе особыхъ стипуляцій для переноса отвѣтственности по пассиву наслѣдства на фидеикомиссара, котораго теперь по закону признали отвѣтственнымъ передъ кредиторами наслѣдодателя, въ размѣрѣ соотвѣтственно полученной имъ доль изъ наслѣдства. Это правило было подтверждено Юстиніаномъ, и такимъ образомъ *fideicommissum hereditatis* былъ приравненъ къ *hereditas*.

Donationes mortis causa. Къ группѣ отказовъ можно причислять еще случай такъ называемыхъ *дареній на случай смерти*. Основной формой здѣсь служило дареніе такого типа: собственникъ дарилъ свое имущество подъ условіемъ, если онъ или указанное имъ лицо (напр. сынъ) умрутъ прежде одареннаго. Каждое такое дареніе представляло собою договоръ т. е., для его совершенія необходимо принятіе его со стороны одаряемаго (чего не было при легатахъ, которые были одностороннимъ изъявленіемъ воли); равнымъ образомъ въ отличіе отъ легатовъ такое дареніе осуществлялось въ моментъ смерти дарителя, послѣдовавшей ранѣе смерти одареннаго, и для его дѣйствительности не требовалось наступленія наслѣдованія.

Въ виду однако большаго сходства *donatio mortis causa* съ легатами, на него были распространены многія правила, установленныя для легатовъ, такъ здѣсь имѣли примѣненіе *lex Furia*, *lex Vocolia*, *lex Falcidia*, *lex Julia et Papia Poppaea*; въ то же время Юстиніанъ освободилъ эти даренія, (когда они превышали 500 солидовъ) отъ обязательной *insinuatio*, предписавъ въ то же время совершать ихъ передъ 5 свидѣтелями, въ формѣ, данной имъ для составленія кодициловъ вообще. Будучи независимо отъ завѣщанія, дареніе получало силу, хотя бы наслѣдство и не было принято.

СПбГУ

ОГЛАВЛЕНІЕ I-Й ЧАСТИ.

I.

Внѣшняя исторія права.

I.

Періодъ царей.

	Страницы.
<i>Римъ, его происхождение и исторія.</i> —Топографія Апеннинскаго полуострова; составъ населенія. Возникновеніе Рима.	1—7.
<i>Внутренняя организація населенія:</i> gens, кліентела, семья.	
<i>Политическое устройство Рима;</i> плебеи; управленіе: царь, его избраніе, помощники царя; сенатъ, народныя собранія.	7—13.
<i>Такъ называемая реформа Сервія Туллія;</i> группировка народа по центуріямъ и классамъ, comitia centuriata. Территорія, финансы Рима въ царскій періодъ.	13—17.
<i>Религія; ея роль въ правѣ,</i> жрецы и ихъ коллеги; понтифы, авгурь, феціалы, ихъ роль въ созданіи права.	17—21.

II.

Римъ-республика.

Переходъ къ новому строю правленія. <i>Территорія;</i> римская община, ея правовое положеніе; Римъ, его топографія. Отношеніе Рима къ другимъ общинамъ: а) въ предѣлахъ Италіи, б) въ провинціяхъ.	21—25.
<i>Плебеи и борьба за права.</i> Новые классы общества: нобилы, всадники, плебей, вольноотпущенники.	25—33.
<i>Управленіе.</i> Народныя собранія, ихъ виды, составъ и организація, порядокъ созыва комицій. Сенатъ, его составъ, порядокъ собраній, компетенція сената. <i>Магистратура;</i> условіе и порядокъ назначенія, отличительныя особенности; различіе магистратовъ по объему полномочій. Отдѣльныя магистраты: консулы, трибуны, преторы, адилы, цензоры, viginti sex viri; mecenarii; промагистратура.	33—43

Финансовая система республиканскаго Рима; подати и налоги; государственные расходы, монетная система. *Народное хозяйство*; землевладѣніе; аграрный вопросъ; земельный переделъ и Гракхи. Борьба союзниковъ за права. Паденіе республики. 43—51.

III.

Эпоха принципата.

Постепенное ослабленіе республиканскихъ властей первыми императорами. Дуализмъ государственнаго управленія. *Внутренняя организація населенія имперіи*. Сословія; мѣстное управленіе. Управленіе Римомъ и Италіей; реформа мѣстнаго управленія. Провинціи, ихъ устройство и управленіе; *cultus caesaris*. Значеніе рах гомала для культуры; *romanitas*. 52—65.

Управленіе. Императоръ; его юридическое положеніе; prerogative власти принцепа. *Consilium principis*. Сенатъ; усиленіе его государственнаго значенія императорами. Народныя собранія. Магистраты; судьба ихъ въ дѣлѣ служенія государству. Императорскіе чиновники. Войско, его составъ. Финансы Рима и государственное хозяйство; монетное дѣло, почта. Народное хозяйство. Унадокъ нравовъ и смѣшеніе религій. Борьба противъ вырожденія. Законы Юлія и Пація Понпея. Воспитательные дома. 65—75.

IV.

Періодъ абсолютизма.

Реформы Діоклетіана. Юридическое положеніе старыхъ республиканскихъ учреждений. Императоръ; общій характеръ его власти. Управленіе имперіей. Организація чиновниковъ по реформѣ Діоклетіана. Табель о рангахъ. Черты отличія чиновниковъ отъ республиканскихъ магистратовъ. *Dignitates palatinae, civiles, militares*. Управленіе Римомъ и Константинополемъ. Города. Провинціальное управленіе. 75—81.

Сословія. Ихъ наследственность. Отдѣльныя сословія: сенаторское, горожане, рабочіе, военные. Сельское хозяйство и сельскіе классы населенія. Колоны; происхожденіе и юридическое положеніе колоновъ, леты. 81—86.

Финансовый строй имперіи; *ager sacra* и *ager privata*; расходы и доходы казны. Монетная система. Христіанство и церковь; византизмъ. Епископы и ихъ юридическое значеніе въ области управленія и суда. Вліяніе христіанства на правовую сферу. 86—92.

Исторія источниковъ права.

Страницы.

- Повятіе о законѣ и обычаяхъ. Роль закона и обычая въ римскомъ правѣ. *Jus* и *fas*. Составленіе и собираніе нормъ права. Понтифы какъ творцы и хранители права. *Leges regiae*. Законы XII таблицъ; ихъ исторія, общій характеръ и значеніе для римскаго права. Республиканскіе законы. *Jus honorarium*. Роль преторовъ въ созданіи права; ихъ дѣятельность *adjuvandi, supplendi, emendandi juris civilis gratia*. Эдикты магистратовъ и ихъ значеніе какъ источника права. *Jus gentium*. *Senatus consulta*. Конституціи императоровъ, какъ новый источникъ права 92—103.
- Кодификація*. Частныя попытки кодификаціи. Кодексы. Грегориана и Гермогеніана. Феодосіевъ Кодексъ. *Leges barbarorum*. Рямско-Сирійская книга законовъ. Кодификаціонныя работы Юстиніана. *Codex vetus, Digesta, Institutiones, Quinquaginta decisiones, Codex repetitae praelectionis, Novellae, Corpus juris civilis*. . . . 103—108.
- Юриспруденція*. Роль судебныхъ рѣшеній въ созданіи права. Практическая дѣятельность юристовъ (*respondere, cavere agere*). Теоретическіе труды отдѣльныхъ юристовъ конца республики. Расцвѣтъ юриспруденціи съ начала императорскаго періода. Школы юристовъ. Прокуліанцы и Сабиніанцы. Отдѣльные юристы времени приципата: Палиніанъ, Павель, Ульпіанъ, Модестинъ. Упадокъ юриспруденціи въ абсолютно монархическій періодъ. Юридическая литература императорскаго періода. Систематическіе труды юристовъ: институты, *regulae, definitiones*, монографіи, *responsa*. Сочиненія не юристовъ, какъ источникъ права. Преподаваніе права въ императорскій періодъ. 108—117.

ОГЛАВЛЕНИЕ II-Й ЧАСТИ.

III

Гражданскій процессъ.

Страницы

Понятіе о гражданскомъ процессѣ. Существо и виды защиты правъ. Самоуправство и самозащита. Судебная защита права. Основныя начала римскаго судоустройства и судопроизводства. Дѣленіе процесса на двѣ стадіи—in jure и in judicio 1—7

Судопроизводство. Формы процесса; legis actiones. Отличительныя черты и формы легисакціоннаго процесса. Процессъ in jure. Legis actio sacramenti in rem и in personam. Порядокъ производства ихъ. Legis actiones: per judicis arbitrive postulationem, per pignoris capionem, per manus iniectionem; значеніе послѣдняго, какъ исполнительнаго производства; порядокъ взысканія по законамъ XII таблицъ. L. a. per condictionem. Litis contestatio. Процессъ in judicio Sententia judicis 7—15

Формулярный процессъ. Исторія его возникновенія и развитія. Черты отличія отъ легисакціоннаго производства. Формула. Составныя части формуль: intentio, condemnatio, form arbitraria; demonstratio, adjudicatio. Exceptioes praescriptiones. Виды формуль или исковъ. Иски вещныя и личныя; actiones in jus, in factum conceptae; фикціи. Иски съ перестановкой субъекта. Ходъ формулярнаго процесса; interrogationes in jure; litis contestatio. Производство in judicio; послѣдствія plus petitio. Постановленіе рѣшенія и порядокъ его исполненія 15—29

Преторскія cognitiones extra ordinem. Интердикты Цѣль и случаи ихъ выдачи. Порядокъ интердиктнаго производства. Stipulationes praetoriae. Missiones in possessionem. In integrum restitutiones 29—33

Императорскій экстраординарный процессъ. Исторія его возникновенія и развитія. Черты отличія этого производства отъ формулярнаго процесса. Порядокъ процесса, вызовъ на судъ; разборъ дѣла. Рѣшеніе и его исполненіе. Процессъ по рескриптамъ. Либеллярное производство. 33—36

Исторія гражданского права.

Страницы

- Право лицъ.* Понятіе о persona и status. Status libertatis. Рабство и свобода. Установленіе и прекращеніе рабства. Положеніе рабовъ. Manumissiones. Полусвободные. Status civitatis. Cives optimo jure; ихъ права. Latini; latini Juniani. Peregrini, Dediticii. Вольноотпущенники. Status familiae. Понятіе о сложной семьѣ и семьѣ естественной. Лица sui et alieni juris. Родство; agnatio и cognatio. Юридическія лица. 37—48
- Семейное право.* Бракъ. Понятіе о немъ и необходимости условія при заключеніи брака. Iustae nuptiae; matrimonium iure juris gentium. Конкубинатъ; contubernium. Бракъ cum manu; способы его заключенія и особенности; даренія между супругами; dos. Юридическое положеніе жены въ бракъ cum manu и sine manu. *Дѣти.* Понятіе о законныхъ дѣтяхъ. Узаконеніе; усыповленіе, arrogatio и adoptio. Patria potestas; ея содержаніе. Личныя отношенія родителей и дѣтей. Ихъ имущественныя отношенія; peculium. Прекращеніе patria potestas 48—59
- Опека и попечительство.* Понятіе о нихъ. Tutela. Понятіе и виды опеки. Способы назначенія опекуновъ; ихъ права и обязанности. Опека надъ женщинами. Прекращеніе опеки. Cura. Понятіе попечительства и черты отличія отъ опеки. Cura minorum XXV annorum 59—63
- Вещныя права.* Объекты правъ. Дѣленіе вещей какъ объектовъ правъ. Исторія развитія вещныхъ правъ. Виды вещныхъ правъ и ихъ взаимное различіе. *Право собственности.* Историческія формы права собственности. Dominium ex jure quiritium. Понятіе о немъ. Субъекты и способы приобрѣтенія квинтиской собственности. Собственность перегиновъ. Собственность на praedia provincialia. Преторская (бонитарная) собственность. Actio Publiciana. Способы приобрѣтенія собственности по классическому римскому праву: а) приобрѣтеніе собственности на вещи, никому не принадлежащія; б) овладѣніе посредствомъ своихъ вещей, недвижимыхъ и движимыхъ; specificatio; в) овладѣніе чужими вещами по давности и traditio. Защита права собственности; rei

vindicatio; actio negatoria. *Сервитуты*. Понятіе; исторія ихъ развитія. Виды сервитутовъ: а) вещные—городскіе и сельскіе сервитуты; б) личныя сервитуты. Установленіе и прекращеніе сервитутовъ. Защита сервитутнаго права. *Superficies. Jus in agro vectigali. Emphyteusis. Залоговое право*. Понятіе и постепенный ходъ развитія этого института. *Владѣніе*. Понятіе и виды владѣнія. Possessio и detentio. Условія приобрѣтенія possessio. Защита possessio; interdicta retinendae, recuperandae possessionis 63—87

Обязательственныя права. Понятіе объ обязательствахъ; предметъ обязательства. Основанія возникновенія обязательствъ. Отдѣльные виды обязательствъ: *обязательства договорныя*; особенности обязательствъ договорныхъ древняго права. Способы заключенія договоровъ по jus civile—nexum, stipulatio, contractus litterales. *Договоры juris gentium*. Contractus reales: mutuum, commodatum, depositum, contractus pignoratitius. Contractus innominati. Contractus consensuales; emptio—venditio, locatio—conductio, societas, mandatum. Pacta: понятіе и виды pacta. Obligationes naturales 87—108

Обязательства изъ правонарушеній. Понятіе правонарушенія; crimina publica delicta privata. Виды обязательствъ ex delicto по законамъ XII таблицъ и по позднѣйшему праву. Obligationes quasi ex delicto 108—113

Наслѣдственное право. Понятіе наслѣдства. Развѣтїе идеи наслѣдственнаго преемства. Виды наслѣдованія ab intestato и ex testamento. Порядокъ наслѣдованія въ сложной семьѣ при господствѣ союзовъ родственной и родовой защиты. Наслѣдованіе въ сложной семьѣ. Sui heredes. Порядокъ призванія къ наслѣдству по законамъ XII таблицъ. Наслѣдованіе ex testamento въ его древнѣйшемъ видѣ. Преторская система наслѣдованія. Testamenti factio. Bonorum possessio. Преторскій порядокъ призванія ab intestato и ex testamento. Bonorum possessio contra tabulas. Основныя черты императорскаго законодательства касательно наслѣдованія ex testamento и ab intestato. Ограниченія свободы завѣщательныхъ распоряженій: testamenti factio. Реформы наслѣдованія ab intestato. Правила sc'овъ Тер-

тулліана и Требелліана. Порядок призванія ab intestato по новелламъ 118 и 127-й. Heredes necessarii. Послѣдствія принятія наслѣдства. Отказы; легаты; понятіе и виды легатовъ. Ограниченія въ размѣрѣ легатовъ. quarta Falcidia. Фидеикомиссы. Donationes mortis causa	113—132
--	---------

СПбГУ